

Карельский научный центр
Российской академии наук
Институт языка, литературы и истории

**ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ
НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ
(МЕЗОЛИТ – СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)**

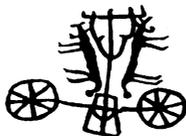
Петрозаводск
2006

УДК 39(470.22)
ББК 63.5(2)

**ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ
КАРЕЛИИ (МЕЗОЛИТ – СРЕДНЕВЕКОВЬЕ).** Сборник статей. Петро-
заводск: Карельский научный центр РАН, 2006. 353 с.: ил. 15, библиогр.
569 назв.

Ответственные редакторы:
С. И. Кочуркина, М. Г. Косменко

Рецензенты: ***Е. И. Клементьев, С. В. Кузьминых***

*Издание подготовлено и опубликовано в рамках
программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии:
Археология, этногенез и этнокультурная история
народов Евразии в древности и Средневековье».
2003–2005 гг.*

ISBN 5-9274-0219-4

© Коллектив авторов, 2006
© Институт языка, литературы
и истории КарНЦ РАН, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>С. И. Кочуркина</i>)	4
<i>В. Ф. Филатова</i> . Вопросы происхождения и этнокультурной принадлежности населения эпохи мезолита	14
<i>А. Ю. Тарасов</i> . Некоторые особенности социально-экономического развития населения Карелии в неолите – раннем железном веке	73
<i>Н. В. Лобанова</i> . Проблемы этнокультурной истории эпохи неолита Карелии	112
<i>И. Ф. Витенкова</i> . Об этнической принадлежности населения Карелии в период позднего неолита – энеолита	138
<i>М. Г. Косменко</i> . Проблемы изучения этнической истории бронзового века – раннего Средневековья в Карелии	158
<i>С. И. Кочуркина</i> . Этнокультурные процессы эпохи Средневековья	230
<i>Т. П. Амелина</i> . Этнический состав населения южной Карелии в XV–XVII вв.	276
Полевые археологические исследования по программе «Этнокультурное взаимодействие в Евразии: Археология, этногенез и этнокультурная история народов Евразии в древности и Средневековье». 2003–2005 гг. (С. И. Кочуркина).	304
Литература	318

В В Е Д Е Н И Е

*Все этногенезы запрограммированы
одинаково, но этнические истории –
предельно разнообразны.*

Л. Н. Гумилев

В конце XX в., на рубеже второго и третьего тысячелетий, исследователей гуманитарного профиля во всем мире объединил глубокий научный интерес к изучению целостности и вариативности культур, этнокультурной мозаичности, общим и частным проявлениям конкретного коллектива в отдельности и общества в целом. Стремление понять сущность культурного многообразия, сохранившегося, несмотря на процессы глобализации, роль этнокультурных общностей в прошлом и настоящем, резко обострившиеся в политической реальности наших дней поведенческие реакции народов в борьбе за обладание ресурсами, политическую власть, территориальную и культурную целостность привели к созданию различных теоретических школ, чьи представители пытались дать научное обоснование сложным феноменам под названиями «этнос», «этничность», «этногенез», «этническая история», и наметить теоретически выверенные пути их объяснения. Этнические проблемы неизбежно возникают при интерпретации археологических источников, попытках археологов выйти за рамки ординарного «вещеведения».

Развитие интеллектуальной европейской традиции в истории археологической мысли прошло длительный путь от начального этапа собирания коллекций, примерно с XV в., до становления археологии как науки к середине XIX в. Главным занятием археологов-профессионалов в то время была классификация в соответствии с предложенным в 1840-х гг. датскими музейными исследователями Томсенем и Ворсо делением археологических древностей на каменный, бронзовый и железный века. Вершиной классифика-

ционного периода в археологии считаются труды О. Монтелиуса, и его, по словам В. И. Равдоникаса (1930б, с. 22), «плодовитой школы». Он разработал типологический метод в 1889 г., но совершенствовал его всю жизнь и изложил в работе «Die Älteren Kulturperioden im Orient und in Europa. I. Die Methode». Теоретические исследования основывались на эволюционных представлениях теории Ч. Дарвина. Эволюционизм, движение от простого к сложному и типологический метод определили основное направление археологической мысли в Европе. В конце XIX – начале XX в. в европейской археологии господствовала культурно-этническая парадигма, которая до сих пор сохраняет доминирующее положение в ряде стран. П. М. Долуханов (2000, с. 22) считает, что, несмотря на неизбежные издержки (в частности «марризм»), некоторые принципы «теории стадильности» марксистской советской школы археологии удивительно созвучны с постулатами современной археологии на Западе. Например, В. И. Равдоникас (1930б, с. 149) писал: «Между материальной культурой и социально-экономической жизнью общества на любой стадии его развития существует безусловная и прямая и обратная закономерная связь»... «Изучение культурного вещевого материала должно быть прежде всего... социологическим. Формально-типологическое изучение вещей, изучение их географического распространения, стилистический анализ и т. п. имеют в лучшем случае только технически-рабочее значение и никакой самодовлеющей ценности. Вещь вне социальной среды просто непонятна и, конечно, не может быть предметом общественной науки». П. М. Долуханов полагает, что некоторые методологические принципы, развившиеся в советской археологии в 1930-х гг., могут быть обнаружены в «новой» или «процессуальной» археологии, получившей распространение в Англии и США в 1950–1960-х гг.

Появление «постпроцессуальной» археологии в Англии в 1970–1980-х гг. (ее основные положения сформулированы И. Ходдером, М. Шэнксом, К. Тиллей и другими теоретиками) часто рассматривают исключительно как реакцию на «новую» археологию. В отличие от сторонников «новой» археологии, постпроцессуалисты, считая археологию исторической дисциплиной, полагают, что

археологические реалии должны рассматриваться лишь в конкретном историко-социальном контексте и категорически не согласны с утверждениями, что поведение социальных общностей может быть выведено из особенностей типологии и стилистики материальной культуры.

В последнее время отмечена новая тенденция, направленная на частичную реабилитацию понятия «культура» в археологии (Долуханов, 2000, с. 24), однако в западной антропологии и этнографии по-прежнему скептически относятся к познавательному содержанию самого понятия «этнос» как объекта и инструмента исследования. Аналогичную точку зрения высказал В. И. Равдоникас еще в 1930-х гг.: «Так как носителем, субъектом материальной культуры является общество, а не так называемый этнос – понятие, в сущности, фиктивное, – то попытки построения истории материальной культуры на этнологической основе должны быть отвергнуты» (Равдоникас, 1930б, с. 21). Он иронично высказался по поводу А. М. Талльгрена, приписывавшего финнам раннюю неолитическую культуру гребенчатой керамики: «Да ведь это такая метафизика, против которой вопиет все наше материалистическое мировоззрение!» (там же, с. 78–79).

Для определения понятий «этнос» и «этническая общность» продуктивной была дискуссия, проходившая в советской этнографии в 1960–1980-х гг., а также монографические исследования Ю. В. Бромлей. Его дефиниция этноса на долгое время оставалась определяющей: «Этнос (или этнос в узком значении этого термина) может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)» (Бромлей, 1983, с. 57–58, 88–142).

В современной российской этнологии вместо термина «этнос» чаще используется понятие «этничность», обозначающее существование отличительных этнических групп. Термин «этнос» употребляется почти во всех случаях, когда речь идет о народе и даже

нации, при этом подчеркивается многокультурный характер большинства современных обществ и практическое отсутствие культурных изолятов. Под понятием «народ» в смысле этнической общности понимается группа людей, члены которой имеют общее название и элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и общей исторической памятью, и чувством солидарности ассоциируют себя с особой территорией. Этническая реальность предполагает существование социальных маркеров, способных отличить одну группу от другой, – физический облик, географическое происхождение, хозяйственная специализация, религия, язык и даже такие внешние черты, как одежда или пища. При исследовании этногенеза и этнической истории в соответствии с принципами современной этнологии использование исторических данных в социально-культурном анализе является основополагающим. Исторический подход был и остается одним из основных и наиболее продуктивных в отечественной гуманитарной науке. Этническая история является обширной сферой исследований, в которых используются археологические и архивные данные, а также материалы устной истории, чтобы проследить и реконструировать прошлое этнических сообществ, особенно малых групп, не оставивших письменных памятников (Тишков В. А. Единство и многообразие культур. Сайт «Народы и религии мира», 2005).

Между тем, по общепризнанному мнению, значительная часть признаков, применяемых для определения понятия «этнос», не имеет универсального характера: люди, принадлежащие к одним и тем же этносам, отличаются, иногда значительно, по своим антропологическим и генетическим характеристикам в результате перманентной метисации (примерно 30% населения Земли, по подсчетам Ю. В. Бромлея, принадлежит к смешанным в расовом отношении группам), не говоря уже о таких расплывчатых понятиях, как особенности психических свойств человеческих популяций. Миграционные процессы приводили и приводят к нарушению целостности этнической территории, к возникновению локальных территориальных групп за пределами основного «материнского» ареала, не отказывающихся от своей этнической идентификации. К неустойчивым этническим признакам относится и язык, а также такие важнейшие атрибуты этноса, как

самосознание и самоназвание, которые ни количественно, ни качественно определить невозможно.

К числу активно обсуждаемых в последние десятилетия проблем относится и происхождение финноязычных народов Северо-Запада Европы. В процессе многочисленных дискуссий сформировались различные точки зрения, требующие тщательного анализа имеющихся данных и выработки оптимальных теоретических подходов. Не решены вопросы о месте первоначального сложения прибалто-финнов, ареальных границ их культур, преемственности или отсутствию таковой при смене различных хронологических пластов древностей Карелии, этнической принадлежности археологических материалов. Этноисторическая тематика в различных ракурсах так или иначе присутствовала в монографических исследованиях сектора археологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, но подробно в свете современных теоретических изысканий не рассматривалась.

В процессе разработки проблем древней этнокультурной истории населения нашего края от эпохи мезолита до позднего Средневековья включительно коллективом авторов обсуждались существенные вопросы этноисторической тематики, поднятые в научной литературе России, Фенноскандии и англоязычных стран, стратегические и тактические пути решения важнейших этапов этнокультурной истории, анализировались понятия этнической истории, этногенеза, актуальные аспекты теории и методологии археологических исследований, обсуждалась и разрабатывалась методика комплексного решения сложных этнокультурных проблем древней истории Карелии на всех хронологических этапах. Рассматривались также теоретические вопросы анализа этнических процессов вообще и существующие в научной литературе теории происхождения финно-угров в частности, возможности реконструкции этнических процессов по материалам археологии, реализация комплексного исследования с привлечением итоговых результатов смежных гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, спорные или слабо освещенные периоды истории, необходимые и достаточные условия для создания целостной этнической картины древнего населения, проживающего на Севере России.

В эпоху мезолита, по мнению В. Ф. Филатовой, существовали генетически различные северокарельская и онежская археологические культуры. Северокарельские мезолитические древности, по видимому, генетически связаны с мезолитом Кольского региона и опосредованно через него – с западноевропейской аренсбургской традицией (общностью) и были созданы европеоидами Севера Западной Европы. Мезолитические комплексы бассейна Онежского озера, вероятнее всего, восходят к комплексам культур восточного Прионежья и бассейна верхней Волги и представляют собой сплав двух древних традиций: североевропейской круга маглемозе – дуфензее и западноприбалтийской постсвидерской. Восточноевропейскому населению онежской культуры принадлежит Оленеостровский могильник на Онежском озере.

Эпоха неолита в Европе ознаменовалась существенными социально-экономическими изменениями, создавшими условия для улучшения качества жизни и, как следствие, демографического роста. Полагают, что к этому же периоду можно отнести начальный этап в формировании современных языковых групп и семей, например, единого германо-балто-славянского языка на обширных пространствах Северной и Восточной Европы.

В эпоху раннего неолита на территории Карелии бытовали памятники с керамикой сперрингс и несколько более поздние с ямочно-гребенчатой. Оба типа керамики имеют разное происхождение: сперрингс, вероятно, возникла в среде местного населения; ямочно-гребенчатая была воспринята от переселенцев с территории Волго-Окского бассейна. Процесс завершился их интеграцией в поздненеолитическое время. Н. В. Лобанова полагает, что говорить о резкой смене населения в эпоху раннего неолита нельзя. В. Ф. Филатова, напротив, придерживается точки зрения, согласно которой онежская мезолитическая культура не имела продолжения в раннем неолите и с культурой керамики сперрингс не связана, однако это, по ее мнению, не свидетельствует о смене языка и антропологического типа населения.

В эпоху позднего неолита – энеолита на территории Карелии зафиксированы культуры гребенчато-ямочной, ромбоямочной и асбестовой керамики, объединенные общими чертами. И. Ф. Витенкова утверждает, что процесс сложения культур на территории

Карелии, как и во всей лесной зоне Восточной Европы, базировался на основе местного мезолита. Между тем обе исследовательницы (Н. В. Лобанова и И. Ф. Витенкова) убеждены, что на материалах неолита и энеолита говорить об этнической (финно-угорской) принадлежности населения, даже при установленной преемственности и определенной общности археологических культур, нет оснований.

В разделе А. Ю. Тарасова рассматривается технологическое, экономическое и социальное развитие древних обществ на территории Карелии. Анализ основывается на изучении каменного инвентаря памятников эпохи неолита – раннего железного века, относящихся к культурам, представленным керамикой сперрингс, ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной, ромбоямочной, асбестовой, сетчатой и лууконсаари. Им отмечен в энеолите высокий уровень развития культуры местного населения, вызванный серьезной перестройкой экономики и социальной системы. В позднем энеолите, бронзовом, раннем железном веках наблюдается упрощение, а затем и деградация каменного инвентаря, в том числе и в связи с распространением металлических орудий. Не исключено, гипотетично считает А. Ю. Тарасов, что упрощение каменной индустрии отразило какое-то временное изменение социальной системы на территории Карелии.

Что касается железного века, то это было время оформления в Европе многочисленных племен и союзов. Некоторые их имена известны по информации, хотя и противоречивой, античных авторов. Существование на протяжении железного века определенных этносов, социальных объединений людей, ощущавших общность своего происхождения и своей судьбы, не подлежит сомнению (Долуханов, 2000).

Территория Карелии в эпоху бронзы – раннего железного века не была исключением. М. Г. Косменко предлагает свое определение этноисторического содержания процессов смены основных типов культуры охотничье-рыболовецкого населения бронзового века – раннего Средневековья. По его мнению, все эти материальные и этнокультурные, изменяющиеся территориально и во времени процессы не вписываются в жесткие рамки моноцентрических

гипотез происхождения западных финноязычных народов, признающих либо западную, либо восточную основу их сложения. Более продуктивной представляется концепция смешанного происхождения западных финноязычных культур и этносов. На территории Европейской России он обозначил верхневолжский и камский центры сложения «предфинноугорских» этносов, которые позднее, в железном веке, интегрировались под воздействием камских финно-угров.

Иностранная для Карелии культура сетчатой керамики бронзового века, так и не адаптировавшаяся к местной культуре, характеризуется комплексом традиционных элементов поволжского происхождения. М. Г. Косменко допускает вероятность радикальных этнических изменений вплоть до полной смены языка в результате миграции населения из верхнего Поволжья. В раннем железном веке отчетливо выражено смешение традиционных элементов поволжского и камско-уральского происхождения, более интенсивная культурная и экологическая адаптация при преобладании субстратного компонента. Согласно М. Г. Косменко, нет оснований предполагать полную смену языка на восточный, но можно говорить о диффузии восточных элементов в среду западных этносов. С этим пластом древностей в Карелии связано формирование южных саамов, с ананьинским культурным ареалом, характеризующимся бесспорно восточными, камско-уральскими элементами, – становление финноязычной общности. Культура поселений с лепной керамикой эпохи раннего Средневековья свидетельствует о продвижении в бассейн Онежского озера, видимо, древних вепсов.

На рубеже I–II тыс. н. э. юго-восточное Приладожье (Ленинградская область) и южная часть Карелии были заселены прибалтийско-финским народом, названным в письменных источниках весью. В XI в. новгородцы стали продвигаться на Север, и в частности в Приладожье, в землю веси, на южной границе которой было сосредоточено славянское население, оставившее после себя многочисленные курганы. О присутствии новгородских славян свидетельствуют типичные для них украшения и другие образцы материальной культуры. В XIII в. в юго-восточном Приладожье утвердилась новгородская налоговая система. Новгород ограничился установлением власти феодалов над уже сложившимися

административными единицами для взимания дани. При наличии славян основной состав населения оставался прибалтийско-финским.

Продвижение славян из юго-восточного Приладожья на Онежско-Ладожский водораздел, а затем и в Обонежье привело к формированию смешанного по составу населения. Исследователи русских диалектов отметили (Герд, 2001, с. 409–416), что русские онежские говоры обнаруживают сильные связи с говорами юго-восточного Приладожья, и в первую очередь с говорами бассейнов рек Ояти, Паши, Сяси, а также новгородскими диалектами бассейнов Волхова и Ильменя. В русских говорах Заонежья присутствует мощный прибалтийско-финский пласт и т. д. В конечном счете многосложные миграционные потоки привели к формированию на огромных пространствах Русского Севера северорусской этнокультурной зоны.

В процессе расселения славян на северо-западные окраины устанавливались границы земельных владений. Так возникли особые административно-политические образования средневековой Руси: Водская, Корельская, Ижорская земли. Древнерусским политико-экономическим феодальным центром на Северо-Западе Руси стала Новгородская земля. Подчиненность нерусского населения, например карельского, Новгороду, носила символический характер и выражалась в сборе дани, в совместных военных операциях по защите государственных рубежей, социально-экономических и торговых мероприятиях. Корельская земля вошла в состав Новгородского государства на правах равноправного или почти равноправного члена. Племена воль, ижора, весь, подвергшиеся массовой славянской колонизации, быстро исчезли со страниц русских летописей, однако при всем влиянии пришлого славяно-русского населения прибалтийско-финские народы сохранили специфические черты материальной и духовной культуры. С. И. Кочкуркина рассмотрела также некоторые спорные аспекты этнокультурной истории древних карел, касающиеся их происхождения, языка и диалектов, территории летописной корелы, этнокультурных аспектов взаимосвязей древних карел и славян.

В работе Т. П. Амелиной анализируется этнический состав населения Карелии в XV–XVII вв. с привлечением письменных источников, лингво-топонимических сведений, данных археологии и антропологии.

Авторы далеки от мысли, что в предлагаемом читателю исследовании все сложнейшие проблемы этнокультурной истории населения Карелии решены. Важно, что на конкретном археологическом материале Карелии и соседних территорий в широком хронологическом диапазоне рассмотрены теоретические обоснования и допустимые возможности его интерпретации и идентификации с определенными древними народами. Отвергнуты устаревшие концепции, заблуждения и мифы, нежизнеспособные конструкции «теоретизирования», противоречащего археологическим источникам, обозначены трудности, порой непреодолимые, при исследовании всего спектра этнокультурных проблем. Надеемся, что наш труд послужит существенным вкладом в разработку актуальной проблематики – в теорию и практику интерпретации археологических источников в системном познании древних обществ.

В. Ф. Филатова

ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА

*К проблеме этноисторических
процессов в эпоху камня*

Археологические материалы эпохи мезолита на территории Карелии характеризуют начальный этап ее освоения человеком. Их изучение позволило осветить многие стороны жизни первопоселенцев, социально-экономические аспекты созданного ими общества, установить этапы его развития и хронологические рамки существования. Разрабатывались вопросы происхождения культуры мезолита и места в ряду синхронных культурных образований Северной Европы. Особую значимость эти проблемы получают в ходе изучения этноисторических процессов, в частности при попытках связать археологические данные с этносами финно-угорской языковой семьи.

Очевидно, что исследования такого плана должны вестись в рамках теоретико-методологических конструкций этнологии в целом и в русле таких базовых категорий, как этнос и этничность. В современной зарубежной этнологии они разрабатываются с опорой в основном на современные реалии (Чешко, 1994; Тишков, 1997; Рыбаков, 2003, см. также ст. М. Г. Косменко и С. И. Кочуркиной в наст. сб.). Применительно к первобытной истории весьма продуктивным представляется господствующее в российской науке понимание этноса (народа) как исторически сложившегося на определенной территории людского сообщества со своими особенностями в культуре, языке и пр., осознающего свое отличие от других подобных объединений, где отдельный человек является

этнической микроединицей (Бромлей, 1983, с. 25). Поддерживая в целом это определение, исследователи полагают, что этнос как социальный феномен логически (разумеется, не генетически!) вырастает из феномена антропологического (и в значительной мере даже просто психологического) – этничности каждого отдельного человека (Рыбаков, 2003, с. 9). Считают также, что этнос – сложная и неоднозначная социальная общность – историко-культурная данность с объективным и ярко выраженным феноменом этничности, одним из основных и в обыденном сознании существующим изначально (Заринов, 1997). При этноисторических реконструкциях ранних этапов человеческой истории очень важно разделение понятий «этнос» (народ) и «этникос», т. е. совокупность людей с общей, одинаковой этничностью, собственно этническая общность, но без видимой социальной сущности, результат совместной исторической практики нескольких поколений; для существования этникоса важнейшее значение имеют межпоколенные информационные связи и самосознание составляющих его людей, то или иное представление об общности исторических судеб их предков, тогда как этнос в широком понимании – это социальный организм, результат сопряжений с политическими и другими структурами с некоторой долей этнического содержания (Бромлей, 1983, с. 58). И с этих позиций этнологическую триаду племя – народность – нация вслед за Ю. В. Бромлеем следует рассматривать не как три стадии развития этноса (этникоса), а как три типа сопряжения его с социально-потестарными и социально-политическими структурами с выяснением механизмов сопряжения (Рыбаков, 2003, с. 11). В контексте этноисторических интерпретаций археологических материалов важным представляется суждение о том, что этносы, в том числе исторические, нельзя рассматривать как развитие (через различные процессы интеграции, дивергенции и др.) сложившихся чуть ли не в верхнем палеолите этнических матриц (Тишков, 1997).

При всем многообразии существующие определения понятия «этнос» схожи между собой, тогда как понятие «этничность» («этническое самосознание») должным образом не сформулировано, «перед исследователями явление, которое, безусловно, существует,

но неизменно ускользает сквозь пальцы» (Чешко, 1994, с. 38–39). Утверждается, например, что «этничность как таковая имманентна человеку и является его атрибутивным свойством», она – субъективное отражение популяционного единства и далее «практически любой процесс этнической дифференциации связан с дивергенцией прежней общности на две ... части, обособляющиеся впоследствии в этносы по мере территориального расхождения и взаимодействия с различными субстратами... в целом этногенетическое многообразие сводимо именно к такой тенденции» (Рыбаков, 2003, с. 10, 12). Сущностным признаком этничности, понимаемой как обыденное (массовое) сознание, является, по его мнению, фактическое родство, принадлежность к нему родителей или, точнее, кровнородственно-свойственная принадлежность индивида; основа этничности, ее истоки, таким образом, в группе объединенных этими связями людей, которая строится на основе эндогамии. «В антропологии, как и в биологии, под популяцией понимают генетическую единицу. Поэтому первоочередное значение придается родственным связям... генетические популяции определяют как относительно замкнутые группы, внутри которых скрещивание особей осуществляется с большей частотой, чем за их пределами»; для самоподдержания этничности и воспроизводства этноса особое значение имеют именно брачно-кровнородственные связи, семья выступает как микроэтносоциальная единица (Бромлей, 1983, с. 41, 203). Полагают, что этническая эндогамия есть родство в широком смысле, древние популяции не могли существовать вне контекста родственных связей, этнос – это человеческая социальная общность, т. е. свойственные и родственные связи и возникший на этом фундаменте социокультурный феномен, который проявляется в этнических признаках (Рыбаков, 2003, с. 17, 19–20).

Идея зарождения этнического самосознания уже в первобытную эпоху, в рамках большой семьи, первобытной общины или эндогамных образованиях высказывалась и ранее (Алексеев, 1986, с. 136).

По мнению других исследователей, в родоплеменную эпоху этничность как социальный феномен находилась в зачаточной форме, историко-культурные особенности (в одежде, жилье, языке и т. д.) в роде и племени мало различимы, позднее, с увеличением

численности популяций, когда счет родства становится невозможным, он замещается «сакральным ощущением общности происхождения всех тех, кто причисляет себя к тому или иному народу», но окончательное оформление этничности в «качестве реальной социальной структуры» происходит лишь в процессе образования классового общества и государства и далее ... «этнос как историческая общность людей самоидентифицируется не столько осознанием единого происхождения, сколько ощущением собственных претензий на неповторимость и исключительность своих обычаев и обрядов, т. е. традиций, в значительной мере имеющих материальное воплощение ... и в языке» (Заринов, 1997, с. 23).

Приведенные взгляды на сущность этноса – этнического имеют важное значение, поскольку в известной степени дают некую схему приложения для общей характеристики выделяемых археологией культурных единиц и позволяют рассматривать их как этносоциальные исторические структуры, вкладывая в намечаемые этапы культурогенеза этническое содержание и выявляя тем самым своего рода этнические ареалы по комплексу определенных элементов. Дискуссионность проблемы не ставит под сомнение необходимость изучения этнической истории с глубокой древности, при этом имеется в виду не реконструкция древних этносов, а изучение этногенеза как непрерывного процесса в рамках крупных регионов и локальных территорий на базе всего массива существующих источников (Анфертьев, 1993, с. 62; Косменко, Кочуркина, 1996, с. 362–363). Необходимо при этом понимание необязательности определяющих этнос признаков, невозможности их разграничения по степени значимости, трудностей в выделении многих из них и опознании других для определенных отрезков времени, наконец, в выяснении исторической глубины некоторых из них, например, языка и антропологического типа (Белков, 1993, с. 48–61). Считается, что комплексное изучение этих проблем должны проводить специалисты этноистории, способные оценить и верифицировать данные всех источников, отражающих разные стороны и разнообразие этнических реальностей, избегая использования номенклатуры и терминологии наук без понимания их сущности (Анфертьев, 1993). По мнению исследователя, носители реконструированного

языка не могли не составлять этнической общности, но она не обязательно будет совпадать с выделенной археологически на основе сходства в материальной культуре; в каждой науке (источнике) следует раскрыть свои этнические признаки, выявляя как этноконсолидирующие, так и этнодивергентные. Предлагается ввести понятие этногенетического факта, т. е. объективного факта (а не в рамках гипотезы), который нес бы объективную этногенетическую информацию (выявлял этногенетические связи и проявления) и был вписан в систему других, взаимосвязан с ними в рамках этногенетической гипотезы (Напольских, Наговицин, 1990, с. 3–4).

Очевидно также, что не только комплексное изучение этногенеза, природы этнического в полном объеме, но и выявление отдельных черт этноса на любой по протяженности территории возможно не для всех этапов древней истории. Для этнореконструкций эпохи первобытности наука располагает лишь данными археологии и антропологии (Алексеев, 1977), а с учетом фрагментарности антропологических фактов, их территориальной локализации основной упор следует делать на археологические показатели, поскольку лишь они способны дать временные координаты, например, для лингвистических и антропологических реконструкций (Косменко, Кочкуркина, 1996, с. 364). Полагают также, что ныне существующие этносы (народы) сложились недавно и поиски их предков в каменном веке безнадежны (Формозов, 1977а, с. 24). В этом плане весьма важным представляется понимание этнологами археологической культуры как объединения, отражающего социальную общность с определенной мерой этничности, поскольку единство материальной и духовной культур есть фундаментальная характеристика этнического единства (Анфертьев, 1993, с. 65). Исследователь, однако, предостерегает от отождествления археологической культуры и этнической общности со всеми характеризующими ее признаками.

При всем разнообразии существующих представлений на содержание (Классификация в археологии, 1990, с. 53–61) археологическая культура – одно из исходных понятий в археологической систематике, историческая категория определенного уровня и основа для культурно-исторических интерпретаций археологических

фактов, ибо она отражает реальные и конкретные людские сообщества. Расхождения взглядов археологов, собственно, сводятся лишь к тому, имеет ли она этническую подоснову, показатели этничности и каковы они (мера этничности, по Анфертьеву) по своему значению, уровню и природе. Представляется, что решение этого вопроса, т. е. ее этнической сущности и наполненности, в полной мере возможно для поздних этапов древней истории, когда данные археологии и других наук могут быть верифицированы в рамках этногенетического факта. Для ранних этапов, в частности эпохи камня, определить наличие этнической составляющей реально при определенных условиях, например, при установлении единства и сопряженности физического облика носителей культуры и своеобразия в материальной и духовной сторонах их жизни. Археологическая культура бесспорно обладает определенными признаками этноса, отраженными в реальных фактах, объектах, явлениях, хотя многие другие, например языковое единство или принадлежность, можно лишь предполагать. И в этом смысле археологическая культура может восприниматься как этнос определенного типа, как социальная структура низшего уровня построенная на основе эндогамии и включающая несколько экзогамных групп.

В той же мере с этносом можно соотнести этнокультурную область (Формозов, 1977а), иначе общность, т. е. группу родственных, более мелких социумов (узколокальных культур), образовавшихся в процессе сегментации одной или консолидации нескольких, но в любом случае генетически единых; не исключается в рамках такого сообщества и языковое единство (Гурина, 1973, с. 15–21). Введение этого понятия «положило начало новым направлениям в изучении первобытности – проблемам этноса применительно к этой эпохе и культурного деления мезолитического населения Восточной Европы» (Кольцов, 1989а, б, с. 8). Представляется, что именно в рамках понятий «археологическая культура» и «этнокультурная общность», содержащих ряд признаков этноса на начальных этапах его сложения, возможно изучение этноисторических процессов в эпоху первобытности, в том числе решение проблем генезиса исторических народов.

Совершенно необходимо при этом понимание ограниченных возможностей археологии и трудностей чисто археологического порядка, обусловленных ее особенностями как науки. Безусловно, с ее помощью можно реконструировать картину «изменений во времени и пространстве сохранившихся элементов материальной культуры, установить степень их взаимной корреляции и в результате построить более или менее полную, в идеале адекватную модель исторического процесса в древней культуре», понимаемой как структура в движении с набором определенных ценностей и приоритетов. Для этого необходим наряду с формальным также содержательный анализ, способный выявить движущие силы изменчивости элементов культуры, причины устойчивости их комбинаций (Косменко, 1996а, с. 12). Известны трудности в выделении культуроопределяющих критериев в локальных культурах или группах памятников и крупных объединениях в силу многих объективных причин (недостаточной изученности, ненадежной стратификации данных и т. д.), культурной атрибуции и опознании единства (однокультурности) археологических фактов и явлений, не говоря уже о чертах с этническим содержанием, определении степени их независимости, например, от природных, технологических, других факторов. Особенно сложно выяснение характера взаимоотношений между крупными территориальными образованиями. Для древнейших эпох они могут быть выявлены пока лишь по основным направлениям связей и аналогам в конкретных материалах (Ошибкина, 1997, с. 147–151; Кольцов, 2000, с. 52–56).

Ту же степень сложности имеет проблема смены культур во времени и пространстве, во всех случаях носивших индивидуальный характер (Косменко, Кочкуркина, 1996, с. 35). В ней всегда необходимо различать хронологический и культурный аспекты. Если хронология обычно устанавливается более или менее точно, то для выявления культурной преемственности необходимы особые процедуры сравнительного анализа. Требуется определить происхождение, причины появления и степень значимости признаков в культуре, проследить динамику и характер их изменчивости, соотношения традиций и инноваций на основе конкретных материалов и т. д. (Косменко, 1996а, с. 12–13). Крайне важна

оценка внутреннего состояния культуры, наличия факторов и стимулов к восприятию новаций и качественному переосмыслению традиционных форм и явлений и т. д., что в конечном счете определяет сущность процессов при их смене. В то же время даже установление факта культурной преемственности не всегда означает кардинальные перемены, например, в языке или антропологическом типе.

Исследователи понимают необходимость изучения этноисторических процессов в древности на базе комплексного подхода, по возможности прослеживая пространственно-временные изменения различных сторон культуры (культурогенез) и признаками этноса (этногенез) во взаимосвязи. В некоторых случаях такой подход только декларируется, слабо обеспечен данными, а изыскания в завуалированной форме преследуют отнюдь не научные цели. В контексте данной темы можно указать на работы некоторых финляндских археологов, посвященных выяснению истоков народов финно-угорской языковой семьи. В части, связанной с древнейшими этапами, привлекаются материалы по мезолиту территории Карелии, решаются вопросы их генезиса и этнокультурной принадлежности, обычно в рамках давно известных концепций (восточной, западной и т. д., см. ст. М. Г. Косменко в наст. сб.).

В одной из таких работ (Nuñez, 1998, с.151–160) с предками современных финноязычных народов в этом регионе связывается палеолитическое население Русской равнины, продвинувшееся в северном – северо-западном направлении через Карелию и далее в Финляндию около 7500 л. н. Это, по мнению исследователя, подтверждается незначительностью различий между мезолитическими культурами и культурными типами древностей последующих эпох и свидетельствует об этнокультурной преемственности. Эти предки финнов, вероятнее всего, считает он, говорили на соответствующих языках или диалектах, хотя лингвистически подтвердить это невозможно. Выступая против восточной миграционной гипотезы (в старом и новом ее вариантах) о появлении финноязычных народов в неолитическую или более поздние эпохи, М. Nuñez выдвигает ряд спекулятивных контрдоводов (число иммигрантов бывает много меньше числа аборигенов; иммигранты, как правило,

ассимилируются даже в случае более высокого уровня своей культуры; аборигены могут принять новый язык только при полном исчезновении и т. д.) и подчеркивает некоторые слабые места этой концепции, обусловленные неразработанностью проблематики культурной преемственности типов древностей (появление особенностей не обязательно объяснимо только потоком нового населения, принятие элементов новой культуры происходит с различной степенью готовности, например, гены, слова и изделия заимствуются быстрее, чем язык и традиции), и подкрепляет эти доводы археологическими данными, признавая лишь одну миграцию носителей шнуровой керамики, тоже ассимилированных аборигенным финским населением. Небольшие инновации в культуре автохтонных финнов он считает не соответствующими этнокультурным изменениям, а, оспаривая модель языкового древа и существование географически ограниченной уральской прародины, иллюстрирует свои выводы достаточно умозрительными утверждениями (языки вообще гибричны по механизму своего сложения, процессы их развития сложнее, чем представляется лингвистам, а идеи прародины по распространению некоторых видов растений и животных – мед, пчелы и т. д. – не согласуются с палеогеографическими данными).

Отстаивая идею автохтонности от верхнего палеолита исторических финноязычных народов, другие исследователи предлагают схему их формирования как носителей уральских/финноугорских языков на основе анализа данных археологии и лингвистики (Carpelan, 2001a, p. 37–49; Carpelanand, Parpola, 2001, p. 240–242). Следует отметить понимание исследователями археологической культуры как обусловленного внутренними факторами и связями единства, базирующегося на общей однородности, т. е. культурном и/или этническом тождестве, общем языке и сфере брачных отношений. Исследователи признают многообразие процессов между культурами, но считают, что при этом распространяется весь комплекс культурных особенностей. Предполагается, однако, что археологически отслеженные движения означают и языковое влияние, они, вероятно, переносили и генетический материал. Считают доказанным разделение единого палеолитического

(граветтского) населения Европы в максимум последнего оледенения на западный и восточный массивы, что и определило дальнейшие пути колонизации и соответствующие генетические, языковые, культурные и хронологические явления в Северной Европе. С началом дегляциации население западного массива движется на север по атлантическому побережью Швеции и Норвегии и далее в некоторые районы северной Финляндии, тогда как население восточного в южнорусских степях (граветтский технокомплекс или восточный граветт), полагают исследователи, длительное время оставалось неподвижным, с замедленными темпами развития вплоть до появления в южной Прибалтике, северо-западных областях России и Волго-Окском междуречье носителей свидерской культур, групп аренсбургской, федермессер и бромме. На их основе формируются мезолитические культуры. По мере сложения благоприятных условий группы этого населения продвигаются на север, возможно, по типу бутылочных горлышек, с последующими эффектами основателей и дрейфами в генетическом, языковом и культурном планах. На их основе складывается ряд культур, главным компонентом которых являлся свидерский (бутовская, кунда, веретинская и др.). С запада им противостояли культуры круга дювензее (маглемозе), с востока (район рек Камы и Вятки) комплексы типа Романовка – Ильмурзино. Около 9600 л.н. (8770 cal BC) граница расселения на севере проходила по линии Пулли – Веретье. Двигаясь далее на северо-запад, постсвидерское население около 8960 л.н. достигает широты г. Кеми в Карелии, а около 8320 л.н. – северной Финляндии, где встретилось с потоком первооселенцев западного массива (Carpelan, 2001a, p. 45). Исследователь полагает, что предложенную схему заселения северо-западных областей России и восточной Финляндии подтверждают биоантропологические данные, которые указывают на появление здесь западных элементов и на отсутствие связи первого населения этого региона с популяциями из-за Урала, определяя тем самым в качестве прародины область Украины – Молдавии.

Согласно с данными некоторых лингвистов предполагается формирование протоуральского языка в пределах восточного палеолитического массива, вытеснившего протоиндоевропейские и

более древние европейские языки других групп. Его носителями являлось население свидерской общности, но он мог зародиться и в южнорусских степях у редкого населения верхнего палеолита. Архаическая форма этого палеопротоуральского языка у населения раннего мезолита в Восточной Европе и начинала уральскую хронологическую колонку, хотя доступные реконструкции языки этой группы сформировались позднее. «Волна влияния» в раннем неолите в лице верхневолжской культуры принесла в восточную Финляндию (через территорию Карелии) керамику стиля I:1 и родственный прапротоуральский язык, а позднее, с появлением носителей ямочно-гребенчатой и протоволосовской керамики, говоривших на позднем протоуральском языке, складывается протофинский, разделившийся впоследствии на финский и саамский (Sagrelan and Parpola, 2001, p. 247). Одним из оснований для своих выводов исследователи считают отсутствие в постсвидерских культурах признаков культур восточнее верхней Волги, в то время как некоторые южные элементы (молотки с отверстием и боковыми выступами в мезолите Финляндии) есть в восточноевропейском энеолите. Подтверждением этому полагают заимствования из языков, на базе которых складывался протоиндоевропейский язык (энеолитическая ямная культура) в междуречье Дуная и Дона, который не может иметь палеолитических корней, поскольку носители протоиндоевропейского языка появились как чуждые популяции в начале и на поздних этапах мезолита.

В археологическом обосновании своих схем первичного заселения северо-западных областей Восточной Европы финляндские ученые опираются на представления ряда российских археологов на эту проблему, не указывая на их противоречивость, недоказанность многих выводов и игнорируя мнения других исследователей. Тенденциозна подборка данных антропологии и лингвистики. Такой односторонний подход к интерпретации имеющихся фактов во многом обусловлен не только недостаточной разработкой методологии этногенетических исследований, осмысления накопленных фактов в разных науках и их систематизации на базе старых схем без должной корректировки, но и тем, что в изучении древнейших этапов истории финно-угорских народов неправомерной стала

ведущая роль сравнительно-исторического языкознания, когда модель древа языков воспринимается как модель этнических процессов, аналоги археологическим культурам ищут в выделенных лингвистами языковых общностях, а комплексный подход сводится к иллюстрации данных других наук (Напольских, Наговицин, 1990, с. 3). Исследователи настаивают на признании равноценности источников (с учетом степени информативности каждого), поскольку они отражают разные стороны этногенетических процессов. «При исследовании происхождения финно-угорских этносов необходимо учитывать, что речь идет о предыстории языковой общности, ... задача состоит в объяснении древних языковых процессов», а констатация миграции или автохтонности по археологическим данным не свидетельствует об обязательной смене материальной культуры и, наоборот, смену языков необходимо подтвердить или опровергнуть наличием субстратных явлений (Напольских, Наговицин, 1990, с. 7).

По мнению В. В. Напольских, несостоятельна гипотеза о связи с предками народов финно-угорской языковой семьи носителей неолитической ямочно-гребенчатой и гребенчатой керамики, поскольку не доказан их общий исток. Ими, считает он, не могло быть население мезолита свидерской традиции в силу недоказанности преемственности развития с культурами неолита. Необъяснимо в этом случае происхождение пермских, угорских и самодийских народов, безусловно, не связанных с постсвидерским мезолитом, а также отсутствие антропологического единства и наличие монголоидных признаков у европейских финно-угров. Признание этой гипотезы, по мнению В.В. Напольских, удревняет на 2000 лет дату распада финно-угорских языков и, по сути, ведет к пересмотру методов сравнительно-исторического языкознания. Не находит объяснения в этом случае наличие в центральной и северной частях Восточной Европы дофинского (не уральского и не индоевропейского) языкового пласта (Напольских, 1990, с. 40–67). Касаясь непосредственно территории Карелии, исследователь основывается на археологических выводах о вероятной ассимиляции населения культуры сперрингс носителями ямочно-гребенчатой керамики, говоривших на палеоевропейских языках. Их наследниками

явилось население асбестовой керамики – предки протосаамов до их перехода на финно-угорскую речь, которая появилась здесь в виде финско-волжского языка. Субстратный пласт в протосаамском языке исследователь связывает с палеоевропейским, на котором говорило население преемственных культур мезолита – сперрингс – ямочно-гребенчатой – асбестовой керамики, при этом допускает, что этот субстрат (или часть его) был языком аборигенов северных областей – носителей культуры сперрингс, если иметь в виду ее восточное происхождение. Эти выводы, по его мнению, подкрепляются данными антропологии, отрицающими монголоидную примесь у населения ямочно-гребенчатой посуды (и тем самым финно-угорскую принадлежность их языков). В составе предков саамов некоторые антропологи выделяют европеоидный компонент и древние элементы азиатского происхождения, возможно, близкие общим предкам уральцев и юкагиров. Носители антропологических юкагирско-уральских признаков могли впервые достичь Карелии в несмешанном виде в мезолите (как предки населения керамики сперрингс), затем в виде групп из восточных районов евразийской Субарктики и в метисированном виде как представители культуры сетчатой керамики. Две первые группы могли быть и не уралоязычными (Напольских, 1990, с. 52). Исследователь полагает возможным, опираясь на выводы некоторых антропологов (Бунак, 1956; Марк, 1970), существование на востоке, севере и в центре Восточной Европы еще в палеолите североевропейских плосколицых популяций – крайне западных в цепи недифференцированных типов с противоречивым сочетанием европеоидных и восточных признаков.

Предлагаемая В. В. Напольских реконструкция палеоистории народов финно-угорской языковой семьи высоко оценивается специалистами, вместе с тем указывается на известные противоречия, обусловленные в первую очередь опорой на устаревшие или слабо аргументированные археологические выводы (Косарев, Кузьминых, 2000, с. 385–396). Это также касается археологической проблематики Карелии. Так, достоверно не установлена преемственность культуры керамики сперрингс от мезолитической, более того, высказываются предположения об отсутствии таковой

(Филатова, 2004а, с. 85–87). Происхождение керамики сперрингс в последнее время связывают с центральными областями Восточной Европы (Косменко, 1996а, с. 19; Герман, 2001, с. 16). Совершенно неясен характер взаимодействия между неолитическими культурами сперрингс и ранней ямочно-гребенчатой, достоверно не установлена их связь с поздненеолитической гребенчато-ямочной, последней – с ромбоямочной и более поздними. Явно устарела, не выдержав апробацию новыми материалами, схема Г. А. Панкрушева о хронологии и культурной атрибуции мезолитических древностей Карелии. По-прежнему дискутируются вопросы происхождения антропологического типа погребенных в Оленеостровском могильнике.

Очевидно, что на современном уровне знаний истоки западных народов финно-угорской языковой семьи в палеолите – неолите определяются на уровне гипотез, в той мере далеких от реальностей, в какой далеки от нее основания этих предположений. Это отнюдь не означает полной бесперспективности в изучении начальных этапов этногенеза финноязычных народов. С накоплением источников по всем разделам исторической науки вполне возможны самые глубокие ретроспекции. Изучение этноисторических процессов должно идти по пути более полных реконструкций истории материальной культуры и интерпретации ее содержания. Только в случае решения этих проблем станет возможным использование материалов эпохи камня в этноисторических ретроспекциях. Пока же археология, по крайней мере в Карелии, стоит в самом начале этого пути.

Основные концепции генезиса мезолитических древностей Карелии

Как уже отмечалось, спорность и необоснованность некоторых из существующих концепций касательно ранних этапов этногенеза финноязычных народов во многом обусловлена недостаточным количеством археологических фактов и опорой на устаревшие или принятые без должной критической оценки мнения. Это относится к мезолитическим древностям территории Карелии. Далее

попытаемся охарактеризовать современное состояние знаний об их происхождении и культурной принадлежности.

На возможность существования донеолитического (докерамического) этапа в регионе указывал еще Б. Ф. Земляков в 30-х гг. XX в. Как самостоятельный период мезолит был обоснован позднее в хронологических рамках, согласованных с известными неолитическими материалами (VI–IV тыс. до н. э.), и считался производным от финляндской культуры аскола – суомусъярви (Гурина, 1961, с. 26–40). Дальнейшие исследования значительно увеличили корпус мезолитических материалов, позднее была предложена хронология и периодизация, концепция их происхождения и этнокультурной принадлежности (Панкрушев, 1978). Исследователь выделяет две неоднородные в культурном плане группировки: 1 – древнейшую (с X тыс. до н. э.) с кварцевым и сланцевым инвентарем протосаамскую, связанную происхождением с районами Приуралья – Зауралья, и 2 – пришлую с кремневым инвентарем (с VIII тыс. до н. э.) протоугро-финскую, генезис которой видел в мезолите Волго-Окского междуречья. Носители первой, по его мнению, продвинулись в Финляндию, основав там единую для обоих регионов культуру аскола – суомусъярви, ареал второй ограничивался юго-восточной частью Карелии. Обе они сосуществовали вплоть до рубежа IV – III тыс. до н. э., затем в среде протосаамов появляется керамика, родственная финляндской стиля 1:1, и в результате складывается опять же общая для этих областей культура сперрингс. Население кремневого мезолита пополнилось новыми родственными группами из Волго-Окского междуречья с ямочно-гребенчатой керамикой. В дальнейшем в ходе ассимиляции обеих неолитических культур складывается карельская – прямой предок финноязычных этносов территории. Эту культурную схему карельского мезолита поддержала Н. Н. Гурина, уточнив нижнюю границу (до VIII тыс. до н. э.) и проигнорировав этническую составляющую, но приняв идею единой культуры времени мезолита – неолита для территории Карелии и Финляндии (Гурина, 1989, с. 27–31).

В 1970–1990-х гг. в Карелии были открыты и исследованы на значительных участках десятки поселений мезолита, в том числе с

остатками жилищ (Косменко, Витенкова, 1980; Песонен, 1982, 1984, 1986; Журавлев, 1983; Филатова, 1986, 1988а, б). Полученный в ходе работ значительный материал не укладывался в прежние этнокультурные и хронологические схемы. Сомнения вызывала правомерность использования в качестве основного культурного индикатора вида используемого сырья, по сути отражающего не культурную принадлежность и происхождение, а адаптивные моменты становления и развития материальной культуры в условиях, диктовавших для любой культурной группировки населения полный комплект жизненно необходимых изделий только на базе нескольких видов местных горных пород и привозного кремня. Наблюдается их строгое разграничение в зависимости от свойств и структурных особенностей, приспособленности к обработке характерными для эпохи способами и применение в соответствии с этим для определенных групп изделий, например, сланца для макроформ и поделок оригинального облика, кварца для утилитарно-бытовых и массовых орудий типа скребков, резцов, скобелей и пр., а кремня главным образом для инструментов, обеспечивающих охотничий промысел (наконечники стрел, ножи). Взаимозамены крайне редки и касаются в первую очередь кремня, который при значительных объемах поступлений чаще шел для скребков вместо кварца, но никогда для макроформ, даже в ближайших от его месторождений районах на юго-восточном и юго-западном побережьях Онежского озера. Такое распределение сырья характерно как для «местного кварцево-сланцевого», так и для «пришлого кремневого мезолита» и в целом сохраняется в последующие эпохи.

Существенным, вызывающим недоверие к схеме Г. А. Панкрушева, является другое. Согласно ряду важнейших для каменной индустрии функционально-видовых, морфотипологических показателей, уровню и тенденциям ее развития в целом и в технико-технологических параметрах, других сторонах материальной культуры все известные к настоящему времени мезолитические древности Карелии действительно можно подразделить на две неоднородные в культурном плане группы, но каждая с четкой территориальной локализацией. Одну из них образуют памятники юго-

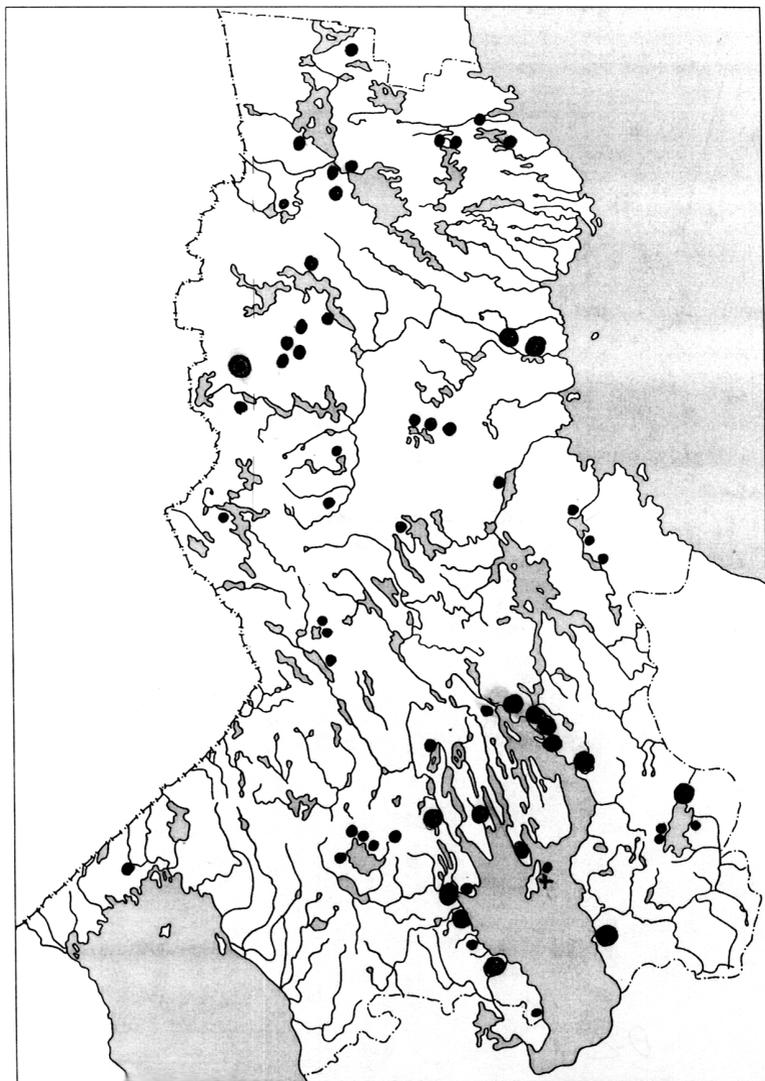
восточной части Карелии, вторую – северо-западных – северных районов. Совершенно не изучены археологически Приладожье и Онежско-Ладожский перешеек и срединная часть края, где исследованы небольшими участками единичные объекты, материалы их из-за малочисленности культурной атрибуции не поддаются. Таким образом, более или менее обоснованные суждения можно делать лишь для двух участков территории. Необходимо при этом иметь в виду их приуроченность к крупным природным массивам и водным бассейнам, направленность оптимальных (с поздне-последнеледниковья) путей сообщения с соседними регионами, а также наличие в последних складывающихся или уже сложившихся культурных группировок и их состояние.

Следует остановиться на вопросе о взаимоотношениях мезолита Карелии и Финляндии. Представляется, что объединение кварцевых – кварцево-сланцевых комплексов этих регионов в одну археологическую культуру не отвечает принципу территориальности из-за чрезмерных размеров территории. Но главное, в мезолитических комплексах Карелии, причем не только юго-восточных, но и северо-западных – северных, отсутствуют черты сходства с финляндскими. Характерные для культуры аскола – суомусъярви формы и типы изделий, жилища и пр. (Luho, 1967, p. 1–125) существенно иные, с чем согласны другие исследователи (Шахнович, 1998, с. 155). Кроме того, по некоторым данным (Мейнандер, 1982, с. 10–12; Matiskainen, 1987, p. 19–21; Siiriäinen, 1989) место комплексов типа аскола (с исключительно кварцевым инвентарем) в мезолите Финляндии окончательно не определено, а культура суомусъярви рассматривается как локальная, характерная лишь для юго-западной части. Мезолит Финляндии делится на две фазы (анциловую и литориновую) без региональной дифференциации и однороден по генезису и культурной принадлежности (Matiskainen, 1989, p.22). Согласно другим мнениям (Carpelan, 2001a, p. 41–46), мезолит западных районов связан с кругом западноевропейских аренсбургских, а восточных и части северных – с кругом постсвидерских культур Восточной Европы, при этом крайне северные участки могли заселяться с севера Норвегии или Швеции. Считают также возможным заселение Финляндии и северо-западных и

северных районов Карелии с территории культуры кунда, последнюю рассматривают как единый обширный ареал родственных культур (восточная кунда) от Балтийского моря до восточного Прионежья, включая веретинскую культуру (Schulz, 1998). Существующие противоречия обусловлены слабой фактической базой при обилии общих идей, а также недостаточным знанием мезолита Карелии.

Мезолит северных – северо-западных районов Карелии. К настоящему времени здесь выявлено примерно 100 стоянок, но исследовано около 20, в основном в нижнем течении р. Кеми, несколько – на северном берегу оз. Кереть и внутренних озерно-речных системах (см.: Косменко, 1978; Песонен, 1986). Географически все памятники прилежат бассейну Белого моря. Водораздельные участки местности ограничивают район от юго-восточной части края и восточной Финляндии (рис.).

По своим природным условиям в мезолитическое время эти районы отличались от южных, что, несомненно, должно было сказаться на многих сторонах жизни древнего населения. Дегляциация последнего ледникового покрова началась здесь значительно позже, а во внутриматериковой области осложнялась длительным существованием остаточных массивов льдов. Вплоть до среднего голоцена сказывались колебания уровня Белого моря, воды которого периодически затопляли значительные участки местности, образуя глубокие внутренние морские заливы в продолинах рек Кеми, Керети, Выга и др. (Девятова, 1976, с. 87–112; Демидов, 2002, с. 10–18; Елина и др., 2000, с. 209–217; рис. 97–102). Тундровые и лесные биоценозы начинают складываться сначала в западной части в РВ-периоде, в восточной в это время (в том числе на участках с памятниками), распространялись морские воды. Оптимальная для обитания человека природная среда по комплексу факторов оформляется к середине ВО-периода на фоне неоднократных колебаний уровня моря. В течение крупной трансгрессии фолас площадки самых высокорасположенных памятников (кемская группа, 70,68 м абс. выс.) перекрывались водами моря, однако следов переотложенности и размыва вмещающих культурные остатки отложений не отмечалось, их характер свидетельствует о непрерывности процесса

- – одиночные поселения
- – группы от 5 и более поселений
- + – могильник

Мезолитические памятники Карелии

формирования позднее. Нарушения культурных слоев природного характера не наблюдались на стоянках внутриматериковой части, приуроченных к мелким озерно-речным системам, связанным в свою очередь с морскими заливами и крупными реками. Все это заставляет предполагать довольно позднее освоение этих районов человеком в сравнении с южными.

Все памятники обнаруживают тесное сходство по основным показателям индустрии камня, на этом основании могут быть признаны однородными в культурном плане и по своему происхождению. Наиболее близкими им по тем же признакам оказываются стоянки на Кандалакшском берегу Белого моря, которые в свою очередь тяготеют к комплексам прибрежных соседних районов Кольского полуострова (Песонен, 1978, с. 158–159; Филатова, 1991, с. 51–62, 2003, с. 120–123). В том же плане они резко противостоят комплексам юго-восточной Карелии, существенные различия в технико-технологических, морфотипологических и других показателях с полным основанием могут быть отнесены к числу указывающих на их генетическую неоднородность. Главенство кварцевого сырья на некоторых северокарельских стоянках в значительной степени определяется природными условиями, наличие только кварцевых изделий не свидетельствует об их древности, как пытался доказать Г. А. Панкрушев. Обращает внимание ограниченность видового состава, господство одного вида (скребков) и небольшое число или единичность прочих мелких бытовых форм (резцов, сверл и т. д.) при полном отсутствии макроформ и других необходимых для жизни изделий. Это ставит вопрос о назначении данных стоянок как сезонных мест обитания на период ведения промыслов (охоты, рыбной ловли и пр.), что подтверждается их незначительной площадью (200–500 м²). Имеются памятники более длительного периода существования и другого назначения, с иным набором изделий, в том числе из сланца, кремня и пр., с остатками жилых сооружений. Типологически самые ранние северокарельские комплексы датируются второй половиной VI тыс. до н.э., что вполне согласуется с палеогеографическими данными. Предложенная Г. А. Панкрушевым дата (X–VII тыс. до н. э. на основе высотных показателей) противоречит характеру инвентаря.

Основываясь на существующих данных, все мезолитические комплексы этой части Карелии можно рассматривать как северокарельскую, слабо структурированную в социальном и территориальном планах культурную группировку, включающую несколько групп родственного по своему происхождению населения. Такое объединение представляется более отвечающим фактам, чем предлагаемые некоторыми исследователями не совсем понятные и неопределенные по своему рангу и содержанию конструкции типа «культурной провинции» или «северного локального варианта» онежской культуры (юго-восточная Карелия) и суомусъярви южной Финляндии (Шахнович; 1998, с. 155). Можно предполагать по аналогии с мезолитом восточных районов Северной Фенноскандии (Шумкин, 1993, с. 34–59) существование здесь комплексного хозяйства на основе морского собирательства в летние сезоны и охоты на лесных животных при откочевках в лесную – тундровую зону зимой. Вероятно предположение о разных типах хозяйствования у родственных групп (лесные и морские охотники-рыболовы). Генетически население данной общности через группы на Кандалакшском побережье Белого моря может быть связано с населением соседних прибрежных юго-восточных районов Кольского полуострова и опосредованно – с кругом западноевропейских ранне-мезолитических образований.

В мезолитических комплексах северной Карелии отсутствуют постсвидерские черты в индустрии. Следует также иметь в виду, что они противостоят восточнофинляндским не только по показателям материальной культуры, но и территориально, отделяясь водораздельными участками местности. Все это заставляет критически относиться к идее заселения данной территории из области Волго-Окского междуречья (Carpelan, 2001a) или группами кундско-бутовской общности через Онежско-Ладожский перешеек (Жилин, 2002a), равно как к идее включения кварцевых–кварцевосланцевых комплексов всей Карелии (в рамках выделенных Г. А. Панкрусевым) в культуру аскола – суомусъярви, рассматривая последнюю как результат сегментации культуры комса Северной Фенноскандии и движения ее населения на юг около VII тыс. до н. э. (Кольцов, 2000, с. 54–56). Несостоятельной

представляется гипотеза Г. А. Панкрушева о связи северокарельского мезолита с восточным приуральским или зауральским, и, по сути, та же, но в несколько укороченном виде идея о заселении северных–северо-западных районов Карелии и восточной Финляндии из южных районов восточного Прионежья (Шахнович, 2000, с. 86). Если иметь в виду явные и существенные различия между северокарельскими мезолитическими комплексами (не говоря уже о юго-восточных) и восточнофинляндскими, сходство последних с южнофинляндскими (культура суомусьярви) и их отличие от кундских, то можно предположить один путь заселения территории Финляндии потоком западноевропейского населения через Скандинавский полуостров.

Мезолит бассейна Онежского озера. Он представлен значительной группой памятников (около 170), хорошо локализованной территориально на площади примерно 260×100 км, отделенной от других частей края водораздельными участками местности и связанной с бассейном верхней Волги и с Балтийским морем. Исследовано более 70 объектов на участках от 12–20 до 500 м². На 15 поселениях вскрыты остатки жилищ (всего около 30), многочисленные хозяйственные сооружения – очаги из камня, каменные кладки и кострища разного характера и назначения и пр. (Филатова, 2004б). Все памятники размещаются по берегам Онежского озера и крупных озер его бассейна группами по 2–5 одновременных на расстоянии от 7–14 до 50 км друг от друга, что в известной степени характеризует традиции в системе расселения. Всего выявлено 15 таких групп, хотя их число при дальнейших исследованиях может увеличиться. Большинство поселений в момент существования, как показали палеогеографические исследования (см.: Девятова, 1986; Девятова и др., 1987), располагались на небольших островах вблизи континентальных берегов.

Изучение материалов выявило теснейшее единство всех онежских комплексов по технико-технологическим и морфотипологическим показателям в индустрии камня, в формах и типах жилых и прочих сооружений, принципах их строительства, топографии и условий размещения на местности, структуре и внутренней планировке поселений. Едины элементы культуры, отражающие

некоторые духовные и мировоззренческие стороны жизни. На основании этого все комплексы бассейна Онежского озера могут быть объединены в одну, онежскую, группировку в ранге археологической культуры (Филатова, 2004б). В нее органично входят стоянки кварцевого, кварцево-сланцевого и кремневого мезолита, которые хорошо вписываются в единую систему поселений разного назначения (базовые поселки с жилищами круглогодичного обитания, сезонные летние поселения и промысловые становища, сезонные зимние и летние стоянки), существовавшие синхронно (сезонные в качестве вспомогательных к базовым поселкам на период ведения промыслов) или самостоятельно в качестве единственных мест обитания (сезонные стоянки в финале культуры). Эта система отражает хозяйственно-экономическую структуру общества и разные, обусловленные внутренними факторами, хронологические этапы его развития. Установлены единообразие и одновременность процессов и динамики изменений на всей территории и во всех сторонах материальной культуры, что укрепляет тезис об однокультурности комплексов.

Для решения вопросов периодизации и хронологии онежских мезолитических памятников привлекались разные способы абсолютного и относительного датирования. Одним из них послужили палеогеографические и геоморфологические данные, давшие хроностратиграфическую основу для определения относительного и вероятного времени существования памятников (см.: Девятова, 1984, 1986; Девятова и др., 1987; Елина и др., 2000; Демидов и др. 2001). Установлено, что оптимальные для человека условия в регионе сложились не ранее РВ-периода, около 9300–8500 л. н.

Использовались радиоуглеродные датировки (не калиброваны), но их число пока незначительно по разным причинам, основная из них – трудности в отборе надежных по условиям залегания образцов (угля) в песчаных почвах, где культурные остатки сосредотачиваются на глубине от 0,05–0,10 до 0,7 м от современной поверхности или в погребенных под поздними отложениями, насыщенных пеплом и угольками почвах на глубине от 0,7 до 1,2–1,4 м. Границы существования культуры на основании самых надежных из них устанавливаются в пределах от 7720±100 (Оровнаволок IX)

до 7140 ± 80 , 7100 ± 50 , 7050 ± 150 (Пегрема VIII) – 6740 ± 50 л. н. (Оровनावолок XII). Последняя дата (по образцу торфа) фиксирует начало торфообразования в заливе, на берегу которого располагалось поселение, оно, по мнению Э. И. Девятовой, должно было прекратить свое существование на 200–300 лет раньше. Имеются более ранние даты – 8300 ± 80 (Бесов Нос VI) и 7940 ± 120 л. н. (Муромское VII), но связь первой с культурным слоем проблематична, археологический материал более всего синхронизируется с другой датой из того же нижнего слоя (7560 ± 100 л. н.). То же самое относится к ранней дате Муромского VII, мезолитический комплекс которого имеет много черт сходства с поселением Бесов Нос VI и более всего согласуется с другой из имеющихся дат (7600 ± 120 л. н.). Следует отметить, однако, что значительная площадь 6, и число (до шести) жилищ мезолитического поселения на его площадке (Косменко, 1992, с. 56–69) свидетельствуют о длительности существования и возможном возникновении несколько раньше, в пределах первой половины VI тыс. до н.э. Приведенные даты в целом неплохо коррелируются с палеогеографическими данными и археологическими материалами. Самая поздняя из всех имеющихся (сезонное поселение Черная Губа XIX, 6530 ± 80 л.н.) сомнительна по условиям залегания образца (угля из очага на глубине 0,35–0,4 м) и несоответствию инвентарю, тем более что вторая дата (3200 ± 60 л.н.) для этого памятника из линзы кострища на глубине 0,2–0,4 м ни с какими материалами не согласуется. Выявлена группа поселений более раннего времени, характеризующая начальный этап становления культуры (вторая четверть – середина VII тыс. до н. э. Их возраст устанавливался при сравнительном анализе с материалами других памятников, датированных разными способами.

Отметим, что общая схема хронологии онежских мезолитических комплексов разрабатывалась на базе синхронизации схем для локальных групп памятников (см.: Филатова, 2004б, табл. IV). Дело в том, что расположение нескольких поселений в таких группах вблизи друг друга (иногда в нескольких метрах), но в иных топографических и геоморфологических условиях (на разных по высоте и времени формирования древних береговых террасах и их

промежуточных уступах, в разных по литологии и, следовательно, процессам и времени образования осадках и т. д.) уже предполагает некую хронологическую последовательность существования. Каждая из таких групп занимает участки местности в пределах 1–2 км². Уже в силу такого размещения одновременное существование рядом нескольких поселений практически исключается. Для некоторых участков побережья Онежского озера устанавливается непрерывность обитания в течение всей эпохи мезолита. Разработанная схема периодизации онежского мезолита отражает этапы развития, обусловленные внутренними факторами. Примечательно отсутствие резких спадов или подъемов, а также инноваций, которые можно было бы соотнести с чужеродными влияниями или взаимодействиями с культурами других областей. Фиксируется лишь поступление кремневого сырья с разной степенью регулярности.

К числу характеризующих онежскую культуру памятников относится Оленеостровский могильник, пока единственный достоверный (Филатова, 2002, с. 177) погребальный комплекс, занимающий свое место в схеме ее периодизации и хронологии. Обращает внимание его расположение практически в центре ее территории, почти на равном удалении от локальных групп поселений, а также размещение на небольшом острове, столь характерное для поселений культуры. На сохранившейся части площадки вскрыто 177 погребений, но общее число захороненных могло достигать 600 (Гурина, 1956). Изучение сопровождающего погребения вещественного инвентаря в сравнительном плане с онежскими поселенческими мезолитическими комплексами (см.: Филатова, 2002, с. 177–211) показало теснейшее сходство по всем основным показателям. Для могильника характерен тот же принцип распределения видов сырья и сфер его применения. Единичность кварцевого инвентаря обусловлена характером памятника и, очевидно, обрядовыми нормами, не допускающими в качестве погребальных атрибутов утилитарно-бытовых массовых изделий (скребки, резцы, сверла и пр.), которые производились в основном из кварца. Этот вывод подтверждает единичность в могильнике таких же форм из кремня. К данной группе изделий, судя по морфопоказателям, относятся

наконечники стрел из кварца. Примечательно также, что большинство сланцевых крупных орудий могильника аналогичны широко распространенным на онежских поселениях мотыгам для работ по земле и кайлам для дробления льда. Лишь одно изделие можно отнести к числу тоже типичных деревообрабатывающих инструментов типа тесел. Что же касается сланцевых ножей, то, судя по их особому в сравнении с другими предметами расположению (над головой погребаемых) и незначительному числу в богатейших и разнообразнейших сланцевых поселенческих комплексах (известно 13 аналогичных ножей из поселений на западном, северном и северо-восточном побережьях озера), они, вероятнее всего, выполняли роль погребальных атрибутов специального назначения. Не устанавливается их связи с какими-либо группами погребенных или частями площадки. Отметим, что функция этих изделий достоверно не определена, но, по-видимому, связана с определенной символикой и была одноразовой, поскольку для длительного использования (в качестве ножей, пил и пр.) эти изделия из-за своей хрупкости непригодны. Комплексы инвентаря могильника и поселений тождественны по технико-технологическим и морфотипологическим показателям главнейших и массовых форм, в том числе кремневых наконечников стрел, безусловно, местного происхождения. Весьма показательны, что аналоги всем каменным изделиям могильника имеются на поселениях из разных локально-территориальных групп, составляющих в сумме онежскую культуру. Выявлена группа наиболее тесно связанных с могильником, датированных временем от середины VII до начала VI тыс. до н. э. (в пределах 8500–7800 л. н.). Время существования некрополя, если исходить из чрезвычайной типологической и хронологической однородности его материалов (на что указывала и Н. Н. Гурина), был, по-видимому, несколько меньшим. Заметные эволюционные изменения материальной культуры в онежском ареале отчетливо фиксируются через интервалы не более чем в 300 лет. Можно предполагать такой отрезок времени максимальным для функционирования могильника. Не исключается некоторое уточнение нижней границы в сторону удревнения, но верхняя не может быть моложе установленной.

Существующие для памятника даты по С¹⁴ (Мамонова, Сулержицкий, 1989; Зайцева и др., 1997; Price, Lakobs, 1990) не могут быть приняты за основу из-за значительного разрыва между крайними и явной несогласованности с установленными по материалам поселений схемами периодизации и хронологии мезолита в бассейне Онежского озера. Оленеостровский могильник возник в местной среде на определенном этапе эволюции культуры, спустя заметный отрезок времени с начала освоения территории людскими коллективами. Судя по расположению самых ранних памятников, ее освоение началось крупными, самодостаточными по численности для обитания в новых условиях группами практически одновременно по юго-западному – западному и юго-восточному – северо-восточному берегам Онежского водоема. Могильник мог появиться как результат объединения мелких коллективов в единое сообщество и отражает его стабилизацию как социального организма.

На следующей по времени стадии развития культуры (со второй четверти VI тыс. до н.э.), по причине внутренних эволюционных изменений, сходство инвентаря могильника и поселений выражено менее отчетливо. Можно полагать, что к этому времени некрополь утратил прежнюю консолидирующую роль и прекратил функционирование. Это подтверждает начавшийся некоторое время спустя упадок культуры, выразившийся в исчезновении отдельных технико-технологических направлений и стилей в индустрии камня, уменьшении ассортимента изделий (и, следовательно, связанных с ними видов производственно-хозяйственной и другой деятельности), их морфотипологического разнообразия, деградации форм некоторых из них (отчетливее всего это проявилось в наконечниках стрел на кремневых пластинках), постепенном сокращении числа жилищ на одном поселении (от 3–5 до одного), а затем исчезновении их в виде стационарных фундаментальных полуземлянок и пр. Показателем регресса можно считать уменьшение числа поселений а также их размеров, появление различного рода сезонных небольших стоянок. Можно предполагать постепенные изменения в образе жизни (совпадающие с переменами в климате и других сферах природного окружения) от ранее полностью оседлого к частично (на

период ведения промыслов) оседлому, а затем к еще более подвижному при сохранении главенства охоты. Постепенно снижались объемы поступления кремня и, тем самым, регулярность контактов с соседними областями. Фиксируемая онежской культурой популяция развивалась в условиях известной изоляции, которая к концу эпохи стала еще значительнее и, вероятно, явилась одной из причин полной стагнации в ее развитии. Общество не имело ресурсов для перерастания в качественно новое (для усвоения новаций в индустрии камня с целью преодоления тупика в технике и технологии, производства посуды из глины и т.д.) и было полностью разрушено. Этот факт весьма важен для понимания характера преемственности со сменившим его на этой территории новым сообществом. Согласно последним данным (Филатова, 2004а, с. 85–87), немногочисленное мезолитическое население слабо контактирующих между собой локальных групп в короткий срок было ассимилировано мощной волной носителей керамики типа сперрингс. В новой культуре прослеживается незначительное число малосущественных элементов, заимствованных от предшествующей (отдельные морфотипы и технические приемы изготовления изделий только из местных видов сырья), совершенно не определяющих ее облик и традиции. Основные ее черты, по крайней мере в индустрии камня, не имеют эволюционных связей с мезолитической и характеризуют новый, неолитический уровень развития. Можно говорить на основе этого о резкой смене населения в бассейне Онежского озера в начале неолита и отсутствии преемственности в развитии его материальной культуры от предшествующей по времени. В плоскости этноисторических реконструкций это отнюдь не обязательно влекло также чужеродность нового населения генетически, в расовом отношении и по языку. Согласно новым данным, раннеолитическое население центральной части лесной зоны Восточной Европы, и в частности носители верхневолжской керамики, с которой большинство исследователей связывает происхождение раннеолитической посуды типа сперрингс в онежском ареале, относится к европеоидному расовому типу и преемственно в этом плане мезолитическому (Алексеева, 1997, с. 18–41; Алексеева, Круц, 2002, с. 254–278).

Онежскую культуру можно представить как социальное образование с некоторыми признаками этнического порядка, такими как единство территории и материальной культуры, погребальной традиции, обусловленной наличием единой для всего населения системы миропонимания, правил и норм поведения. Не исключается существование общего надзорного или контролирующего определенного рода отношения органа в лице одного или нескольких человек (лидеров), на роль которых могут претендовать погребенные с жезлами в Оленеостровском могильнике. Следуя этнологическим понятиям, данную археологическую культуру можно рассматривать как популяцию, выстроенную на базе определенных (родоплеменных?) отношений, объединявшую несколько локально-территориальных групп из 1–2 малых семей (?), обитавших каждая на своем участке. Эти группы, очевидно, были экономически самостоятельными на базе комплексного ведения хозяйства (охота – рыболовство – собирательство) в условиях богатой разнообразными биоресурсами территории. Неизбежные для выживания и воспроизводства связи между ними могли привести к осознанию своего единства по принадлежности и генезису, появлению определенного самосознания (самоидентификации). Не исключается существование понятного всем языка. Судя по числу одновременно бытовавших жилищ на одном поселении (от 1–5, с численностью до 10 человек в каждом), числа одновременных поселений в группах (от одного до 2–3 в 14–15 группах как минимум) общая численность населения онежской культуры в период расцвета могла достигать 750 или более человек.

Быстрой культурной интеграции мигрировавшего на берега Онежского озера населения, очевидно, способствовала принадлежность к одной или нескольким и генетически родственным локальным культурам в составе крупной этнокультурной общности. Учитывая сравнительно позднее время сложения онежской культуры, можно предполагать, что в ранее освоенных областях такие образования уже сложились, имелись стимулы, способствовавшие движению на новые территории. Вопрос в том, какие из выделяемых исследователями образований могли быть исходными для онежского мезолита, т. е. какова в конечном счете этнокуль-

турная принадлежность населения. Напомним, что решение его пока возможно на уровне аналогов в материальной культуре и выявления на этой основе общего направления связей. Но прежде отметим, что некоторое число таких аналогов или черт сходства наблюдается только в самых ранних онежских комплексах, положивших начало формированию культуры. Позднее, примерно с последней четверти VII тыс. до н.э., они не отмечаются, фиксируются лишь контакты, обеспечивающие поступление (довольно нерегулярное) кремневого сырья.

Вполне явные черты сходства отмечаются с комплексом Веретья I, проявляющиеся в близости некоторых морфотипов макроформ (типы III и VI, по Ошибкиной) и технических приемов их изготовления (пикетаж, двусторонняя оббивка), отдельных формах кремневого и костяного инвентаря, элементах и мотивах узоров орнаментов на изделиях. Они прослеживаются также в материалах стоянок типа Андозера M, могильника Попово, с последним близость устанавливается по некоторым нормам погребального обряда (погребение в ямах по обряду труположения, засыпка охрой, использование в качестве погребальных атрибутов сланцевых изделий типа мотыг и пр.). Есть и различия, например, в технике домостроения, форме и типе жилищ, что, впрочем, могло обуславливаться природными условиями. Отсутствуют известные в Веретье I некоторые типы наконечников стрел, скребков (мелкие округлые), макроформ (острообушные и короткие прямые вставки), резцов, крупные пластинки из кремня и др., некоторые элементы погребального обряда, например, сооружение ритуальных ям с костями животных. Сходство веретинских и онежских комплексов отмечается другими исследователями (Ошибкина, 1983, с. 176–178, 1997, с. 148; Жилин, 1996, с. 50–56).

Аналоги ряду элементов онежской культуры, судя по опубликованным материалам (см.: Иванищев, Иванищева, 2000; Косорукова, 1998; Жилин, 1993, 1996; Кольцов, Жилин, 1999; Жилин и др., 2002) имеются на памятниках типа Тудозеро V на южном побережье Онежского озера за пределами культуры, а также характеризующих поздний этап бутовской культуры или в производных, как считается, от нее комплексах бассейна р. Шексны и ряда верхне-

волжских. В их числе подвески с надпилами на концах, некоторые сверленные формы (крупные и мелкие гальки), наконечники стрел, отдельные типы макроформ и приемы их оформления (оббитые с одной или обеих сторон, с горбатой спинкой, с прямым толстым обухом и др.), техника нанесения и узоры орнамента на гравированных каменных и костяных изделиях. Отмечается близость отдельных типов охотничьего костяного оружия.

Существует также ряд культурных единиц, связи с которыми более отдаленные, точнее, устанавливаются лишь по факту наличия кремневых наконечников стрел на пластинках. Это культуры так называемой постсвидерской общности, образовавшейся после распада верхнепалеолитической свидерской и включавшей первоначально неманскую, кунда, веретинскую и бутовскую; последнюю считают сформировавшейся в результате продвижения свидерского населения в Волго-Окское междуречье, «метисации его с носителями аренбургских и местных палеолитических традиций с формами острий, типичными для культурных групп федермессер, происходящей в ходе миграции и после нее» (Кольцов, 2000, с. 54). С ней связывается происхождение постсвидерских валдайской, сухонской и парчевской культур, а также онежской, правда, в рамках «кремневого мезолита». Намечаемая постсвидерская общность противопоставляется другой, сложившейся на базе аренбургской общности и местного палеолита, включавшей иеневскую культуру Волго-Окского междуречья, в основе которой исследователь полагает аренбургское (или постлингбийское) население и местный палеолит типа Заозерья – Алтыново, а также песочноровскую (деснинскую) группу памятников верхнего Подднепровья.

Предложенные Л. В. Кольцовым две крупные культурные общности (которые, очевидно, следует понимать в ранге этнокультурных), состав включенных в них культур, роль тех или иных компонентов (традиций) в их сложении и пр. принимаются не всеми исследователями. Так, иначе рассматривается механизм сложения иеневской культуры (Сорокин, 2002, с. 122–131), а происхождение веретинской связывается с западноевропейскими мезолитическими образованиями (Ошибкина, 1997, с. 147–151). Что же касается

онежского мезолита, то совершенно определенно можно говорить об отсутствии связей любого рода с культурами второй из предложенных общностей. Думается, этот факт не нуждается в особой аргументации при знакомстве с характерными для этих культур материалами (см.: Кравцов, Спиридонова, 1996; Сорокин, 2002 и др.).

Некоторые исследователи полагают вероятной особо тесную близость культур кунда и бутовской в рамках сложившейся уже на раннем этапе мезолита кундско-бутовской общности (Жилин, 2002). По его мнению, одна часть населения ее двигалась в северо-западном направлении через Карельский перешеек в южную Финляндию, другая – в северное Приладожье, а затем, повернув на восток, дошла до северного побережья Онежского озера. Напомним, что о таком пути заселения территории Карелии говорить, по меньшей мере преждевременно в силу отсутствия материалов мезолита в ее юго-западной части. Кроме того, ряд недавно исследованных в Молого-Шекснинском междуречье памятников (Марьино 4, типа Лотовой Горы и др.) датируется второй половиной РВ-периода, хронологический разрыв между ними и древнейшими онежскими весьма значителен, что не позволяет проводить прямые аналогии, тем более что в некоторых из них отмечается влияние, например, иеневской культуры (Косорукова, 2000, с. 95). К тому же культурная принадлежность Лотовой Горы окончательно не определена, хотя исследовательница не склонна видеть истоки подобных комплексов (наряду с памятниками Пулли и Бутово I) в свидерской общности и ведет их происхождение вслед за М. Г. Жилиным от позднесвидерских и ранних постсвидерских (по цепочке Саласпилс – Лаукскола – Тихоново – Марьино 4), ставя при этом под сомнение кундскую принадлежность стоянки Пулли. Более поздние и преемственные в культурном плане памятники бассейна р. Шексны типа Андозеро М исследовательница полагает основой для онежских типа Муромское VII, фиксирующих дальнейшее продвижение постсвидерского населения на север. Не отрицается ею наличие отдельных черт сходства памятников типа Андозеро М с кундскими, но признается при этом, что это сходство не означает их происхождения от культуры кунда, а

свидетельствует о сходных процессах в эволюции каменной индустрии (Косорукова, 2000, с. 97).

Согласно другим представлениям, онежские мезолитические комплексы входят в обширный ареал постсвидерских культур, истоки которых находятся в юго-восточной Прибалтике (Косменко, 2003, с. 30) и ведут свое происхождение непосредственно от культуры кунда (Косменко, 1992, с. 110). Справедливо признавая влияние кварцевой индустрии (точнее, техники и технологии обработки кварца) на кремневую в данных комплексах, исследователь считает, что это (т.е. апробация индустрии кварца и сланца) произошло на территории культуры кунда, а не в местных условиях, где пришельцы продолжили свои традиции в этой стороне материальной культуры. Подтверждением этому он полагает отсутствие в кремневых комплексах онежских памятников карандашевидных и конических нуклеусов, геометрических микролитов и кремневых макроформ, плохое качество ножевидных пластинок, что, по его мнению, не подтверждает идею о связи онежского мезолита с буттовской культурой или шире – с мезолитом Волго-Окского междуречья. Непонятно, однако, почему приспособление изначальной кремневой техники и технологии к местным условиям не могло произойти в онежском ареале, тем более что апробировалась позднебуттовская индустрия типа Окаево 5, Озерки 5, Ивановское VII, верхний слой и др. Кроме того, в позднемезолитических верхневолжских комплексах весьма заметно число макроформ, а техника их изготовления близка к раннеонежским. В онежских комплексах действительно практически нет кремневых карандашевидных нуклеусов, известные там формы предельно сработанные, близкие к клиновидным и призматическим типам, аналогичные кварцевым, с преобладанием той же системы первичного расщепления. Заметим также, что геометрических микролитов нет в вертинской культуре, происхождение которой не связывается с культурой кунда, наоборот, подчеркиваются отличия последней от восточноприонежских комплексов; те же отличия, кстати сказать, характерны и для онежских комплексов. Некоторое число общих признаков вполне объяснимо сходными путями развития (Косменко, 1992, с. 110) в близких природных условиях, при дефиците

кремня. Но следует иметь в виду немногочисленность материалов культуры кунда, смешанный состав основных коллекций в сравнении с большинством онежских.

Высказано мнение о включении мезолита всей территории Карелии вместе с мезолитом Кольского полуострова, веретинской культурой и, возможно, финляндской суомусьярви в один круг культур (или индустрий) Западного региона северной части лесной зоны, возможно, отражающий этнокультурную близость с культурами Северной Европы, распространявшимися по побережьям Иольдиевого моря – Анцилового озера (Ошибкина, 1997, с. 147–152). В ходе начавшегося в верхнем палеолите продвижения в восточном направлении это население составило основу веретинской культуры, а группы последней во второй половине VII тыс. до н.э. двинулись на берега Онежского озера, при этом смешиваясь с каким-то местным компонентом, результатом чего и является Оленеостровский могильник и подобные памятники (Ошибкина, 1997, с. 152). Территория другого, Восточного, массива, включающего мезолит бассейнов рек Сухоны, Северной Двины, Вычегды и Печоры, заселялась с областей Русской равнины и, вероятно, из Уральского и Западно-Сибирского регионов. Наличие некоторых черт сходства веретинской культуры и культур бассейна Волги исследовательница объясняет территориальной близостью, контактами и возможными периодическими подвижками населения в северном направлении; культурное же единство отрицается.

В связи с этим отметим, что указанные С. В. Ошибкиной общие элементы культур кунда и веретинской (округлые скребочки, топоры с острым обухом, некоторые формы из кости и пр.) не характерны для онежского мезолита, единственное связующее их звено – так называемые постсвидерские наконечники стрел, которые встречены также в Веретье I вместе с другими формами стрел. Уже указывалось на обусловленные принадлежностью к разным исходным традициям различия между северокарельскими и онежскими комплексами, на отличия того же плана последних от финляндских. В намеченный Западный регион, таким образом, по праву связей с кольским мезолитом могут быть включены только памятники северной части Карелии, которые нельзя сближать с

онежскими лишь на основании использования в последних в значительных объемах кварцевого сырья и в силу этого главенства отщепов и осколков в этой части индустрии камня. Наличие заметного числа существенных по своему значению признаков веретинской культуры в онежском мезолите действительно вполне можно считать следствием проникновения групп ее населения, но это было самое первое население, а Оленеостровский могильник возник почти 400 лет спустя в среде адаптировавшегося в новом природном окружении и уже создавшего свою самобытную культуру населения. И это при условии датировки могильника концом VII – началом VI тыс. до н. э., а не более поздним временем, например, второй половиной VI тыс. до н. э., что, как уже отмечалось, совершенно не согласуется с наиболее надежно датированными также по C^{14} онежскими комплексами типа Муромское VII, Оровнаволок IX, Бесов Нос VI, Кладовец IV, Пегрема VIII и др.

Вполне вероятно, что причина разнообразия взглядов на генезис ранних мезолитических культур лесной зоны в недостаточной изученности древностей предшествующего времени центра Русской равнины. Наличие финальнопалеолитического компонента не отрицается в веретинской культуре. В последнее время о нем все чаще говорят в связи с решением вопросов происхождения бутовской культуры и близких ей или производных от нее комплексов более северных областей. Расхождения взглядов на механизм сложения древнейших и исходных для ряда этих образований культур довольно существенны.

По одним данным, основу бутовской культуры составила продолжавшая местные финальнопалеолитические традиции раннемезолитическая рессетинская культура, впитавшая также небольшую часть уже трансформировавшихся элементов свидерской палеолитической культуры в ходе продвижения постсвидерского населения из основной зоны его расселения (Полесье, Польская низменность) в Волго-Окское междуречье (Сорокин, 2002, с. 115–122). Касясь происхождения культуры кунда, исследователь считает наиболее вероятным южный, а не западноприбалтийский генезис комплексов типа Пулли из-за отсутствия веских доказательств их связи с более поздними кундскими, в то время как, например, с

рессетинскими они очевидны и могут свидетельствовать о миграции населения последней по Западной Двине на восточное побережье Балтийского моря. Вызывает сомнение постсвидерская основа культуры кунда, исследователь предполагает разнокультурность мезолитического населения центра Русской равнины, считая, что в сложении культур этого региона принимали участие потомки верхнепалеолитического населения (рессетинская культура), группы пришлого из Западной Европы (комплексы типа федермессер и лингби, аренбургской и свидерской традиций), но характер их взаимоотношений требует более точных оценок и может быть установлен с появлением новых данных и критического осмысления имеющихся в распоряжении исследователей. По мнению А. Н. Сорокина, присутствие отдельных, сильно трансформированных в сравнении со свидерскими типов изделий (например наконечников стрел) в Волго-Окском мезолите можно объяснить как синстадиальное явление; возможно, в этот регион пришли не прямые потомки свидерцев или вообще инокультурное население. Отмечается присутствие наконечников «свидерской» традиции в финальном палеолите юга Русской равнины, что может свидетельствовать о генетической связи с этими комплексами (Сорокин, 2002, с. 167). Исследователь совершенно справедливо указывает на неопределенность термина постсвидерские, на отсутствие корректного сравнения культур этого круга.

Тезис о возможном независимом возникновении некоторых форм, в том числе наконечников стрел свидерско-постсвидерского облика, находит подтверждение у исследователей, изучавших особенности свидерской техники и технологии (Желтова, 1994, 2000). Действительно, вряд ли можно ожидать иных форм изделий в эпоху господства в качестве заготовок ножевидных пластинок и в целом пластинчатой индустрии. Довольно ограниченными были способы вторичной обработки, при этом разными были уровни ее развития, во многом обусловленные использованием различного по качествам сырья, тем более что с появлением новых данных по мезолиту и финальному палеолиту в лесной зоне Восточной Европы разногласия во мнениях исследователей только увеличиваются. Предполагают, например, что исходной для мезолитических

комплексов северных территорий являлась подольская культура финала палеолита – раннего мезолита, в истоке ее усматривают культурные традиции западноевропейской общности бромме – лингби. Распространение последней трактуется как миграция населения со своим технокомплексом, который проходит определенную эволюцию в местных условиях (но не под влиянием местных традиций); общность бромме – лингби признается однопорядковой свидерской и аренбургской культурным образованиям Северной Европы (Синицына, 2000; Синицына, Синицын, 2002).

В этой связи весьма продуктивным представляется заключение о культурной преемственности в технологии обработки камня, изучение которой не только в общем плане, но и по другим деталям «может дать признаки, определяющие культурную специфику индустрии», ранних комплексов иеневской культуры в бассейне р. Оки от восточнограветийских (Зарайская стоянка и др.), связанных в свою очередь с еще более ранней общекостенковской (костенковско-виллендорфской) традицией (Амирханов, 2002, с. 83 и далее). Наряду с этой констатируется параллельное существование другой линии развития в Поочье, не имеющей связей с иеневской индустрией. Участие в сложении мезолитических культур центра Русской равнины палеолитических комплексов по наличию определенных форм изделий предполагают другие исследователи (Кравцов, 1998, с. 203–207).

Несмотря на существующую противоречивость взглядов по вопросам генезиса мезолитических культур лесной зоны и центра Русской равнины, непреложным фактом остается связь именно с этим регионом мезолитических комплексов бассейна Онежского озера. Устанавливается лишь одно южное – юго-восточное ее направление. Тем самым очерчивается область наиболее близких культурных образований, которые можно принять в качестве исходных – это веретинская культура, комплексы типа Тудозеро V, Андозеро M бассейна р. Шексны и верхневолжские позднебутовские. Вполне возможно, что именно население этих мест положило начало освоению побережий Онежского водоема с началом последнеледниковой перестройки природной среды, оформления лесных биоценозов, повлекших его в более северные районы. Освоение

восточнобалтийского побережья также могло происходить в ходе этого движения и не раньше чем бассейна верхней Волги. Онежская культура, таким образом, может являться конечным пунктом продолжавшейся тысячелетия экспансии, северо-западной окраиной общности, включавшей ряд родственных локальных культур. Основу этого потока, его авангард, вполне могло составить пережившее максимум валдайского оледенения палеолитическое население южных областей Русской равнины. Судя по последним данным (см., например: Восточный граветт, 1998; Верхний палеолит – верхний плейстоцен, 2002), оно сохранило основу материальной культуры предшествующей поры, возможно, не нуждающуюся в стимулирующем влиянии западноевропейского палеолита. Это были, очевидно, представители уже складывавшихся, по мнению исследователей, в среднюю пору верхнего палеолита локальных культур (возможно, более крупных и менее структурированных социально в сравнении с мезолитическими). Население западноевропейских областей (к западу от р. Неман), начавшее несколько ранее или в то же время осваивать Скандинавский полуостров, вряд ли имело необходимое количество людских ресурсов и существенные стимулы для освоения также восточных областей. Безусловны взаимодействия групп в периферийных зонах, но их характер и степень взаимовлияний следует оценивать по сумме фактов, появление одного или нескольких новых элементов в материальной культуре не обязательно означает усвоение традиций новой культуры в полном объеме, а тем более смену населения или иные столь же кардинальные новации.

Результатом таких сложных явлений и процессов и явилась мезолитическая культура в бассейне Онежского озера в конце ВО-периода с характерным для всего основного (до конца VI тыс. до н. э.) времени ее существования полностью (круглогодично) оседлым образом жизни населения. Следует отметить, что апробация такого жизненного уклада в лесной зоне произошла ранее в веретинской культуре (Ошибкина, 1997, с. 124–127), вероятно, уже в период функционирования могильников в Песчанице и Попово. В это же время или чуть ранее оседлость, во многом вызванная переходом к стабильной охоте на определенной территории на слабо

кочующих животных, могла быть у населения бассейна верхней Волги, если судить по наличию заметного числа поселений с достаточно фундаментальными жилищами. Примечательно, что отселение двух групп населения из основного ядра в противоположных направлениях в пределах 150 км на легко доступные по рекам и близкие по экологии территории фиксируется в онежской культуре. Причем эта подвижка населения приходится на период расцвета культуры, на этап существования наибольшего числа поселений.

Движение верхнепалеолитического-раннемезолитического населения Русской равнины на север шло, по-видимому, широким фронтом, вплоть до крайних северо-восточных областей в бассейне рек Вычегды, Ижмы, Выми, Печоры. Об этом свидетельствует распространение комплексов парчевской культуры, куда включают также Висский I торфяник (Волокитин, 1997, с. 106). Следует отметить, однако, что сходство материалов последнего с культурой кунда сильно преувеличено, здесь нет характерных для нее острообушных, сделанных в основном на галечных конкрециях и произвольных по очертаниям макроформ, существенны различия в технике и деталях оформления изделий из кости и дерева. На это в свое время указывала С. В. Ошибкина (1983, с. 275), отрицавшая сходство висских комплексов также с веретинскими. В той же мере, несмотря на утверждения некоторых исследователей, они не имеют его с комплексами мезолита бассейна Онежского озера. Макроформы Висского I торфяника отличны от южнокарельских по многим признакам формы (квадратные или овальные уплощенные в сечении), техники (шлифовка по боковым граням, иные способы первичного оформления), мотивам гравировки изделий из камня. Существенны различия в кремневом инвентаре, в том числе наконечниках стрел, менее выразительных по способам обработки поверхностей заготовок, меньших по размерам, хотя в целом тоже характеризующих «поствидерские» типы. Сказанное относится к другим комплексам данной культуры (см.: Волокитин, 1997, рис. 11–26). Думается, нет необходимости искать аналоги этим формам, в первую очередь крупным из сланца и других горных пород, в отдаленных западных областях. Они вполне самобытны,

безусловно произведены на месте в своих традициях. Кроме того, присутствие подшлифованных макроформ из сланца отнюдь не особенность мезолита Карелии, Фенноскандии или культуры кунда. Довольно раннее появление таких видов изделий, в том числе из кремня и других горных пород, характерно для более южных культур мезолита и везде, очевидно, было обусловлено хозяйственно-экономическими факторами и условиями обитания в лесном окружении. Вряд ли только факт их наличия можно трактовать как признак родства и единства происхождения.

В отличие от парчевской культуры с ее южными – юго-западными направлениями связей, комплексы, объединенные в средневычегодскую культуру, сближают с мезолитом Камско-Вятского междуречья, камской и романовско-ильмурзинской культурами, генетически связывают с заключительным этапом верхнего палеолита Урала и Западной Сибири (Волокитин, 1997, с. 144–145). Но эта культура, по мнению исследователя, существовала недолго (в пределах VIII тыс. до н. э.), отчасти синхронно ранней стадии парчевской, и не имела продолжения. Выделяется также группа памятников смешанной (западной и приуральской) традиции, более поздних по времени, место которых в мезолите Северо-Востока Европы пока окончательно не определено.

Черты восточноевропейского (верхневолжского и волго-окского) мезолита, маркирующие восточную границу его связей, прослеживаются в усть-камской культуре, связанной происхождением с местным финальным палеолитом (Косменко, 1977, с. 94–100), что не отрицается и другими исследователями (Кольцов, 2000). Предполагают также, что усть-камская и иеневская культуры вместе с песочноровской и зимовниковской составляют на территории Восточной Европы единую историко-культурную область, которая со скандинавскими культурами фосна и комса входит в постаренбургскую общность (Сорокин, 2002, с. 129). По другим данным, культурная атрибуция позднепалеолитических комплексов устья р. Камы в полной мере пока невозможна, указывается лишь на некоторые общие элементы с финальнопалеолитическими стоянками верхней Волги, на близость ранних усть-камских, финальнопалеолитических и раннемезолитических комплексов

Пермского Прикамья и на более отдаленную с южноуральскими, при этом не отрицается связь с иеневской культурой (Галимова, 2001, с. 148–150). Анализ материалов, считает исследовательница, не подтверждает гипотезу А. Х. Халикова (1991) о сибирских истоках раннемезолитических комплексов средней Волги и Прикамья, рассматривающую их как результат движения сибирского населения урало-алтайской языковой и этнической общности в бассейны рек Волги и Камы. Давно высказанное мнение о европейской принадлежности финальнопалеолитических памятников среднего Поволжья и Прикамья (Косменко, 1977, с. 100) нашло поддержку у других исследователей, полагавших, что в палеолитических материалах Урала и среднего Поволжья нет сибирских черт, все параллели европейские (Формозов, 1977а). Фиксируются также связи с Прикубанью и Приазовьем. Именно с европейским палеолитом связывают некоторые сибирские комплексы, свидетельствующие о распространении европейских верхнепалеолитических культур в восточном направлении (Аникович, 1998, с. 35–66).

Согласно другим данным, первое проникновение человека в северо-восточные районы (в бассейн Камы) могло произойти еще в среднем палеолите, более определенно – в раннюю пору верхнего палеолита с центральных – юго-западных областей Русской равнины (группы костенковско-стрелецкой общности), но в максимум валдайского оледенения территория была покинута. На базе появившихся 16–17 тыс. л.н. новых групп населения, генетически связанных с североазиатским палеолитом, формируется среднеуральская культура – общеуральская общность в ареале от приполярного до южного Урала, возможные отдаленные предки финно-угорских народов (Павлов, 1997, с. 44–90). С ней связывают финальнопалеолитические и раннемезолитические комплексы среднего Поволжья и Прикамья, характеризующие движение населения северо-восточного региона в эпоху позднего валдая на юг (Мельничук, Павлов, 1987). Существует еще более радикальное мнение о связи не только приуральско-камского и поволжского мезолита, но и западных культур бассейна Оки и верхней Волги с сибирским палеолитом по цепочке культурно преемственных комплексов (Сидоров, 1996). Исследователь полагает это население

древнейшим в лесной восточноевропейской зоне, заселившим берега приледниковых озер с начала дегляциации последнего ледника, и не исключает принадлежности мигрантов предкам финских народов. Большинство исследователей эти гипотезы не поддерживаются в силу ее неадекватности старым и новым материалам по верхнему палеолиту и мезолиту. Наоборот, новые данные позволяют все увереннее говорить о распространении восточноевропейского палеолита в Южную Сибирь и о главенстве местного верхнепалеолитического субстрата в сложении мезолитических культур лесной зоны Восточной Европы, в том числе в ее крайних северо-восточных районах. Именно неподтвержденность гипотез о его восточных корнях археологическими данными послужила основной причиной поисков рядом зарубежных исследователей истоков предков народов финно-угорской языковой семьи в южных и центральных восточноевропейских областях.

Антропологические аспекты происхождения мезолитического населения Карелии

Как уже отмечалось, одним из важнейших источников решения проблем этнокультурной принадлежности и генезиса населения эпохи первобытности могут служить антропологические материалы, но при условии представительности выборок, достоверности их хронологической привязки и корректности методики анализа. Основное внимание исследователей обычно направлено на изучение краниологических серий в полном объеме или частично. При этом выбираются различные методы и подходы. Одни исследователи считают наиболее результативной оценку групповой изменчивости (что не всегда возможно в полном объеме из-за недостаточной представительности серии), другие опираются на визуальные данные отдельных индивидов, т. е. на описание морфологических вариаций (Алексеева, 1997). При этом, по-видимому, не все методики отвечают пониманию расы как динамической категории, изменения в которой связаны с процессами смешения и изоляции, а также с направленным изменением признаков в результате морфологической перестройки организмов и воздействий среды ... «Такое понимание расы требует тщательного обоснования при генетическом истолковании

морфологического сходства (возможность конвергентного развития) и в то же время, наоборот, известного скептицизма при попытках отрицать родство, основываясь на признаках, подверженных быстрым изменениям во времени». Кроме того, необходимо соблюдение принципов соподчинения расовых категорий, что позволяет выделять расовые комплексы разных уровней значимости (учитывая древность признаков, положенных в основу выделяемого типа, оценки степени их исторической корреляции с другими) и лишь затем «от констатации морфологического сходства переходить к установлению генетического родства» (Алексеев, 1969, с. 24). Касаясь значения антропологических данных в этногенетических исследованиях, исследователь полагает, что этапы этногенетического процесса «в той мере, в какой он отразился в расовых типах народов», можно осветить только на основе этих данных, выявляя процесс преобладания типов во времени и общей динамике расообразования (эпохальная изменчивость признаков, характер межгрупповой изменчивости и пр.) по пути ретроспекций; необходимо также сопоставлять палеокраниологические данные и соматологические наблюдения, имея в виду при этом, что выработанные стандартные величины разниц измерений на живом субъекте и палеокраниологическом материале весьма субъективны, не могут считаться достаточно точными и не удовлетворяют требованиям статистической достоверности (Алексеев, 1969, с. 34–37). Последние замечания весьма существенны и ставят под сомнение, например, широко известные реконструкции черепов из Оленеостровского могильника с их весьма выразительной расовой неоднородностью.

Различия в подходах и методах оценки антропологических материалов в известной степени сказываются на выводах о расовой принадлежности и этапах расогенеза, в том числе этносов финно-угорской языковой семьи при выявлении исходных для них антропологических типов, вариантов и признаков. Выводы большинства исследователей не подтверждают опирающуюся в основном на лингвистику концепцию о существовании в древности единого для этих этносов физического типа и единой прародины. Считаются доказанными полиморфизм антропологических признаков, широкий спектр типологически разнородных характеристик, что

свидетельствует о сложных путях расогенеза и многообразии контактов, о формировании их предков на широкой территории, охватывающей периферию монголоидного и европеоидного ареалов, в расово разнородной среде, очевидно, в обширном регионе Приуралья – Зауралья и Южной Сибири при этнических связях с населением соседних регионов (Алексеев, 1969, с. 115, 158, 1974а, б). Исследователь считает, что отдельные группы финно-угорских народов имеют неодинаковое происхождение, и делает вывод о сравнительно позднем (наряду с другими современными народами) времени их сложения (в пределах первой половины II тыс. н. э.), хотя преемственность в материальной культуре может проследиваться глубже.

Другие исследователи, поддерживая идею сложения финно-угорских этносов в результате грандиозного смешения европеоидов и монголоидов (см.: Жиров, 1940) и суждения о едином антропологическом типе предков финно-угорских этносов в пределах уральской расы (урало-лапоноидной группы типов, включающей обский, лапоноидный, сублапоноидный и субуральский типы), на основе анализа соматологических признаков у разных групп финноязычных народов, делают вывод о распространении древнейших уральских (протولاпоноидных) форм на Восточно-Европейскую равнину в позднем мезолите в результате движения на запад уральского населения из региона между нижним течением р. Оби и верховьями р. Печоры; в эпоху неолита этот тип уже был распространен везде, где известны памятники, исторически связанные с финно-уграми (Марк, 1970, 1974). Согласно другому мнению (Бунак, 1956, 1958), на начальной стадии расогенеза существовало несколько очагов расообразования, один из них с комплексом нейтральных протоморфных, не связанных с большими расами признаков, находился в Северной Евразии в качестве уральского антропологического типа (уральская раса) – предков народов финно-угорской языковой семьи; данный тип, по мнению исследователя, образовался не в результате смешения двух рас, а на базе сохранившихся древних недифференцированных форм, содержащих некоторые европеоидные и монголоидные черты, выделяемые в палеокраниологических сериях; образование его происходило на

основе верхнепалеолитических популяций в холодном и влажном климате. Эта концепция, однако, сразу же была оспорена как противоречащая установленным в ходе многих исследований закономерностям изменчивости признаков и характера связи между ними, в силу чего недифференцированные типы должны отличаться противоречивым сочетанием признаков (Алексеев, 1969, с. 115).

Гипотезы о принадлежности населения Севера Восточной Европы к особой уральской расе с определенным числом монголоидных черт в результате метисации в палеолите – неолите или как сочетания древнего недифференцированного типа не была принята В. П. Якимовым, который подчеркивал наличие таких типов (уральских, лапоноидных) с псевдомонголоидными признаками (вариантов с уплощенным лицом и слабо выступающим носом) в палеолите – мезолите Европы, в том числе Западной, принадлежность населения которой к европеоидам никем не оспаривается (Якимов, 1956, 1960а, б). Среди этих типов (групп населения), по его мнению, были группы со сходными с современными монголоидами морфологическими чертами, что давало возможность различного сочетания при смешении в ходе этнической консолидации мелких групп и приводило к формированию новых антропологических типов. Не исключается также, полагает он, образование независимых сочетаний некоторых признаков в определенных природных условиях. Исследователь не считает метисацию основным или единственным фактором сложения и преобразования морфологических черт, монголоидные признаки относит к морфологически характерным для палеоевропейских вариантов, полагая их отражающими специфику древних форм некоторых европеоидов, не имеющих генетической общности с азиатским кругом форм. По Якимову, псевдомонголоидность – характерная черта ранней стадии расообразования в пределах европейского ареала. Примером такого своеобразного и противоречивого сочетания древних признаков является, по его мнению, серия из Оленеостровского могильника на Онежском озере с их ярко выраженной неоднородностью антропологических черт. Другие исследователи допускают идею монголоидной примеси у мезо-неолитического населения Восточной Европы, но она не находит пока подтверждения

в антропологических материалах, не может быть аргументирована с морфологической точки зрения; наряду с этим признается длительное сохранение в специфических условиях в изолированных районах архаичных признаков ранних стадий расообразования (Алексеев, 1984).

Дискуссионность проблемы генезиса, расовой принадлежности и специфики населения эпохи мезолита лесной зоны Восточной Европы во многом обусловлена также небольшим числом антропологических материалов. В настоящее время их представляют мезолитическая группа могильника Звейниеки в восточной Прибалтике (около 50 погребений), могильники Попово и Песчаница в восточном Прионежье (соответственно 10 и 2 погребения), Оленеостровский могильник на Онежском озере (177 погребений) и находящийся в процессе исследования могильник Минино на Кубенском озере (Гурина, 1956; Ошибкина, 1983, 1998; Zagorskis, 1987; Суворов, 1998, 2000). Следует учесть также, что не все известные краниологические материалы пригодны для всестороннего исследования. Кроме того, не всегда исследуется вся серия полностью. Так, из могильника Попово обработано 4 черепа, в Песчанице – 1, в Оленеостровском только В. П. Якимовым проанализированы все 46 пригодных к полномасштабному изучению черепов и скелетные остатки, в других случаях ограничивались небольшими выборками.

Оценки антропологических материалов также далеко не однозначны. Часть мезолитических погребений из Звейниеки (поздний этап культуры кунда) относят к типу северных европеоидов, аналоги которому видят в могильнике Попово, среди некоторых погребенных в Оленеостровском некрополе, в отдельных погребениях могильника Сахтыш, а другую – к своеобразному метисному мезокранному типу, напоминающему протолапоноидный; аналоги ему находят в Оленеостровском могильнике, в Караваихе, Модлоне, а также в Восточной Сибири; существование его свидетельствует о наличии монголоидных популяций в лесной зоне Восточной Европы уже на рубеже VII – VI тыс. до н. э. (Денисова, 1997).

Погребенных в могильниках Песчаница и Попово (веретинская культура) характеризуют как европеоидов северного типа с

некоторыми архаичными особенностями в строении черепа; по строению нижней челюсти из Песчаницы предполагают связь с монголоидными формами, указывают на сходство с некоторыми черепами из могильников Звейниекы и Оленеостровского (Гохман, 1984; Беневоленская, 1984; Мамонова, 1995). Согласно калиброванным датам по С14, комплекс Песчаницы относят к середине X тыс. до н. э., часть погребенных в Попово – к IX, а другую – к VI тыс. до н. э. (Ошибкина, 1998). По мнению исследовательницы, здесь представлено древнейшее население, проникшее с юга или юго-запада вслед за отступающим ледником, при этом в северных – северо-восточных областях не исключается существование иного населения, послужившего компонентом в формировании монголоидного или лапоноидного населения, представленного небольшой и поздней группой в Оленеостровском могильнике (Ошибкина, 1998, с. 167). По некоторым нормам погребального обряда и инвентарю восточноприонежским погребальным комплексам близки комплексы могильника Минино (Суворов, 2000).

Антропологические материалы Оленеостровского могильника до сих пор оцениваются с диаметрально противоположных точек зрения. При первом предварительном исследовании нескольких черепов было сделано заключение о наличии типа с концентрированными монголоидными признаками и широколицых европеоидов-кроманьонцев. На основании этого было высказано предположение о существовании в северных районах Европы монголоидных и европеоидных популяций, которые как бы просачивались друг через друга и обусловили широкое межрасовое смешение (Жиров, 1940, с. 53). Этот вывод был поддержан некоторыми другими антропологами, изучившими отдельные, в основном спорные, экземпляры; монголоидные признаки стали находить у древнего населения Западной Европы.

В. П. Якимов, наоборот, полагал, что все немногочисленные экземпляры с так называемыми монголоидными признаками «не обнаруживают какой-либо определенной закономерности в отклонении от оленеостровской средней; варьируя в пределах допустимой индивидуальной изменчивости», антропологический тип оленеостровцев находился на стадии формирования, «отражает динамику

сложения... на основе более древних краниологических вариантов, морфологически неоднородных, но, судя по признакам и характеру связей между ними, видимо, не выходящих за пределы европеоидного расового ствола ... Сложение этого типа генетически связано с позднепалеолитическими вариантами, распространенными в пределах Восточной Европы и расселявшимися по этой территории к северу и северо-востоку по мере отступления ледника» (Якимов, 1960а, с. 304–311). Примечательны сделанные на основании отмеченных архаичных признаков заключения об оленеостровцах как довольно ранних обитателях северных – северо-восточных европейских областей и о наличии в их составе кроме элементов южных протосредиземноморских типов также форм, характерных для степных областей Восточно-Европейской равнины.

Заслуживают внимания выводы В. П. Якимова о других особенностях физического облика оленеостровцев, средние показатели которых (рост мужчин 172,6, женщин 166,2 см, в пределах соответственно 164,7–181,9 и 160,8–173,3 см) также более всего сближают их с населением позднего палеолита Европы. Сходство с высокими длинноногими и длиннорукими грациальными, с умеренно развитым костным рельефом верхнепалеолитическими европейскими формами, а также древними обитателями региона Средиземноморья и юга России отмечают другие исследователи, предполагая условия обитания вполне благоприятными, без сильного холодового стресса и при достаточной подвижности (Козловская, 1998, с. 33–34). Об этом же, по ее мнению, свидетельствуют отличия в строении скелета погребенных в могильнике от живущего в условиях Арктики и Субарктики населения, сравнительно высокая (42,4 для мужчин и 36,9 лет для женщин) продолжительность жизни, значительное число среди них лиц возмужалого и старческого возраста. Все эти данные косвенным образом указывают на связь оленеостровцев с южными, довольно ранними европейскими популяциями.

Некоторое время назад, в силу появившихся сомнений в достоверности установленных ранее метрических показателей краниологических материалов могильника, была проведена их экспертиза, в ходе которой были подтверждены основные положения

В. П. Якимова об единстве антропологического типа оленеостровцев, его генетической связи с палеоевропеоидными формами и отсутствии в серии форм азиатского круга (Алексеев, Гохман, 1984). Было высказано мнение о существовании в мезолите – неолите Западной Евразии двух общностей: 1 – включающей популяции Западной Европы и Северной Африки и 2 – популяции северной части Балкан и Восточной Европы, обе с одним уровнем «монголоидности» (Алексеев, 1984, с. 31–35).

Гипотеза о несмешанном, древнеевропейском типе мезолитического населения Восточной Европы нашла подтверждение в работах последних лет (Алексеева, 1997, с. 18–41; Алексеева, Круц, 2002, с. 254–278). В результате анализа по новой методике существующих материалов был сделан вывод о принадлежности всех известных мезолитических серий региона к одному кластеру европеоидов (первая комбинация) самостоятельного типа с архаичными особенностями в морфологии и довольно противоречивым сочетанием признаков; к ним наряду с сериями из могильников Звейниекы, Попово, Васильевка I и III относится и оленеостровская; та же комбинация черт в качестве преобладающей присутствует в Скандинавии и наряду с другим на Балканском полуострове и в юго-западных областях Европы (Чехия, Югославия, Греция) и Северной Африке. В силу наибольшей концентрации признаков данного типа в Скандинавии, появление его в Восточной Европе в мезолитическое время связывается с продвижением населения из северо-западных областей. Отметим, что на данный вывод исследователей, очевидно, повлияло не только преобладание данных форм в этом регионе (в первую очередь по причине их значительного количества), но и суждения ряда археологов о путях заселения северных восточноевропейских областей. Выделяется еще одна комбинация черт у мезолитического населения, не образующая кластера, но с общими свойствами, но поскольку такие признаки исследователи отмечают в отдельных комплексах Прибалтики (могильник Кирсна) и у населения ленточной керамики Чехии, эти формы, очевидно, сложились в более позднее время, тем более что, по мнению Т. И. Алексеевой, раннеолитическое население Восточной Европы в антропологическом плане преемственно мезолитическому с первой комбинацией признаков;

«монгололизация» (на основании материалов Приладожских стоянок и могильника Каравайха) связывается с проникновением населения неолита из Зауралья в среду носителей ямочно-гребенчатой керамики. Выше уже отмечалось несоответствие этой гипотезы данным языкознания (Напольских, 1990). Сомнения вызывает связь с ранними формами этой керамики черепов из Прибалтийского региона (Тамула, Нарва – Рийгикюля), а также из Каравайхи и Модлоны (см.: Манюхин, 2002, с. 15–18). Далеко не неолитический возраст (по крайней мере не ранней-средней поры этой эпохи) имеет посуда Приладожских (Ладожских) стоянок (см.: Иностранцев, 1882).

В этой связи заслуживают внимания исследования по геногеографии населения Восточной Европы, позволяющие выявить группы древнего населения, гены которых оказались переданными в генофонд современных поколений (Рычков и др., 2002). Картирование показало особое и главное значение в этом плане Балканского полуострова и Малой Азии и распространение основных импульсов из этого региона (возможно, со времени палеолита) в двух направлениях – в северо-восточном на Восточно-Европейскую равнину и в северо-западном в Западную Европу. Эти же направления проникновения европейских генов вместе с историкокультурными воздействиями характерны для последующих эпох; граница их распространения фиксируется по линии от Каспия через Поволжье до Белого моря, что в целом соответствует устоявшимся представлениям о соотношении европеоидности и монголоидности населения, но в то же время указывает на более сложное устройство генофонда региона. По мнению исследователей, «за все время существования населения Восточной Европы главное формирующее значение, упорядочившее пространственную структуру генофонда, имели воздействия в направлении запад – восток. Они носили характер проникновения с запада – юго-запада и распространения по Восточной Европе генных комплексов европейского и балканского происхождения и их носителей – древних народов и племен различных исторических и археологических эпох» (Рычков и др., 2002, с. 129). Предполагается, что дальнейшие исследования в области исторической геногеографии и сопоставление

результатов с археологическими данным (культурами) позволит значительно конкретизировать выводы.

Приверженцы идеи о наличии в оленеостровской серии монголоидных и метисных форм приводят ряд своих доказательств, выделяя разные в расовом отношении и по происхождению группы. Так, на основе внутригруппового анализа по ряду расоводиагностирующих показателей выделяется три антропологических варианта: 1 – южноевропеоидный, 2 – североевропеоидный, 3 – монголоидный, а также уральский вариант в составе североевропеоидного с самостоятельным очагом расообразования в северном Приуралье; основным считается антропологический тип, «в генетике которого лежат североевропейский и уральский компоненты... Второй – южноевропейский тип. Происхождение третьего, возможно, связано с сибирскими монголоидами» (Гохман, 1994, с. 55). В одной из работ древнейшее население лесной зоны Восточной Европы признается резко контрастным долихокранному населению остальной части Европы – Украины, Прибалтики, Швеции, Дании, Крыма; оно мезо- и брахикранно, является результатом смешения территориально удаленных популяций разного происхождения (Денисова, 1997). К этому населению исследовательница относит погребенных в Оленеостровском могильнике, период существования которого (согласно датам по С¹⁴) определяет в 700 лет, что, считает она, позволяет отказаться от суммарного анализа серии (в отличие от В. П. Якимова) и опираться на внутригрупповой анализ по отдельным признакам. Сравнивается 18 черепов из Оленеостровского могильника, 2 – из Попово и 3 – из Сахтышского неолитического комплекса, в итоге намечается три группы: I – мезобрахикранные с очень широким и плоским лицом, II – мезобрахикранные со среднешироким плоским лицом и III – долихокранные европеоидные; первые две определяются как метисные, но в группе II (напоминающей протолапоноидные варианты) монголоидный компонент был другим, чем в группе I. Оба метисных типа, по Денисовой, характерны, помимо Оленьего острова, также для носителей ямочно-гребенчатой керамики и населения днепро-донецкой культуры, для европейской территории они признаются чужеродными, а аналоги усматриваются в Восточной Сибири (китайский

период, могильник Фофаново), где и происходило формирование монголоидной расы не позднее верхнего палеолита; типичным представителем ее считает индивидуума из погребения 158 в Оленеостровском могильнике с характерной для монголоидов брахи-кранией; проникновение в Восточную Европу подобных форм в результате движения на запад произошло уже на рубеже VII–VI тыс. до н.э.; монголоидные популяции обитали здесь вместе с европеоидами группы III.

Согласно другим данным, оленеостровская серия действительно гетероморфна; признается широкое распространение у европейских неантропов ряда монголоидных признаков, но не в комплексе и не в том сочетании, которые характерны для оленеостровских черепов (Беневоленская, 1984, 1990б). Исследовательница полагает это сибирским влиянием. На основе внутригруппового анализа (не раскрытого в полной мере и не детализированного, по ее мнению, В. П. Якимовым), с применением новых важных признаков на материале 18 черепов выделяется две количественно неравноценные группы: 1 – большая европеоидная, аналогичная серии из могильника Попово и 2 – из нескольких особей с чертами протоазиатского круга форм, иной, чужеродной генетической общности; ее представители отражают процесс метисации (в том числе на месте) с широко распространенными в мезолите – неолите Восточной Европы европеоидами нескольких вариантов. В европеоидной группе выделяются формы протоевропейского типа и комбинация черт, близкая к средиземноморским (тип известен в Васильевке I и III); предполагается при этом, что оленеостровская серия не представляет антропологического типа, а является неконсолидированной смесью разнородных вариантов, скопление которых в некрополе пока не имеет объяснения.

При более детальном анализе нескольких черепов из могильника Ю. Д. Беневоленской в группе европеоидов выделяются архаичные и более гармоничные (модернизированные) формы, следы гармонизации отмечаются на некоторых черепах с восточными признаками. Рассматривается также территориальная локализация выделенных групп: черепа с архаичной морфологией и промежуточные размещаются в средней и южной, заполненной раньше (в соответствии с мнением Н. Н. Гуриной), а модернизированные

европеоидные и метисные (с восточными признаками) в позднее заполненной северной частях площадки. Принимая во внимание вывод Н. Н. Гуриной о хронологической однородности материалов некрополя и одновременном существовании всех частей, она полагает, что такая различная приуроченность разных по генетической принадлежности и расовому составу погребенных связана с социальным фактором, т. е. одновременным существованием поблизости двух групп (родовых организаций). В подтверждение приводятся заключения некоторых исследователей (O'Shea, Zvelebil, 1984) о вероятной принадлежности могильника двум кланам или линиджам, или малым автономным группам, которые основываются на различиях в территориальном размещении (по зонам) скульптурных форм (все фигурки лося в средней и северной частях, фигурка змеи – в южной) и подвесок из резцов лося и т. д. Об этом же, считает Ю. Д. Беневоленская, свидетельствуют стилиевые различия скульптур (массивная в южной зоне, грациальная в северной) и различия в составе наконечников стрел (в северной большинство из них кремневые, в южной – из кости).

Очевидно, что существующие расхождения в оценке антропологами материалов Оленеостровского могильника могут быть преодолены в ходе масштабных и консолидированных исследований. При этом высказываемые суждения в известной степени должны коррелироваться с археологическими данными или, по меньшей мере, не вступать в противоречие с ними. Сейчас можно отметить ряд не согласовывающихся с некоторыми концепциями археологических фактов, что в определенной мере позволяет оценить степень достоверности той или иной из них.

Так, совершенно очевидна недоказанность заполнения площадки некрополя как одновременно в разных его частях (различными по генезису группами, кланами и т. д.), так и поэтапно, т. е. с возвышенной южной–средней части вниз по северному склону или наоборот. Все связанные с этим суждения, в том числе распределение по количеству погребенных с теми или иными морфологическими особенностями, с тем или иным составом и количеством инвентаря, по меньшей мере, некорректны хотя бы потому, что вскрыта треть вероятного числа захоронений.

Кроме того, длительность функционирования могильника точно не определена. Если исходить из датировок по C^{14} , то можно предполагать и гораздо больший, чем в 700 лет, период, в пределах от 9910 ± 80 до 6790 ± 80 л.н. (по некалиброванным данным, см.: Мамонова, Сулержицкий, 1989), поскольку нет оснований не доверять ранней дате, коль скоро принимаются прочие, в том числе позднейшая. Этот период будет другим, если принять, например, калиброванные или прочие существующие определения по C^{14} . Некоторые исследователи полагают период функционирования памятника значительно меньшим, от 50 до 200 лет, причем только в теплое время года (O'Shea, Zvelebil, 1984). Но во всех случаях выбор этих дат достаточно произвольный, поскольку они принимаются без учета существующих археологических материалов как из могильника, так и из его окрестностей, т. е. мест обитания погребенных. Согласно типологическим характеристикам инвентаря некрополя и связанных с ним поселений (а он, как уже отмечалось, во всех своих формах и типах тождествен до деталей формы, техники, орнамента и т. д., включая такие культурно-различительные типы, как наконечники стрел) могильник существовал какой-то отрезок времени в период от 8300 до 7900 л.н. Продолжительность его функционирования не превышала 300 лет. Об этом свидетельствуют идентичность основных норм погребального обряда, единый состав и качество сопровождающего захоронения инвентаря, отсутствие каких-либо явных различий по полу и возрасту, расположению вещей на костяках и территориально. Просматриваются лишь нелокализованные по зонам различия частного порядка (например в составе погребального инвентаря), отражающие, вероятнее всего, социальные аспекты общества, разные группы и институты в его устройстве (Филатова, 2002). Датировку могильника в указанных пределах подтверждают геоморфологические условия размещения – на вершинной части возвышения и северном склоне на высоте от 15 до 8,8 м над современным уровнем Онежского озера. Нижняя граница соответствует уровню озера в максимум регрессии на рубеже ВО–АТ-периодов – 7800–7700 л.н. (Девятова, 1986; Демидов и др., 2001, с. 221–240). Расположенная ниже (по западному склону) Оленеостровская стоянка (высота над уровнем

озера от 8 до 5–6 м) датируется типологическим путем рубежом VI–V тыс. до н.э.

Если допустить расовую неоднородность погребенных (т. е. принадлежность к двум или более генетически разным группам), то, поскольку антропологический тип не распространяется без соответствующих ему элементов в материальной культуре (Дебец и др., 1952), следует ожидать признаков разнокультурности или метисации в сопровождающем погребенных инвентаре. Эти признаки должны проявляться также в синхронных (и тем более ранних) могильнику поселенческих комплексах, что, однако, не наблюдается. Все известные в бассейне Онежского озера мезолитические комплексы отличает не только тесное культурное единство. Единными оказываются пути их эволюции для всех частей ареала.

Безусловно, не может считаться показателем чужеродности преобладание в одной части могильника кремневых, а в другой – костяных наконечников стрел, поскольку эти изделия занимают каждый свою нишу в охотничьем вооружении. Точно так же нельзя считать этнокультурными показателями разное число подвесок из резцов лося в различных частях могильника (тем более что по числу захоронений зоны далеко не равнозначны, см.: Гурина, 1956, рис. 9) и разную приуроченность мелких скульптурных форм хотя бы потому, что назначение последних (личные обереги, украшения и т. д.) с достоверностью не установлено. Примечательно также полное совпадение основных норм погребальной традиции (трупоположения в яме, засыпка охрой, восточная ориентация и пр.), характера сопровождающего инвентаря (в том числе «жезлов»), расположения вещей в определенном порядке у разных по своей расовой принадлежности индивидуумов, например, у мужчины-европеоида (группа III по Денисовой) из двойного захоронения № 152–153 с женщиной и мужчины с «монголоидным» комплексом признаков (группа I по Денисовой, восточная подгруппа по Беневоленской) из тройного захоронения № 55–56–57. То же самое прослеживается у принадлежащих к разным группам других погребенных, в том числе у самых «монголоидных» (по Жирову, Дебцу, Герасимову) в погребениях № 1, 44, 75, 158 (см.: Гурина, 1956, прил. I и II). Отметим также заметное число разных по сочетанию

пола и возраста групповых захоронений в могильнике, рассредоточенных по всем частям площадки. Отличия в количестве и качестве инвентаря тоже не могут быть приняты во внимание, поскольку набор его индивидуален для каждого погребенного.

Предположениям о наличии в могильнике двух (или больше) расовых типов или групп, что подразумевает генетическую неоднородность мезолитического населения в бассейне Онежского озера и одновременное заселение территории группами европеоидов и монголоидов с последующими процессами смешения, противоречат не только установленное культурное единство (однородность) археологических материалов, но отсутствие любого рода связей с мезолитическими сообществами восточнее бассейна р. Онеги. С точки зрения согласованности антропологических и археологических данных наиболее приемлема характеристика оленеостровцев, их генезиса и расовой принадлежности, предложенная В. П. Якимовым. В целом хорошо коррелируется с археологическими реалиями гипотеза Т. И. Алексеевой, но с поправкой на то, что продвижение населения в северные области восточноевропейской лесной зоны с северо-западных областей Европы и связи его с кругом мезолитических культур широкого Балтийского региона (Алексеева, Круц, 2002, с. 255) спорны в свете новых взглядов на происхождение верхнепалеолитических и мезолитических культур центра Русской равнины.

В контексте данной работы главное, однако, не в том, с юга, юго-запада или северо-запада шло заселение, а в отсутствии точно установленных восточных импульсов, т.е. населения, связанного происхождением с общностями азиатского (приуральского, зауральско-сибирского) круга, а также следов (признаков в материальной культуре) существования разных по расовой принадлежности групп и процессов смешения (т.е. гибридных комплексов) европеоидов и монголоидов на всей территории лесной зоны Восточной Европы в мезолитическую эпоху. Признание факта присутствия монголоидных популяций здесь в это время означает наличие соответствующих антропологических типов в самом раннем из известных могильников – Песчанице (более достоверных, чем по фрагменту нижней челюсти) и Попово. Должны быть в этом

случае восточные или, по меньшей мере, резко выделяющиеся среди других элементы в материалах веретинской культуры, а также в «постсвидерских» культурах данного региона. А это кардинально меняет установленные по археологическим данным направления их связей и пути заселения территорий. Появление типов с азиатскими признаками в физическом облике или собственно монголоидов в циркумполярной зоне (Северной Евразии), очевидно, произошло значительно позднее.

Первые явные следы проникновения восточных по отношению к Карелии, точнее, среднеповолжских, элементов, маркирующих движение населения на запад, исследователи связывают с распространением сетчатой (текстильной) керамики в бронзовом веке и с самым древним из выявленных на Европейском Севере дофинноугорским языковым пластом (см. ст. М. Г. Косменко в наст. изд.). Появление в северных областях лесной зоны населения с монголоидным набором черт, послужившего (наряду с автохтонными европеоидами) компонентом при сложении занимавшего ранее значительную территорию саамского антропологического типа, по согласованности археологических, лингвистических и топонимических данных относят к раннему железному веку (Манюхин, 2002). В Карелии, таким образом, это наиболее ранний и первый по времени из этносов финно-угорской языковой семьи. Формирование известных на территории других исторических народов происходило еще позднее в ходе сложных переплетений разнообразных по значимости и направленности связей и явлений в материальной культуре, физическом облике и языке. Понятно, что реконструкция этих процессов на научной основе требует длительных и специальных исследований.

* * *

В итоге можно констатировать, что изучение этноисторических процессов в рамках комплексных исследований для эпохи первобытности сильно ограничено невозможностью на современном уровне знаний использования всех необходимых источников. Для этого времени наука пока располагает по сути лишь археологическими и антропологическими данными. Нельзя не учитывать также их специфичность и информационную ограниченность в

этноисторическом плане и недостаточную изученность многих аспектов жизни древних популяций, косвенную доказательность ряда представлений, например, о социальной организации, системе ценностей и миропониманий. Весьма редки и часто малопродуктивны попытки корреляции данных обеих наук.

Представляется, что изучение этноисторических процессов в древнейшие эпохи должно происходить в рамках фундаментальных для археологии понятий «археологическая культура» и «этнокультурная общность». Однако если маркирующие эти разнопорядковые сообщества этапы культурогенеза археологически выделяются более или менее успешно, то связи и взаимоотношения друг с другом, смена во времени и пространстве устанавливаются не всегда доказательно. Еще сложнее выявить в них этносодержащие элементы, меру или степень этнического. Наиболее оптимальное решение данного вопроса возможно, очевидно, по пути этноретроспекций на базе выработанных этнологией теорий и методов.

В массиве мезолитических древностей Карелии на современном этапе изучения можно выделить, по меньшей мере, две генетически и территориально, а возможно, социально, группы, иначе локальные археологические культуры – северо-карельскую и онежскую. Труднее определить принадлежность каждой к намечаемым в европейском мезолите образованиям – этнокультурным общностям, т.е. связанным суммой традиций во многих сторонах жизни крупного сообщества. Пока это устанавливается на уровне аналогов отдельных элементов и явлений в материальной культуре и в известной степени по антропологическим параметрам.

Предположительно культурный тип северокарельских древностей генетически можно связывать с мезолитом Кольского региона, а опосредованно – с исходной для последнего западноевропейской аренбургской традицией (общностью?). Исходными для всех (т. е. кварцевых – кварцево-сланцевых и кремневых) мезолитических комплексов бассейна Онежского озера являлись, вероятнее всего, комплексы веретинской культуры восточного Прионежья и бутовской позднего этапа или производные от нее бассейна верхней Волги. Формально и согласно некоторым представлениям о генезисе этих образований онежский мезолит являет собой сплав двух древних традиций – западноевропейской круга маглемозе – дуфензее и западно-

прибалтийской постсвидерской с элементами локальных местных культур более раннего в сравнении с онежским этапом мезолита.

Существуют, однако, достаточно веские основания ставить под сомнение ведущую роль западноевропейских палеолитических – раннемезолитических традиций в сложении культурных группировок в Восточной Европе. Можно считать доминирующими, определяющими генетическую принадлежность мезолита региона (в том числе восточнобалтийского побережья) палеолитические культурные сообщества центра и южных областей Русской равнины. В результате онежскую мезолитическую культуру следует рассматривать как конечную область в движении родственного по своему генезису населения культур, сложившихся на общей основе уже в финальнопалеолитическое – раннемезолитическое время.

На основе антропологических материалов, не противоречащих археологическим данным, восточноевропейское население этого времени отличалось набором полиморфных признаков, в том числе архаичных неконсолидированных, не выходящих все же за пределы европеоидного расового ствола. Одну из самых поздних его групп характеризуют погребенные в Оленеостровском могильнике на Онежском озере, которые и представляют население онежской культуры. С европеоидами Севера Западной Европы оказывается связанным население северокарельского мезолита.

На основе накопленной к настоящему времени суммы археологических фактов, с наибольшей вероятностью сопрягаемых с данными антропологии, лингвистики и топонимии, появление на территории Карелии и, очевидно, во всей восточноевропейской лесной зоне форм азиатского круга и элементов чуждых культур можно увязывать с эпохой раннего железа. Начальный этап сложения этносов финно-угорской языковой семьи в регионе, имея в виду лишь один их признак – наличие монголоидного компонента в физическом облике, ограничивается, таким образом, этим периодом. Предпринимаемые поиски их предков путем ретроспекций далее в глубь веков и тысячелетий декларативны и в настоящее время находятся за пределами научного знания.

А. Ю. Тарасов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ В НЕОЛИТЕ – РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

В отличие от большинства работ этого сборника, в настоящей статье рассматривается такой аспект развития культуры древних обществ на территории Карелии, как явления технологического, экономического и социального развития. Они, на мой взгляд, играли не последнюю роль в культуругенезе, обеспечивая фундаментальную базу для развития и усложнения культуры на всех ее уровнях, включая уровень этнических процессов и этнического самосознания. Такой выбор предмета анализа не в последнюю очередь обусловлен и природой основных источников, с которыми мне приходилось работать, – комплексов каменного инвентаря с памятников Карелии периода неолита – раннего железного века. С одной стороны, работа с комплексами каменных орудий целого ряда разновременных культур позволила обнаружить тенденции, которые остались бы незамеченными при ограничении исследования рамками только одной культуры или эпохи. С другой – изучение собственно этнических процессов предполагает подробное рассмотрение всего комплекса источников, в том числе обязательный анализ керамического материала, проводимый авторами других статей настоящего сборника применительно к отдельным культурам.

Статья основывается на материале памятников, относящихся к культурам с керамикой: сперрингс, ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной, ромбоямочной (неолит), асбестовой (энеолит), сетчатой (бронзовый век) и лууконсаари (ранний железный век). Большая часть (56 памятников) расположена в южной половине Карелии. Это ограничивает возможности для анализа, особенно

периода неолита, хотя энеолит и эпоха бронзы юго-западного Прибеломорья довольно неплохо обеспечены источниками (13 поселений, относящихся к культурам асбестовой, сетчатой керамики и лууконсаари).

Каменный инвентарь культур Карелии неолита – раннего железного века: общее и особенное

Каменный инвентарь, характерный для памятников этого периода, может быть отнесен к ряду групп каменных орудий, выделяемых по сходству сырьевых, технологических, функциональных и морфологических особенностей отдельных изделий. Наиболее многочисленными среди них являются группы орудий на отщепках, крупных рубящих и деревообрабатывающих макроорудий из сланцев и алевролитов, количество которых резко уменьшается начиная с бронзового века, а также группа бифасов – двусторонне обработанных наконечников, которые особенно многочисленны в периоды энеолита и бронзового века.

Ряд особенностей этого инвентаря существенно ограничивает возможности его использования для реконструкции взаимосвязей между отдельными культурами. Прежде всего, это локальные различия сырьевой базы на территории Карелии, а именно неодинаковая удаленность отдельных регионов от выходов кремня за пределами современной административной границы края и местных окремненных пород и сосредоточение запасов сырья для изготовления макроорудий (сланцев и алевролитов подходящего качества) в южной половине Карелии. В число этих особенностей входит и использование в качестве заготовок для орудий отщепов, а не пластин, что привело к очень слабой степени морфологической стандартизации таких орудий в течение указанного промежутка времени. Кроме этого, к ним следует отнести неупорядоченное использование для изготовления макроорудий в течение неолита, бронзового и раннего железного веков ряда несложных технических приемов, также приведшее к отсутствию морфологической стандартизации готовых изделий. В результате выделяется не набор черт каменного инвентаря для какой-либо культуры, а только отдельные типы. Скорее, можно говорить о статистически

выявляемых тенденциях изменения каменного инвентаря, а также о некоторых региональных отличиях, преимущественно связанных с особенностями локальной сырьевой базы.

Сказанное, разумеется, не означает, что каменный инвентарь Карелии в принципе не позволяет рассматривать вопросы взаимодействия различных культур – учет всей суммы особенностей каменной индустрии той или иной культурной группы предоставляет существенную, хотя и дополнительную информацию. В раннем и среднем неолите на нашей территории существуют две ранненеолитические культуры: сперрингс и ямочно-гребенчатой керамики, которые различаются как по предпочтению разного сырья (местных пород в культуре сперрингс и импортного кремня в культуре ямочно-гребенчатой керамики, рис. 1), так и по технико-типологическим особенностям инвентаря. Вместе с тем каменный инвентарь более поздних поселений с гребенчато- и ромбоямочной керамикой имеет черты сходства с обеими ранне-неолитическими культурами Карелии. С индустрией культуры сперрингс его объединяют: сходная сырьевая база (см. рис. 1), т. е. предпочтение местных пород для изготовления орудий; в целом идентичная техника первичной обработки орудий на отщепах; единичные кирки (вид сланцевых макроорудий, характерный в первую очередь для культуры сперрингс), сланцевые кольца. С индустрией памятников с ямочно-гребенчатой керамикой – двусторонне обработанные ножи, более тщательная абразивная обработка макроорудий и их четкая геометрическая форма, преобладание трапецевидных в плане макроформ. Таким образом, очень вероятно, что обе ранне-неолитические индустрии участвовали в сложении комплекса черт каменного инвентаря, характерного для памятников с гребенчато- и ромбоямочной керамикой.

С данной индустрией сходен инвентарь памятников с ромбоямочной керамикой. Одинаковыми являются сырьевая база и техника первичной обработки орудий на отщепах. В них совпадают типы бифасов, а такой вид макроорудий, как клевцы, встречен только на поселениях с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой.

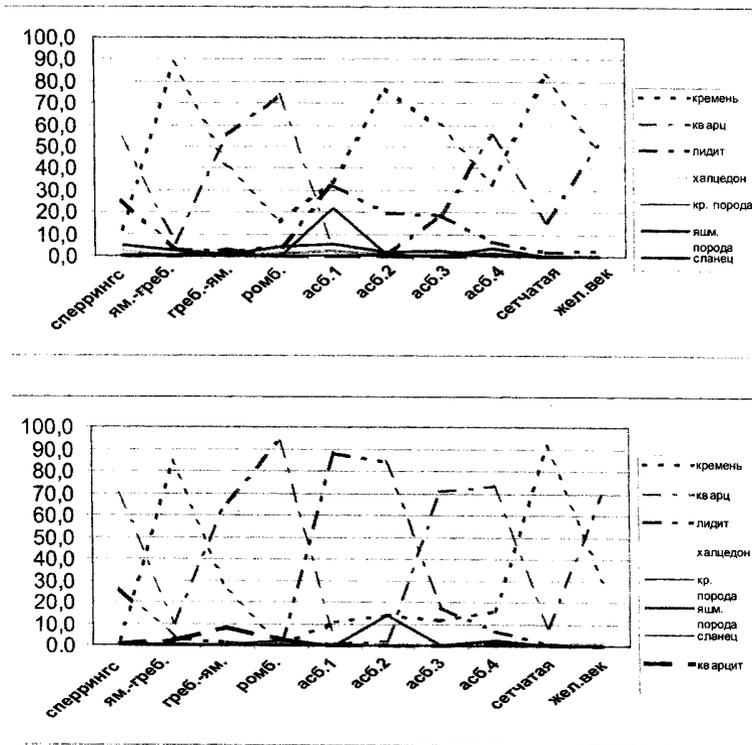

Рис. 1. Изменения в сырьевой базе индустрии орудий на отщепах в течение неолита – раннего железного века на поселениях южной половины Карелии

Вверху – количество орудий на отщепах и нуклеусов, изготовленных из различных горных пород (в процентах от общего количества в выборке по каждому отдельному периоду). Внизу – количество отщепов – отходов производства из различных горных пород (в процентах от общего числа в выборке по каждому отдельному периоду)

Сперрингс – культура сперрингс; **ям. -греб.** – культура ямочно-гребенчатой керамики; **греб. - ям.** – памятники с гребенчато- и ромбоямочной керамикой; **ромб.** – с ромбоямочной керамикой; **асб. 1** – с асбестовой керамикой типа Войнаволок XXVII; **асб. 2** – с ранней асбестовой керамикой типа Оровнаволок XVI; **асб. 3** – с поздней керамикой типа Оровнаволок XVI; **асб. 4** – с асбестовой керамикой типа Палайгуба II; **сетчатая** – культура сетчатой керамики; **жел. век** – памятники железного века (культура лууконсаари)

Индустрия памятников с асбестовой керамикой заметно отличается от непосредственно предшествовавшей, главным образом из-за изменившейся сырьевой базы (см. рис. 1), резко возросшего количества бифасов и перехода к изготовлению орудий преимущественно на отщепах из сколов утончения бифасов – побочных продуктов изготовления двусторонне обработанных орудий из кремня и лидита, существенного усложнения технологии макроформ, выразившегося в становлении технологии русско-карельского типа, а также появления индустрии сланцевого охотничьего вооружения. Тем не менее у поздненеолитических и энеолитических комплексов имеются общие типы бифасов (главным образом вариантов листовидных, иволистных и лавролистных наконечников). Практика изготовления отдельных орудий на отщепах из сколов утончения бифасов существовала уже в позднем неолите, хотя и имела существенно меньшее значение. Первым этапом в становлении русско-карельской технологии в индустрии макроорудий могла быть технология производства макроформ – смещенных бифасов на памятниках с ромбоямочной керамикой; в энеолите, как и в позднем неолите, преобладали трапециевидные в плане макроорудия. Учитывая и то, что в энеолите с асбестовой керамикой сохранялась традиция использования местной самородной меди, можно говорить, что индустрия этого периода сложилась на базе предшествовавшей местной индустрии.

Каменный инвентарь культуры сетчатой керамики бронзового века выглядит совершенно инородным. Прежде всего, об этом позволяют судить такие явления, как почти полный отказ от использования местных материалов (вместо которых применялся импортный кремень) и исчезновение традиции изготовления макроформ русско-карельского типа, совпавшее с резким сокращением самого числа каменных макроорудий и упрощением техники их обработки. Использование самородной меди на поселениях эпохи бронзы также не отмечено. Эти особенности подтверждают ранее высказывавшееся мнение о смене населения в этот период (Косменко, 1996 г) и не позволяют согласиться с предположением о возможности становления культуры эпохи бронзы в Карелии на основе культуры автохтонного энеолитического населения (Сидоров, 1997).

Степень сходства каменного инвентаря эпохи бронзы и раннего железного века оценивать сложно, поскольку в железном веке происходит деградация этого инвентаря. Можно отметить, что типы наконечников стрел (треугольные с выпуклыми боковыми краями с прямой или вогнутой базой), единичные экземпляры которых найдены на поселениях этого периода, существовали и в бронзовом веке.

Все эти наблюдения, на мой взгляд, имеют, скорее, дополнительный характер, в целом подтверждая господствующие представления о взаимоотношениях карельских культур, однако я хотел бы обратить внимание также на возможность существенного различия комплексов каменного инвентаря, относящихся к одной археологической культуре, т. е. имеющих идентичную керамику, но расположенных в разных локальных районах. Эту проблему сейчас можно убедительно проиллюстрировать только на примере памятников с асбестовой керамикой типа Оровнаволок XVI, датирующихся второй половиной III – началом II тыс. до н. э. (Жульников, 1999), расположенных в южной и северной половине ареала этой культуры, т. е. в районе Онежского озера и в Беломорском районе Республики Карелия. Во-первых, памятники южной половины Карелии характеризуются тем, что для изготовления орудий на отщепках на них практически (в сравнении с другими породами) не используется местное кварцевое сырье. Вместо него применяются местные кремнистые породы, прежде всего лидит из месторождений, а также импортный кремень (см. рис. 1). Из них массово изготавливаются бифасы, и отходы производства крупных бифасов-наконечников используются для изготовления орудий на отщепках. На поселениях Беломорского района доля кварцевых орудий и отходов относительно изделий из кремня уже более заметна, при этом лидит встречается весьма редко. Во-вторых, на памятниках южной половины Карелии в большом количестве находятся макроорудия, подавляющее большинство которых относится к так называемому русско-карельскому типу с трапециевидным поперечным сечением. В том числе массово представлены заготовки этих изделий и известны мастерские, на которых производилось их изготовление (Гарасов, 2003). В северной половине Карелии вместе с тем имеются только единичные экземпляры макроорудий.

Среди них известны орудия русско-карельского типа, однако полностью отсутствуют их заготовки, и более вероятно, что такие формы импортировались из южной половины региона.

В обоих случаях эти различия, вероятнее всего, могут быть объяснены различиями в локальной сырьевой базе, а именно отсутствием лидита и качественных сланцев и алевролитов в северной части Карелии. Недостаток в сырье здесь покрывался за счет более активного использования кварца, а также, вероятно, кости и рога для производства макроорудий – такие изделия были найдены на поселении Тунгуда XXVII (Жульников, 1999, рис. 66). Тем не менее действием сырьевого фактора сложность вопроса не исчерпывается.

Сланцевые орудия русско-карельского типа известны и за пределами Карелии. Они встречены на территории Вологодской и Ленинградской областей, в Финляндии и Эстонии, где их называют орудиями восточнокарельского типа. В Эстонии они связываются с комплексами с гребенчато-ямочной керамикой. При этом так же, как и в северной половине Карелии, здесь неизвестны заготовки таких вещей, имеются только готовые формы. Эти обстоятельства позволяют обоснованно говорить об импорте орудий русско-карельского типа (Кларк, 1953; Гурина, 1974) на территории других культур. Таким образом, помимо сырьевого фактора добавляется еще один: вовлеченность каменных орудий в систему хозяйственно-экономической активности древнего населения, включающую и обменные отношения с населением соседних территорий.

В результате действия этого фактора сходные особенности индустрии могли возникнуть у разных групп населения и, наоборот, различные особенности – у групп «этнически» однородных. Здесь можно сослаться на один интересный этноархеологический пример. В ряде районов современной Новой Гвинеи различные типы макроорудий являются результатом существования полунаследственных производственных коллективов, обладающих правом монопольного пользования каким-либо одним месторождением сырья и изготовления инструментов из этого сырья. При этом данные коллективы включают только часть жителей близлежащих к месторождению поселений и все вместе входят в одну и ту же культурно-языковую группу Дани (Hampton, 1999).

Вовлеченность каменных орудий в систему хозяйственно-экономической активности древних обществ и будет предметом рассмотрения основной части настоящей работы. Точнее говоря, ее предметом считают тот аспект становления древней культуры, который имеет отношение к проблеме социально-экономического развития и усложнения структуры первобытных обществ на территории Карелии, при этом анализ будет основываться преимущественно на одной категории источников – каменном инвентаре. Безусловно, при решении таких задач необходимо использовать весь доступный корпус источников, однако в условиях Карелии лишь каменный инвентарь сейчас позволяет реконструировать полную или почти полную производственную цепочку в рамках самостоятельной и законченной индустрии – индустрии каменных орудий. И именно каменный инвентарь является наиболее многочисленной категорией находок.

Индустрия каменных орудий и возможности реконструкции социально-экономического развития в первобытную эпоху

Попытки использовать археологические материалы для реконструкции процессов социально-экономического развития обществ первобытной эпохи вряд ли можно считать частыми в отечественной традиции. Между тем вопросы социального развития не менее достойны специального изучения, чем этнические процессы. Мы не можем отрицать очевидного факта усложнения человеческого общества, и при рассмотрении материалов целого ряда эпох необходимо учитывать, что они создавались в рамках обществ, которые могли значительно различаться между собой.

Данная статья представляет собой попытку если и не заполнить существующий пробел в наших знаниях о древнейших обществах на территории Карелии (претендовать на это было бы преждевременно), то по крайней мере обратить внимание на обозначенные проблемы и наметить пути их решения.

На мой взгляд, наиболее перспективным направлением является подход, постулирующий связь особенностей социального (социально-экономического устройства) коллектива и технологии (технологий), которой этот коллектив владеет, которую он

поддерживает и развивает. Следующее заявление может показаться спорным: технология – это наиболее значительная особенность человеческой культуры, основа ее существования. Как известно, человеческое сообщество, в отличие от других сообществ живых существ, функционирует в условиях той среды, которую оно само себе создает, а не в тех, которые были даны ему изначально. Владение различными техниками преобразования природных объектов и определенная система в их использовании (технология) – это как раз та специфическая способность, которая с течением времени позволяет свести к минимуму воздействие природных закономерностей и зависимость от них. Уходя из природной среды обитания в собственную, рукотворную среду, человечество заменило воздействие природных закономерностей закономерностями социальными, характер и сила влияния которых с течением времени становились все более и более значительными. Таким образом, в процессе создания и изменения материальных условий возникло такое исключительное явление, как человеческое общество.

Что еще более важно, этот процесс создания, воссоздания и пересоздания общества и человеческих личностей в ходе технологической практики является перманентным и никогда не прекращается. Трансформации общества при переходе к производящему хозяйству, или неолитической революции по Г. Чайлду, в ходе индустриальной и информационной революций – наиболее яркие примеры взаимозависимости технологии и социальной структуры. Используя определение, данное М. Добрес (Dobres, 2000, p. 129), можно сказать, что «технологии – это имеющие фундаментальное значение акты взаимодействия социума с материальным миром, в которых отображаются и в которых сталкиваются социальные нормы и суждения... экспериментальная природа технологической практики создает знания, умения и ценности, которые непосредственно используются для достижения как утилитарно-практических, так и политических целей... Фундаментальная основа технологий – это люди, это сообщества, формирующиеся в ходе практики и осознающие свое единство, и социальные отношения, возникающие в результате производства».

Археология постоянно имеет дело со следами древних технологий. Более того, практически весь комплекс источников этой дисциплины, изучающей материальные остатки человеческого прошлого, является непосредственным результатом технологической активности древних коллективов. В связи с этим неудивительно, что исследования, связанные со всем комплексом технологических проблем, включая особенности производства орудий и их использования, завоевывают в последнее время все большую популярность. Таким активно развивающимся направлением исследований в последнее время стал подход «*chaîne opératoire*» (операциональная цепь), предложенный ранее французским исследователем А. Леруа-Гураном (Shlanger, 1990; Creswell, 1990; Edmonds, 1990; Bar-Yosef et al., 1992, p. 516; Dobres, 2000).

В отличие от подхода типологического, занимающегося выделением устойчивых статичных форм, «*chaîne opératoire*» направлен на реконструкцию полного цикла «жизни» каменного артефакта. «Жизнь» артефакта проходит такие этапы, как добыча сырья, изготовление из куска породы, использование, подновление рабочего края, переоформление в другое орудие и конечный отказ от его дальнейшего использования, «препровождение на помойку». Изучение всех этих моментов требует полного анализа предметов той или иной коллекции вместе с заготовками, обломками и отщепами. В результате реконструкции данной «последовательности операций» обнаруживается тот или иной выбор, сделанный древним человеком в ходе его производственной практики (Bar-Yosef et al., 1992, p. 511). Наиболее часто повторяющийся выбор (выборы) характеризует техническую традицию той или иной группы людей, оставивших изучаемый памятник. Подобная техническая традиция – это зачастую единственное, что доступно непосредственному изучению из всего комплекса древней культуры.

Как отмечает М. Добрес, «*chaîne opératoire*» позволяет установить «синтаксис», внешнюю структуру человеческой деятельности (Dobres, 2000). Безусловно, социальные явления, породившие данную структуру, не могут быть выведены из нее напрямую, однако без обнаружения такой структуры о них нельзя говорить вообще.

При этом немаловажно, что именно программа, нацеленная на воссоздание всего производственного цикла в каменной индустрии, позволяет извлечь информацию, довольно подробно освещающую проблемы социально-экономической истории. «Поведенческий» подход позволяет показать особенности стратегии приобретения сырья и эффективности его утилизации, оценить сложность и «коэффициент полезного действия» используемых технологий, разнообразие инструментального набора и «развитость» социально-экономической системы в целом.

При реконструкции «операциональной цепи» необходимо проводить тщательный анализ множества культурных остатков, в полной мере использующий возможности трасологического метода, метода технологического анализа, подробного анализа пространственной структуры древних поселений. В данной работе реконструирована не вся «цепь», а только отдельные участки, однако в процессе предварительного анализа удалось отметить ряд особенностей каменной индустрии карельских культур периода неолита – раннего железного века, свидетельствующих о процессах усложнения культуры (как нарастания числа явлений и связей между ними). Эти процессы в свою очередь могут служить ключом к сути сопровождавших и вызывавших их социальных процессов. Анализ наших источников позволил предложить характеристику изменений в мобильности населения, процессов разделения труда, т. е. появления специализации в производстве, и возможного усложнения самой социальной структуры. Переходя к описанию сделанных наблюдений, хочу подчеркнуть, что в работе поднимается вопрос только о сути социальных изменений, а не о той конкретной форме, в которой они могли проходить.

Изменения в степени мобильности древних коллективов

Основной период использования каменных орудий охватывает эпоху первобытного общества и присваивающего хозяйства. Степень зависимости человеческих коллективов от условий окружающей среды в этот период была наибольшей. В связи с этим рассмотрение социально-экономических вопросов следует начать со

стратегий экологической адаптации. При этом может оказаться полезной модель поведения охотников и собирателей, которую в свое время разработал Л. Бинфорд на основании изучения эскимосов-нунамиутов (см.: Odell, 1996, p. 47).

Л. Бинфорд выделил два варианта мобильности коллективов с подобным типом хозяйства. «Резидентная» (residential) мобильность предполагает передвижение всего коллектива на новый участок и пребывание его там до полного истощения ресурсов с последующей миграцией на новое место, т. е. люди здесь движутся за ресурсами. «Логистическая» (logistic) мобильность заключается в организации универсальных лагерей-баз, с которых отдельные группы отправляются в промысловые экспедиции, т. е. уже ресурсы «перемещаются» к людям. В данном случае имеет место относительно оседлый образ жизни, по крайней мере на сезонной основе (Boydston, 1989, p. 75; Odell, 1996, p. 52). Эти варианты отражаются в каменном инвентаре через явление, обозначенное им термином «поддержание» («curation»). В настоящее время под этим термином подразумевается ряд операций по изготовлению и использованию орудий: создание полифункциональных инструментов, транспортировка сырья и орудий с одного места на другое, их подновление и переоформление в орудия с иным назначением (Odell, 1996, p. 52).

В «поддерживаемых» (curative) индустриях орудия производятся для будущего использования, сохраняются и перед окончательным отбрасыванием несколько раз подвергаются ремонту или переоформлению. В «неподдерживаемых» (expedient) они изготавливаются в связи с непосредственно возникшей потребностью и выбрасываются сразу после того, как эта задача была выполнена (Boydston, 1989, p. 76). В первом случае большое значение имеет качество изделия, и поэтому на его изготовление тратятся существенные ресурсы, прежде всего значительное время и ценное сырье. Во втором – наоборот, предпочитают легко- и быстродоступные материалы, пусть и невысокого качества, и наиболее быстрые способы изготовления.

Последующая критика выяснила, что подобная схема несколько упрощает реальную ситуацию (Odell, 1996; Nash, 1996). Равно как

активность реальных обществ нередко комбинирует оба варианта, описанных в модели, так и «поддерживаемые» технологии и орудия сочетаются с «неподдерживаемыми» в одной и той же исторической индустрии. Отдельные составляющие концепции «поддержания» и даже одни и те же, но в разном контексте могут свидетельствовать о разных вещах. Тем не менее это вряд ли умаляет ее значение, поскольку она, пусть и в идеализированном виде, действительно отражает реальные особенности экономической практики охотников и собирателей.

Выбор тем или иным обществом резидентной или логистической стратегии адаптации зависит не только от условий окружающей среды, но и от уровня развития и особенностей организации самого общества.

Вернемся непосредственно к каменной индустрии на территории Карелии. Группа орудий на отщепах, т. е. орудий с функциями скобления, резания и перфорирования, изготовленных из сколов (пластин, отщепов, пластинчатых отщепов) из кремненных материалов и кварца, в целом является «неподдерживаемой», в то время как бифасы и макроорудия – группы «поддерживаемые», однако такое обобщение не совсем корректно. Обоснованнее ставить вопрос о той или иной степени «поддерживаемости» индустрии и отдельных ее элементов.

Так, индустрия орудий на отщепах культуры сперрингс является целиком неподдерживаемой. Она ориентируется на локальное низкокачественное сырье, по всей видимости, собранное в окрестностях поселений, и использует наиболее простые технологии получения отщепов с низким «коэффициентом полезного действия» (рис. 2, 3). В этой связи следует отметить, что доля продуктов биполярного расщепления (или дробления нуклеуса, установленного на жесткой наковальне с помощью сильных отвесных ударов каменным отбойником) на поселениях этой культуры наибольшая среди всех остальных культур. Кроме того, показательно, что число нуклеусов почти равняется количеству орудий на отщепах, а сами орудия на отщепах составляют ничтожный процент среди отходов,

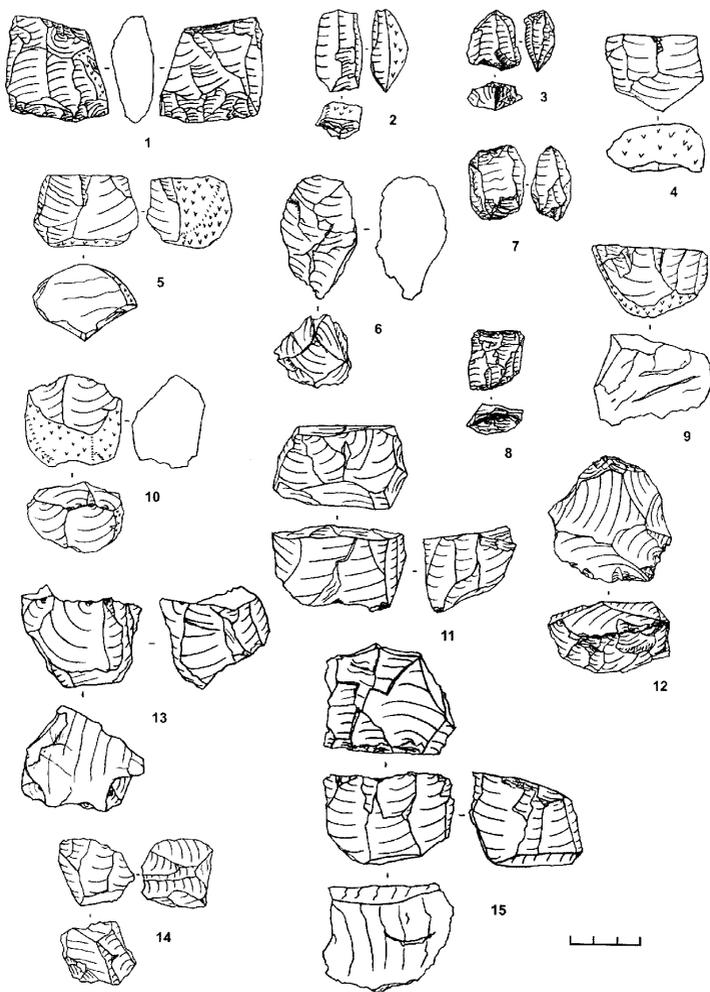

Рис. 2. Нуклеусы для специализированного производства отщепов

1–3, 6–8 – биполярные нуклеусы; 4, 5, 9, 11, 13–15 – призматические нуклеусы; 10 – чоперовидный нуклеус; 12 – дисковидный нуклеус; 1–5, 8, 14 – культура сперрингс (1–4, 8 – Уя III; 5 – Оровнаволок VI; 14 – Пегрема IX). 9, 11 – культура ямочно-гребенчатой керамики (9 – Оровнаволок IV, 11 – Пиндуши II). 6, 13 – памятники с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой (Черная Губа III); 10, 15 – культура асбестовой керамики (10 – Кочнаволок II, 15 – Тунгуда V); 12 – культура сетчатой керамики (Горелый Мост V). 7 – культура лууконсаари (Пичево); 1, 8 – лидит; 2–7, 9–11, 13–15 – кварц; 12 – кремнь

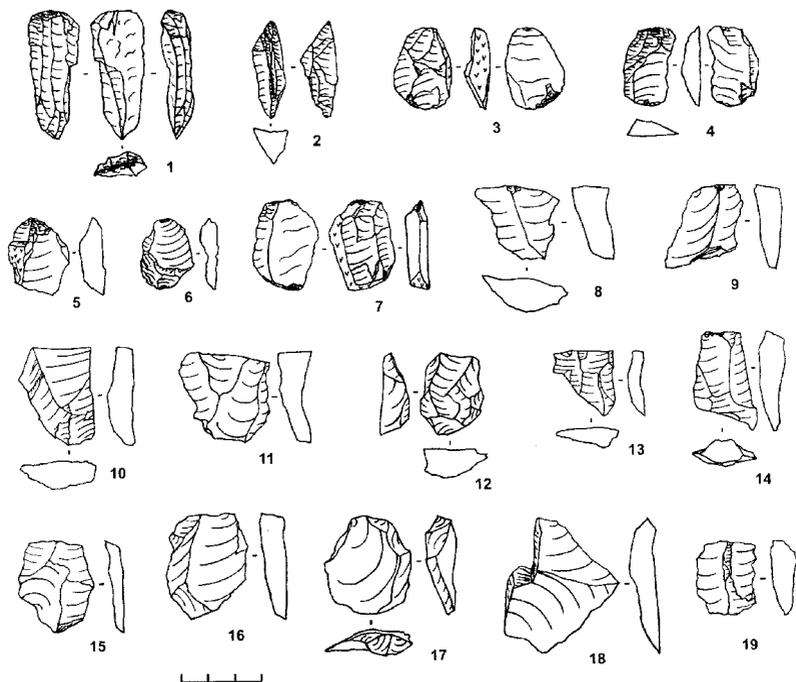

Рис. 3. Отщепы, полученные при срабатывании нуклеусов для специализированного производства отщепов

1–7 – сколы с биполярных нуклеусов; 8–11, 13, 14, 19 – сколы с призматических нуклеусов; 12, 15–18 – сколы с чопперовидных и дисковидных нуклеусов; 1–5, 7–14, 17, 19 – культура сперрингс (1–5, 7–10, 13, 19 – Уя III; 11 – Оровнаволок VI; 12, 14, 17 – Пегрема IX). 6 – культура ямочно-гребенчатой керамики (Черная Речка I); 15, 16, 18 – памятники с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой (Войнаволок IX); 1 – лидит; 2–5, 7–17, 19 – кварц; 15, 16, 18 – кварцит

т. е. индекс утилизации очень низкий (Тарасов, в печати). В данном случае это свидетельствует о производстве большого количества отщепов, которые не могут быть использованы, притом, что нуклеусы подвергаются сильному срабатыванию. Впрочем, надо оговориться, что большая часть орудий без вторичной обработки (использованные отщепы) могла остаться нераспознанной, поскольку не применялся трасологический анализ.

Степень «поддерживаемости» на поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой несколько выше. Прежде всего, на них представлена постепенно исчезающая на территории Карелии индустрия производства пластин, т. е. «регулярных» отщепов с острыми параллельными краями. Помимо пластин к «поддерживаемым» элементам следует отнести почти исключительное использование кремневого сырья, однако технология первичной обработки в большинстве случаев также направлена на получение отщепов (см. рис. 2, 3). И именно такого рода отщеповые технологии сохраняются в позднем неолите. Таким образом, начальный период неолита на территории Карелии характеризуется устранением «поддерживаемых» элементов из индустрии орудий на отщепах. Стратегия «поддержания», представленная технологией производства пластин, полностью уступает место «неподдерживаемой» индустрии.

Почти одновременно с этим возникает другой вариант «поддерживаемой» технологии – технология изготовления бифасов, побочные продукты которой, сколы утончения бифасов, использовались для орудий на отщепах (рис. 4, 5). Конечно, изготовление орудий из таких сколов, скорее всего, также происходило при возникновении той или иной конкретной задачи и вряд ли они долго находились в употреблении. Вместе с тем их нельзя отделить от самой бифасиальной индустрии, они являлись элементами одной и той же системы. Существенно и то, что увеличение доли орудий из сколов утончения бифасов сопровождалось такими явлениями, как нарастание количества лезвий на одном орудии и доли геометрически оформленных типов инструментов.

В последующем мы часто имеем дело с сочетанием обеих стратегий при преобладании «неподдерживаемой» в комплексах с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой, а также на поселениях позднего энеолита и противоположной ей – в комплексах эпохи энеолита с асбестовой керамикой. В бронзовом веке на памятниках с сетчатой керамикой представлен почти исключительно лишь один «поддерживаемый» вариант. В раннем железном веке – только «неподдерживаемый».

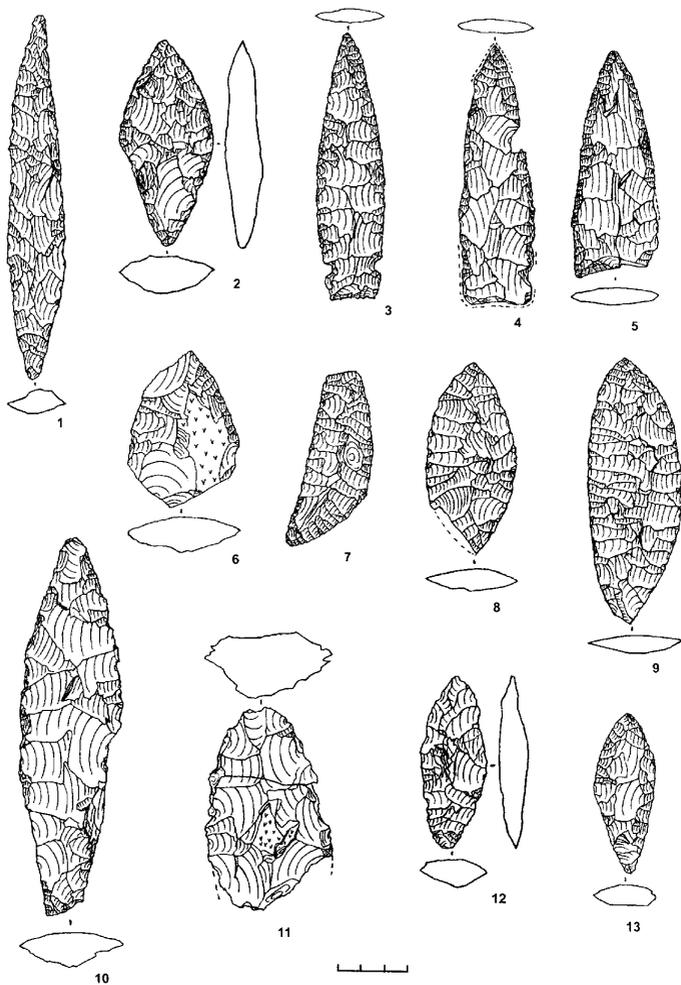

Рис. 4. Бифасы

1–5, 8, 13 – наконечники дротиков; 7, 9 – двусторонне обработанные ножи; 6, 10–12 – заготовки бифасов; 9, 12 – культура ямочно-гребенчатой керамики (9 – Оровнаволок IV; 12 – Черная Речка VI). 2, 6, 7, 8, 13 – памятники с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой (2, 8 – Черная Губа IV; 6, 7, 13 – Вигайнаволок I). 1, 4, 10 – культура асбестовой керамики (1, 10 – Войнаволок XXVII; 4 – Тунгуда V). 3, 5, 11 – культура сетчатой керамики (3 – Горелый Мост VIII, 5 – Горелый Мост VI, 11 – Усть-Водла II); 1, 10 – лидит; 2–9, 11–13 – кремль

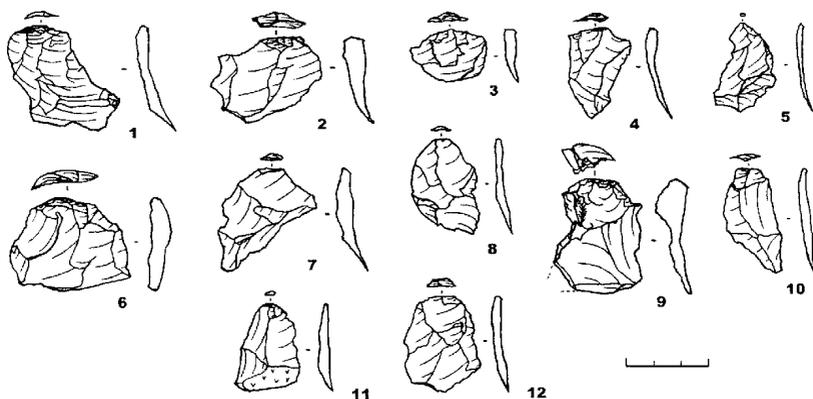

Рис. 5. Сколы утончения бифасов

1–5 – памятники с асбестовой керамикой (Черная Губа IX, жилище с асбестовой керамикой); 6–12 – культура сетчатой керамики (Горелый Мост VI); 1–5 – лидит, 6–12 – кремьень

Обобщенная последовательность развития получается примерно следующая: один вариант «поддерживаемой» индустрии через длительную эпоху господства «неподдерживаемой» сменяется другим, в корне отличным ее вариантом. При этом первый из них, уже в самом начале неолита составлял только одну, небольшую часть всей индустрии. Оба этих варианта, при всех их преимуществах, связаны с двумя существенными ограничениями: они требуют довольно качественного, хотя и не во всем идентичного, сырья и наличия подготовленных специалистов. Нет ничего удивительного в том, что в условиях каменного века такого рода специалистами становились если не все, то многие члены коллектива. Тем не менее так или иначе требовалось некоторое время на их обучение. Помимо этого, весьма велик был риск испортить нуклеус или заготовку бифаса.

Общество охотников и собирателей находится под сильным давлением окружающей среды и постоянно испытывает риск неудачи в приобретении достаточного количества ресурсов, прежде всего ресурсов пищевых. В связи с этим любые технологические изменения вряд ли возможны, если они приводят к увеличению

этого риска. Скорее наоборот, они должны быть направлены на его уменьшение (Torgence, 1989, p. 58). Поэтому если на поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой изготавливались пластины, а на поселениях эпохи неолита и бронзового века существовала традиция довольно массового производства бифасов, несмотря на описанные выше неудобства, то те преимущества, которые они давали, были необходимы для выживания коллектива.

Как известно, отжимные небольшие пластины и микропластины, а именно они представлены на проанализированных поселениях в первую очередь, обычно являлись вкладышами составных орудий. В таком случае они представляют такую разновидность «поддерживаемой» индустрии, которая направлена на изготовление легко и быстро «ремонтируемых» инструментов (Torgence, 1989, p. 62). «Ремонтируемые» (maintainable) орудия (согласно определению П. Блида) могут быть частично повреждены в процессе использования, однако они быстро восстанавливаются с помощью набора стандартных элементов, т. е. в данном случае вкладышей. Такие инструменты лучше всего подходят для ситуаций непрерывного или, наоборот, неожиданного использования, когда требуется быстрая реакция на внезапно возникшую проблему (Torgence, 1989, p. 62).

Между тем, следуя концепции П. Блида, бифасы в целом можно определить как инструменты «надежные» (reliable). Они спроектированы таким образом, чтобы избежать повреждения в процессе использования. Поскольку окончательно устранить такой риск невозможно, он минимизируется дублированием, изготовлением резервных экземпляров снаряжения. «Надежные» орудия используются время от времени, при этом моменты их применения заранее запланированы (Torgence, 1989, p. 62).

Поскольку существование как пластинчатой, так и бифасиальной индустрий связано со значительными затратами, это может быть оправдано в том случае, если коллектив сталкивается с серьезными рисками, такими, которые эти индустрии действительно способны уменьшить. В экономике охотников и собирателей такие риски должны быть связаны прежде всего с охотой. Означает ли это, что в неолите, когда пластины вышли из употребления, а роль

бифасов в каменной индустрии оставалась незначительной, древним населением Карелии был сделан выбор в пользу ведущей роли рыболовства? Для рыболовства, конечно, также необходимо сложное снаряжение, однако оно изготавливается главным образом из органических материалов. Основания для утвердительного ответа на данный вопрос имеются. Тем не менее это не более чем гипотеза, которая на данный момент не может быть доказана. Охотничье снаряжение могло быть изготовлено из органических материалов, и если так, то оно просто не сохранилось до наших дней.

Необходимо также объяснить, почему после вероятного увеличения роли охоты на исходе неолита и в энеолите населением воспринимается уже не пластинчатая, а бифасиальная индустрия. Согласно П. Блиду, «ремонтируемые» орудия больше характерны для тех условий, когда ресурсы относительно многочисленны, однако для их добычи требуется быстрая реакция, т. е. риск имеет мгновенный (временной) характер. Вместе с тем «надежные» орудия предпочитают, если сами ресурсы относительно ограничены, например доступны в течение одного сезона, и для их успешной добычи требуется планомерная организация человеческой деятельности (Тоггенсе, 1989, р. 63). Первый вариант, пожалуй, больше соответствует мобильной экономике, когда люди движутся за ресурсами. Второй – «логистически» организованной, т. е. в значительной степени оседлой.

Такому заключению, правда, противоречит ряд наблюдений относительно каменных индустрий некоторых палеоиндейских культур в Северной Америке, в которых увеличение доли «формальных», «поддерживаемых» орудий, представленных прежде всего бифасами, происходило при увеличении мобильности. И наоборот, оседлое население переходило к использованию «неподдерживаемых» отщеповых индустрий (Andrefsky, 1998, р. 214–217). Тем не менее очень существенно то, что это происходило в условиях неограниченного доступа к каменному сырью высокого качества. В таких условиях, если мобильные группы и нуждались в том, чтобы более эффективно расходовать сырье на изготовление набора орудий, которые они постоянно переносили с собой, то оседлые коллективы не имели такой острой необходимости и вполне могли

быть «расточительнее». В условиях же Карелии, наоборот, потребность в эффективных инструментах сопровождалась значительными трудностями в получении сырья для их изготовления, поэтому вывод о том, что возрастание роли бифасиальной индустрии является одним из свидетельств перехода к более оседлому образу жизни, по-прежнему имеет под собой основания. Этот пример, однако, показывает, что при обсуждении таких вопросов мы сталкиваемся не с жесткими закономерностями, а с тенденциями. И то, какую именно форму примет человеческая культура, зависит от множества случайных факторов.

Для более обоснованного заключения относительно степени оседлости древнего населения отмеченные тенденции развития каменного инвентаря необходимо сравнить с тенденциями развития других элементов материальной культуры. В первую очередь нас должны интересовать система расселения, типология и организация поселений, конструкция жилищ. Подробное рассмотрение всех этих элементов может стать темой отдельной большой работы. В данном предварительном анализе можно ограничиться кратким рассмотрением современных сведений об основных особенностях жилищ древнего населения Карелии.

Жилища культуры сперрингс на территории Карелии до настоящего времени надежно не выявляются (Витенкова, 1996а, с. 67). Только на поселении Илекса V, возможно, имеются следы наземного сооружения (Косменко, 1992, с. 47–48). Жилища культуры ямочно-гребенчатой керамики известны лишь на ее двух поздних поселениях – Вигайнаволок I и Пегрема V. Они представляют собой слегка углубленные в землю прямоугольные сооружения, однако их устройство надежно не реконструируется (Панкрушев, Журавлев, 1966; Журавлев, 1986; Лобанова, 1996а, с. 87). Таким образом, следы жилищ раннего неолита на поселениях не обнаружены и можно предположить, что использовались наземные, легкие, вероятно, переносные постройки.

По мнению И. Ф. Витенковой (2002а, с. 57), в позднем неолите «на территории Карелии происходит постепенное сложение срубного жилища, но применительно к памятникам с гребенчато-ямочной посудой этот процесс еще не завершился». На поселениях

с гребенчато-ямочной керамикой известны подпрямоугольные полуземлянки площадью 30–40 м², однако очертания стенок и углов нечеткие, следы деревянных срубов не обнаружены. Подобные постройки известны на поселениях с ромбоямочной керамикой, но они чаще подквадратные в плане. Некоторые из них достигают площади 100 м² и имеют два выхода (Журавлев 1991, с. 13–73; Витенкова 1996б, с. 153). Наконец, на поселениях эпохи энеолита с асбестовой керамикой исследованы многочисленные срубные, углубленные в землю прямоугольные и квадратные постройки с одним или двумя выходами (Жульников, 1999, с. 34). Некоторые из них имеют площадь больше 100 м². Следовательно, в энеолите фиксируется развитая традиция строительства долговременных жилищ.

Таким образом, нарастание «поддерживаемых» элементов в каменной индустрии в целом совпадает с процессом становления прочных долговременных жилых построек. Эти постройки могут означать становление относительно оседлого образа жизни. По всей видимости, в течение позднего неолита происходит переход к новому хозяйственно-культурному типу: тип кочевых охотников – рыболовов-собирателей сменяется типом оседлых охотников – рыболовов – собирателей. В энеолите на памятниках с асбестовой керамикой этот тип выступает уже в сложившемся виде. Вывод о сложении такого хозяйственно-культурного типа был сделан, например, для синхронной волосовской культуры (Жилин, 2002б, с. 122). В то же время необходимо еще раз оговориться, что речь, скорее, может идти только об относительной оседлости, т. е. оседлости на сезонной основе. Среди энеолитических поселений Карелии были выделены не только круглогодичные, но и сезонные – зимние и летние (Жульников, 1999, с. 29, 80–83).

Такие явления, как использование различного качественного сырья, разнообразный набор инструментов, тщательность их обработки и соответственно их высокое качество, могут быть составной частью данного хозяйственно-культурного типа. Вероятно, он основывался на планомерной организации эксплуатации различных природных ресурсов и предполагал сочетание рыболовства, собирательства, различных способов охоты на лесных, а на побережье Белого моря также и на морских животных.

Причины становления новой хозяйственной системы вряд ли могут быть определены в рамках данной работы. Маловероятно, чтобы трансформация экономики и культуры произошла под воздействием климатического фактора. Хотя начало энеолита и совпадает со сменой атлантического периода суббореалом, климатические изменения не имели такого же катастрофического характера, как те, которые сопровождали начало голоцена и влияли на трансформацию палеолитической культуры в мезолитическую. Вероятной причиной могло быть перенаселение, однако никаких доказательств этого на территории Карелии на данный момент нет, как неясны и причины возможного резкого увеличения численности ее обитателей.

В позднем энеолите (в конце III – первой половине II тыс. до н. э.) происходит заметное упрощение культуры, особенно каменной индустрии. На поселениях южной половины Карелии в это время снова активно использовалось кварцевое (некачественное) сырье, а также мягкие разновидности сланцев и алевролитов. Большинство сколов-заготовок для орудий на отщепках получалось в рамках «неподдерживаемой» индустрии, т. е. при срабатывании нуклеусов для производства отщепов. Меньшее значение в каменной индустрии стали играть бифасы, заметно уменьшились средние размеры орудий. Хозяйственная система в целом должна была оставаться примерно такой же, как и во второй половине III тыс. до н. э. В это время сохраняются, хотя и уменьшаются в размерах, прямоугольные жилища (Жульников, 1999, с. 79). Доля бифасов все же остается заметной, сохраняется индустрия сланцевого охотничьего вооружения.

Данные относительно бронзового века противоречивы. С одной стороны, каменный инвентарь может быть оценен как «поддерживаемый», поскольку так же, как и энеолитический, он в первую очередь представлен продуктами бифасиальной индустрии. Морфологические варианты бифасов очень разнообразны. Практически исчезнувшие в этот период каменные макроорудия могли заменяться металлическими. С другой – традиция строительства долговременных жилищ в этот период не обнаруживается. Следы построек имеются только на двух поселениях – Келка III и

Елменкоски I, при этом в обоих случаях они реконструируются как легкие сооружения типа чумов (Косменко, 1996е, с. 191). Следует все же упомянуть, что на поселении Сумозеро XV, возможно, имеются следы двух наземных подпрямоугольных построек, очертания которых улавливаются по распространению находок (Жульников, 2003, с. 82–84).

Жилища на поселениях раннего железного века не выявляются (Манюхин, 1996, с. 223; Косменко, 1996д, е, с. 240, 254, 259). Каменная индустрия в целом может быть охарактеризована как «неподдерживаемая». Вывод о подвижном образе жизни населения в данный период довольно обоснован, но следует учесть, что каменный инвентарь в это время резко теряет свое значение и поэтому его информационная ценность снижается.

Индустрия каменных макроорудий и становление специализации в производстве

Стратегия изготовления макроорудий, т. е. крупных, как правило, деревообрабатывающих, орудий, так же, как и бифасов из окремненных пород, является «поддерживающей» (curative) по определению. В то же время обзор ее технологического развития, который не может быть подробно охарактеризован в рамках данной статьи, показывает, что необходимо говорить по крайней мере о разной степени «поддерживаемости» индустрии макроформ.

У культуры сперрингс эта степень была наименьшей. Это видно по низкому качеству сырья, т. е. мягких разновидностей сланцев и алевролитов, по простоте используемых технологий, основанных на неупорядоченном использовании разнообразных несложных техник, прежде всего различных вариантов краевой оббивки и пиления. В конечном счете можно говорить о низком качестве готовых инструментов, часто не обладающих строгой формой и чаще небрежно зашлифованных.

В последующее время происходит постепенное нарастание «поддерживаемости». Существенный скачок в развитии происходит в период энеолита, когда возникает индустрия макроорудий «руско-карельского типа» (с трапециевидным поперечным сечением) (рис. 6). Орудия этого типа изготавливались по сложной

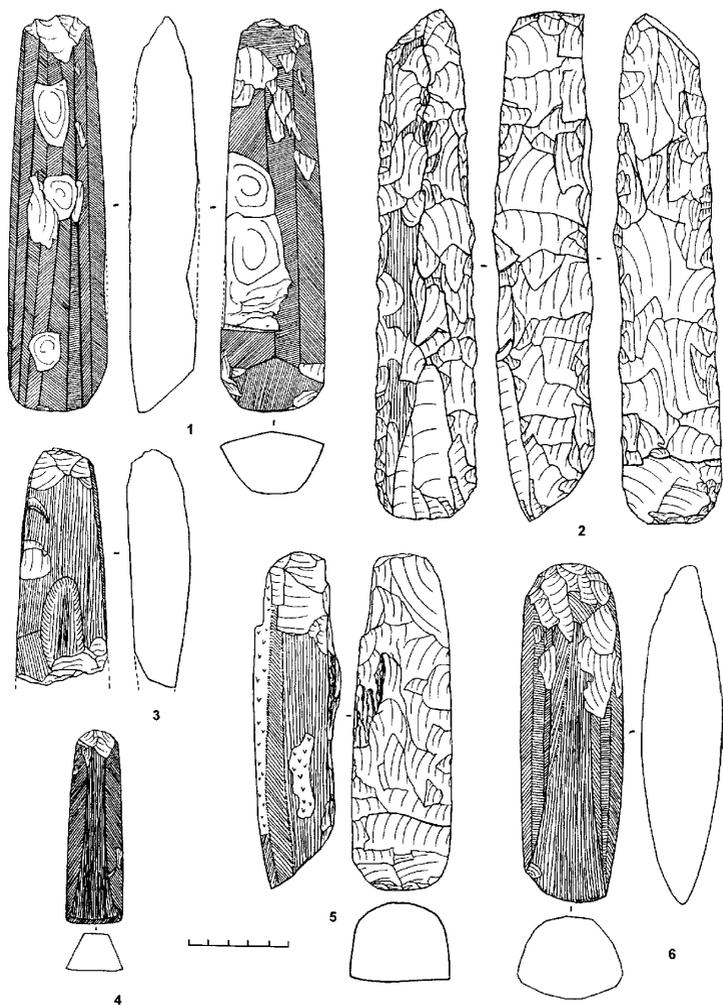

Рис. 6. Макроорудия «русско-карельского типа» (культура асбестовой керамики эпохи энеолита)

1 – желобчатое тесло (без вышлифованного желоба); 3 – желобчатое тесло, обломок; 4 – тесло; 6 – топор (применялся в качестве мотыги); 2, 5 – заготовки желобчатых тесел на стадии шлифования; 1–3, 5 – Войнаволок XXVII; 4 – Черная Губа IX; 6 – Фофаново XIV; 1–6 – алевролит, сланец

технологии, которая характеризуется использованием техники удара через посредник, применявшейся и для изготовления макроорудий на территории Скандинавии, и стадийной последовательностью расщепления, а также очень качественной завершающей абразивной обработкой. «Русско-карельская» технология почти вытесняет остальные технологические схемы, что приводит и к высокой морфологической стандартизации индустрии макроорудий (рис. 7). Немаловажно и появление специализированных стоянок, на которых происходило изготовление макроформ. Такие стоянки были недавно исследованы в низовье р. Шуи на западном берегу Онежского озера (прежде всего Фофаново VI, XIII, XIV) (Тарасов, 2003). Для производства инструментов в этой индустрии использовалось почти исключительно сырье высокого качества, т. е. твердое и однородное, что не было характерно для индустрий макроорудий предшествовавших периодов (Тарасов, 2004, с. 82). Наконец, следует отметить, что среди каменных макроорудий в раннем энеолите очень широко представлены такие сложные формы, как желобчатые тесла и круммейсели.

В бронзовом веке, наоборот, наблюдается резкая деградация и упадок индустрии, которые выражаются в резком количественном уменьшении каменных макроорудий, примитивной технологии их изготовления и небрежной обработке.

Качество – свойство относительное. Очевидно, что качество орудий культуры сперрингс, например, вполне удовлетворяло потребности общества носителей этой культуры. Усложнение и совершенствование индустрии макроформ, которое происходило в последующее время, свидетельствуют об изменении самих общественных потребностей.

Использование качественного твердого сырья, четкие геометрические формы изделий и, отчасти, их значительные размеры, разнообразный видовой набор с заметной долей инструментов для сложной обработки дерева (желобчатых тесел, круммейселей) могут быть объяснены становлением нового хозяйственно-культурного типа и относительно оседлого образа жизни. Развитые традиции домостроительства, несомненно, предъявляли высокие требования к деревообрабатывающим инструментам, но само по

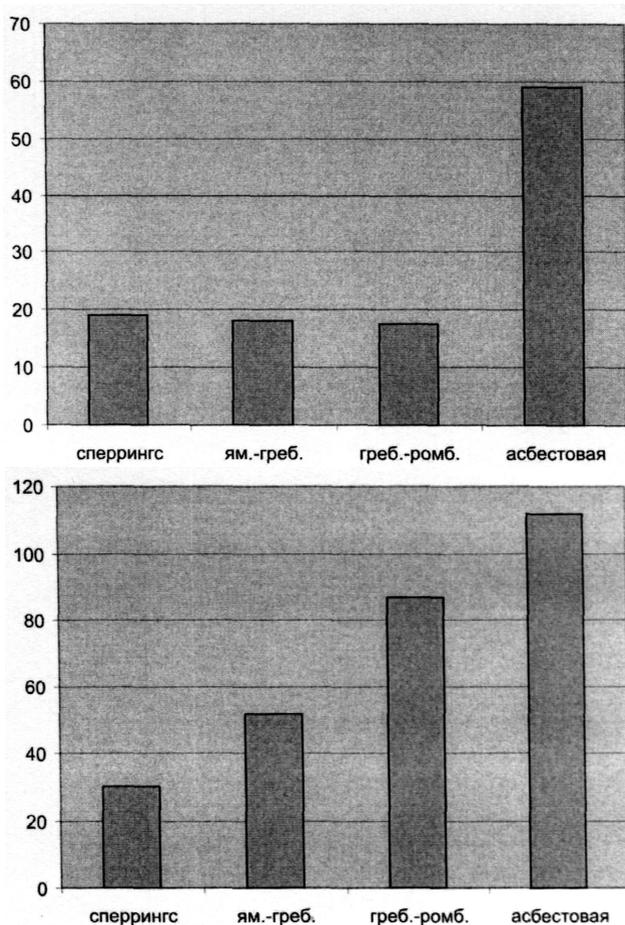

Рис. 7. Степень морфологической стандартизации макроорудий Карелии периодов неолита – энеолита

Вверху – доля наиболее частого сочетания формы макроорудий в сечении и плане в процентах от общего количества целых изделий на памятниках культур неолита – энеолита. Внизу – доля наиболее часто встречающейся формы сечения макроорудий в процентах от общего количества целых изделий

Сперрингс – культура сперрингс; **ям.-греб.** – культура ямочно-гребенчатой керамики; **греб.-ромб.** – памятники с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой; **асбестовая** – культура асбестовой керамики

себе это еще не объясняет явлений резкого усложнения и стандартизации технологии макроорудий в энеолите, стандартизации их типологического набора, относительно массового производства, широкого использования приема многогранной шлифовки¹ и отчетливого стремления к декоративному оформлению поверхности изделий, которое фиксируется по частому использованию полирования их поверхности. Индустрия макроорудий, на мой взгляд, позволяет ставить вопрос о том, что в энеолите культура местного населения достигает качественно иного уровня сложности, и, вероятно, на новый уровень сложности поднимается социальная организация этого населения.

Перечисленные выше особенности энеолитической индустрии макроорудий или орудий русско-карельского типа позволяют ставить вопрос о появлении специализации в изготовлении каменных инструментов, специализации как заметного общественного явления, при котором значительное число членов того или иного сообщества исключается из данной сферы материального производства. Половозрастная специализация, не предполагавшая высокого уровня подготовки отдельных мастеров, могла иметь место уже в достаточно ранние времена, и необходимость предварительного обучения подрастающего поколения становится очевидной, как только технология перешагивает наиболее элементарный порог сложности (Pigeot, 1990; Roux, 1990, p. 147). Несомненно, имело место и разделение труда по половому признаку, хотя критерии для доказательства такой практики найти сложно. Наиболее вероятно, что производство бифасов или отжимных пластин на территории Карелии происходило в рамках как раз половозрастной специализации и являлось делом каждой отдельной социально-производственной ячейки. Помимо этого, очень вероятно, что некоторые члены коллектива могли специализироваться на обработке камня

¹ При многогранной шлифовке по очереди зашлифовываются длинные узкие грани орудия, которые протягиваются во всю его длину. Сам процесс шлифования в данном случае выглядит «автоматизированным». Более того, исключительная прямизна таких узких граней на многих изделиях из поселений эпохи энеолита, как будто бы проведенных по линейке, позволяет предполагать использование механических шлифующих устройств.

благодаря их особым способностям, но при этом потенциально доступ к данной деятельности был открыт для всех членов коллектива.

Обратим внимание на то, что некоторые индустрии эпохи энеолита и бронзового века демонстрируют вполне уверенные свидетельства привлечения труда специалистов. Экспериментальные работы в области технологии расщепления камня предоставили критерии для оценки уровня сложности той или иной технологии и уровня подготовки мастера. Так, например, «чуть больше терпения» и длинная исходная заготовка не являются достаточными условиями для производства таких вещей, как пластины из Гран-Прессиньи (Франция) или южнскандинавские длинные четырехгранные топоры и кремневые кинжалы. Для того чтобы произвести подобное изделие, требуется опыт обращения с материалом, который вырабатывается годами постоянных тренировок, и то при наличии у мастера определенного «таланта» (Pelegrin, 1990, p. 123).

На этом моменте необходимо остановиться немного подробнее. По мнению Ж. Пелегрин, одного из лучших современных мастеров, способных изготавливать каменные изделия с помощью сложного расщепления, психологическое основание технологии расщепления имеет две стороны: знание и умение (Pelegrin, 1990, p. 118). Знание имеет открытую природу и может быть передано от одного субъекта к другому при помощи языка в устной или письменной форме или при простой демонстрации. В то же время умение («know-how») не может быть вербализовано, поскольку представляет собой своего рода «мышечную» память о том, какого рода телодвижения приводят к наилучшему результату. «Know-how» приобретает только в результате собственной длительной практики.

Технологии, направленные на специализированное получение отщепов, предполагают небольшой объем знания, но даже такое незначительное знание играет гораздо более серьезную роль, чем умение. Бифасы требуют большего объема как знаний, так и умений, при этом доля умений в успешном производстве бифасов уже более весома, чем доля знаний. Количество

действительно тонких бифасов, обнаруженных на территории Карелии, невелико. Следовательно, в их изготовление вкладывалось относительно немного «умений» и вряд ли многие мастера ставили перед собой такую цель, как достижение значительного «know-how».

Технология изготовления макроорудий русско-карельского типа требует наибольшего объема и знаний, и умений среди тех технологий расщепления, которые были представлены на территории Карелии. Утверждение о том, что степень умения в данном случае выше, чем при производстве бифасов из карельских поселений, может показаться спорным. В таком случае необходимо отметить, что материал, из которого эти орудия изготавливались, все же намного хуже поддается расщеплению, чем кремневые породы. Немаловажно и то, что в процессе их обработки наверняка использовались не просто мягкие отбойники и посредники, но отбойники и особенно посредники и колотушки разного размера и веса. И выбор правильного инструмента для конкретной ситуации почти целиком определен «know-how» мастера. Использование различных инструментов трудно доказать, но именно таким образом поступает при изготовлении четырехгранных кремневых топоров современный ремесленник – «flintknapper»² Дан Черефорш, работу которого мне приходилось наблюдать и приемы этой работы копировать.

Существование технологий с относительно высоким уровнем знаний и умений невозможно без института ученичества, посредством которого отбираются наиболее подходящие кандидаты и организуется процесс передачи знаний и контроль над приобретением необходимого «know-how». Подобный институт обычно связан с ограничением числа лиц, получающих доступ к технологии (Arel, 2001, p. 113–115), т. е. возникает в той ситуации, когда специализация на том или ином производстве является состоявшимся фактом. Это означает, что данная область деятельности монополизируется некоей группой и собственное желание индивида вместе с его способностями к этой деятельности уже не являются достаточными условиями для его специализации в ней.

² Мастер по расщеплению кремня (и любых изотропных пород).

Основными критериями, свидетельствующими о наличии специализации, могут являться: 1) высокое качество сырья; 2) индивидуальный стиль или значительная стандартизация; 3) сложность, либо же относительная простота, но большая эффективность технологии; 4) высокое качество работы (небольшая частота ошибок расщепления); 5) общее положение данной индустрии в археологическом и культурно-историческом контексте (Torrence, 1986, p. 44; Johnson, 1996, p. 172; Roux, 1990, p. 149).

В настоящее время, помимо упомянутых выше индустрий, выводы о наличии развитой специализации были сделаны относительно производства пластин в Spiennes (Бельгия), Варне (Болгария) (Pelegrin 1990, p. 123), индустрии обработки обсидиана у майя в Америке (Sheets, 1975; Johnson, 1996) и некоторых других. Наконец, интересный материал для сравнения представляет индустрия макроорудий, существующая в высокогорных районах Новой Гвинеи, особенно индустрия производства тесел «стиля Лангда».

Данная индустрия, единственная существующая в настоящее время «живая» каменная индустрия с подобным уровнем сложности, недавно была подробно описана (Hampton, 1999; Stout, 2002). При внимательном изучении между ней и индустрией русско-карельских орудий в энеолите Карелии обнаруживается целый ряд поразительных параллелей. Орудия изготавливаются из сходных по свойствам материалов, т. е. не из кремня, а из различных горных пород, которые характеризуются большей по сравнению с кремнем зернистостью и «вязкостью» (метаморфизированный базальт, андезит и др.) (Hampton, 1999, p. 45; Stout, 2002, p. 697). Существенные для обработки и качества изделий свойства этих пород варьируются в очень широких пределах. Важно, что эти различия отчетливо осознаются мастерами, которые выделяют множество разновидностей материалов, отличающихся по твердости, однородности структуры и цветности. Соответственно изделие из более качественного материала ценится намного дороже, чем из некачественного (Hampton, 1999, p. 59, 224, 240, 243; Stout, 2002, p. 702). Технология производства орудий описывается исследователями и осознается самими мастерами как стадиальная и предполагает

использование набора каменных отбойников, отличающихся по форме, размеру и весу (Hampton, 1999, p. 225, 243, 246; Stout, 2002, p. 699). Основной процесс обработки (расщепления) происходит на стоянках, находящихся на некотором, но небольшом удалении от источников сырья и на значительном – от постоянных поселений. Многие изделия достигают крупных размеров (в длину 30 см и больше). Наконец, тесла «стиля Лангда» обладают также сходной морфологией. У них треугольное поперечное сечение, хотя они остаются гораздо ближе к бифасам, чем трапецевидные изделия русско-карельского типа.

Добыча сырья и изготовление орудий в данной индустрии – это коллективный процесс, в котором одновременно участвуют несколько человек. В составе группы выделяются: ведущий мастер, который иногда обладает исключительным правом пользования месторождениями сырья, специалисты и ученики (Hampton, 1999, p. 226–227, 298; Stout, 2002, p. 700–701). Зафиксировано, что иногда специалисты по изготовлению рубящих орудий полностью освобождаются от сельскохозяйственных работ и «оплачиваются» продуктами за свои изделия (Stout, 2002, p. 701). Они имеют высокий социальный статус, что делает их позицию привлекательной для остальных членов коллектива, однако возможности войти в число учеников сильно ограничены. Как правило, ими становятся близкие родственники специалистов или люди, каким-либо образом добившиеся их благосклонности. Ученичество начинается в возрасте 12 – 14 лет и продолжается от 5 до 10 лет (Hampton, 1999, p. 231; Stout, 2002, p. 701). Таким образом, мы можем наблюдать достаточно развитую специализацию в производстве каменных орудий.

Безусловно, прямой перенос примера из Новой Гвинеи на период энеолита в Карелии не может быть осуществлен уже потому, что сейчас нет никаких оснований предполагать возникновение в Карелии периода энеолита каких-либо элементов производящего хозяйства. Тем не менее развитая традиция строительства полуземляночных срубных жилищ свидетельствует о сравнительно оседлом образе жизни, а вся сумма сведений о данном периоде позволяет говорить о весьма высоком для первобытной эпохи уровне

развития культуры местного населения. Следовательно, черты сходства между двумя рассмотренными индустриями вполне могут быть результатом того, что они порождены сходными социальными процессами.

Как известно, возникновение специализации может быть связано и даже вызвано ограничением доступа к источникам сырья. Имеются этнографические примеры, в которых такое ограничение является следствием монополизации месторождения одним коллективом. Известен пример монополии одного рода на добычу сырья и изготовление макроорудий в Австралии (середина XIX в.) (Torrence, 1986, p. 54–57; McBryde, 1979). Причем эта монополия возникла в обществе, более примитивном, чем, скажем, энеолитическое общество в Карелии, хотя и находившемся уже в длительном контакте с европейской цивилизацией.

Причиной может стать и невозможность эксплуатации удаленных месторождений оседлыми коллективами, без наличия специального запрета на доступ. Такие примеры имеются в Новой Гвинее (Torrence, 1986, p. 57–60; Philips, 1979, p. 110).

Здесь мы подходим к следующему вопросу, на котором тоже следует кратко остановиться, – проблеме обмена в первобытных обществах. Причиной развития древнейшего обмена является неравномерное территориальное распределение природных ресурсов (Бахта, Сенюта, 1972, с. 72), и поэтому чаще всего он выступает именно в виде обмена сырьем и изделиями из материала, имеющего ограниченное распространение. Нужда в таком обмене возрастает с увеличением степени оседлости первобытных коллективов (Nassaney, 1996, p. 189).

Основные модели такого обмена описаны К. Ренфрю (взаимный обмен «по линии», «престижный» обмен, обмен с использованием профессиональных посредников и «направленный» обмен, предполагающий лучшее снабжение более удаленных от источника сырья территорий). Последующие исследователи акцентировали внимание на том, что при анализе процессов обмена недостаточно использовать только количественные критерии (сумма и вес изделий из того или иного материала), необходимо подключать также и качественные. Это могут быть: разница в снабжении

поселений разного типа, форма, в которой импортировалось данное сырье (куски породы, заготовки, законченные изделия), уровень мастерства, при производстве подлежащих обмену вещей (Togrence, 1986, p. 10–44).

Импорт сырья (кремня) на территорию Карелии уже исследовался А. М. Жульниковым (1999, с. 85–88), поэтому сейчас этот вопрос рассматриваться не будет. Все же по-прежнему остается возможность существования обмена готовыми изделиями и, следовательно, специализации на изготовлении подлежащих обмену вещей. Наиболее вероятными продуктами местной каменной индустрии, предназначавшимися для обмена или по крайней мере участвовавшими в обменных процессах, являются именно топоры, тесла, желобчатые тесла и долота русско-карельского типа. Их индустрию отличает весьма высокая стандартизация. В то же время широкое использование многогранной шлифовки, которая, не исключено, проводилась при помощи механических приспособлений, явно свидетельствует о поиске наиболее эффективных способов обработки. Под эффективными способами имеются в виду те, которые могут дать максимальный результат при наименьших затратах. Разумеется, уменьшение затрат, в том числе временных, здесь возможно было только без ущерба для качества. В неолите, вероятно, с подобной же целью, использовалось более мягкое сырье.

Предположения об участии карельских макроформ в обмене с соседними территориями высказывались уже неоднократно, начиная с Ю. Айлио и К. А. Нордмана, а также В. Лухо, которые первыми обратили внимание на мастерские в устье р. Шуи (Кларк, 1953, с. 246–247). Впоследствии такое мнение высказала Н. Н. Гурина (1974, с. 15). Изложенные в настоящей работе наблюдения, так же, как и новые материалы с мастерских в низовье р. Шуи, подтверждают такое предположение. Пока сложно определить все возможные направления этого обмена и широту территории, на которую он распространялся. Для решения такого вопроса необходимы широкие петрографические исследования.

Обобщенная линия развития индустрии макроорудий как социального явления в позднем неолите – энеолите может выглядеть

примерно таким образом. В позднем неолите в силу становления оседлого образа жизни наблюдается усложнение потребностей местного населения, но изготовление инструментов, их обеспечивающих, могло оставаться делом каждой отдельной ячейки (семьи?), что видно по разнообразию и общедоступности применявшихся технологий. В энеолите, в силу активного развития процессов обмена (Жульников, 1999, с. 85–88), вероятно, усиливается потенциальная возможность какого-то начального разделения труда уже между отдельными хозяйственными и территориальными единицами и, следовательно, возникновения относительно развитой специализации и в области производства каменных макроорудий. Появляются подготовленные специалисты.

С этим может быть связано заимствование эффективной техники работы через посредник. Скорее всего, произошло именно заимствование, поскольку сам прием был известен по крайней мере за тысячу лет до того, как его применили на территории Карелии. Откуда пришла эта инновация, пока неясно. Существенно то, что в самом карельском обществе появилась потребность в технологии, подобной той, которую в Южной Скандинавии вызвал к жизни переход к земледелию и связанное с ним изменение социальной структуры.

Пока невозможно говорить, в какой конкретной форме возникла предполагаемая специализация, т. е. рекрутировались ли специалисты из различных коллективов или имела место монополия одного коллектива как на технологию, так, возможно, и на те участки территории, на которых наиболее вероятно было нахождение качественных исходных заготовок.

Усложнение общественной организации

Необходимо остановиться еще на одном вопросе. В последние десятилетия было признано, что древние общества могли достигнуть стадии разложения первобытнообщинного строя, или, как принято в англоязычной литературе, стадии «культурной сложности», еще оставаясь охотниками и собирателями (Brown, Price, 1985, p. 435). В частности, выводы о становлении «сложного» общества сделаны относительно ряда североамериканских культур,

как археологических, так и доживших до исторической современности (Ляпунова, 1972; Ames, 1985; Hayden et al., 1985; Brown, 1985; Arnold, 1993). Непременными условиями возникновения такой общественной системы являются: относительно высокая плотность населения; оседлый образ жизни; индивидуальный, т. е. семейный, характер производства; регулярное получение прибавочного продукта; развитый обмен и существование специализации в отдельных сферах производственной деятельности. Для нее характерны начальные элементы общественного неравноправия, т. е. имущественное неравенство и иерархическая структура, обычно с приобретаемым при жизни (ненаследуемым) статусом отдельного индивида. Наконец, в отдельных случаях наблюдается становление предгосударственных политических институтов.

В материальной культуре индикаторами вероятного образования «сложного общества», видимо, служат признаки оседлого образа жизни, существования специализации и обмена, а также наличия неравенства (прежде всего в материалах погребений). Кроме того, эта «культурная сложность» способна проявляться в значительном усложнении и разнообразии инвентаря и таком явлении, как «престижные» изделия и «престижные» технологии.

Понимание «престижных» технологий базируется на характеристике, данной Б. Хэйденом (Hayden, 1998). Функцией престижных изделий является демонстрация богатства, успеха и власти. Успешное выполнение ими подобной функции возможно в том случае, если намеренно завышается объем ресурсов, вкладываемых в их производство. Другими словами, при изготовлении сугубо практических вещей исключаются любые излишние траты, т. е. траты, которые не приводят к повышению необходимой и достаточной эффективности. Престижные технологии, наоборот, построены на сознательном увеличении затрат, прежде всего трудовых, через посредство которых в них переводится и аккумулируется прибавочный продукт.

Престижные изделия обладают характеристиками, которые делают их особенно привлекательными для членов первобытного коллектива, например, значительными размерами, яркой окраской, блестящей поверхностью. Они часто демонстрируются во время

публичных мероприятий, таких как народные собрания или отправление культа, что приводит к повышению авторитета лидера и к оправданию избыточной траты ресурсов. Приобретение престижных вещей становится желанным для многих членов группы. По мнению Б. Хэйдена, стимулирование престижных технологий является социальной стратегией, с помощью которой индивиды, сознательно или бессознательно стремящиеся к достижению господствующего положения, добиваются своих целей. В частности, объекты престижного владения часто использовались для того, чтобы загонять в долговую зависимость отдельных людей или целые семьи и навязывать им те или иные условия (Hayden, 1998, p. 12).

В каменной индустрии различных регионов мира имеются несомненные примеры престижных технологий. Не случайно, что наиболее сложные варианты технологий расщепления, вроде упоминавшихся скандинавских кинжалов или длинных египетских кремневых ножей (Whittaker, 1984, p. 171) были созданы уже в иерархически организованных обществах. Скорее всего, потому, что они были связаны с обслуживанием потребностей формирующихся элит, светских или духовных (Sheets, 1975; Johnson, 1996; Larsson, 1999; Apel, 2001, p. 329–336; Nordquist, 2001, p. 196).

Каменные макроорудия часто предлагаются на роль престижных объектов. Основаниями для таких утверждений являются большие размеры изделий и очевидные большие затраты для их производства (Olausson, 1983, p. 9–10, 2000, p. 125; Hayden et al., 1996, p. 33–35). Этому имеются и этнографические подтверждения, свидетельствующие, в частности, о том, что утилитарные и дополнительные социальные функции макроорудий не всегда исключают друг друга, т. е. топор может быть использован по своему прямому назначению, но при этом служить еще и показателем статуса его владельца (Olausson, 1983, p. 11–14; Hayden, 1998, p. 13).

Д. Олауссон была предпринята попытка выделения среди неолитических топоров с территории южной Швеции изделий с такими дополнительными функциями. Несомненных свидетельств

обнаружить не удалось (Olausson, 1983, p. 30). Карельский материал в целом более бедный, поэтому возможность выявления подобных вещей потенциально еще меньше. Вместе с тем сочетание на изделиях какого-либо периода таких признаков, как высокое качество сырья, тщательность обработки и большие размеры изделий, позволяет предполагать, что по крайней мере некоторые из них имели дополнительное социальное значение.

Вряд ли вызовет возражение утверждение, что энеолитическая индустрия макроорудий русско-карельского типа больше, чем какая-либо другая каменная индустрия в историческом прошлом на территории Карелии, может претендовать на статус «престижной». Неопровержимые доказательства этому утверждению найти сложно, если вообще возможно, однако основания для него имеются. Данный тезис не отменяет всего того, что говорилось по поводу этой индустрии выше. Он, скорее, несколько расширяет рамки возможного понимания ее значимости.

В продолжение темы можно высказать еще одно замечание, напрямую не относящееся к данной работе. Не исключено, что использование самородной меди на территории Карелии, которое не привело к уменьшению роли каменного инвентаря, тоже начиналось именно как «престижная» технология. Это означает, что она могла вырасти не из утилитарных или по крайней мере не только из утилитарных, но еще и из социальных потребностей. И произошло это только тогда, когда такие усложненные потребности возникли в среде местного населения.

Подведем итог всему сказанному. Вероятно, в энеолите местное население на территории Карелии достигает стадии культурной и социальной «сложности», т. е. оказывается на самом пороге становления неэгалитарной социальной системы, хотя те доказательства, которые были приведены в настоящей работе, явно недостаточны. Такой вывод помогает объяснить целый ряд явлений в карельской каменной (и не только) индустрии, которые были обнаружены в ходе проведенного здесь анализа.

* * *

Безусловно, предложенная в этой работе интерпретация данных об особенностях развития каменной индустрии на территории Карелии не является единственно возможной. Все сделанные здесь утверждения могут быть приняты только в качестве предположений. Более того, не исключено, что многие из них вообще никогда не могут быть доказаны по причине неполной базы источников, в которой практически не представлены изделия из органических материалов. Вполне вероятны и другие альтернативные объяснения охарактеризованных здесь изменений в каменной индустрии.

При всей спорности высказанных положений можно констатировать, что в энеолите был высокий уровень развития культуры местного населения, выразившийся в нарастании культурной сложности. Этот своего рода «расцвет», вероятно, был вызван серьезной перестройкой экономики и социальной системы. Позднее наблюдается новое упрощение культуры, т. е. той ее части, которая представлена индустрией каменных орудий. Оно отмечено уже в позднем энеолите. Каменный инвентарь бронзового века, несмотря на относительно высокий уровень индустрии бифасов из кремненных пород, в целом выглядит обедненным. В раннем железном веке произошла деградация каменного инвентаря. Не исключено, что упрощение каменной индустрии отражало временное упрощение социальной системы на территории Карелии. Вместе с тем нельзя не учитывать, что в поздние периоды изделия из камня постепенно уступают свою роль и значение металлическим орудиям и потому становятся все менее ценным источником.

Н. В. Лобанова

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ЭПОХИ НЕОЛИТА КАРЕЛИИ

Вопросы возникновения и развития древних человеческих обществ, их контактов и культурных взаимодействий являются одними из важнейших и сложнейших направлений современных исследований. Они напрямую связаны с вошедшими в научный оборот понятиями «этнос» и «этничность», содержание которых в научной литературе до сих пор остается неясным, несмотря на развернувшиеся в последнее время дискуссии (Чешко, 1994; Рыбаков, 2003). Нет общепринятого формального определения этноса, есть только описательная характеристика как совокупности людей, которые связаны общими чертами и особенностями культуры и психики (Бромлей, 1983, с. 44–57). Не выяснены и причины сложения этносов. Обычно указывают на территориальную обособленность и этническую идентичность, на социальные и политические предпосылки. Вместе с тем некоторые исследователи полагают, что существует что-то еще, что можно назвать фундаментальными закономерностями организации человечества, социальным инстинктом коллективности (Чешко, 1994, с. 40–41).

Многие этнологи считают, что в основе этнических различий лежит культура, однако для их проявления необходим определенный уровень ее развития. Так, по мнению С. А. Арутюнова, в древнейших человеческих коллективах еще не могло быть этнического различия, поскольку слишком однородны формы деятельности, неразвиты орудия. Предпосылки оформления первых этнических признаков проявляются в эпоху завершения сапиентации – время перехода от среднего к верхнему палеолиту (Арутюнов, 1989, с. 57–58).

Таким образом, исторически наиболее ранней этнической единицей ряд исследователей считает раннепервобытную общину (Алексеев, 1986, с. 136). Эпохи неолита и энеолита признаются самыми важными вехами на пути развития древних этносов и языков. Предполагается, что основная масса ныне известных языковых семей начала складываться именно в это время (Дьячок, Шаповал, 1986). Лингвисты пытаются увязать этот процесс с «неолитической революцией» и последующим широким распространением новых элементов древней культуры, хотя, естественно, прямых доказательств такой связи они не приводят. Что касается этногенетических процессов, то в это время они теоретически могли приобрести вполне развитые формы.

Единственными источниками для реконструкции этнической истории населения определенного региона являются археологические, отчасти палеоантропологические материалы. В связи с этим особую роль приобретают выделение и изучение археологических культур. Соотношение археологической культуры и этноса – одна из старых и центральных проблем археологии, которая все еще далека от своего разрешения. Проблема имеет гораздо более общий характер и касается регулярностей во всех типологических рангах материальной культуры – от единичных признаков до обширных культурных ареалов. Многие археологи (А. Я. Брюсов, М. Е. Фосс, Н. Н. Гурина, В. П. Третьяков) полагают, что археологическая культура – яркое свидетельство существования в эпоху неолита устойчивых объединений родственных племен. Вместе с тем исследователи выделили и более крупные общности, представленные несколькими такими формированиями с общими элементами культуры и соответственно обладавшие генетическим родством, – культурные области. В качестве примера приводилась культура ямочно-гребенчатой керамики, распространенная в эпоху неолита на обширных пространствах лесной зоны. Культуры, обладавшие сходством, не имевшим этнического характера, объединялись в культурные зоны. Культурной провинцией считался район, где на протяжении длительного времени сохранялось некое единство, специфичность и общие традиции (Формозов, 1959, с. 11–24). Эта точка зрения была активно поддержана Н. Н. Гуриной. В каждой этнокультурной области она видела этническую или этнолингвистическую общность,

состоящую из группы родственных племен, говоривших на диалектах одного языка, обладавших многими общими чертами культуры. Такие группы родственных племен она считала основными этническими единицами эпохи неолита (Гурина, 1973, с. 16), однако некоторые этнографы не согласились с этим. По их мнению, археологическая культура в большей степени соответствует этнографической историко-культурной области, часто являющейся этнически неоднородной, а составляющие ее элементы совсем не обязательно имеют общее происхождение (Левин, Чебоксаров, 1955, с. 16).

Вышеизложенные представления отражали степень изученности археологами неолитических памятников в 1950-х – начале 1970-х гг., когда было принято делать широкие этноисторические обобщения на основе изучения орнамента керамики и отдельных особенностей каменного инвентаря, без необходимого количества данных и детального анализа культурных компонентов. В начале XXI в., несмотря на значительный рост и прогресс археологических исследований, по-прежнему ощущается острая нехватка детальных разработок по неолиту лесной зоны России, не преодолена неравномерность в исследовании культур разных территорий; по сути, отсутствуют единые и обоснованные критерии для сравнительного анализа как керамики, так и каменного инвентаря.

На наш взгляд, нет археологических оснований прямо отождествлять ту или иную неолитическую культуру с существующими ныне этносами. Эта эпоха отделена от нас не менее чем на 5–6 тысяч лет. Более того, вопрос состоит в том, могут ли отдельные признаки древних культур и их комбинации прямо отражать этнические различия, и если так, то в каких случаях и почему. Совокупность компонентов определенной культуры чаще весьма фрагментарная, и элемент субъективности практически всегда заложен при процедуре выделения археологической культуры. Всегда ли можно на основании археологических данных четко фиксировать факты древних миграций или автохтонного развития? Прослеживаемые изменения в элементах культуры зачастую не являются результатом смены населения или его ассимиляции, они могли быть вызваны какими-то иными причинами (например адаптацией к изменившимся природным условиям).

Таким образом, возможность реконструкции этнических процессов всегда будет лишь гипотетической для многих эпох, особенно для каменного века. В ряде случаев (для более поздних археологических эпох) можно лишь ставить вопрос о большей или меньшей вероятности относительно полного совпадения археологической культуры и этноса. Можно предполагать, что в древности происходили достаточно сложные процессы, характеризующиеся перемещениями населения, ассимиляцией, дроблением, дифференциацией и т.д. Есть много древних источников, повествующих о такого рода событиях. Вместе с тем этнокультурная интерпретация археологических данных – это крайне сложная комплексная проблема для археологов и палеоисториков. По мнению этнографов, в древние эпохи этносы были менее дискретны и не так отгорожены друг от друга. Они вряд ли являлись долговечными и неизблемыми. Хотя, если этот вывод и допустим по отношению к этническим группам, то как быть с обширными группами финских, германских, славянских и других этносов? Утверждается также, что фундаментальное единство основ культуры в древности на широкой территории – это один из факторов, позволявших довольно легкую и быструю смену этнической принадлежности у отдельных племен в ходе межэтнических контактов (Арутюнов, 1982, с. 44). Вряд ли это проясняет реальную ситуацию, так как «фундаментальное единство основ культуры» существовало и позднее, скажем, у охотников-рыболовов лесной зоны, да и в других случаях, но это вовсе не основной мотив смены этнической принадлежности конкретным человеком.

В археологических исследованиях важную роль, на наш взгляд, приобретает сравнение соседних, хронологически близких археологических культур, что позволяет выявить тенденции развития, сходство и различия, границы их территорий. Не менее важно установить общность и преемственные связи с предшествующим культурным образованием. Возможно, в одних случаях эти общность и преемственность могут действительно отражать также и этническую общность и преемственность, а в других случаях и не отражать их. Вопрос состоит именно в том, а как различить такие случаи? Ясного ответа пока нет.

Разумеется, вопрос о методах выделения этнической специфики на археологических источниках и тем более об отождествлении их с конкретными этносами или этническими группами становится несколько перспективнее применительно к более поздним эпохам, поскольку у исследователей поздних периодов увеличиваются возможности сравнения с лингвотопонимическими данными, которые ближе к современным языкам. Однако многие археологи и лингвисты умозрительным путем с необыкновенной легкостью увязывают, например, древнейшие стадии развития уральских языков с культурами каменного века – раннего металла. Такие построения даже трудно подвергнуть критическому анализу, так как невозможно зацепиться за реальные факты, на которых они основаны. Это целиком цепочки предположений или проекции умозрительных моделей в древность.

Неолитические культуры Карелии и сопредельных территорий

Неолитическая эпоха в Карелии изучена далеко неравномерно в территориальном и культурно-хронологическом отношении, хотя планомерные работы ведутся очень давно, с 1930-х гг., и в целом эти памятники относятся к числу наиболее хорошо исследованных в лесной зоне Европейской России, особенно поселения с ямочно-гребенчатой посудой. В 1990-е гг. возник определенный застой, связанный с экономическим кризисом, однако сейчас полевые исследования памятников эпохи неолита постепенно возобновляются.

В течение последнего десятилетия появилась серия новых публикаций по неолиту лесной зоны центра Русской равнины и соседних областей, основанных на материалах масштабных раскопок и данных естественных наук (Сидоров, 1990; Древние охотники и рыболовы Подмосковья, 1997; Ставицкий, 1999; Жилин и др., 2002). Раскопаны первые погребения верхневолжцев и льяловцев (Алексеева, 1997). В настоящее время существенно уточнены хронология и периодизация неолита Волго-Окского междуречья, сняты или сглажены некоторые противоречия во взглядах разных исследователей памятников этого региона.

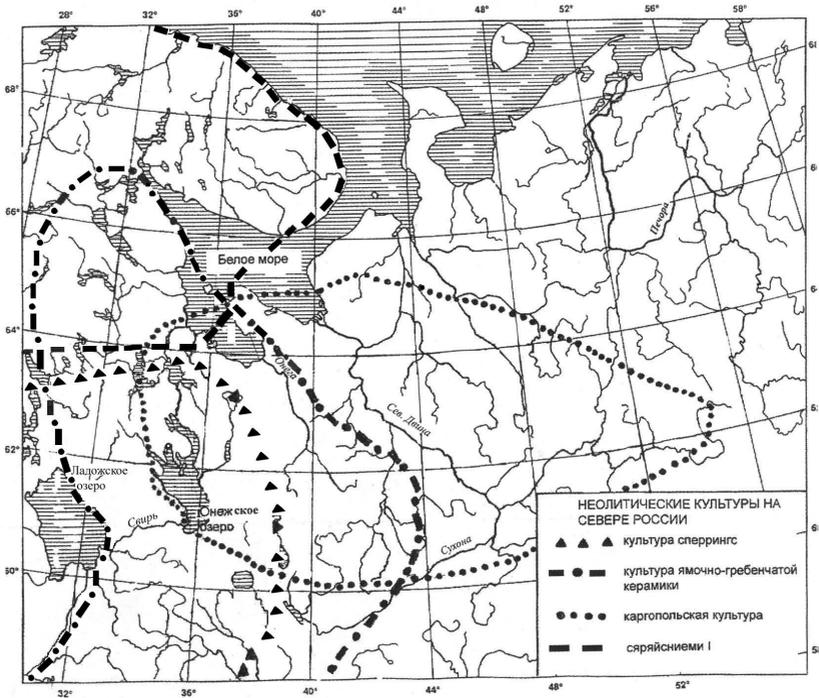
Ниже приводятся общая характеристика ранне- и средне-неолитических культур Карелии и сравнение их с близкими материалами

соседних и сопредельных территорий. Основное внимание традиционно уделяется анализу керамических комплексов.

Ранний неолит. Этот период в Карелии представлен своеобразной культурой сперрингс, которая локализуется в южной и центральной частях республики имеет сходство обширным кругом памятников накольчато-гребенчатой традиции на территории между Зауральем и Балтикой. Сюда же относится свыше 40 памятников слабо изученной культуры Сярайсьниemi 1 (Сяр 1), выявленных на севере (Витенкова, 1996а).

Памятников с керамикой сперрингс в Карелии насчитывается в настоящее время не менее 157, в том числе 27 с относительно чистыми комплексами (Герман, 1996, с.190). Их ареал несколько выходит за пределы Карелии и устанавливается достаточно четко (рис.): западное побережье Финляндии вместе с Аландскими островами (около 50 памятников), запад Архангельской, северо-запад Вологодской и север Ленинградской областей (имеется незначительное число поселений). Наиболее насыщен такими памятниками бассейн Онежского озера. Изучено около 100 поселений (к сожалению, степень исследованности большинства пунктов оставляет желать лучшего), многие из которых содержали разновременные комплексы находок. Явные следы жилищных построек не выявлены за единственным исключением.

Керамику сперрингс отличает оригинальность элементов и мотивов узоров, составленных прочерченно-отступающими штампами, отпечатками позвонков рыб, а также оттисками веревочки и оригинальными штампами (Титов, 1972; Панкрушев, 1978, ч. 2). Существенно преобладают прочерченно-отступающие и позвонковые элементы. По последним статистическим данным, число сосудов с позвонковыми элементами чуть превышает их количество с отступающими и прочерченными узорами (Герман, 2001, с. 8). Следует также отметить, что на поселениях не встречена керамика, декорированная только оттисками рыбьих позвонков (исключая коллекции из раскопок слабо изученных памятников). Характерно применение разнообразных штампов – будь то прочерченные и отступающие линии или позвонки, но часто нет никакой разницы в самой структуре узоров.

Примерные границы неолитических культур

В керамике сперрингс сначала не выделялась гребенчатая техника орнаментации. Такая посуда, изредка встречаемая на ранних неолитических поселениях, рассматривалась в качестве отдельного типа (Панкрушев, 1978, ч. 2, с. 54). Современные исследователи считают, что керамика с гребенчатыми узорами является ее разновидностью (Витенкова, 1996а, с. 77; Герман, 2001, с. 7). Доля такого элемента составляет от 3 до 16%. Он преобладает на востоке и юго-востоке Карелии. Скорее всего, орнаментация гребенчатым и специфическим фигурным штампом отражает более поздний этап развития сперрингс, но в настоящее время это доказать сложно.

Для раннего этапа этого типа керамики в большей степени характерны узоры из отпечатков рыбьих позвонков, а позднее существенно возрастает роль прочерченно-отступающих, гребенчатых,

веревочных и прочих штампов. На ряде памятников позднего этапа в юго-восточной Карелии прослежены заимствованные элементы и мотивы от ямочно-гребенчатой керамики (Лобанова, 1996а, с. 104).

Каменный инвентарь культуры сперрингс изготавливался преимущественно из местных пород – сланца, кварца и лидита. Применялся также песчаник, кварцит и шифер (для абразивов) и кремень (в районах, более близких к его месторождениям). Технология изготовления орудий из пластин почти отсутствует. По мнению некоторых археологов (Панкрушев, 1978, ч. 2, с. 74), каменные изделия, характерные для культуры сперрингс, свидетельствуют о преемственной связи с предшествующей мезолитической эпохой. Другие авторы (см. ст. В. Ф. Филатовой в наст. сб.) отвергают эту преемственность. Данные полярные мнения отражают явное несовершенство методики анализа процесса смены культурных типов при переходе от мезолита к неолиту.

Хронология культуры сперрингс базируется на небольшом числе радиоуглеродных дат (памятники бассейна Онежского озера), высотных и сравнительно-типологических данных, что укладывается в промежуток времени между серединой V и началом IV тыс. до н.э. (Герман, 2004, с. 56–59). Датировка однокультурных памятников на территории Финляндии примерно совпадает (Salomaa, Matiskainen, 1985).

Почти совершенно не разработаны в Карелии вопросы, связанные с ранненеолитической культурой Сярйисниemi 1. Она занимает территорию Северной Фенноскандии (см. рис.). В Карелии известны 53 памятника с этой керамикой. Отметим, что сами критерии ее выделения в особый тип не совсем понятны, в результате чего одни и те же керамические комплексы то признают типом сперрингс, то относят к Сяр 1, как, например, материалы поселения Ерпин Пудас 1 (Савватеев, 1977, с. 29–30; Герман, 2001). Еще более непонятно то, что этот северный тип посуды находят на северо-востоке Ленинградской области (Гусенцова, 2003, с. 268–276). На самом деле элементы и мотивы орнаментации, свойственные Сяр 1, можно найти и в льяловской керамике, и не только там.

Культура была выделена в северной части Скандинавии на основании особенностей не только керамики, но и каменного инвентаря и других ее элементов (Helskog, 1980, p. 52–54; Torvinen, 2004, p. 128–134). Керамика Сяр 1 украшена оттисками разнообразных гребенчатых штампов. Наиболее типичный мотив узора – горизонтальный зигзаг с ямками в его углах, выполненный гребенчатыми оттисками, прочерченными или веревочными штампами. Есть более сложные штампы. От сперрингс эту посуду отличает отсутствие позвонкового элемента в орнаменте, малое число отступающе-прочерченных узоров и абсолютное преобладание гребенчатых штампов (80%). По мнению К. Э. Германа, керамика Сяр 1 в Карелии инородная, она появляется в результате культурного влияния из северной Финляндии в среде местного мезолитического населения, где подвергается сначала влиянию сперрингс, а потом и ямочно-гребенчатой. Это выражено в заимствованиях элементов и орнаментальных мотивов. Финал культуры неясен (Герман, 2001). Другие считают, что Сяр 1 – это подтип сперрингс, ее северный территориальный вариант (Витенкова, 1996а, с. 80) Карелии. На наш взгляд, подобные выводы недостаточно обоснованы в силу слабой исследованности северных районов в Карелии.

Несмотря на то что определенных данных о хронологии и периодизации керамики нет, однако с учетом датировок по C_{14} в северной Финляндии можно предполагать, что она появляется в северных районах позднее, чем керамика сперрингс в южной части Карелии, возможно, на рубеже V–IV – в начале IV тыс. до н.э.

В Волго-Окском бассейне самый ранний пласт памятников эпохи неолита связан с верхневолжской культурой (Крайнов, Хотинский, 1977). Многие археологи полагают, что на ее основе формировались ранненеолитические древности северной и северо-западной частей лесной зоны. Изученные стоянки верхневолжской культуры отражают малую степень оседлости, все они очень кратковременные. Выявлены жилища овальной, округлой или прямоугольной формы с очагами в центре площадью 6–12 м², но их мало, видимо, они были наземными. Находок в жилищах немного, нет развалов горшков.

Периодизация и хронология верхневолжской культуры детально разработана в последнее время (Энговатова, 2000, с. 94; Жилин и др., 2002, с. 40–43; Лозовский, 2003, с. 219–240). Выделены три этапа, которые укладываются в промежуток времени конец VI – рубеж IV–V тыс. до н.э. (Костылева, Зарецкая, 2004, с. 52–55). Древнейшая керамика плоскодонная и остродонная, с обильной примесью шамота или органики. Сосуды часто ангобированы, на стенках отмечены следы расчесов, лощения и охры. Однообразный, разреженный орнамент выполнен в виде подовальных тычков или наколов, покрывающих венчик и придонную часть сосудов. Иногда в верхней части встречаются сверленные сквозные ямки. На территории Карелии таких сосудов нет.

Для среднего этапа культуры типичен орнамент, выполненный отступающими (ложношнуровыми), прочерченными штампами и короткозубчатыми гребенчатыми оттисками. Последних больше всего, прочерченные оттиски редки. Имеются сосуды, сочетающие в орнаментах оттиски шнура и наколов, шнура и короткой гребенки. Плоские днища исчезают, остаются только приостренно-округлые; в тесте сосудов преобладает шамот, однако нередко к нему добавляется дресва или песок. Аналоги такой посуде в Карелии также не выявлены.

Основным признаком орнамента поздней верхневолжской керамики являются длинные гребенчатые оттиски, которые часто сочетаются с наколами (тычками) и короткозубчатыми штампами, а также с ямками цилиндрической или конической (с неправильной окружностью) формы. Донца этих сосудов, в отличие от более ранних, имеют округлую форму. Встречаются также керамика с прочерченными оттисками (Лозовский, 2003, с. 235–236, рис. 9). Такие сосуды как формой, так и орнаментацией очень напоминают сосуды типа сперрингс.

В это же время появляются сосуды с неорганической примесью, с круглыми ямками и гребенчатым узором, часто в виде зигзага. Их единственное отличие от верхневолжских – использование для орнамента белемнита. На наш взгляд, данная керамика тоже по многим признакам сопоставима с карельской ранней гребенчатой,

сопровождающей сперрингс. Таким образом, можно признать явное сходство позднего этапа верхневолжской керамики и раннего этапа керамики сперрингс.

Генезис верхневолжской культуры связывается с позднебутовскими комплексами, которые в свою очередь восходят к поздне-свидерским культурам, что указывает на западное направление связей мезолитического населения (Жилин и др., 2002, с. 72). Исследователи считают, что на рубеже VI–V тыс. до н.э. бутовская культура плавно сменяется верхневолжской. Прослеженная по каменному, роговому и костяному инвентарю преемственная связь этих двух культур видится им достаточно обоснованной (Лозовский, 2003, с. 223–225). В дальнейшем, в самом конце V тыс. до н.э. верхневолжскую культуру сменяет льяловская, на основе которой формируется протоволосовская и волосовская (Сидоров, 1990, с. 109). Таким образом, рисуется картина постепенного перерастания одной культуры в другую на протяжении мезолита – раннего металла. Однако не все разделяют данное мнение, определенные сомнения есть у А. Н. Сорокина (1991, с. 28–37).

Принципиально важные материалы для уточнения вопросов генезиса и отношения культуры сперрингс к верхневолжской получены недавно в восточной части Вологодской области (Недомолкина, 2004, с. 265–279). На поселении Векса III в бассейне р. Сухоны различаются три различных неолитических культурных слоя. Ранне-неолитический выделяется стратиграфически, а материалы развитого и позднего этапов перемешаны. Ранне-неолитическая керамика имеет отчетливо выраженное влияние со стороны верхневолжской – сосуды с оттисками прямого или наклонного длинного гребенчатого штампа. Дополнительные элементы – ямки и отступающие штампы. Сосуды небольшие, срезы более тонкие, отогнуты наружу, часть их орнаментирована, что также имеет прямые параллели с верхневолжскими. В то же время Н. Г. Недомолкина указывает на сходство ранне-неолитических комплексов с северо-восточными материалами (Эньты) и предполагает, что в раннем неолите эта территория заселялась с разных мест – как с юга, так и с востока (Недомолкина, 2004, с. 277–278).

Новые материалы из Вологодской области позволяют сократить территориальный разрыв, существующий между культурами сперрингс и верхневолжской, и в дальнейшем могут послужить основой для более детального выяснения связей между ними.

Средний неолит. Следующий этап неолита лесной зоны представлен культурой ямочно-гребенчатой керамики. Карелия находится на северо-западной периферии этой обширной области. В целом территория очерчивается следующим образом: на севере это низовья р. Выг, на юге северная часть Ленинградской области, на западе и юго-западе она не доходит до современных границ между Карелией и Финляндией, а на востоке и юго-востоке захватывает бассейн оз. Белое и западную часть Архангельской области. Отдельные поселения также зафиксированы в районе Ловозера (Мурманская область) (см. рис.).

Карельская культура ямочно-гребенчатой керамики представлена значительным числом памятников (свыше 300) и исследована относительно хорошо, правда, неравномерно. Больше всего археологических материалов получено в бассейне Онежского озера и в юго-западном Беломорье (Лобанова, 1996а, б), где исследованы основные памятники. Они представлены как долговременными поселениями с мощным культурным слоем и многочисленными находками площадью до 1500–3000 м², так и сезонными краткосрочными стоянками Жилища выявлены лишь на двух памятниках, относящихся к развитому этапу культуры. С культурой ямочно-гребенчатой керамики (всех этапов ее развития, включая памятники с ранней ромбоямочной посудой), по всей вероятности, связаны наскальные изображения Онежского озера и р. Выг (Лобанова, 1996а, с. 103).

Неолитические памятники в пределах указанного ареала относятся к кругу культур льяловской керамической традиции со сплошными горизонтально-зональными узорами из ямок и оттисков гребенчатых штампов, широко распространенной в центре Русской равнины. Однако на территории Карелии и прилегающих районах их общей отличительной чертой является заметное преобладание круглоямочных вдавлений в орнаментации сосудов на

всех этапах развития. Другие элементы, такие как гребенчатый, торцевой, веревочный, гладкий и т.д., применяются намного реже. Керамика ямочно-гребенчатого типа орнаментации имеет некоторые специфические особенности в разных районах Карелии. Так, в восточной части ареала чувствуется влияние керамических традиций каргопольской культуры, тогда как в западной прослеживаются связи с культурой сперрингс (Лобанова, 1996б, с. 207). Важно также отметить, что полученные материалы дают возможность для реконструкций полных форм сосудов и детального изучения их орнаментов, особенно на памятниках юго-восточной Карелии. Таких возможностей нет пока для раннеолитических культур.

Согласно археологическим, радиоуглеродным, спорово-пыльцевым и высотным данным, хронологические рубежи культуры определяются концом V – началом III тыс. до н.э. (Лобанова, 2004, с. 253–264). Выделены три этапа в ее развитии, основой для которых послужили изменения в материальной культуре, прежде всего в керамике (вопросы, связанные с позднелитической культурой, см. в ст. И. Ф. Витенковой в наст. сб.).

Ранний этап (конец V – первая половина IV тыс. до н.э.) в основном представлен поселениями юго-восточной Карелии. Керамика, характерная для этого времени, украшена круглыми ямками и горизонтальными поясками штампа (оттиски торца палочки или косточки), выполненного в отступающей технике. Эту посуду сопровождает инвентарь, сохраняющий в отдельных чертах преемственные связи с эпохой позднего мезолита, что подтверждается материалами памятников восточного побережья Онежского озера (Лобанова, 2004, с. 254–255). Развитый этап культуры связан со второй половиной IV тыс. до н.э. Керамика несколько отличается своей орнаментацией от ранней. Заметно возрастает роль гребенчатых оттисков, именно в это время проявляется сходство орнаментальных композиций керамики сперрингс, каргопольской и льяловской. Это сходство проявляется по-своему и в разной степени, в зависимости от территориальной близости к соседним культурам, длительности и устойчивости контактов. Горизонтально-зональное построение узоров на сосудах дополняется диагональным

и вертикальным. На 10–15% сосудов фиксируется очень сложный и своеобразный орнамент, так называемый многорядный зигзаг, составленный ямками и различными оттисками штампа, прежде всего гребенчатого (Лобанова, 1996б, с. 209).

Каргопольская керамика обнаружена на 20 поселениях восточной Карелии, где она всегда залегает вместе с ямочно-гребенчатой развитого облика и является, видимо, ее разновидностью (Лобанова, 1997, с. 85–95). Основной ареал этой оригинальной посуды (почти без орнамента с насечками и сквозными ямками по краю сосудов) находится в бассейнах рек Онеги, Северной Двины и Вычегды (см. рис.). Эта обширная территория протяженностью около 2 тысяч км в длину имеет хорошо развитую гидрологическую сеть, по которой осуществлялись передвижения населения в эпоху развитого неолита. К сожалению, круг вопросов, связанных с углубленным изучением каргопольской керамики, сопровождающего ее каменного инвентаря и других элементов культуры, остается пока за пределами внимания исследователей.

Памятники льяловской культуры, которая с момента своего выделения признавалась в качестве исходной основы для других культур развитого неолита лесной зоны, в последнее время активно исследуются рядом археологов (Сидоров, 1997; Жилин и др., 2002; Лозовский, 2003). Уточнены сведения о ее хронологии и периодизации, изложены взгляды на происхождение и место памятников в ряду аналогичных на других территориях. Согласно современным представлениям, льяловская культура существовала не более 1000 лет, целиком укладываясь в IV тыс. до н.э., и, возможно, завершилась в самом начале III тыс. до н.э.

Ранний этап относится к концу первой четверти IV тыс. до н.э., развитый – к концу третьей четверти и поздний падает на последнюю четверть IV – начало III тыс. до н.э. (Лозовский, 2003, с. 219–240). Среди исследователей этой неолитической культуры больше нет серьезных разногласий по поводу периодизации керамики, однако проблема ее происхождения по-прежнему остается дискуссионной. Ситуация осложняется тем, что ранней льяловской керамики найдено очень немного. Это сосуды крупного или среднего размеров с обильной примесью дресвы. В орнаменте гребенчатая

орнаментация заметно преобладает над ямочной. Под венчиком часто нанесен поясok зигзага из гребенчатых отпечатков, прокатанных от ямки к ямке. Этот орнаментальный мотив обычно считается одним из маркирующих признаков северной керамики Сяр 1. В недавних работах (Жилин и др., 2002, с. 43–45) сюда относят и так называемую керамику северных типов, или, по другой терминологии, архаичную льяловскую (Спиридонова, Энговатова, 1997, с. 116–117). На территории Карелии эта своеобразная керамика встречается только в комплексах сперрингс. На ней узор представляют разреженные конические в профиле ямки в сочетании с коротким зубчатым штампом, чаще косым. Иногда в междурядьях поставлены тычки, а под срезом сосуда – зигзагообразный поясok. На ряде фрагментов такой керамики зафиксирован прием, встречающийся на сперрингс, гребенчатый оттиск нанесен с нажимом на один конец. Одни исследователи полагают, что раннельяловские сосуды являются переходными от поздней верхневолжской посуды, но другие не видят преемственности между этими комплексами в орнаментальном отношении (Жилин и др., 2002, с. 43–44).

Для развитого этапа культуры типичны сосуды с примесью дресвы и песка, часто с орнаментированными срезами, классическими горизонтально-зональными узорами из ямок и гребенчатых поясков, которые иногда заменяются полулунными, ямчатыми или веревочными оттисками.

Финал культуры связан с распространением так называемой редкоямочной керамики. Она обычно довольно многочисленна и очень стандартна. Это тонкостенные сосуды больших размеров, удлиненные и остродонные, с примесью мелкой дресвы и песка. Венчики отогнуты, гофрированы или чуть утолщены. Орнамент составляют ямки круглые или овальные, которые нередко образуют геометрические композиции (фестоны, многорядные горизонтальные зигзаги и т.д.). На сосудах видны полосы от заглаживания. Надо отметить, что по ряду орнаментальных признаков позднельяловская керамика действительно сходна с комплексами, выявленными в юго-восточной Карелии и восточном Прионежье, однако сходство это внешнее. Вероятно, здесь следует говорить просто

о каких-то заимствованиях с севера, где узоры из одних ямок еще продолжали существовать, хотя возникли они значительно раньше, чем в Волго-Окском междуречье.

Анализ археологических материалов эпохи неолита, собранных к настоящему времени в Карелии, приводит к заключению о существенной разнице между двумя культурами Карелии, истоки которой можно объяснить их различным происхождением. Культура сперрингс возникла на территории Карелии в середине V тыс. до н.э. (примерно на 400–500 лет раньше) и просуществовала более короткий отрезок времени, возможно, не более 700–900 лет. Тезис о том, что керамика сперрингс не была местным изобретением, а заимствована от верхневолжской посуды, признается почти во всех последних работах (Герман, 2001; Тимофеев, 2004). Близость особенно заметно проявляется в мотивах и структуре узоров, хотя немало и других похожих черт. Основное отличие связано с широким применением рыбьих позвонков для декорирования сосудов, что, безусловно, является изобретением местного населения.

Культура ямочно-гребенчатой керамики возникла в конце V тыс. до н.э. и развивалась параллельно с раннеолитической, вероятно, не менее 400–500 лет. Раннеолитическое население не было столь многочисленным, как среднеолитическое (с ямочной керамикой), вело более подвижный образ жизни, не строило углубленных жилищ. Видимо, в этой культурной среде рыболовство играло весьма значимую роль, поскольку при раскопках часто находят остатки рыбьих позвонков. Их оттисками украшены сосуды. В быту широко применялась природная минеральная краска, в результате чего культурный слой памятников чаще всего имеет красноватый цвет. Найдены ямы, заполненные охрой. Сосуды сперрингс нередко имеют следы окрашенности охрой.

Носители культуры сперрингс предпочитали для выделки каменных орудий в большей степени применять местные породы – кварц, лидит, в то время как население с ямочно-гребенчатой керамикой шире использовало кремь. Ассортимент каменных изделий также имеет свои характерные особенности в каждой неолитической культуре. В сущности, здесь мы видим две глубоко различные традиции, проявляющиеся даже в мелочах. Так, например, при

изготовлении посуды применялся способ налепа глиняных лент друг на друга, в то время как для сосудов ямочно-гребенчатой керамики использовался метод их соединения встык.

Таким образом, по материалам карельских памятников невозможно проследить трансформацию раннеолитической культуры сперрингс в среднеолитическую с ямочно-гребенчатым типом орнаментации. Вероятно, тот временной промежуток, когда обе культуры сосуществовали на одной территории, был важным моментом для начала формирования общей культуры, окончательное завершение которого произошло в позднем неолите – раннем энеолите Карелии.

Происхождение неолитических культур лесной зоны

Проблема происхождения и взаимодействия археологических культур эпохи неолита занимала исследователей с начала XX в. Орнаменты на древней керамике традиционно рассматривались в качестве одного из явных этнических признаков (Фосс, 1952). Изучая и сравнивая их, исследователи выделили обширные культурные области с традициями накольчато-гребенчатой и ямочно-гребенчатой орнаментации. Сходство основных элементов культуры (прежде всего керамики) привело исследователей к мнению об этнической близости каждого пласта неолитической культуры в рамках этой громадной территории. Отсюда вытекали гипотезы о миграциях, хотя само по себе распространение керамики может и не означать миграции населения. Могло происходить проникновение небольших групп людей, так называемая инфильтрация. Большинство исследователей сходятся на том, что для процессов сложения раннекерамических культур характерно сочетание явлений автохтонного развития и диффузионного распространения технологии керамического производства. Безусловно, с накоплением материалов представления об этнокультурной истории значительно усложняются, однако среди археологов, этнографов и лингвистов господствующей является точка зрения о широких миграционных процессах в эпоху неолита и о связи предков современных финно-угров с культурами ямочно-гребенчатой керамики.

Рассмотрим, насколько с учетом имеющихся археологических и антропологических данных можно принимать данные гипотезы.

Вопросы этнической принадлежности культуры сперрингс не только не выяснены, но и являются в последнее время достаточно запутанными. Первую попытку найти ее прародину в днепродонецкой культуре предпринимал еще А. Юрьяпя (Äugärpä, 1955). Н. Н. Гурина искала ее истоки на Урале и в Зауралье, говоря о сходных элементах и мотивах орнамента (Гурина, 1961). Г. А. Панкрушев был сторонником автохтонной точки зрения, считая, что керамика сперрингс появилась на территории ее существования – в Карелии и Финляндии, поскольку не сомневался в явной преемственности позднемезолитических и ранненеолитических комплексов каменного инвентаря. Иначе говоря, культура сперрингс – результат развития мезолитической культуры аборигенного населения Карелии на новом этапе. Извне (с более южных территорий) был заимствован лишь сам навык изготовления глиняной посуды. Сходные представления существуют и сегодня. Так, например, К. Э. Герман преемственность каменного инвентаря позднего мезолита и раннего неолита видит в сходных породах камня, в соотношении орудий и отходов производства, в степени утилизации каменного сырья, в приемах изготовления орудий, также в отдельных типах орудий (Герман, 2001). Выше уже указывалось, что сомнения в преемственной связи позднемезолитического и ранне-неолитического каменного инвентаря высказаны В. Ф. Филатовой (см. ст. в наст. сб.). Позднемезолитические истоки раннего неолита выявлены и на других территориях – в восточном Прионежье, на верхней Волге. Однако не следует забывать о том, что там самый ранний неолит датируется последней четвертью – концом VI тыс. до н.э. (Костылева, Зарецкая, 2004, с. 52–55; Иванищев, Иванищева, 2004, с. 60–69), что позволяет проследить, по мнению исследователей, переход от одной эпохи к другой. А в Карелии наблюдается заметный хронологический разрыв, который достигает не менее 500–600 лет. Не исключено, что памятники с самой ранней керамикой в Карелии еще не выявлены. Во всяком случае, о такой вероятности свидетельствуют новые материалы из южного и восточного Прионежья, где как будто бы выделяется довольно ранний

пласт керамики с гребенчатой и оригинальной орнаментацией, могущий претендовать на роль «промежуточного звена» между культурами сперрингс и верхневолжской орнаментацией (Ошибкина, 2003, с. 241–253; Иванищев, Иванищева, 2004, с. 64).

Вопросы происхождения неолита лесной зоны с ямочно-гребенчатой керамикой по-прежнему вызывают жаркие споры и расхождения. Имеются две диаметрально противоположные точки зрения. В. В. Сидоров считает носителей такой керамики прямыми наследниками верхневолжской культуры (Сидоров, 1990, с. 109). Д. А. Крайнов их родину видел на севере (Крайнов, 1991, с. 66–72). Пытаясь развить его взгляды, современные исследователи территории Волго-Окского междуречья подчеркивают, что внимательный анализ материалов показывает отсутствие как морфологической, так и технологической преемственности между ранней ямочно-гребенчатой керамикой и финальной верхневолжской (Жилин и др., 2002, с. 72–74). На этом основании они приходят к предположению о том, что имело место не массовое переселение, а постепенная инфильтрация отдельных групп разнокультурного северного населения и смешение его с верхневолжским, в результате чего образовалась льяловская культура. Она сочетала как пришлые, так и местные элементы. Керамика северного облика сопоставима со сперрингс и Сяр 1, с ранней гребенчатой (сюда относятся также и сосуды, орнаментированные так называемыми косыми насечками). Вряд ли это результат миграции из Волго-Окского междуречья, так как именно на территории Финляндии, Норвегии, Кольского полуострова находятся основные памятники. Исследователи ссылаются и на антропологические данные: на приток населения в Волго-Окское междуречье именно с севера указывает близкий антропологический тип северного неолитического населения, и особенно льяловцев. На самом деле антропологический тип населения Севера лесной зоны нам практически неизвестен. Как правило, ссылаются на Караваевские захоронения (Брюсов, 1961, с. 72–162), однако по стратиграфическим данным, к эпохе неолита можно отнести только восемь погребений. К тому же вовсе не исключен их более ранний возраст.

Современные археологические данные явно противоречат устоявшейся с начала XX в. гипотезе о широкой экспансии льяловского населения на север. Прежде всего отметим, что неолитическая ямочно-гребенчатая керамика территории Карелии демонстрирует набор специфических технико-типологических признаков, не характерных или почти не характерных для льяловских сосудов. Здесь мы прослеживаем особые орнаментальные традиции, которые и выделяют данную керамику среди прочей. Датировки ранней ямочно-гребенчатой керамики в Карелии и ранней льяловской в Волго-Окском междуречье практически совпадают, и это не согласуется со взглядами как Д. А. Крайнова, так и сторонников волго-окской неолитической миграции. Вероятно, следует признать факт самостоятельного формирования культур с ямочно-гребенчатой керамикой в центральной и северной регионах лесной зоны, что, разумеется, не исключает отдельных контактов и связей населения этих территорий, достаточно ярко проявившихся, на мой взгляд, в эпоху развитого неолита. В силу неравномерной изученности территории, отсутствия публикаций многих важных коллекций, проследить более детально эти взаимоотношения не представляется возможным. Вероятно, отражением таких связей и является керамика с многорядными линейными зигзагами, которая изредка встречается на памятниках Волго-Окского бассейна и даже в Среднем Поволжье (Ставицкий, 1999, с. 159).

Исследователи всегда придавали большое значение выяснению этнической принадлежности населения Карелии каменного века, однако серьезных оснований для подобных реконструкций не было ни раньше, ни теперь. Многие гипотезы сейчас представляют лишь историографический интерес. В частности, Г. А. Панкрушев пытался увидеть процесс развития культуры пришельцев, их взаимоотношения с аборигенами, ассимилятивные процессы, происходившие в среде смешанного населения, формирование новой единой культуры (Панкрушев, 1978, ч. 2, с. 69–75).

По его мнению, первая керамика в Карелии появилась в среде мезолитических протосаамов (культура с кварцево-сланцевой индустрией), а культура сперрингс была эпохой наибольшего расцвета и заката протосаамской самодийской культуры. Появившаяся

позже льяловская керамика являлась свидетельством расселения волго-окских пришельцев протофинно-угорского происхождения – родственников мезолитического населения, пользовавшегося кремневым инвентарем. Первоначально аборигены с керамикой сперрингс численно резко преобладали над волго-окскими пришельцами, но затем ситуация изменилась: усиленный приток льяловцев ассимилировал владельцев сперрингс, в результате чего образовалась смешанная карельская культура. Эти группы людей говорили на различных диалектах волжско-финского языка с большой примесью протосаамской самодийской речи.

Таким образом, Г. А. Панкрушев, как и многие другие (Мейндер, 1974; Долуханов, 2003 и др.), является сторонником гипотезы, согласно которой племена с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой от Прибалтики до Урала были древними финно-уграми. Позднее на этой основе сформировались угорская и финская общности. Под влиянием подобных, давно устаревших представлений излагает свой взгляд на происхождение финно-угров современный лингвист В. В. Напольских (1997б).

Не проясняют проблему происхождения неолитических этносов и палеоантропологические исследования, хотя и существенно дополняют наши знания об облике людей этого времени (Алексеева, 1997; Алексеева, Крутц, 2002). Впервые на территории Волго-Окского междуречья проанализирован большой антропологический материал со стоянок Сахтышской группы и других памятников (всего 114 скелетов). Исследованные погребения по ряду признаков четко подразделяются на льяловские (18) и волосовские (94), кроме того, два из них отнесены к верхневолжскому слою. Согласно краниологическим исследованиям (Алексеева, 1997, с. 18–41), льяловское и волосовское население было различно по происхождению. Так, льяловцы имели более выраженный лапоноидный облик (смягченные монголоидные черты) и являлись чужеродным населением. В то же время среди них есть и представители с четко выраженными европеоидными чертами. Иными словами, здесь наблюдается смешение различных антропологических типов. В дальнейшем, уже в волосовское время, процент носителей монголоидных черт заметно уменьшается, европеоидный тип увеличивается, а количество смешанных типов не изменяется.

По мнению Т. И. Алексеевой, антропологические данные фиксируют преемственность между мезолитическим населением Восточно-Европейской равнины и верхневолжской культурой. Присутствие лапоноидного типа в льяловских захоронениях говорит о пришлоем населении здесь уже в эпоху развитого неолита, но оно не было многочисленным, поэтому в энеолитическое время происходит возврат к исходному антропологическому типу. Таким образом, у исследователя не вызывает сомнения факт происхождения антропологических черт носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики с восточных территорий России, возможно, из Зауралья.

Вместе с тем антропологами выявлены генетические связи волоховской, днепро-донецкой и нарвской культур. Следовательно, можно предполагать, что истоки неолитического населения европеоидного пласта восходят к мезолитическому населению, которое явно тяготеет в своем происхождении к Балтийскому региону. Население ямочно-гребенчатой керамики могло сформироваться на основе мезолитического европеоидного пласта, но с большим удельным весом монголоидного компонента, чем население волоховской, днепро-донецкой и нарвской культур.

Несмотря на то что антропологические материалы несколько склоняют чашу весов в сторону восточной гипотезы происхождения древних финно-угорских народов, эта точка зрения по-прежнему не более чем гипотеза, поскольку ей противоречат данные других наук. К тому же количество краниологических серий явно недостаточно для убедительных выводов.

Вероятно, культура ямочно-гребенчатой керамики – культурно-историческая общность, которая, видимо, имела общие генетические корни, нашедшие свое яркое отражение в орнаментации керамики. Эта макрокультура, включавшая несколько родственных культур, охватила большую часть Северной и Восточной Европы от Урала до Балтики и от Финляндии до северной Украины. Она могла участвовать в формировании финно-угорязычного населения в Северной и Восточной Европе, но это не более чем гипотеза, поскольку приведенные данные, как археологические, так и палеоантропологические, малочисленны, территориально локализованы,

часто неточны и противоречивы. Думается, что древние этнические процессы, имевшие место в Карелии, в эпоху неолита были более сложными, чем нам представляется сегодня. Неолитическое население, скорее всего, являлось неоднородным, что обуславливалось частыми передвижениями людей на новые территории, где создавались условия для контактов и смешения с аборигенами.

Может быть, следует также привлечь карельские наскальные изображения с точки зрения интересующей нас проблемы. Например, этнограф К. Д. Лаушкин не сомневался в том, что петроглифы принадлежали древнейшему протосаамскому населению Карелии, опираясь на собственные весьма субъективные расшифровки петроглифов (Лаушкин, 1968). Скорее всего, наскальные памятники восточного побережья Онежского озера и низовьев р. Выг относятся в целом к неолитической эпохе и, вероятно, связаны с культурами ямочно-гребенчатой и ромбоямочной керамики. Об этом свидетельствуют имеющиеся археологические материалы и высотные данные (Лобанова, 1993, с. 39–49). Несмотря на существенные различия в тематике и стиле, в обоих скоплениях имеются близкие сюжеты (композиции охоты на белуху), техника исполнения, размеры, стиль и т.д. Более того, можно найти и совершенно идентичные фигуры и сцены, как будто сделанные одной рукой (например, «сцены дефлорации» на Старой Залавруге и мысе Пери Нос, фигуры птенцов лебедей с двумя «ушами» на мысе Пери Нос 2 и Бесовы Следки 2) (Равдоникас, 1938; Савватеев, 1983). Это поразительное сходство невозможно объяснить иначе, как близкими контактами людей, живших более чем в 300 км друг от друга. Все вместе взятое приводит к мысли, что это население одной культуры и одного этнического круга. В то же время на скалах Беломорья нередки сцены борьбы, противостояния. На Старой Залавруге мотив войны даже является главным. Что это отражает? Кровавые схватки за охотничьи угодья между местным населением и чужаками-инородцами (с керамикой Сяр 1)? Конечно, ответа на эти вопросы нет, но сами факты наличия на прибалтийских скалах уникальных сцен сражений между людьми очень любопытны.

Несомненно, попытка анализа петроглифов в свете проблемы этнической принадлежности их создателей – это отдельная и очень

сложная тема, требующая специального рассмотрения, в том числе и материалов окружающих поселений.

* * *

На основании вышеизложенного можно попытаться суммировать суждения об этнической истории неолитического времени на северо-западе лесной полосы Европейской России.

На наш взгляд, мнение В. Ф. Филатовой о стагнации позднемезолитической культуры пока не имеет достаточно серьезных оснований. Во-первых, памятников этого времени очень мало, они изучены слабо. Между самыми ранними памятниками со сперрингс и самыми поздними стоянками эпохи мезолита существует хронологический разрыв. Во-вторых, упадок культуры требует объяснения. Сведений о неблагоприятных природных изменениях у нас нет. Наоборот, это пик климатического оптимума в голоцене (вторая половина V – начало IV тыс. до н.э.) (Девятова, 1986, с. 34–37). Возможно, отмеченная деградация каменного инвентаря могла быть связана с более широким применением кости и рога в силу каких-то неведомых нам причин. В среде позднемезолитического населения, обитавшего в бассейне Онежского озера и прилегающих районах, была воспринята идея изготовления глиняной посуды, проникшая сюда с более южных территорий, вероятнее всего, занятых верхневолжской культурой. Эта идея могла распространиться вместе с отдельными группами людей, попавшими под влияние местной культуры. На наш взгляд, вряд ли можно говорить о мощной волне переселенцев и последующей резкой смене населения. Основу его по-прежнему должно было составлять именно местное население, которое постепенно продвигалось на север, осваивая все новые и новые районы. Были ли эти новые группировки чужеродными местному населению или нет – на это археологические источники ответа не могут дать. Если принять точку зрения, что это были выходцы с верхней Волги, то можно считать их европеоидами, судя по некоторым материалам из могильников верхневолжской культуры. Вероятно, самые ранние памятники неолита находятся в южном Прионежье (ранняя гребенчатая керамика Тудозера V), в Карелии они практически не изучены. Однако в основном для украшения керамики здесь использовались

специфические предметы – позвонки рыб при сохранении других элементов орнаментации. Это наиболее яркая особенность данной посуды, можно сказать, уникальная. Территория распространения культуры сперрингс очерчивается достаточно четко: преимущественно в районах западнее и севернее Онежского озера и в меньшей степени в восточных и юго-восточных районах Карелии.

Развитый ее этап характеризуется первыми контактами с носителями ямочно-гребенчатой керамики. Ответить на вопрос о причинах появления последней и характере ее распространения на территории Карелии очень сложно из-за отсутствия данных. Тем не менее мне представляется, что первоначально ямочно-гребенчатая керамика возникла на территории юго-восточной Карелии и прилегающих к югу и юго-востоку районах Архангельской и Вологодской областей примерно в последней четверти V – начале IV тыс. до н.э. В позднем мезолите здесь обитало население, которое широко применяло кремневое сырье для изготовления орудий. В этой культурной среде (этнически отличной от носителей культуры сперрингс) и появилась керамика, украшенная преимущественно круглыми ямками в сочетании с оттисками штампов. Ее декоративные элементы и мотивы могли быть унаследованы от более древних традиций, проявлявшихся для иных целей и на других материалах, не дошедших до нас. Нельзя исключить и пополнение коллективов за счет пришедших с юга и юго-востока людей. На поселениях юго-восточной Карелии и восточного Прионежья, вероятно, какое-то время еще сохранялась пластинчатая техника в кремневой индустрии, но ко второй половине IV тыс. до н.э. она постепенно вышла из употребления. Население сперрингс, довольно редкое и малочисленное в этом районе, попало под влияние групп – владельцев ямочно-гребенчатой керамики, что нашло отражение среди материалов памятников. Носители ямочно-гребенчатой посуды начали (с середины IV тыс. до н.э.) освоение новых территорий – к северу и северо-западу, ассимилируя население сперрингс. Наступает эпоха доминирования ямочно-гребенчатых узоров и более тесных контактов с обитателями центра Русской равнины.

Для финального этапа образовавшейся культуры (рубеж III и IV – начало III тыс. до н.э.) характерны более устойчивые и длительные контакты с западными и юго-западными территориями – Приладожьем и Прибалтикой, что выразилось в распространении гребенчатых штампов и других черт в керамике. Вероятно, в это же время в юго-восточной Карелии появляется ромбическая ямка. Происхождение этого элемента декора неясно, однако поселения южной Карелии (юго-западный и юго-восточный берег Онежского озера) демонстрируют интересные примеры сочетания в орнаменте круглых и ромбических ямок. Эта посуда производит впечатление довольно ранней. Вероятно, она может относиться к рубежу IV–III тыс. до н.э.

Таким образом, можно говорить о различном происхождении и самостоятельном развитии в Карелии двух керамических традиций, одна из которых (сперрингс) является более ранней. Какой-то промежуток времени сперрингс и ямочно-гребенчатая керамика сосуществовали, контактируя и в разной степени перенимая культурные традиции друг у друга. Параллельно, видимо, происходило проникновение отдельных общин и интеграция их в среду каждой из этих культурных формирований из южных, юго-восточных и юго-западных районов. Окончательная интеграция обеих культур произошла уже в поздненеолитическое время.

И. Ф. Витенкова

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА

*Вопросы периодизации древностей Карелии на фоне основных
концепций происхождения финно-угров*

Тема статьи включает поздний неолит, завершающий каменный век, и энеолит, относящийся уже к эпохе раннего металла. Правомерность такого объединения требует определенных разъяснений. Известно, что переход от каменного века к использованию металла представляет собой важное звено в развитии древней культуры. В Карелии этот период имеет ряд особенностей. Освоение меди, судя по всему, не привело к коренным изменениям в экономике местного населения, в частности к внедрению ранних форм производящего хозяйства и расслоению общества, несмотря на предположения некоторых археологов о развитии специализации на добыче и обработке меди (Журавлев, 1991, с. 146) или сланцевых изделий (см. ст. А. Ю. Тарасова в наст. сб.). В эпоху раннего энеолита появилось небольшое количество мелких медных изделий нестандартной формы на нескольких поселениях с ромбоямочной посудой, расположенных на побережье Онежского озера. Дальнейшего развития металлообработки не произошло (Витенкова, 2000, с. 3). На поселениях позднего энеолита с пористой и асбестовой керамикой были освоены новые приемы обработки меди, но это не способствовало существенному увеличению территории распространения, количества и разнообразия изделий (Жульников, 1999). Цветной металл не вытеснил из обихода и даже практически не сузил ассортимент и число

каменных и, вероятно, костяных орудий сходных функций. При переходе от неолита к энеолиту возросла роль торгового обмена, произошли изменения в домостроительстве, изготовлении керамики и орудий, но инновации были не столь существенны, чтобы появились основания определить их как следствие значительных сдвигов в социальной сфере, включая этническую принадлежность населения в широком смысле.

В данной статье археологические культуры рассматриваются в связи с проблемой происхождения финно-угорских народов, поэтому прежде всего следует кратко охарактеризовать эти культуры на фоне основных направлений мысли исследователей-финно-угроведов. С этой проблемой тесно связан вопрос о соотношении выделяемых археологами общностей в материальной культуре и древних этносов, которые обычно так или иначе пытаются связать с предками современных народов.

Вопросы происхождения современных финно-угров и этнической принадлежности археологических культур лесной зоны в Северной Европе не только привлекают внимание ученых, но и вызывают острый общественный интерес и дискуссии. Даже определение основных понятий, связанных с этой проблематикой, таких как «археологическая культура» или «этнос», обычно вызывает споры среди исследователей. Дискуссионной представляется и возможность решить эту проблему только на основании анализа археологических материалов. Как правило, привлекаются данные антропологии, языкознания, а в последние годы и генетики. Тем не менее постоянно предпринимаются попытки поиска предков современных народов в носителях археологических культур.

На территории Карелии особое значение имеет установление происхождения финноязычных народов: прибалтийских финнов и саамов. По этому вопросу существуют разнообразные точки зрения, однако, отбрасывая частности, их можно свести к трем основным теориям: восточной (уральской), западной с двумя основными вариантами (прибалтийским, волго-окским) и теории гибридного происхождения финно-угров (подробнее о них см. в ст. М. Г. Косменко в наст. сб.). Все они сложились сравнительно давно, но с течением времени то одна из них, то другая выходит на первый

план. Это объясняется историческими и политическими причинами, развитием естественных наук, в частности генетических исследований, которые стали источниками новых данных, а также существованием достаточно сильных аргументов в пользу каждой этногенетической теории.

Наиболее ранней, сложившейся во второй половине XIX в., является теория происхождения финно-угорских народов в результате миграции с востока, из области их прародины, которая, по разным мнениям, могла находиться в Поволжье, на Урале или Алтае. Эта теория основана на лингвистической эволюционной модели дерева уральских языков и поддержана многими языковедами и археологами (Казанцев, 1979; Хайду, 1985; Манюхин, 2002). В ее пользу говорит действительное сходство лексики современных финно-угорских языков и наличие небольшого компонента восточного происхождения в их расовом облике.

Кроме того, в словарном составе уральской языковой семьи есть особенности, которые говорят о сложении ее в области произрастания сибирского кедра, вдали от моря (область Уральских гор). Прямое отношение к рассматриваемым периодам имеет вариант восточной теории, изложенный рядом известных российских археологов (Третьяков П. Н., 1961, 1966; Бадер, 1972; Халиков, 1969, 1991 и др.), о восточном, волго-камском происхождении волосовско-гаринского круга археологических культур эпохи энеолита в лесной зоне Европейской России. Ее поддержали и некоторые лингвисты (Хайду, 1985; Напольских, 1997б). К этому кругу древностей с достаточным основанием можно отнести и культуру позднего энеолита с керамикой, имеющей примеси асбеста и органики на территории Карелии. Однако сама миграция с востока не была четко доказана, а в антропологическом отношении финно-угорские народы не едины. В физическом облике западных финских народов преобладают европеоидные черты. Этот факт, а также развитие генетики и политические изменения конца XX в. привели к усилению позиции гипотезы о западном происхождении балтийских финнов.

Согласно «балтийской» концепции, основы которой в начале XX в. заложил Коссинна (Kossinna, 1909, 1928), современные финно-угры – это потомки широколицего верхнепалеолитического

населения приледниковой зоны в Западной Европе, которое в более поздних периодах каменного века было оттеснено на север или ассимилировано индоевропейцами, носителями более прогрессивных методов ведения хозяйства (земледелия и скотоводства). Лишь в лесной зоне, на северной окраине прежнего ареала, финно-угры сохранили свои языки, но под сильным индоевропейским влиянием.

В дальнейшем, особенно в последнее время, балтийская гипотеза была поддержана и развита другими, в основном финскими, археологами, лингвистами и антропологами (см. например: Wiik, 1997; Julku, 1997; Niskanen, 1997; Dolukhanov, 1998; Nuñez, 1998).

В 1950-х гг. в Эстонии и Финляндии сложилась «волго-окская» миграционная гипотеза, которая восходит к взглядам финского археолога Ю. Айлио (Ailio, 1922) и базируется на представлении лингвистов о близком родстве волжских и западных финских языков. Появление носителей уральского, протофинского, языка в Прибалтике и Фенноскандии ее сторонники связывают с распространением в неолите культуры с ямочно-гребенчатой керамикой (Моора, 1950, 1956; Янитс, 1956; Мейнандер, 1982; Carpelan, 1998, 2001b, Carpelan and Parpola, 2001). Более поздние изменения материальной культуры они обычно объясняют в русле эволюционной концепции этногенеза. Эта гипотеза имеет непосредственное отношение к рассматриваемому кругу древностей, а именно к культуре с гребенчато-ямочной керамикой позднего неолита, которую эти авторы, а вслед за ними и некоторые российские (Седов, 1997) рассматривают как исходные древности прафиннов.

Теория гибридного происхождения финноязычных народов получила распространение преимущественно среди антропологов, по мнению которых расовый облик финно-угров на Севере Европы сложился в древности как результат скрещивания европеоидов (Витов и др., 1959; Алексеев, 1969, 1974а; Денисова, 1975; Беневоленская, 1990б и др.). Отсутствие единства физического облика финно-угров и усиление монголоидных признаков по направлению к востоку говорят в пользу этой гипотезы. Вместе с тем метисная концепция слабо разработана археологами, особенно лингвистами. Прямого отношения к культурам финального неолита – энеолита она не имеет.

Археологическая культура и этнос

Каким образом эти концепции, сложившиеся в основном на материалах работ лингвистов и антропологов, проецируются на археологическую ситуацию в Карелии?

Едиственного общепризнанного определения этноса не существует. В российской этнологии «этнос» обычно употребляется как синоним слова «народ». К основным признакам этноса, выделенным большинством исследователей, относят самоназвание, понятие об общем происхождении, древней прародине (иногда мифологической), общие элементы культуры, включающие обычаи, мифологию, религию и язык и др. Основным признаком этноса, по мнению всех исследователей, является этническое самосознание, отличие себя от других народов, выражающееся в понятиях «мы» и «они». Ю. В. Бромлей (1983, с. 37), который ввел термин «этнос» в отечественную этнологию, подчеркнул такой признак этноса, как стабильность.

Вместе с тем, с одной стороны, этнос не обязательно должен обладать всеми перечисленными признаками, достаточно одного самосознания. С другой – феномен этничности не исчерпывается сколь угодно большим их числом. В исследовании, построенном на анализе археологических материалов, нет необходимости постигать все нюансы этничности, целесообразно сосредоточиться на объективных признаках этноса, которые могут выявиться в археологических артефактах.

Каким образом этнос отражается в археологической культуре? Совершенно очевидно, что такие признаки этноса, как этническое самосознание и язык, средствами археологии не фиксируются. Для того, чтобы противопоставлять свой народ иным народам, нужно от них действительно отличаться. Невозможно выделиться среди точно таких же людей. Это означает, что этническое самосознание могло иметь и материальную основу. Причем чувство общности и желание выделиться на фоне других народов иногда приводят даже к подчеркиванию (демонстрации) внешних признаков этноса (см. например: Wobst, 1977; Hodder, 1982; Wiessner, 1990). Религия, мифология также могут отражаться опосредованно, через какие-то материальные компоненты (изображения, орнаменты).

Вероятно, могли существовать и этнические группы, отличающиеся от других лишь «нематериальными» признаками (языком, самоназванием, песнями и т. п.) или такими чертами (прическа, окраска тела), которые были заметны современникам, но не могут выявляться археологами. Таким образом, та или иная общность между людьми не всегда проявляется в материальной культуре. Кроме того, неясно, в каких именно объектах отражается этническая общность. Например, по мнению М. Е. Фосс (1952), разделяемому в середине XX в. и другими исследователями, орнаменты на керамике являлись племенными знаками, однако в настоящее время такое суждение представляется бездоказательным.

Существует много определений археологической культуры, отражающих разное понимание и способы выделения общностей этого типологического ранга в древней материальной культуре. В общем, их можно разделить на две группы. Одни исследователи выделяют археологическую культуру на основании формальных построений. Комбинация признаков дает тип, сочетание типов методом картографирования – культуру (Лебедев, 1979, с. 74–88; Клейн, 1991, с. 125–149), но поскольку не существует теоретических обоснований для отбора как признаков, так и типов, то выделенные таким образом культуры в той или иной мере условны, контуры культуры зависят от выбранных исследователями признаков, которые часто не совпадают друг с другом. Больше того, конфигурации и изменчивость разных черт культуры зависят от разных факторов. В этой связи полезно вспомнить поучительную дискуссию американских археологов о реальности/условности археологических культур (обзор см.: Клейн, 1991). По сути дела, они фиксируют комбинации регулярностей в материальной культуре, которые отражают традиции ее производства в той или иной сфере. Эти традиции, как и культуры, выделенные таким способом, либо их отдельные признаки, могут отчасти совпадать с этническими границами, но такую ситуацию нельзя признать правилом.

Другие исследователи объединяют территориально близкие памятники на основании сходства вещественных материалов. В этой группе наиболее исчерпывающим является определение А. Я. Брюсова (1952, с. 37): Археологическая культура – это «...единство

археологических памятников на сплошной и ограниченной территории, относящихся к определенному промежутку времени, обычно в несколько сот лет, реже – к тысячелетию и более. Это единство выражается в близком сходстве типов орудий труда, утвари, оружия и украшений, находимых в этих памятниках... в единстве типов построек и погребальных обрядов, в однообразном изменении их форм с течением времени... Наиболее отчетливо это единство проявляется в деталях форм вещей – орнаменте, специфической форме сосудов, в типичных особенностях отдельных предметов и приемах техники. Археологические культуры, понимаемые таким образом, отражают в своем единстве своеобразие техники, хозяйства, быта и других сторон жизни определенной этнической группы, обычно группы родственных племен...».

Нетрудно заметить, что вывод, сделанный исследователем, не вытекает из самого понятия археологической культуры, единство материальной культуры действительно может объясняться родством, но может и другими причинами.

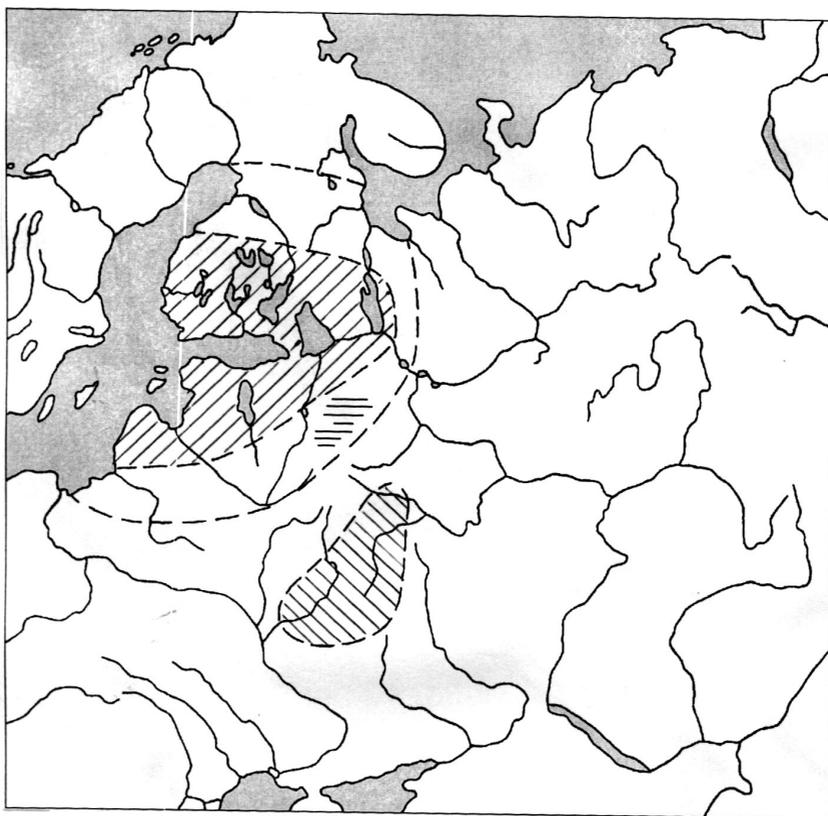
Известно, что археологические материалы, относящиеся к той или иной культуре, фрагментарны. Можно сказать, что неполнота данных – одно из основных свойств археологической культуры. Даже реконструкции каких-то материальных сторон жизни древнего населения не всегда возможны, а результаты могут быть спорными. Тем более это относится к феномену этничности, лежащему в основном в сфере социальных отношений. Неполнота материалов не единственная трудность для археолога. Вторая, может быть, более значительная, – это относительная независимость, противоречивость данных, полученных различными путями, методами разных наук. Как было сказано выше, язык не является единственным признаком этноса, тем не менее, говоря о древних финно-уграх, исследователи имеют в виду народы одной языковой семьи. Нам неизвестно, имели ли они общее самоназвание, чувствовали ли между собой родство и было ли у них общее генетическое происхождение. Изучая физический облик современных финнов и сравнивая их с древним населением, представители естественных наук приходят к выводу о сходстве ряда черт современного и древнего населения. Неизвестно, говорили ли эти люди в древности на

финно-угорских языках, а если не говорили, то можно ли относить их к финно-уграм? Должны ли ученые увязывать между собой результаты разных наук? С одной стороны, этногенетические проблемы невозможно решить на основании данных лишь одной науки, с другой – стремление проиллюстрировать схемы, полученные на основании фактов и методов одной дисциплины, фактами другой, нередко устаревшими или произвольно выбранными, приводит к ложным выводам. Комплексный подход заключается в признании самостоятельности и равноценности данных разных наук. Для археологов, особенно если изучаемые периоды относятся к глубокой древности (каменному веку), было бы идеально проследить развитие материальной культуры от древности до этнографической современности, вычленив узловые этапы ее развития, раскрыть роль различных общностей, участвовавших в генезисе современных финно-угорских народов (Напольских, Наговицин, 1990), однако на практике это сопряжено с немалыми трудностями.

Археологические культуры периодов позднего неолита – энеолита в Карелии

В эпоху позднего неолита – энеолита на территории Карелии существовали три культуры: гребенчато-ямочной, ромбоямочной и асбестовой керамики (рис. 1).

Ареал культуры поздненеолитической гребенчато-ямочной керамики включает Прибалтику, южную и среднюю Финляндию, Карелию, кроме самых северных районов, Ленинградскую и Новгородскую области, распространяется и к востоку от Онежского озера (Гурина, 1996, с. 147; Ошибкина, 1996, с. 220). В Карелии этот пласт древностей представлен поселениями, расположенными на песчаных террасах, в местах, удобных для охоты и рыболовства. На некоторых поселениях, вероятно, зимних, были раскопаны жилища прямоугольных очертаний, чаще с двумя выходами и двумя очагами. Глиняная посуда представляет собой крупные круглодонные горшки полуяйцевидной или округлой формы, редко – небольшие мисочки. В орнаменте преобладают горизонтально-зональные или геометрические узоры из отпечатков гребенчатых штампов и ямок. Каменный инвентарь – традиционного состава, сделан из

- ▨ – культура гребенчато-ямочной керамики
- ▩ – культура ромбоямочной керамики
- ▧ – мстинская культура
- ▤ – граница культур волосовского типа

Рис. 1. Распространение археологических культур позднего неолита – энеолита

местных видов сырья: кварца, сланца и лидита. Привозного кремня немного, но он использовался почти полностью. Из кремня делали мелкие скребущие и режущие орудия, листовидные и ромбические наконечники стрел. Сланцевые рубящие орудия чаще всего прямоугольных или трапециевидных очертаний. Реже встречаются топоры с округлым лезвием, киркообразные орудия и клинья. Среди украшений есть сланцевые кольца, подвески из различных пород камня, очень редко из янтаря. Согласно радиоуглеродным датам, основной период существования гребенчато-ямочной посуды на территории Карелии составлял около 500 лет, с 4950 ± 100 (кал. 3850 ± 130 до н. э.) до 4580 ± 60 (кал. 3300 ± 200 до н. э.) (Витенкова, 2002а, с. 141).

В энеолите на территории Карелии сложились две археологические культуры. Поселения с более ранней ромбоямочной посудой концентрировались на побережье Онежского озера и Водлозера, в бассейне Белого моря, верховьях р. Суны, располагались в местах, удобных для охоты и рыболовства. За пределами Карелии аналогичная посуда распространена к югу и юго-востоку от Онежского озера, а также в верхнем и среднем течении Десны и в верховьях Оки (Смирнов, 1991). Жилища прямоугольной формы иногда расположены попарно и соединены коридорами. Стенки сложены из горизонтально лежащих бревен. Очаги размещались в центре или у выходов. Глиняная посуда представлена обычно крупными круглодонными лепными непрофилированными горшками, миниатюрные чашечки и плоскодонные сосуды редки. Орнамент состоит из ромбических или овальных ямок, поставленных в шахматном порядке, и горизонтальных полос гребенчатых штампов, реже встречаются сложные геометрические узоры. Много каменных изделий традиционных форм (сланцевые рубящие, кирки и киркообразные орудия, скребки, наконечники стрел, украшения). Появились клевцы, желобчатые долота, круммеисели, инструменты, связанные с добычей и обработкой меди, – крупные отбойники и кайла (Журавлев, 1991). Возраст поселений с ромбоямочной посудой определялся разными методами датировки (радиоуглеродным, высотным, палинологическим). Корреляция всех данных позволяет утверждать, что основной период существования поселений раннего энеолита с ромбоямочной посудой и следами металлообработки продолжался с середины до второй половины

III тыс. до н. э., причем на поселениях ромбоямочная керамика нередко сосуществовала с гребенчато-ямочной (Витенкова, 1996б, с. 151–160).

Поселения с керамикой с примесью органики и асбеста сменили ромбоямочной посудой во второй половине III тыс. до н. э., их существование закончилось во второй половине II тыс. до н. э. Этот пласт древностей Карелии археологи чаще всего условно называют культурой асбестовой керамики, что не вполне точно, так как такая посуда на востоке края обычно имеет органическую примесь. Кроме Карелии она встречается в Финляндии, на севере Норвегии и Швеции, где археологи выделили ряд культурных типов или групп, а также частично в Ленинградской, Вологодской, Архангельской областях (Витенкова, 1996в, с. 161; Никитин, 2002, с. 317).

Сходные памятники, но с посудой без примеси асбеста распространены на обширных территориях лесной зоны от Балтики до Урала, составляя группу культур волосовско-гаринского круга. Топография поселений не изменилась. Большинство жилищ квадратные (с одним очагом и выходом) или прямоугольные (с двумя очагами и выходами), углубленные в землю на 40–60 см. На поселении Залавруга II, в низовье р. Выг, вскрыто погребение с инвентарем из янтарных украшений и кремневых наконечников стрел, однако костный материал не сохранился. Посуда с круглым, уплощенным или плоским дном вылеплена из глины с примесью асбеста, органики или их смеси. На ранних памятниках керамика близка предшествующей гребенчато-ямочной, на более поздних сосуды украшены елочкой из оттисков гребенчатых штампов или веревочными отпечатками, наколами, ногтевыми и трубчатыми вдавлениями, неглубокими ямками. В каменном инвентаре произошли заметные изменения: пропорции сланцевых рубящих орудий стали более удлиненными, появились топоры и тесла русско-карельского типа, увеличилось количество желобчатых долот и круммеиселей. Возросло количество наконечников стрел, появились их новые виды из сланца и шифера – с усеченным основанием и выемками, длинные узкие с уплощенным насадом, треугольно-черешковые с шипами, удлиненно-треугольные с выемкой в основании. Значительно увеличилось поступление восточнобалтийского янтаря. Металлообработка на памятниках энеолита зародилась сравнительно рано в среде носителей ромбоямочной керамики, но, как сказано выше, незначительное

распространение металла не привело к изменениям в хозяйстве (Витенкова, 2000).

Археологические культуры Карелии и происхождение финно-угров

Гипотеза о финно-угорской принадлежности культуры гребенчато-ямочной керамики впервые была выдвинута и обоснована Х. Моора (1950, 1956). Мнение о финно-угорской принадлежности культуры гребенчато-ямочной керамики базируется на следующих аргументах: во-первых, у ее носителей по антропологическим данным установлена слабая монголоидная примесь, что традиционно связывается с Уральским регионом – местом сложения финно-угров, во-вторых, ареал культуры гребенчато-ямочной керамики совпадает с территорией расселения прибалтийских финнов. Эта точка зрения была поддержана и другими археологами, так как происхождение гребенчато-ямочной керамики геометрического стиля связывалось с Приуральем, гипотетической прародиной финно-угров (Третьяков В. П., 1967). Достаточно развернутое изложение этой гипотезы сделано Л. Янитсом (1959, с. 326–357). По его мнению, до появления керамики вопросы этнической принадлежности ставить преждевременно, потому что каменные и костяные орудия охоты и рыбной ловли не отражают этнические особенности населения, так как они приспособлены к определенным функциям и адаптированы к окружающей среде. Типы орудий могли быть одинаковыми у этнически неродственных племен, если последние жили в сходных условиях, и наоборот. Вместе с тем уже культуру сперригс он связывает с протолопарскими племенами и предполагает, что ее появление в Карелии и Финляндии объясняется переселением с востока из области Урала и Западной Сибири. Гребенчато-ямочная керамика, называемая Янитсом «типичная ямочно-гребенчатая» сложилась в юго-восточной Финляндии и Приладожье, отсюда распространилась на территорию Эстонии и Латвии. С этого времени и в Прибалтике, и в Финляндии можно проследить преемственность развития материальной культуры. По мнению Л. Янитса, носители культуры, вероятно разговаривали на одном языке или диалектах общего языка. Скорее всего, это и был прибалтийско-финский язык-основа. Появившаяся позднее культура

шнуровой керамики (ладьевидных топоров) принадлежала иному, неродственному, этносу.

Финские археологи К. Ф. Мейнандер (Meinander, 1973, p. 3–4; Мейнандер, 1982, с. 2) и К. Карпелан (1982, с. 41; Carpelan, 1998, s. 10–14) пришли к выводу, что гребенчатая керамика типа II:I около 3200–3000 (ок. 4000 кал.) лет до н. э. распространилась, возможно, из района Костромы – Галича по направлению к Карелии и южной части Финляндии и далее по Ленинградской области в северо-восточную часть Прибалтики (Carpelan and Parpola, 2001, p. 55–150).

На территории Карелии нет палеоантропологических материалов, связанных с культурами неолита – энеолита. В Латвии и Эстонии антропологические исследования проводились на протяжении многих лет. Их результаты достаточно представительны.

В Прибалтике насчитывается свыше 70 черепов из разных могильников: Звейниеки, Абора, Крейчи, Валма, Тамула и др. (Марк, 1956). Во всех могильниках материалы сходные – это мезокранные черепа с широким, слегка уплощенным средневысоким лицом и массивной нижней челюстью. Нос умеренно выступающий, переносье широкое и относительно высокое. При анализе материала выяснилось, что этот антропологический тип является результатом смешения двух вариантов физического облика населения. Основными его компонентами были долихокранный высоколицый европеоидный тип и мезокранный низколицый с ослабленной профилировкой (с монголоидной примесью).

Антропологи относят метисный мезокранный тип населения к носителям гребенчато-ямочной керамики и связывают его с финно-уграми, а долихокранный европеоидный – с балтами, но при этом отмечают, что аналогичные варианты физического облика населения существовали на территории Прибалтики на протяжении всей истории, начиная с мезолита (Денисова, 1975, с. 28–33). По мнению антропологов В. П. Якимова, И. И. Гохмана, уплощенность лица, наблюдаемая еще в мезолите на материалах Оленеостровского могильника, говорит не о проникновении монголоидов в Карелию, а о сохранении черт древнего, первоначального пласта населения (Гохман, 1986; Якимов, 1960а, б). Таким образом,

возникает противоречие: с одной стороны, культура гребенчато-ямочной керамики является в Прибалтике инородной, до ее появления там бытовала нарвская культура с долихокранным, европеоидным населением, с другой – на территории Прибалтики издавна существовали долихокранные, мезокранные и брахикранные формы. Эти факты лишний раз доказывают, что физический тип населения не тождествен культуре и этносу. Данные физической антропологии также показывают, что краниометрические дистанции между финнами и бурятами Байкальского региона такие же, как и между прочими европейцами и бурятами. Финны краниометрически наиболее близки шведам и русским и являются наименее отличающейся европейской популяцией от кроманьонцев палеолитического периода. Саамы – краниометрически тоже европейцы. У них сложился собственный комплекс признаков, впрочем, наименее удаленный от финнов (см.: Манюхин, 2002, с. 7–28).

Генетические дистанции показывают, что прибалтийские финны (собственно финны и эстонцы) ближе к шведам, чем к своим волжско-финским (марийцы) и пермским (коми) языковым родственникам. Этот факт может свидетельствовать в пользу мнения, что балтийские финны обитали длительное время близ Балтийского моря, но может говорить и о более поздних контактах со шведами. Генетические дистанции между уралоязычными народами очень велики, что говорит об очень древнем географическом раздроблении этих народов. Базируясь на генетических дистанциях между шведами, финнами и эстонцами, можно предположить, что предки финнов жили севернее Финского залива дольше, чем допускает традиционная теория их миграции. Таким образом, основываясь на данных физической антропологии и истории населения Европы, нельзя отрицать европейское происхождение балтийских финнов (и других финно-угорских народов Европы). Эти народы являются потомками охотничье-собираТЕЛЬСКИХ популяций, которые населяли приледниковую зону, расположенную между Карпатами и Волгой во время последнего оледенения. Если краниометрические измерения объединяют финнов со шведами, то генные дистанции показывают финнов как до некоторой степени инородных (Niskanen, 1997).

Следует также отметить, что антропологические материалы, относящиеся к карелам, показывают, что при общем сходстве с

другими прибалтийскими финнами они занимают особое место, отличаясь от эстонцев, финнов и саамов.

Таким образом, в последнее время в Финляндии спорят исследователи, которые соотносят период гребенчато-ямочной керамики с финно-угорским этапом (4300–3500 кал. лет до н. э.) (Carpelan, 1998), и ученые, которые полагают, что предки современных финнов появились в стране в конце ледникового периода ок. 10000 лет назад (Wiik, 1997; Julku, 1997; Nuñez, 1998).

Если говорить об археологических аспектах происхождения культуры, то в прошлом веке наиболее распространенной была гипотеза о проникновении гребенчато-ямочной посуды (геометрического стиля) с востока из района Приуралья в Карелию и Прибалтику, выдвинутая В. П. Третьяковым (1967). Между тем его мнение опиралось только на поверхностное сходство в орнаментации, сам факт миграции доказан не был. По моему мнению, нет необходимости искать истоки геометрического стиля на дальних восточных территориях. Все геометрические узоры гребенчато-ямочной керамики находятся на посуде предшествующей ранненеолитической культуры сперрингс (рис. 2). При решении этого вопроса особую важность приобретают хронологические данные. На территории Карелии получено мало радиоуглеродных дат, но в настоящее время конечный этап культуры сперрингс принято датировать 4000 л. до н. э. К; этому же периоду относится и начало существования гребенчато-ямочной посуды согласно калиброванным датам (Витенкова, 2002а, с. 141; Нунге, 2003, с. 185–201). Разрежение орнамента и увеличение количества ямок произошли под влиянием ямочно-гребенчатой керамики. Таким образом, в происхождении керамики геометрического стиля участвовали два компонента. Антропологические данные не противоречат такому предположению.

Так, например, в могильнике Сахтыш имеются материалы, связанные с верхневолжской культурой, родственной сперрингс (7240–5430 л. н.), ее носители по своему антропологическому облику восходят к долихокранному европеоидному населению эпохи мезолита, широко распространенному в Восточной Европе. Аналогичные антропологические черты свойственны и носителям нарвской культуры, также родственной сперрингс (Алексеева, 1997).

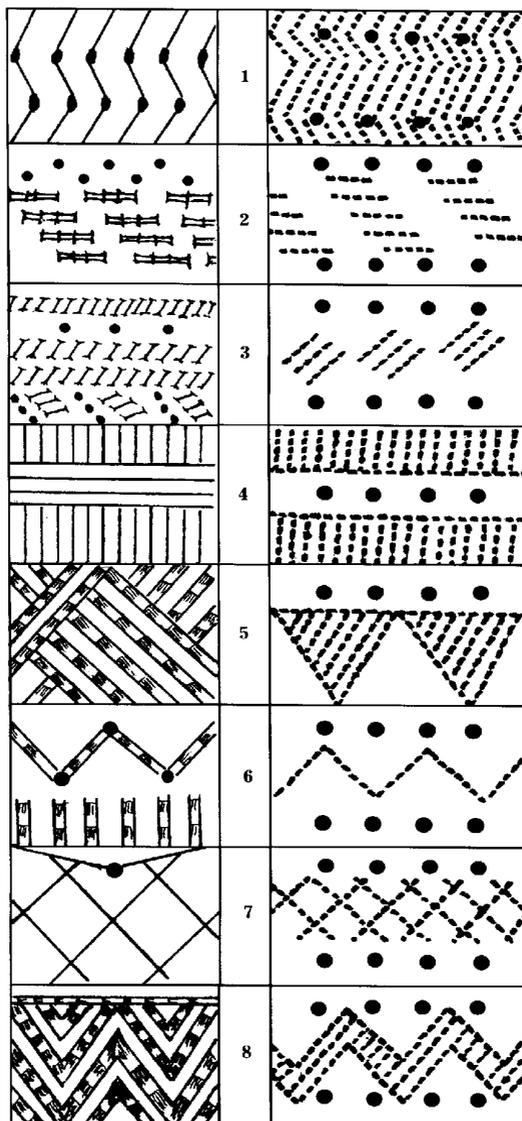

Рис. 2. А – геометрические узоры керамики сперрингс (по Ю. В. Титову),
 Б – аналогичные геометрические узоры гребенчато-ямочной керамики

С культурой ямочно-гребенчатой керамики связан антропологический тип, несущий в себе черты смягченной монголоидности, то, что называется лапоноидностью. Физический тип населения ямочно-гребенчатой керамики не оставляет сомнения в восточных связях.

Таким образом, можно предположить: при смешении европеоидного населения верхневолжской культуры, родственной сперрингс, и носителей ямочно-гребенчатой керамики с лапоноидным населением мог получиться метисный антропологический тип, такой же, как и у носителей гребенчато-ямочной керамики в Прибалтике.

Ромбоямочная посуда выделяется среди прочих вариантов ямочно-гребенчатой керамики своей оригинальной орнаментацией. Происхождение самой ромбической ямки не ясно, возможно ее следует связывать с льяловской культурой (Брюсов, 1947; Смирнов, 1991). По поводу появления ромбоямочной керамики в Карелии существуют различные точки зрения. По мнению А. П. Журавлева (1991), ромбоямочная посуда произошла на территории Карелии, причем ее генезис связан с керамикой сперрингс. Гипотеза о проникновении ромбоямочной посуды с юга, с территории белевской (позднее названной деснинской) культуры впервые была выдвинута А. Я. Брюсовым, (1947, с. 15–21) и поддержана Г. А. Панкрушевым (1978, ч. 2, с. 31), по моему мнению, это предположение более обосновано. В бассейне Десны посуда с аналогичной орнаментацией бытовала с периода среднего неолита, сменив культуру с гребенчато-накольчатой керамикой (Смирнов, 1991). Памятники деснинской культуры распространены до южного побережья Онежского озера. В Карелии ромбоямочная посуда на некоторых поселениях сосуществует с гребенчато-ямочной (Витенкова, 2002а, с. 140). Такие тесные контакты, возможно, являются признаком культурной или этнической близости.

Культура керамики с примесью органики и асбеста относится к волосоидным культурам. В энеолите волосовская, или волосовско-гаринская, культурная общность занимала почти всю лесную зону Восточной Европы. В 1960–1970-х гг. О. Н. Бадер (1972) и

П. Н. Третьяков (1966) связывали происхождение волосовской культуры с Камско-Уральским регионом. С ними не согласились финские и эстонские исследователи, связывавшие финно-угров с предшествующей (гребенчато-ямочной) культурой, а также Д. А. Крайнов (1981), М. Г. Косменко (1993) и К. Карпелан (Saarelan and Parpola, 2001). Они не находят доказательств распространения культуры в направлении восток – запад, а следовательно, и признаков формирования финно-угорской общности в период энеолита, ведь торговые связи, в частности распространение янтаря, шли в обратном направлении (Лозе, 1985); это же можно определенно сказать и о некоторых типах сланцевых изделий, например круммейселях.

Следует отметить, что между культурами с гребенчато-ямочной и асбестовой керамикой существует несомненная генетическая связь. Она прослеживается в орнаментации сосудов (ранняя асбестовая керамика практически повторяет орнаментацию гребенчато-ямочной), в конструкции жилищ, изобразительных мотивах на сосудах и мелкой пластике. Антропологические материалы также не противоречат предположению о родстве обеих культур. В волосовское время увеличивается относительное число представителей выраженного европеоидного типа, смешанный тип сохраняется на прежнем уровне. Видимо, это объясняется небольшим количеством пришлого населения, что и вызвало возвращение к исходному европеоидному типу, который увязывается с северо-западными территориями Европы (Алексеева, 1997, с. 27).

* * *

Таким образом, процесс развития археологических культур в неолите – энеолите на территории Карелии такой же как во всей лесной зоне Восточной Европы: раннеэнеолитические культуры с гребенчато-накольчатой керамикой сменяются культурами с различными вариантами ямочно-гребенчатой керамики, но раннеэнеолитические черты полностью не исчезают, возникают гибридные культуры прибалтийская (Лозе, 1985, с. 52–59) и карельская гребенчато-ямочная, мстинская (Зиминая, 1996, с. 193–198), балахинская (Крижевская, 1996, с. 184) и др. В энеолите их сменяют

родственные культуры волосидного типа. Из этой цепочки выпадает культура ромбоямочной керамики с оригинальной орнаментацией, не получившей дальнейшего развития.

У всех трех культур есть общие черты. Гребенчато- и ромбоямочная керамика сосуществует на одних и тех же памятниках, жилища сходны, каменный инвентарь практически тот же, возможно, постепенно они сливаются в одну культуру. При этом орнамент из ромбических ямок на территории Карелии постепенно исчезает. В финале культуры орнаментацию гребенчато-ямочной посуды наследует асбестовая керамика. Между культурами с ромбоямочной и асбестовой керамикой также есть сходство в использовании меди, мелкой пластике и фигурных налечах на сосудах. Во всех перечисленных культурах распространены изображения водоплавающей птицы на глиняных сосудах и в мелкой пластике.

Эти изображения распространяются по всей лесной зоне, на восток, до Западной Сибири, они связаны с разными археологическими культурами от мезолита до бронзового века (Мошинская, 1976). Интересно, что у финно-угорских народов имеется и миф о происхождении Земли, связанный с водоплавающими птицами (Напольских, 1997а). Есть два таких сюжета. Один миф (чаще встречается у прибалтийских финнов) об образовании Земли из яйца. У финно-угорских народов Поволжья (удмуртов) и других распространен миф о нырянии водоплавающих птиц за Землей. В нырянии участвуют обычно две или три птицы (в более древних мифах – две). Среди прибалтийских финнов, только у карел есть миф о нырянии за Землей, но он считается более поздним, возможно, заимствованным. По мнению В. В. Напольских, этот миф был принесен в Европу финно-уграми, причем предки финнов и саамов ассимилировали какое-то древнее население, от которого происходит их антропологический тип. Он предполагает, что древнейшая прародина уральской языковой семьи располагается в Зауралье и Западной Сибири, антропологически наиболее древние финно-угры относились к монголоидам. Вполне возможно, что их распространение соответствует распространению мифа о нырянии утки за Землей. На территории Карелии найдены изображения водоплавающих птиц на керамике эпохи неолита и бронзы, причем они

встречаются, как правило, тоже по две (Витенкова, 2002б), но доказательств прямой связи между изображениями птиц на неолитической и энеолитической керамике и мифами, вероятно, сложившимися в более позднее время, нет.

Таким образом, причины сходства между тремя культурами неолита – энеолита Карелии объясняются хронологической близостью и генетическими связями. Причины сходства артефактов в разных, нередко хронологически и пространственно отдаленных археологических культурах в настоящее время не совсем ясны. Антропологические данные скорее подтверждают европейское (иначе говоря, автохтонное) происхождение прибалтийских финнов, чем миграцию с востока. Этот факт еще не означает, что носители гребенчато-ямочной керамики, или волосовцы, говорили на финно-угорских языках. С помощью данных биологических наук можно доказать физическое родство народов, используя археологические методы можно прийти к более или менее обоснованным выводам относительно преемственности археологических культур или ее отсутствия, но языковую принадлежность археологических культур периодов неолита – энеолита установить не удастся. Нет также и веских доказательств миграции с востока в эпоху позднего неолита и энеолита.

М. Г. Косменко

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА – РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В КАРЕЛИИ

*Общие замечания о теории изучения этносов
и этнической истории*

К числу наиболее сложных и дискуссионных проблем изучения далекого прошлого Северо-Западной России, Прибалтики и Восточной Фенноскандии, включая Карелию, относится время сложения и ранние этапы этнической истории предков финноязычных народов – балтийских финнов и саамов. Этническая история – это продукт синтеза данных дополняющих друг друга дисциплин, изучающих расовый облик, язык, материальную культуру, древние общества (Клейн, 1988). Мы попытаемся в общих чертах определить этноисторическое содержание процессов смены основных типов культуры охотничье-рыболовецкого населения, которая трижды происходила в Карелии на протяжении более 2500 лет от бронзового века до Средневековья. Эти вопросы ранее затрагивались (Косменко, 1999), но нуждаются в более детальном рассмотрении. Что в конкретных случаях означают эти явления – изменения материальной культуры при сохранении этноязыковой преемственности, смену населения или иные типы этнических процессов и как их различить и распознать? От объяснения таких ситуаций археологами в немалой степени зависит решение ключевых проблем этнической истории упомянутых регионов.

Среди лингвистов, антропологов, археологов сложился широкий спектр точек зрения относительно происхождения финноязычного населения Прибалтики и Фенноскандии, воплощенных в индивидуальных версиях и общих концепциях, а в последнее время

отчетливее обозначились давние и серьезные разногласия по этому вопросу. Как определить отношение разных гипотез к древней исторической реальности и возможно ли выделить наиболее вероятную из них при отсутствии прямой и нехватке косвенной информации? Прежде всего следует ответить на вопрос о причинах разнообразия концепций, но для этого нужно анализировать факторы, влияющие на формирование взглядов исследователей. Конечно, здесь не место для подробного разбора столь общей проблемы, отметим лишь, что расхождения взглядов финноугроведов наиболее заметно обусловлены приверженностью к сложившимся теориям, школам и исследовательским традициям, дисциплинарной узостью концепций, разным опытом и широтой охвата материалов, индивидуальными склонностями и предпочтениями, стремлением к желаемой ясности и непротиворечивости этноисторических реконструкций. Кроме того, в ряде недавних работ об этнической истории финно-угров отчетливо выражено влияние современных социально-политических реалий. Обсуждаются политическая зависимость этногенетических взглядов финских археологов (Fewster, 1999; Carpelan, 2001a), их дрейф к концепции европейского происхождения финнов в связи с политическими переменами 1990-х гг. в Европе (Matiskainen, 1998; Vilkuna, 1998), а также новые тенденции решения вопроса о взаимоотношениях финно-угров и славян (дискуссия в FA, XI, 1994). Такого рода зависимость отмечалась и у некоторых представителей российского финноугроведения (см. Кузьминых, Напольских, 1994; Shnirelman, 1996; Matiskainen, 1998).

Возникает вопрос о том, как понимать этнические общности, т.е. субъекты этнической истории. Этноисторические реконструкции делаются преимущественно на базе опыта изучения современных этносов. Есть множество работ, посвященных проблемам изучения этнических общностей, однако этноисторическая проблематика, в частности вопрос о соотношении древней материальной культуры и этноса, теоретически разработана гораздо хуже. В зарубежной этнологической науке второй половины XX в. сложились два альтернативных подхода, основанных на разном понимании сущности этнических общностей и процессов их формирования

(см.: Jones, 1997); эти же направления начали разграничиваться и в постсоветской российской этнологии (см.: Соколовский, 2003; Тишков, 2003).

Примордиальный (*primordial*), по сути дела, эволюционный подход акцентирует природные, биологические особенности этносов, рассматривая их как в своей основе биосоциальные организмы. Этническая принадлежность людей предопределена от рождения и жестко обусловлена внесоциальными кровнородственными узами, которые являются нормативными установками для личного и группового самоопределения, обеспечивающими своеобразие и единство культуры этносов (Shils, 1957; Geertz, 1963; Isaacs, 1974 и др.). Это широко распространенный в науке и укорененный в массовом сознании объективный подход, который базируется на внешнем опознании физических и культурных особенностей различных этносов, основу единства которых видят в родственных связях и общем происхождении. Примордиалисты признают историческую эволюцию форм этносов под влиянием крупных социально-экономических перемен либо как результат видового отбора этнических групп, хотя некоторые авторы заявляют, что человеческая природа универсальна и люди психологически мало изменились со времен охотничье-собирающего общества (обзор см.: Jones, 1997).

Российские этнологи советского периода излагали разные варианты примордиалистского подхода, отдавая приоритет объективным компонентам этноса с акцентом на их эволюции (обзоры см.: Бромлей, 1983; Соколовский, 2003). Этническое самосознание они рассматривали как производный феномен, но решающий для разграничения этносов (обзор см.: Джарылгасинова, 1987). Отсюда разделение на собственно этносы и историко-этнографические общности/области, которые не осознаются людьми, но обладают определенным единством культуры, сложившимся в ходе исторического развития (Левин, Чебоксаров, 1955; Бромлей, 1983 и др.). В некоторых крайних версиях этносы понимаются как «отражение в сознании групповых родственных связей» (Рыбаков, 2003, с. 22), обычно возникают дивергентным путем деления на две части подобно амебам (там же, с. 12) либо формируются в результате

«конstellации пространственно-временных энергетических соотношений» и связанных с ней загадочных «пассионарных толчков», иначе резких спонтанных изменений, вызванных то ли космическими силами, то ли генетическими мутациями, причем внутренняя эволюция этносов приводит их к застою и распаду (Гумилев, 2002, с. 321–324). Многие этнологи постсоветского периода сохраняют приверженность к примордиальному подходу (обзор см.: Соколовский, 2003). В археологии ему ближе всего соответствуют эволюционный и особенно культурно-исторический подходы с представлениями о близком совпадении этносов, расовых и культурных типов (ср. Kossinna, 1909; Брюсов, 1956).

Примордиальный подход фокусирует внимание на объективных устойчивых чертах этносов, которые внешне кажутся определяющими, однако он объясняет «все и ничего», не вскрывая ни мотивы личного самоопределения (люди играют пассивные роли в рамках жестко регламентированной деятельности), ни реальный механизм сложения этнических общностей, которые существуют, по сути дела, в социально-политическом вакууме; он противоречит многим фактам несовпадения ареалов культуры и этноса, неустойчивости этносов и непостоянства их границ (Jones, 1997). В методологическом плане «невыразимая [словами] абсолютная значимость» родственных уз (Geertz, 1963, p. 109), возникающая в результате усвоения «каждым членом этноса объективной примордиальной данности» (Рыбаков, 2003, с. 20), является слишком «смутной и ускользающей», а выводы основаны «в лучшем случае на аргументах *ex post facto*» (Jones, 1997, p. 68). Единство этносов на основе кровного родства иллюзорно, если учесть хорошо известные факты противоречий и борьбы между родственными группами в рамках этноса. Многие народы сложились в результате смешения разнородных этносов. Примордиалистов интересует «человек в этносе, а не этничность в человеке» (Тишков, 2003, с. 32), поэтому «схоластическое представление, что статистические множества, обладающие культурной гомогенностью, социальной однородностью и даже психической одинаковостью, являются природной основой для социальных субъектов... составляет основной порок примордиализма» (там же, с. 136).

Быстро распространившийся в зарубежной этнологии с конца 1960-х гг., а в России в 1990-х гг. инструментальный (instrumental), иначе ситуационный подход подчеркивает зависимость сложения этносов от конкретных исторических и природных условий и событий. Этнос рассматривается как особый вид социальной общности и исследуется социологическими методами. Это субъективно-контекстуальный подход к этносу: посредством «историко-ситуативного» метода, по В. А. Тишкову (2003), описывается механизм деятельности этих сообществ, движущими силами которого являются личное самоопределение и адаптивные мотивы выбора людей в конкретных исторических ситуациях. Согласно Ф. Барту (Barth, 1969, p. 9–38), люди руководствуются индивидуальной стратегией рационального эгоизма и стремятся реализовать свои экономические и политические интересы, используя свободно выбираемую этническую принадлежность. Этнические сообщества являются «организационным сосудом», т.е. инструментом реализации этих интересов. Этнос представляет собой изменчивое образование; устойчивость в кризисных ситуациях Ф. Барт рассматривал как его «аномальную» особенность. Подчеркивая организационную функцию, он отводил второстепенную роль культуре этноса. Другие инструменталисты (Cohen, 1974) признают ограничительную роль общих представлений и норм в рамках коллективно организованной стратегии защиты экономических и политических интересов. Признают и роль культуры, которая «не является суммой стратегий независимых индивидуумов: нормы, верования и ценности... поддерживаются посредством давления группы» (Cohen, 1974, xiii) или определяя этническую группу как общность «на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям» (Тишков, 2003, с. 115).

Инструментальный подход верно делает акцент на социальных функциях этноса и субъективных мотивах этнического самоопределения людей. Он вполне пригоден для описания механизма деятельности локальных этнических групп и сложения этнического самосознания по отношению к другим группам, однако он узко и односторонне определяет мотивы поведения человека в культурной среде и не дает ясного представления о специфике этнических

общностей. С его помощью трудно описать генезис больших групп родственных народов и удовлетворительно объяснить устойчивость расового облика, языка, некоторых других исторически сложившихся черт этносов. Роль культуры порой сводится к набору символов, которыми люди манипулируют в практических целях, т.е. этнические общности фактически приравниваются к социальным группам интересов (Jones, 1997). Инструментальный подход в общих чертах перекликается с теоретической моделью «новой» археологии, которая в поведении людей придает решающее значение приспособлению к внешним условиям, а в материальной культуре – ее функциям (ср. Binford, 1965).

Оба подхода не исключают, но явно дополняют друг друга, акцентируя разные аспекты изучения этноса. Некоторые зарубежные, да и российские этнологи пытались их объединить, создавая либо модели исторической эволюции форм этносов от первобытных, кровнородственных групп до современных наций и полиэтничных конгломератов, либо классификации этносов по степени их консерватизма/мобильности, но все они не вполне адекватно объясняют внутренний механизм формирования этих сообществ. Ш. Джоунс (Jones, 1997) предлагает «практическую теорию». Это на мой взгляд, достаточно взвешенный, перспективный подход, базирующийся на «теории практики» П. Бурдьё (Bourdieu, 1977) – его можно обозначить как «традиционалистский». Согласно Ш. Джоунс (1997, р. 84), внутренняя общность этнических групп «определяется культурой». Сумма культурных традиций, сложившихся в повседневной жизненной практике общества, с детства формирует самосознание людей и в конечном счете специфику этносов. Приобретенные комплексы психологических стереотипов-предпочтений (*habitus* у П. Бурдьё) стимулируют объединение людей в этнические сообщества и оказывают решающее влияние не только на их поведение в конкретных ситуациях, но и на самые устойчивые расовые и языковые черты, если иметь в виду предпочтения в сфере родства, семейно-брачных традиций и степень языковой восприимчивости/отторжения в ходе взаимодействия этносов.

В археологии данному подходу, пожалуй, наиболее близки установки постпроцессуального направления, декларирующего

символизм культуры и контекстуальный подход к выявлению смысла символики. «Структуры значений присутствуют во всех мелочах повседневной жизни и в большинстве адаптивных решений человеческих групп» (Hodder, 1982, p. 213), откуда следует, что «материальный символ в своем "тексте" бессловесен не больше, чем хмыканье или иной звук в живой речи... проблема заключается в переводе» (Hodder, 1991, p. 126). Символ представляется не только как отражение традиционных стереотипов, но и как средство передачи информации. Этот акцент окрашивает и традиционалистский подход Ш. Джоунс, когда она касается проблемы соотношения этноса и материальной культуры (Jones, 1997, chap. 6). Такое понимание чревато произвольной смысловой трактовкой символических «текстов» материальной культуры при их неверном «переводе».

Опыты применения символично-контекстуальной методики пока не привели к однозначно позитивным результатам. Представления об «этнических» признаках, которыми в культурно-историческом подходе обычно считались все или некоторые отличительные черты культуры, в «процессуальной» археологии ограничили рамки стиля, а позднее еще более сузились, сменившись попытками выделения «эмблемных» (Wiessner, 1990), иначе «иконологических» (Sackett, 1990), символов и стилей в материальной культуре, которые активно сигнализируют социальную или этническую специфику в конкретных исторических условиях, т.е. являются инструментами передачи этнической информации. Этим они отличаются от «самоутверждающего» (assertive) пласта стилистики П. Визнер, или «пассивного изокрестизма» Д. Сэкета, т.е., согласно российской терминологии, от «этнографических» признаков по Ю. В. Бромлею (1983).

С техникой выделения символизирующих этничность признаков и стилей в древней материальной культуре дело обстоит не вполне благополучно. Например, Б. Ульсен (Olsen, 1985) считает керамику железного века Сяр 2 (западный территориальный вариант «ананьинского» пласта древностей железного века Фенноскандии, по М. Г. Косменко (1993), этнической «идиомой», т.е. стилем древних саамов, в то время как «ведрообразная» посуда с

примесью асбеста рассматривается как символическое изобретение и критерий опознания соседних приморских скандинавов (Jørgensen, 1988). Различия между упомянутыми типами посуды существенны и, вероятно, внешне разграничивают разнородные этносы, но остается неясным, являются ли они преднамеренными. На уровне культурной классификации древностей это установить не удастся. Построения Б. Ульсена являются попыткой выявления «эмблемного» стиля с помощью критериев, по его признанию, не поддающихся проверке и, по мнению М. Винклер (Winkler, 1996), недостаточно убедительны. Такая интерпретация является современным вариантом теории «этнических признаков» и немногим отличается, скажем, от подхода М. Е. Фосс (1952), которая считала орнамент в целом этническим маркером. Типам посуды, выделенным обычными археологическими методами, в подобных случаях просто приписывается этническая символика. На мой взгляд, в данном случае вряд ли можно говорить о сигналах, демонстрирующих этническую консолидацию древних саамов – сведения о ней отсутствуют и в более поздних периодах. Речь может идти о комплексе традиционных «этнографических» деталей, присущих древнесаамской посуде Сяр 2 – они представляют древнейший слой в орнаментике современных саамов Фенноскандии (см.: Косменко А. П., 2002, гл. 2) и характерны для северо-западной периферии ареала древностей ананьинского пласта железного века (Косменко, 1993).

Признание керамического стиля этническим «посланием» не раскрывает его содержания. Археологи-постпроцессуалисты делали попытки выявить и объяснить символику структур орнамента. В частности, стиль орнамента древней посуды понимается как «материальная форма идеологии» и символическое художественное решение социальных противоречий (Shanks and Tilley, 1994, chap. 7). Это объяснение базируется на структуралистских метафизических понятиях-оппозициях, якобы универсальных для человеческого сознания и на неомарксистской доктрине развития общества – они прямо применяются к явлениям и их контекстам, так что формальный анализ становится фактически излишним звеном для интерпретации орнамента. Опыт приложения данной модели к

орнаменту посуды мегалитического могильника Fjalkinge культуры TRB южной Швеции (Ibid., p. 155–171) трудно признать удачным. Здесь отсутствуют не только анализ орнаментики посуды в других могильниках, но и такие важные звенья археологического исследования декора, как пространственно-временная изменчивость и компонентный анализ его генезиса в данной культуре. В результате познавательные возможности данной объяснительной концепции остаются нераскрытыми. Прямые проекции предполагаемых социальных и идеологических норм и противоречий в сферу древнего орнамента, произвольная интерпретация его структуры, разрыв между изучением самого декора, функций и ценности глиняной посуды стимулируют расхождение между теорией и практикой и уводят от разработки формальных методов анализа материальной культуры. Эти построения перекликаются с крайностями опыта социологического изучения искусства советскими марксистами в 1920-х гг. (ср. Фриче, 1929).

Нужно заметить, что увлечение «социологией керамики», популярной среди западных археологов в 1970–1980-х гг. и в значительной мере основанной на теории информационного обмена М. Вобста (Wobst, 1977), позднее сменилось разочарованием, потому что на вопросы о содержании орнаментальных стилей «не получены удовлетворительные ответы» (Rice, 1996, p. 150). Скепсис по отношению к якобы осознанной этнической символической археологии не будет преодолен, пока исследователи, они же конструкторы ее смысловых значений, будут игнорировать тот факт, что современные создатели изображений у разных народов и этнических групп, как правило, сами объясняют их содержание с помощью чисто зрительных, зачастую случайных образных аналогий, а не смысловых или сигнальных ассоциаций (обзор см.: Иванов, 1963, гл. 1). Аналогичным образом объясняют такие общепризнанные символические мотивы, как «ромбы с крючками», «всадницы», свастика и др., также карелы, вепсы, саамы (Косменко А. П., 2002, гл. 1).

Эта ситуация понятна. Сознательное отношение к традиции не является необходимым и обязательным условием ее воспроизводства. Скорее наоборот, люди бессознательно принимают ее как

данность, например язык, семейные традиции, ритуалы, предрасудки. Ее воспроизводят до тех пор, пока она не вступает в непреодолимое противоречие с инновациями или не прерывается катастрофическими событиями. Поэтому инерция многих традиций, особенно в сфере быта и связанного с ним пласта духовной культуры, обычно гораздо сильнее, чем изменчивое этническое самосознание. Отчасти именно здесь следует искать причины несовпадений ареалов культур и этносов.

Это относится и к навыкам воспроизводства материальной культуры, т.е. цепочки «запечатленных действий, которые относятся к иному роду сознания, чем те, которые выражают семантика и синтаксис языка» (Graves, 1994, p. 167). Оптимистическое заявление о том, что «тексты материальной культуры проще расшифровать, чем письменные документы, язык которых нам неизвестен» (Hodder, 1991, p. 126), расходится с реальностью. Исследователи обычно в неявной форме приписывают определенные цели древним людям, исходя из своих представлений о содержании символов и декоративных стилей. Современные народные мастерицы/мастера не имеют знаний о символическом содержании древних узоров и делают собственные варианты по традиции, на основе зрительного восприятия образцов и технических приемов, которым они обучены, а не с осознанными смысловыми или информационными целями. Далее заметим, что пространственные изменения декора на посуде рассматриваемых ниже культур Карелии и динамика его изменения во времени свидетельствуют не только о деградации конкретных стилей, но и об общей деградации орнаментики на лепной посуде (Косменко, 1993). Эти явления трудно объяснить с позиций информационно-символической концепции стиля. Речь, скорее, может идти о снижении ценности глиняной посуды, которая подчеркивалась украшением традиционными узорами. Это «этнографическая» черта, несмотря на присутствие древних символов. Выявление исторического содержания таких символов является проблемой, которая решается зарубежными и российскими археологами с разной степенью убедительности. Она зависит от того, насколько полно удастся проследить

пространственно-временную динамику изменения содержания символов в различных контекстах (например ср. Амброз, 1965; Рыбаков Б. А., 1979; в этноархеологии: Hodder, 1982, 1991, chap. 6).

В целом археологи более или менее успешно выделяют исторически сложившиеся комплексы «этнографических» признаков, т.е. отдельные культурные типы и их комбинации в обширных ареалах, но испытывают серьезные затруднения с выявлением следов этнических общностей, особенно демонстративных проявлений этничности в материальной культуре. Причины этого не столько кроются в слабой разработке довольно скудных археологических контекстов, сколько носят принципиальный характер: более адекватные реконструкции этнической истории можно сделать только посредством синтеза данных разных дисциплин, как и этническое самосознание синтезировало все объективные предпосылки этнических процессов. Поэтому «соотношение между стилями материальной культуры и выражением этничности может непрерывно изменяться в соответствии с местом и временем», а «общности в материальной культуре...не обязательно совпадают с территорией и границами осознающих себя древних этнических групп» (Jones, 1997, p. 122). Это подтверждают исследования современной и позднесредневековой материальной культуры в Карелии. Ареалы народного искусства карел, вепсов, саамов, русских не совпадают с этническими границами (Косменко А. П., 2002, гл. 5), такой же вывод сделан и о материальной культуре разноэтнического населения юга Карелии в XV–XVII вв., которая в общем отражает социальные и производственные, а не этнические различия (см. ст. Т. П. Амелиной в наст. сб.). Все это серьезно осложняет задачи археологов по выявлению следов этнических общностей.

Связанную с примордиальным подходом концепцию «этнических» признаков, т.е. прямое шаблонное отождествление отдельных культурных типов или их деталей с этносом и его границами, нельзя признать теоретически корректной. Информация об этих признаках прямо не относится к этносам, а дает представление о регулярностях, отражающих традиции в сфере материальной культуры. Конечно, «этнографические» черты культуры в определенных исторических ситуациях могут внешне совпадать с этническими

разграничениями и даже использоваться в качестве демонстративных знаков этнической специфики, особенно когда речь идет о границах культурных общностей разного происхождения. Но в большинстве случаев они могут отчетливо проявиться не столько в форме территориальных вариантов материальной культуры, т.е. как расплывчатые комбинации этнографических черт, сколько в негативном плане, как намеренное отторжение в ходе межэтнического взаимодействия инородных элементов культуры либо технологических и иных новшеств, противоречащих сложившимся предпочтениям и традициям. Иными словами, их вероятнее искать путем тщательного анализа ситуаций, связанных с взаимной адаптацией разнородных культурных общностей. Что касается мелких, особенно родственных этнических групп, то надежной техникой их выделения археологи пока не располагают.

Также очевидно, что в ходе синтеза различных данных на первый план выходит широкая и сложная проблема приложения современных гуманитарных теорий или частных концепций какой-либо науки к данным других дисциплин. Об этом следует сказать подробнее, потому что ниже мы неоднократно встретимся с конкретными случаями такого рода, особенно в археологии, которая не имеет собственных надежных средств опознания этнических общностей. Применение общих теорий и гипотез для исследования этнической истории имеет основания, поскольку этносоциальные процессы охватывали различные сферы общества. Изменения в отдельных сферах могли отражаться и в других, что допускает адаптацию частных концепций. Проблема в том, как проявлялись общие и частные регулярности в различных сферах этноса и при каких условиях можно утверждать, что они внутренне присущи конкретным материалам. Широко практикуемые проекции общих регулярностей в конкретные сферы часто некорректны. Из корпуса данных выбирается некоторое количество, внешне как будто подтверждающее регулярность, но остается неясным, присуща ли она этой сфере, особенно если речь идет о гипотезе. М. Скрайвен (Scriven, 1959) отмечал, что приложения исторических «законов» к конкретным данным обычно представляют собой «триуизмы», которые являются, по сути дела, оправданием тех или иных общих

схем. Между тем сами законы являются лишь средством или достаточно условным приемом представления данных, создавая иллюзию их объяснения в исторических дисциплинах (Гарден, 1983, с. 249). Прямые, шаблонные проекции реальных, тем более гипотетических регулярностей вследствие их нивелирующего эффекта приводят не только к существенным упрощениям объяснений и искажениям, но и к ограничению познавательных возможностей конкретной дисциплины. В археологии адаптация таких концепций вполне обычна, а ее последствия неоднозначны.

В российской археологии этногенетическая тематика стала интенсивно разрабатываться после официального остракизма в 1948 г. школы последователей Н. Я. Марра, которые придерживались эволюционно-стадиальной концепции развития культуры. Последующие работы тоже декларировались как марксистские, но внутренние источники, движущие силы и диалектика этносоциальных процессов не попали в фокус исследований. Изучение древностей лесной зоны Европейской России фактически приобрело контуры и методику культурно-исторического подхода, по определению Б. Триггера (Trigger, 1989), сходные с установками его основателя, германского археолога Г. Коссинны. Такой подход на практике сводился преимущественно к систематизации древностей путем выделения территориально-культурных образований различных рангов под негласным знаком общих эмпирико-позитивистских принципов в русле традиций, заложенных главным образом В. А. Городцовым и А. А. Спицыным. Это необходимая и полезная работа, результаты которой постоянно уточняются. Познавательные возможности культурно-исторического подхода для археологии лесной зоны вовсе не исчерпаны. Особенно это касается содержательного анализа культурных типов различных рангов – они выделялись по разным критериям, и разное их понимание отразилось в многочисленных дефинициях (сводку см.: Клейн, 1991).

Археологические культуры лесной зоны Европейской России представлялись как довольно однородные, хотя и развивающиеся формирования. Многие российские археологи, подобно Г. Коссинне, видели в них точные отпечатки этносов и писали компилятивные «Древние истории» регионов, хотя другие подходили к интер-

претации культур гораздо осторожнее (см. дискуссию в СА, 1970, № 2; Клейн, 1978 и др.). Российские этнографы обычно скептически относились к прямой этнической идентификации археологических культур (например: Арутюнов, Хазанов, 1979; Бромлей, 1983, с. 120–122). Впрочем, археологи – сторонники концепции «этнических» признаков, как правило, подробно не анализировали состав, вариативность и изменчивость даже тех категорий материальной культуры, которые они считали этническими индикаторами, в частности керамики, а ограничивались словесным описанием материалов и изложением культурно- и этноисторических гипотез. Это соответствовало господствующей установке, требующей от советской археологии исторических реконструкций (Bulkin et al., 1982). Техника анализа собственных источников не разрабатывалась настолько детально, чтобы, например, надежно опознавать переселения и отличать их от других видов инноваций, а это много значит для реконструкции ключевых событий истории финно-угров. Возник заметный разрыв между «словесными портретами» материалов и реконструкциями, которые скорее были проекциями исторических, этнографических и умозрительных моделей, чем итогом анализа собственных данных. Такое расхождение фактически подрывало археологию как научную дисциплину и было отмечено в критических (Формозов, 1977б) и обзорных (Bulkin et al., 1982) статьях конца советского периода.

Эта коллизия остается актуальной не только для российской археологии. Использование разных общегуманитарных теорий легло в основу исследовательской методики современного постпроцессуального направления в европейской археологии, которое во многом сложилось на волне критики «новой», иначе «процессуальной», археологии. Его лидеры пропагандируют ряд заимствованных теоретических «символов в действии» для объяснения археологических данных (см.: Hodder, 1991; Shanks and Tilley, 1987, 1994; дискуссии в FA, VIII, 1991; XV, 1998 и др.). С одной стороны, антипозитивистские принципы этого идеалистического течения справедливо акцентируют историчность научного знания, активность сознания творцов древней материальной культуры, а также тесную связь с современностью сознания ее исследователей.

Справедлива и критика в адрес «новой» археологии, которая абсолютизировала адаптивный характер поведения людей и их материальной культуры, недооценивая явления, обусловленные устойчивыми традициями в духовной и социальной сферах. С другой стороны, ставка постпроцессуалистов на анализ археологических контекстов, недоверие к сравнительному анализу и регулярностям в материальной культуре, отрицание специальной теории ее познания (middle-range theory), приверженность к заимствованным объяснительным схемам, прямо прилагаемым к археологическим данным, в перспективе чревата утратой статуса научной дисциплины археологией, которая становится источником данных для иллюстрации реальных и мнимых регулярностей духовной и социальной жизни. Анализ материальной культуры отходит на второй план.

Можно констатировать разнообразие и неоднозначные воздействия современных факторов, влияющих на формирование этноисторического знания. Под этим углом зрения, даже в рамках явно тенденциозных версий и концепций, можно найти не только искажения, но и неплохо обоснованные частные наблюдения и объяснения. Среди многообразия версий просматриваются несколько конкретных концепций и контуры общих теорий происхождения финно-угров. По каким критериям следует их оценивать? Основным и решающим критерием оценки можно признать познавательный потенциал концепций, который отчасти определяется по степени их практической реализации в процедурах и результатах анализа данных. Эффективным инструментом является критический анализ дисциплинарных гипотез и сравнение построений в разных дисциплинах. Выявляя причины и источники несовпадений взглядов исследователей, можно получить представление об отношении различных версий и концепций к имеющимся данным и обосновать выбор наиболее перспективных решений. В конечном счете не особенности, тем более крайности современного мышления, а испытанные на практике эвристические возможности теорий и подходов со временем определяют их оценку и перспективы дальнейшей разработки.

Предпочитая традиционалистский подход, я должен сказать, что вряд ли какая-либо современная теория этноса может претен-

довать на статус метатеории, объясняющей все его многообразные проявления, и стать ключом к разработке процедур опознания древних этнических образований по косвенным данным не только в силу многогранности феномена этноса и сложности вопроса о соотношении этнических общностей и материальной культуры, но и по причине разнообразия исторических ситуаций и археологических контекстов. Древние культурные ареалы в лесной зоне содержат археологические «осадки» различных процессов, которые мы попытаемся проанализировать ниже, используя прагматическое отношение к сложившимся теориям – оно может показаться эклектическим, но, по сути дела, это не так. Важны не столько сами теории, сколько позитивные и негативные результаты их практического применения к разнообразным материалам; предпочтительнее оценить, какая из них и в каких аспектах и случаях работает. Некоторые теории лучше прочих анализируют определенные факты, тогда как другие ситуации адекватнее объясняются с помощью иных теорий и подходов.

Ниже речь пойдет не о реконструкции конкретных древних финноязычных этносов, объединенных сознанием общности и различными формами социальной организации, а о проблемах этногенеза – происхождении и изменениях расового облика, языка и материальной культуры древнего населения, по сути дела, о формировании объективных условий, предпосылок и следствий этнических процессов. Акцент будет сделан на переломных моментах в истории материальной культуры и возможности их сопоставления с синхронными явлениями в языковой и расовой сферах, однако сначала нужно рассмотреть конкретные концепции и далее наметить опорные точки и общие контуры методики исследования.

Основные концепции генезиса западных финноязычных народов

В современном отечественном и зарубежном финноугроведении в многочисленных работах лингвистов, археологов, палеоисториков, отчасти антропологов, традиционно доминирует примордиальный подход, пожалуй, исключая Скандинавские страны, где ощущается общее влияние инструментального подхода Ф. Барта и его последователей, включая методику разграничения саамов и

скандинавов железного века – Средневековья (Odner, 1985; Olsen, 1985; Winkler, 1996 и др.; обзор концепций археологов см.: Storli, 1986). Больше того, есть тенденция к крайним решениям, когда эволюционисты пытаются выявить истоки финно-угорских народов даже с эпох верхнего палеолита – мезолита. Наиболее слабыми звеньями подобных построений являются декларативные интерпретации или умолчания, касающиеся трудно объяснимых с эволюционных позиций фактов расовой неоднородности финно-угорских народов, резких изменений материальной культуры в их реконструируемом древнем ареале, а также структурных различий финно-угорских языков. Нужда в ситуационном анализе здесь совершенно очевидна. Его сдерживают сложившиеся исследовательские традиции и поверхностная разработка археологических и иных контекстов, пригодных для реализации методики такого анализа.

В языкознании и археологии долго преобладала восточная, иначе «уральская», миграционная теория происхождения западных финноязычных народов. Она основана на эволюционной модели дерева уральских языков, которая сложилась в финно-угорской лингвистике во второй половине XIX в. в результате их сравнительного изучения. Определялся относительный возраст различных элементов лексики и фонетики, и получил развитие метод «лингвистической палеонтологии», в том числе биогеографии – выявления первоначальных ареалов некоторых древнейших слов, особенно названий животных и растений в уральских языках. В результате финноязычные народы стали рассматриваться как потомки переселенцев из области своей прародины, которая находилась на востоке – по различным версиям от Алтая до среднего Поволжья, где первоначально формировались их языки. Сторонниками восточной теории были и остаются многие лингвисты (см.: ОФУЯЗ, 1974; Казанцев, 1979; Хайду, 1985; Janhunen, 2001). На этой лингвистической модели базируются версии многих археологов. Идею миграции с востока западных финнов в начале I тыс. н.э. поддерживали видные финские археологи И.Р. Аспелин (Aspelin, 1885), А. Хакман (Hackman, 1905), А. М. Талльгрэн (Tallgren, 1937), Э. Кивикоски (Kivikoski, 1961). Общую историческую картину они

представляли, в согласии с климатической схемой М. Блитта – Р. Сернандера, как движение финнов на запад к Балтийскому морю в условиях резкого ухудшения климата по практически обезлюдившей лесной зоне, где кочевали редкие и малочисленные группы саамов (см.: Tallgren, 1937).

Основные версии российских археологов о происхождении европейских финнов обычно не выходили за рамки восточной теории и связывали их переселение на запад с теми или иными культурами каменного века – энеолита (например: Брюсов, 1952; Чернецов, 1963; Третьяков, 1966; Халиков, 1969; Бадер, 1972 и др.). Впрочем, возникали неясности и противоречия, когда некоторые авторы конструировали миграции с востока и одновременно говорили о финно-угорской принадлежности неолитических культур с ямочно-гребенчатой керамикой, генезис которых не имеет отношения к восточным регионам (Брюсов, 1952; Третьяков, 1966). Современные версии восточной гипотезы учитывают новые данные о генезисе древних культур лесной зоны (Косменко, 1993; Напольских, 1997б; Кузьминых, 2001а; Манюхин, 2002), но и в них ключевой вопрос о смене языка «дофинно-угорским» населением в Поволжье и северо-западных регионах является камнем преткновения – мы подробнее коснемся его в дальнейшем.

Восточная миграционная теория со временем не нашла полного подтверждения. Представление о депопуляции лесной зоны из-за ухудшения климата в железном веке оказалось неверным. Древности этого времени были выявлены во второй половине XX в. во всех областях лесной зоны между Уралом и Балтикой. Основным недостатком большинства версий в разных дисциплинах состоит в том, что вопрос об отношениях переселенцев финно-угров с местным населением практически не разрабатывался, кроме антропологов, которые пытались объяснить расовую неоднородность финноязычных народов. Из эволюционной древовидной модели уральских языков логично вытекает идея смены языка в западных регионах финно-угорского ареала, поэтому не предпринимались активные поиски следов субстрата в современных языках. Правда, обсуждался вопрос об оригинальном «нефинно-угорском» слое лексики саамов, но лингвисты высказали самые разные

предположения об его происхождении и принадлежности (см.: Хайду, 1985), которые трудно сопоставить с данными других дисциплин.

Сторонниками восточной гипотезы не был твердо установлен сам факт массового переселения финно-угров на запад. Нехватка материалов и несовершенство техники их сравнительного анализа на пути предполагаемой миграции всегда были главными препятствиями для археологического обоснования разных версий данной концепции. Выказывались сомнения и в точности методов «лингвистической палеонтологии», локализирующих восточную прародину уральцев (Э. Мольнар, Д. Ласло, А. Йоки, А. Парпола и др.). Больше того, расовая пестрота современных финно-угорских популяций противоречит модели дерева уральских языков и представлениям лингвистов и археологов о восточной прародине финнов. У западных финноязычных народов преобладает европеоидный расовый компонент, заставляющий признать как минимум участие местного населения в их формировании.

В древовидной модели уральских языков есть внутренние противоречия. Так, феномен «финского холодильника» – наличие архаичных элементов в прибалтийско-финских и саамских языках – четко не вписывается в восточную теорию их происхождения. М. Корхонен (Korhonen, 1996) попытался объяснить сохранение этих элементов на крайнем западе ареала посредством теории представителя итальянской «неолингвистики» М. Бартоли. В основе теории находится постулат, согласно которому архаичные формы в периферийных областях языкового ареала сохраняются чаще и полнее, чем во внутренних, однако неясно, насколько универсальна эта теория и к каким частям периферии ареалов она применима. М. Корхонен верно заметил, что консервация архаичных форм на периферии вряд ли является общим правилом для всех языков и пришел к выводу о необходимости более широкого анализа, потому что ограничение только финно-угорскими языками может привести к неверным выводам. В результате объяснение М. Корхонена не описывает исторический генезис «финского холодильника» в сравнении с другими периферийными уральскими языками.

Впрочем, вопрос об архаичности некоторых элементов западных финно-угорских языков однозначно не решен и сводится к определению относительной древности системы гласных звуков в различных языках уральской семьи. По мнению В. Штейница (Steinitz, 1944), самую архаичную систему гласных сохранили восточные – горномарийский и хантыйский языки. Выводы В. Штейница оспорили Э. Итконен (Itkonen, 1953–1954) и другие лингвисты, которые считают, опираясь на древние индоиранские и германские заимствования, что наиболее архаичны системы гласных в западных – финском и саамском – языках. П. Хайду (1985) полагает, что отправные позиции обеих сторон в этой дискуссии произвольны, поскольку сомнительны критерии определения относительного возраста при реконструкции вокализма. Отсюда произвольность выбора эталонных языков. Тем не менее П. Хайду склонился к теории В. Штейница, которая базируется на изучении далеких друг от друга языков и является более универсальным инструментом описания финно-угорского вокализма, чем метод Э. Итконена. Эта дискуссия показывает, что относительная хронология финно-угорских языков на основе анализа их фонетики нуждается в дополнительном обосновании и не обязательно с позиций древовидной эволюционной модели.

Между тем восточная концепция не беспочвенна. Лингвисты давно описали черты сходства лексики финно-угорских языков, которые вряд ли возможно объяснить как пережиток общечеловеческого языкового наследия. Еще в 1930-х гг. были обобщены сведения об элементах древней культуры восточного происхождения в Фенноскандии (Tallgren, 1937), а во второй половине XX в. их количество и состав значительно пополнились в результате работ российских, финских и скандинавских археологов. Заметный, но не преобладающий восточный компонент выявлен среди отцовских генов современных саамов и балтийских финнов (Zerjal et al., 1997; Willems et al., 1998), в распределении групп крови у финнов (Nevanlinna, 1991) и в дерматоглифике западных этносов – мало у балтийских финнов и гораздо больше у саамов (Хить, Долинова, 2000). Можно заключить, что в расовом облике западных финноязычных популяций и в древней материальной культуре бесспорно

имеется компонент восточного происхождения, но абстрактная модель языкового дерева и общей восточной прародины финнов серьезно противоречит данным антропологии и археологии.

Довольно расплывчатая «западная» автохтонная теория генезиса финноязычных народов объединяет лингвистов – сторонников прародины финнов в ареале от Урала до Балтики (Аристэ, 1956; Itkonen, 1960; Joki, 1973 и др.) и авторов новых, нетрадиционных моделей формирования уральских языков в образном виде «мангрового дерева», «куста», «зубцов гребня» или «цепи прародин» (Sammalahti, 1989; Makkay, 1990, 1997; Künnap, 1997; Пустай, 1994; Wiik, 1997; Pusztay, 1997, 1998; Salminen, 1998). Общей основой этих схем является «контактная» теория формирования языков с тенденцией рассматривать их как изменяющиеся во времени автохтонные образования. В индоевропеистике эту теорию активно развивал Н. С. Трубецкой, в финноугроведении ее поддерживал Д. В. Бубрих. Б. А. Серебренников (1967, 1977) тоже склонялся к западной концепции, констатируя структурные различия пермских и более западных финских языков, которые он приводил как иллюстрацию «языковых волн» И. Шмидта – раннего варианта контактной теории. С этими схемами перекликаются взгляды тех российских антропологов, согласно которым в каменном веке между Уралом и Балтикой сложилась североевропейская реликтовая, иначе лапоноидная или «уральская», раса – основа расового облика европейских финно-угров. Представление о ней базируется на синтезе архаичных черт современных популяций; а также на довольно скудных антропологических данных о древнем населении лесной зоны Северной Европы (Бунак, 1956; 1974; Гохман, 1986; Давыдова, 1979, 1997; Зубов, 1982; Kosintsev, 1991; Zolotareva, 1991, Аксянова, 2003 и др.). Эволюционистские взгляды археологов, сторонников западной теории, вторичны. В соответствии с идеей эволюции местных языков они обычно декларируют этноязыковую преемственность при резких изменениях материальной культуры.

В рамках западной теории различаются две основные концепции генезиса западных финноязычных народов: балтийская и волго-окская. С 1960-х гг. среди европейских, особенно финских, исследователей усилилось влияние гипотезы балтийского, в

конечном счете западноевропейского происхождения этих народов. Ее основы в начале XX в. заложил Г. Коссинна (Kossinna, 1909, 1928), который большое внимание уделил расовому облику древнего населения Западной Европы. По его версии, протофинны – это потомки населения приледниковой зоны эпохи верхнего палеолита, которое позднее продвинулось в освободившуюся от ледника Скандинавию и восточные регионы и там образовало «арктическую» культуру с петроглифами, костяными и сланцевыми орудиями, ямочно-гребенчатой, позднее «рогожной» керамикой. К концу неолита были колонизованы Финляндия, бассейны Ладоги, Онежского озера и Поволжье. Расовую неоднородность финно-угров, которые в ходе расселения на восток достигли Восточной Сибири и даже северной Японии, он объяснял смешением с местным населением (Kossinna, 1909). В Западной Европе примерно с 6000 лет до н.э. широколицые протофинны смешались с длинноголовыми индоевропейскими, «нордическими» популяциями, которые формировались в ареале культуры раковинных куч на юго-западном побережье Балтики. В контактной зоне на юге Балтики и Скандинавии сначала сложились финно-индогерманцы, а около 2000 лет до н.э., после ряда исторических перипетий, на смешанной расовой основе здесь сформировались германцы. Общей прародиной индоевропейских и финно-угорских языков он считал территорию Франции, а следы древнего финно-индогерманского языка усматривал в фонетике немецкого языка (Kossinna, 1928).

Современные версии балтийской концепции развивают основные идеи Г. Коссинны, но не комментируют идею миграции протофиннов в Азию. Они ориентированы на выявление европейских корней балтийских финнов и саамов и базируются на данных популяционной генетики, антропологии и лингвистики по современным народам, которые проецируются с различными поправками в каменный век. Генетические исследования показали, что у скандинавов, собственно финнов, в меньшей степени саамов, преобладают общие для европейских популяций частоты материнских генов (Guglielmino et al., 1990), а краниометрические индексы финнов гораздо ближе кроманьонцам верхнего палеолита, чем другим евро-

пейским народам (Niskanen, 1997, 1998). Продолжено изучение заимствованной индоевропейской лексики в уральских языках (Koivulehto, 1991, 2001) и сделаны новые попытки выделить следы влияния западных субстратных, «уральских» языков на германские языки в сфере фонетики, но не лексики. Данную ситуацию объясняют так, что северные индоевропейские пионеры-земледельцы, в силу своего более высокого культурного статуса, не заимствовали слова из финно-угорских языков, но восприняли некоторые их фонетические особенности (Künnap, 1997). Германская ветвь языков в целом характеризуется как результат внедрения протоиндоевропейцев в ареал протоуральцев со времени перехода от мезолита к неолиту (Strade, 1995, 1998), а протогерманский язык – как диалект индоевропейского протоязыка с уральским/финно-угорским акцентом в произношении (Wiik, 1997).

Привлекают и археологические материалы, объясняемые с позиций гипотезы балтийского происхождения прибалтийских финнов и саамов. Конечная ретроспектива проекций современного расового и языкового состояния этих этносов в древность неизбежно приводит археологов к предположению о протоурало- или финноязычности носителей культур финального палеолита – мезолита в бассейне Балтики и Фенноскандии (Laszlo, 1963; Панкрушев, 1978,1; Шумкин, 1990; Dolukhanov, 1998; Nuñez, 1987, 1998; Strade, 1995, 1998 и др.). Создатели более поздних культурных типов автоматически признаются финноязычными. Утверждается «непрерывность» заселения этих регионов, ассоциируемая с этноязыковой и расовой преемственностью – отсюда заметное невнимание к содержанию серии последующих изменений в материальной культуре лесной зоны, кроме отношений с индоевропейскими культурами, которые привнесли на Север Европы земледелие и животноводство.

Общая этноисторическая картина у современных сторонников балтийской концепции выглядит следующим образом (например: Julku, 1997). В верхнем палеолите уральцы, или протофинно-угры, обитали в приледниковой зоне, ограниченной реками Рейном на западе, Дунаем и северным Причерноморьем на юге, Печорой на востоке, а после окончания ледникового периода они заняли

практически всю Северную Европу. Примерно с 6000 лет до н.э. в Европе начало распространяться земледелие и животноводство из Малой Азии, и в ходе этого процесса индоевропейские языки вследствие культурного превосходства и многочисленности их носителей приобрели статус *lingua franca* (межэтнического языка). Продвигаясь на север, индоевропейские земледельцы ассимилировали охотников финно-угров, от которых остались субстратные элементы в германских и балто-славянских языках. Лишь в лесной зоне, на северной окраине прежнего ареала, финно-угры сохранили свои языки, но под сильным индоевропейским влиянием.

Здесь нет нужды подробно комментировать эту картину, которая близка высказываниям Г. Коссинны. Последовательное продвижение индоевропейцев на север вполне очевидно, но урало/финноязычность создателей западноевропейских древностей каменного века обоснована ничуть не прочнее восточной теории их генезиса. Согласно другой точке зрения прибалтийско-финским и саамским языкам предшествовал не уралоязычный, но точно не определенный языковой субстрат, возможно эпохи мезолита, который оставил ранний слой в их фонетике и лексике, а также в топонимии (Leskinen, 1989).

Не вполне ясными остаются механизмы и результаты адаптации древних индоевропейцев к природной и культурной среде Северной Европы, в частности, влияние на них форм приспособления местных популяций. При достаточно развитом животноводстве нет прямых данных о земледелии в поволжских культурах индоевропейцев раннего бронзового века с шнуровой керамикой и боевыми топорами (Крайнов, Лозе, 1987); нет их в культуре шнуровой керамики и гибридной культуре киукайнен в Финляндии (Mätiskäinen, 1998). Применение к раннему бронзовому веку модели экологической адаптации средневековых финнов, расселившихся на север, в область обитания саамов (см.: Julku, 1997), не вполне адекватно, так как известны более или менее синхронные процессы адаптации иноязычных германцев и славян на Севере Европы. Показательно, что земледелие у северных финнов находится на последнем месте по значимости в списке источников пищевых ресурсов – тем более не следует преувеличивать роль менее развитых

его форм в древних индоевропейских культурах южной части лесной зоны.

Балтийская гипотеза основана по крайней мере на антропологических фактах и отражает укрепившееся недоверие к модели дерева уральских языков и восточной прародине западных финнов. В ряде работ есть новые данные, ценные наблюдения и перспективные предположения, касающиеся взаимоотношений между этносами, их языками и культурами. Данная концепция во многом следует по пути эволюционной теории этногенеза, господствовавшей в 1930–1940-х гг. в советской науке, с той разницей, что последователи Н. Я. Марра декларативно объясняли крупные этноисторические изменения с позиций упрощенного марксизма как прямое следствие радикальных социально-экономических перемен, движущими силами которых были внутренние противоречия в обществе. Впрочем, они справедливо подчеркивали факты взаимной адаптации разнородных, в частности, финноязычных и славяно-русского этносов в России, как это доказывал С. П. Толстов (1930) в дискуссии с Д. К. Зелениным (1929). Сторонники балтийской гипотезы концентрируют внимание на контактах и взаимной адаптации этносов.

Эта концепция обладает заметными недостатками, прежде всего обилием малообоснованных предположений, не воплощенных в развитую технику анализа и синтеза данных. Идея состоит в том, чтобы обозреть Европу с высоты орлиного полета, когда детали становятся нечеткими, а общие процессы – различимыми (Nuñez, 1998). Однако гиперавтохтонные этногенетические суждения остаются не более чем предположениями, точнее, проекциями общих моделей, ограниченных концептуальными и региональными рамками. Балтийская концепция столь же умозрительна, как и восточная теория происхождения финноязычных народов. С позиций западноевропейского происхождения уральцев/финно-угров неясными остаются общие причины сходства уральских языков. В историческом плане неубедительно возводить их только к предполагаемой общей европейской основе. Столь же неясно, насколько точно заимствованные германцами фонетические элементы, без соответствующей лексики, позволяют опознавать субстратные,

доиндоевропейские языки на западе Европы как уральские. Во всяком случае, некоторые лингвисты подвергли обоснованному сомнению наличие прагерманских заимствований в западных финно-угорских языках (см.: Напольских, 2004). В этой модели непонятны исторические условия появления в западных финских языках древнейших лексических заимствований из восточных индоевропейских языков (см.: Redei, 1983), и традиционно слабым звеном палеолингвистических реконструкций является их абсолютная хронология.

Неполно реконструируется расогенез носителей этих языков. Расовая пестрота уральцев общеизвестна, но историческая динамика расогенетических изменений у западных финноязычных популяций тоже неясна. Современные балтийские финны и саамы находятся в очень широких рамках материнского генетического наследия финно-угорских и индоевропейских народов (Willems et al., 1998). Антропологические данные о людях каменного века в восточной части бассейна Балтики небогаты и изобилуют пробелами, а для ключевых периодов бронзового – железного веков практически отсутствуют (см.: Kosintsev, 1991; Niskanen, 1998). Отсюда понятна зыбкость предположений о времени и месте возникновения ряда элементов физического и генетического облика современных финноязычных народов, которые важны для реконструкции исторической динамики их расовых контактов с индоевропейскими популяциями в особенности друг с другом.

Вопросы вызывает и методика этногенетических реконструкций, недостатки которой наиболее заметны в версиях последовательных эволюционистов. Ей в полной мере свойствен комплекс проблем, возникающих при использовании метода «пережитков». Метод основан Фукидидом (I, 1–20) и применяется в разного рода исторических разысканиях почти 2,5 тыс. лет, но он корректен лишь при наличии достаточной суммы данных о прошлом современных явлений и соблюдении ряда ограничительных условий и оговорок при сравнении современных и древних материалов. При нехватке сведений об исторической глубине расовых, особенно языковых, признаков этноса прямые проекции современных черт в глубокую древность неизбежно приводят к умозрительным

автохтонным схемам этногенеза «от Адама», имеющим неопределенное отношение к исторической реальности. Таковы эволюционные построения ряда лингвистов, археологов и историков, разгоревших ареалы предков носителей современных языков с эпох палеолита – мезолита (см.: IEM, 1997, RPNE, 1998). Отдельные расовые и культурные черты они фактически принимают за этнические индикаторы. Время древних языковых состояний лингвисты часто определяют согласно представлениям археологов о принадлежности и хронологии культурных типов. В свою очередь, объяснения изменений в культуре, зачастую минуя ее анализ, сводятся многими археологами к простой проекции общих моделей социальных и языковых процессов – притоков родственного населения, этнической диффузии и ныне популярных моделей смены родного языка на язык межэтнического общения или двуязычия с господствующей иноязычной этносоциальной прослойкой. Основным недостатком балтийской концепции в археологии является, пожалуй, отсутствие развитой техники анализа процессов смены культурных типов. Взаимная адаптация инородных моделей рождает порочный круг доводов.

В результате основанием балтийской гипотезы можно признать негативный, но реальный и важный факт отсутствия доминирующего комплекса черт восточного происхождения и у современных западных финноязычных народов, и на протяжении всего периода древней истории в Прибалтике и Фенноскандии. Однако западноевропейское происхождение языков балтийских финнов и саамов относится к области предположений, а историческая динамика их расового сложения недостаточно ясна, несмотря на европейские черты современных популяций. В конечном счете остается неясным, где, когда и как сформировалось сходство финских языков и является ли оно реликтом их бывшего общего состояния.

Другой разработанный вариант западной теории базируется на идее первоначального формирования протофинской общности в центре Русской равнины. В 1950-е гг. в Эстонии и Финляндии сложилась «волго-окская» миграционная гипотеза, которая восходит к взглядам финского археолога Ю. Айлио (Ailio, 1922) и основана на представлении лингвистов о близком родстве волжских и западных

финских языков. Появление носителей протофинского языка в Прибалтике и Фенноскандии ее сторонники связывают с распространением в неолите культуры с ямочно-гребенчатой керамикой из Волго-Окского междуречья, а последующие изменения материальной культуры обычно объясняют как результат ее эволюции (Аристэ, 1956; Моора, 1956; Moora, 1958; Яните, 1956; Meinander, 1973; Мейнандер, 1982; Leskinen, 1989; Sammalahiti, 1989; Carpelan, 2000, 2001a; Carpelan and Parpola, 2001). Эта концепция прочнее адаптирована к данным лингвистики и теоретически устраняет серьезный пробел балтийской концепции, четко не объясняющей близкое родство западных и волжских финских языков. Однако эволюционистская логика западной теории побуждает сторонников волго-окской концепции искать истоки финской общности в предшествующих культурах, поскольку эти языки складывались на какой-то более древней основе. Поэтому допускается урало/финноязычность круга мезолитических постсвидерских культур балтийского происхождения (Carpelan, 2000, 2001a). В этой версии волго-окская гипотеза смыкается с балтийской и фактически поворачивает в ее русло.

В работах многих российских археологов второй половины XX в. содержатся высказывания о финно-угорской принадлежности поволжских и северных древностей эпохи неолита. В гиперавтохтонной версии даже заявлено, что уральское единство должно уходить в глубь палеолита на десятки тысяч лет, а «реальная социальная общность» прафиннов могла существовать задолго до освоения людьми приледниковой зоны (Сидоров, 1987, 2000). Нет нужды комментировать эти высказывания, представляющие собой упрощенную проекцию эволюционной модели этногенеза в эпоху палеолита. Авторы обобщающих работ о неолите лесной зоны Европейской России считали, что древности с ямочно-гребенчатой посудой принадлежали финно-уграм (Брюсов, 1952) или являлись одним из компонентов при сложении финских народов (Гурина, 1970, 1973), но генезис культур данного круга они детально не анализировали. Эти мнения не противоречат волго-окской гипотезе и в целом западной теории. В компилятивных работах об этногенезе балтийских финнов вслед за эстонскими археологами утверждается,

что древности эпохи неолита с гребенчато-ямочной посудой принадлежали «первым финно-уграм», но сложение волжско-балтийско-финской общности произошло лишь в процессе формирования культуры бронзового века с сетчатой («текстильной») керамикой (Седов, 1990, 1997). Вслед за А. А. Спицыным (1903) многие российские археологи придерживаются мнения о финской принадлежности поволжской сетчатой керамики и более поздних, городецких и дьяковских, древностей железного века. Недавние исследования подтвердили наличие связанного с ямочно-гребенчатой керамикой пережиточного компонента в культуре сетчатой керамики бронзового века верхнего Поволжья (Воронин, 1998) и северо-западных областей России (Косменко, 1993; Маннохин, 2002). Однако возникает логичный, но безответный вопрос: если речь идет о финно-уграх, то какое отношение имеют эти культурные общности западного происхождения к этногенезу восточных, пермских финнов, тем более угров?

Изъяны волго-окской гипотезы достаточно очевидны. Прежде всего это нечеткая постановка проблемы опознания древнейших финно-угров, свойственная западной концепции с ее поисками финноязычной общности в глубокой древности по местной эволюционной схеме. Конечно, вопрос о финнах эпох палеолита – мезолита в центральной России вряд ли может быть темой для предметного обсуждения, но само представление о «первых» финно-уграх отличается крайней неопределенностью. Истоки отдельных элементов их расового облика, языков и культуры действительно могут уходить в глубокую древность, но не обязательно должны иметь единую основу. Поэтому необходимо обозначать критерии выделения финно-угорской общности в археологических и иных материалах. Под этим углом зрения можно признать точной лишь постановку вопроса о времени сложения и ареале финно-угорской или хотя бы финской языковой общности, заранее не ограничивая ее жесткими спекулятивными моделями и не ассоциируя с отдельными признаками в материальной культуре и других сферах. Нужно анализировать процессы формирования культурных ареалов и их содержание. Такая постановка вопроса не исключает, а стимулирует изучение генезиса всех компонентов в разных регионах с

целью выяснения их истоков, степени различия и сходства, в отличие от предвзятых концепций финно-угорской принадлежности каких-либо типов древностей каменного века.

Конкретно, волго-окская гипотеза не объясняет сходство финно-угорских языков и наличие восточных расовых элементов у современных западных этносов, потому что ни генезис исходных древностей с ямочно-гребенчатой керамикой, ни происхождение культуры сетчатой керамики совершенно не связаны с Камско-Уральским регионом. Кроме того, переселение из Поволжья на север в неолите – это вовсе не очевидный факт. Идея А. Я. Брюсова (1952) и его последователей о движении избыточного населения Волго-Окского междуречья на север представляет собой не более чем приложение классической модели миграции и основана лишь на общем сходстве ямочно-гребенчатой посуды обоих регионов. Детальное сравнение ямочно-гребенчатой керамики Поволжья и северной части ареала сторонники волго-окской гипотезы не проводили и не выделили признаки, бесспорно свидетельствующие о распространении данной культуры именно в северном и северо-западном направлениях.

В новой обзорной версии (Carpelan and Parpola, 2001) сделана попытка широкой корреляции древних культур и языков от Балтики до Алтая. Волго-Окское междуречье признается регионом, который периодически генерировал избыточное население. Оттуда якобы семикратно, от мезолита до железного века, распространялись «волны влияния» на север и порождали изменения в материальной культуре. Кроме того, спорные вопросы генезиса культур Поволжья и Восточной Фенноскандии в этой работе освещены очень выборочно, а отсылки к суждениям археологов и лингвистов сделаны по свойственному компиляциям принципу «наибольшего доверия» – нетрудно догадаться, что он эксклюзивно работает в пользу данной версии волго-окской гипотезы. Финно-угорская принадлежность локальных культур определяется путем простого совмещения их хронологической колонки с древовидной схемой лексико-фонетического развития уральских языков, а также индоевропейскими заимствованиями, колонка которых искусственно растягивается во времени.

Исходным звеном этой этноисторической картины является начало уральско-индоевропейских контактов. Предполагается, что древнейшие протоарийские слова «пчела» *mekše и «мед» *mete были заимствованы протофинно-уграми лесной зоны Европейской России вместе со словами «горшок» *pata и «вода» *wete около 6000 лет до н.э., потому что якобы именно тогда они в Поволжье научились у протоарийцев технике изготовления глиняной посуды, а вместе с ней медовой браги или пива (Carpelan and Parpola, 2001). Трудно обсуждать столь умозрительный сценарий древнейших индоевропейских заимствований в уральских языках и культурах мезолита – раннего неолита. По мнению некоторых лингвистов, эти и ряд иных слов не являются собственно протоарийскими и находят параллели в других языковых семьях (Напольских, 1997б). Во всяком случае, древнейшим протофинноязычным населением в Карелии и Финляндии тогда следовало бы признать не носителей культуры с ямочно-гребенчатой посудой, а с самой древней керамикой сперрингс, которая в последнее время считается в Карелии инородной культурой поволжского происхождения (Витенкова, 1996а). В результате исторические условия появления древнейших протоарийских заимствований в западных финских языках волго-окская гипотеза определяет чисто гипотетически и довольно предвзято. Вместе с тем А. Парпола (Parpola, 1999) полагает, что большинство арийских, точнее, иранских заимствований появилось в западных финских языках вместе с культурой сетчатой («текстильной») керамики бронзового века, что весьма вероятно.

Заметим, что вряд ли можно сомневаться в поволжском происхождении, например, культуры сетчатой керамики ряда областей Восточной Фенноскандии (см.: Косменко, 1993), но взгляды российских археологов на генезис других культурных типов радикально расходятся. Так, постулированное А. Я. Брюсовым (1952) волго-окское происхождение ямочно-гребенчатой керамики Северной России в последнее время небезосновательно оспорено в пользу гипотезы о ее местном сложении (Крайнов, 1991; Лобанова, 1996а). Оспорена гипотеза о поволжских, «волосовских» истоках культуры позднего энеолита Карелии (Панкрушев, 1978, 1). Нет

единого мнения о путях первоначального заселения края в мезолите, и совсем нет оснований говорить о каких-либо формах прямого участия культур Волго-Окского междуречья в сложении древностей железного века Карелии (Косменко, 1992, 1993). В результате оказывается, что в волго-окской концепции не преодолены обычные недостатки и миграционной, и эволюционной концепций – слабое обоснование исходной миграции и неясность содержания процессов генезиса и смены культурных типов.

Итак, волго-окская гипотеза не решает проблему опознания протофинского этноязыкового ареала в древней культуре. Тем не менее разработки в этом направлении показали, что поволжские древности эпохи неолита с ямочно-гребенчатой и особенно бронзового века с сетчатой керамикой имеют реальное отношение к генезису культуры западных финноязычных этносов.

Существует и теория гибридного происхождения финноязычных народов. Она предполагает минимум два разнородных компонента, на основе которых сформировались эти этносы, и снимает ряд противоречий, свойственных моноцентрическим гипотезам. Однако данная концепция слабо разработана. Она распространена преимущественно среди антропологов в виде теории метисации, согласно которой расовый облик финно-угров на Севере Европы сложился в древности как результат скрещивания европеоидов и монголоидов (Дебец, 1961; Денисова, 1997; Алексеев, 1969, 1974а; Марк, 1974; Беневоленская, 1984 и др.). Неравномерное распределение и общее ослабление «монголоидности» финно-угров по направлению к западной периферии их ареала служит доводом в пользу этой гипотезы. Проблема заключается в том, что непросто разделить собственно монголоидные черты, привнесенные восточными иммигрантами, и отчасти сходные краниологические признаки субстратного населения каменного века в лесной зоне. О конкретных компонентах, хронологии и исторической динамике этого смешения нет четких представлений главным образом из-за нехватки древних материалов из западных регионов и слабой разработки методики ситуационного анализа. По В.П. Алексееву (1969), заметное усиление монголоидности населения лесной зоны Европейской России произошло в раннем железном веке, когда в

Прикамье сложилась ананьинская культура. Однако давно существует археологически ничем не подтвержденное мнение, что монголоидный компонент появился на западе еще в эпоху мезолита, в частности в Оленеостровском могильнике (Жиров, 1940; Герасимов, 1955; Дебец, 1961; Беневоленская, 1984 и др.). Хотя антропологические типы обычно не распространяются без культуры и языка (Дебец и др., 1952), но лингвистами, в меньшей мере археологами концепция гибридизации разрабатывалась недостаточно и ее познавательные возможности слабо реализованы в этих дисциплинах. В целом она перекликается с полицентрическими моделями сложения уральских языков.

Факт существенного различия морфологии пермских и более западных финских языков (Серебренников, 1977) выводит принципиальное решение вопроса на пути полицентрической концепции сложения финноязычных этносов. Эта модель более адекватно сопрягается с процессами в материальной культуре, чем схема языкового дерева. Такого рода структурные различия с большим основанием можно определять как генетические, нежели дивергентные. Я. Пустаи (1994) шире рассматривает языковую картину. Отрицая существование общего языка-основы, он выделяет восточный и западный центры сложения морфосинтаксиса уральских языков. К западному центру он относит финские языки, к восточному – угорские и самодийские, а также мордовский язык. Однако нет веских оснований разделять гипотезу Я. Пустаи (Pusztay, 1998) о возникновении этих различий при первоначальном заселении, т.е. проецировать современную языковую карту в столь глубокую древность. В ареале финно-угорских языков неоднократно происходили изменения, по крайней мере в материальной культуре, которые подлежат объяснению и в этноязыковом отношении.

Структурные различия вряд ли могли быстро возникнуть в результате дробления языков. Проблемой, скорее, является сходство лексики финно-угорских языков, которое, вероятнее всего, могло сложиться в ходе взаимной адаптации разнородных этносов. Более ясная ситуация складывается в археологии: местные культуры западной части лесной зоны Европейской России, включая Карелию, в раннем железном веке были в разной степени интегрированы

камской ананьинской культурой (см. ниже). Полицентрическая концепция первоначального сложения с последующей интеграцией камско-уральским этническим компонентом, на мой взгляд, наиболее перспективна для дальнейшей разработки и не противоречит современному состоянию знаний об этногенезе европейских финноязычных народов.

Ключевые пункты методики исследования

Как видно, все основные концепции опираются на факты, но в силу односторонности подхода и/или недостатка материалов и исследований адекватно не описывают этноисторические изменения у предков западных финноязычных народов. В данной ситуации необходимо определить ограничения, общие ориентиры и опорные факты. Нужно иметь в виду, что ни один из объективных компонентов этноса не имеет абсолютного значения как этногенетический критерий. Можно лишь выбрать условный общий индикатор этносов, в качестве которого обычно принимается язык, но историческая динамика изменений разных компонентов может не совпадать, а язык и культура могут заимствоваться. Поэтому нельзя безоговорочно проецировать в другие сферы регулярности, выявленные в какой-либо одной сфере. Различен и доступный для реконструкции хронологический диапазон основных компонентов. Сравнительный анализ выборки среди различных народов мира, проведенный В. П. Алексеевым (1977), показывает, что антропологические данные обычно пригодны для освещения ситуации с каменного – бронзового веков, лингвистика дает максимум сведений об языковых различиях в железном веке – Средневековье, а этногенетические предания, как правило, не древнее Средневековья. Разумеется, эти ограничительные вехи не нормативны, но могут служить ориентирами при проведении и оценке этноисторических исследований в соответствующих дисциплинах.

Синтетический подход можно представить как способ описания этносов в виде изменчивых систем с нежесткими, во многом неясными функциональными связями между элементами и с еще менее детерминированными внешними контактами. Основными приемами анализа в его рамках являются: сопоставление разнородной

информации крупными блоками, поиск и перекрестное сравнение явлений, обусловленных сходными причинами, сосредоточение на узловых событиях этнической истории и их отражения в разных источниках, выделение серии опорных фактов (Клейн, 1988). Сюда нужно добавить разработку аналитических процедур для получения данных, позволяющих сделать наиболее вероятные модели при данном состоянии знаний. Такие процедуры должны быть ориентированы на систематическое описание конкретных контекстов и отражать пространственно-временные изменения в различных сферах этноса. Это в полной мере относится и к археологическим материалам.

Археология датирует изменения в культуре, но не располагает надежными средствами опознания языковых и расовых общностей. Сравнение данных археологии и других дисциплин в принципе возможно, но не на уровне прямого сопоставления конкретных систематизированных материалов. Надежнее сравнивать основные черты и динамику процессов в разных сферах этноса, особенно в переломные периоды истории, чтобы проследить, насколько они совпадают. Это высший уровень сопоставления результатов описательного анализа, далее речь может идти о сравнении представлений исследователей. Отсюда вытекает сложная задача – описание процессов формирования обширных культурных ареалов каменного – железного веков в лесной зоне Европейской России. В содержательном аспекте основной проблемой является объяснение изменчивости культуры, особенно смены археологических культурных типов во времени. Решению обеих задач препятствует нехватка конкретных разработок, которая негативно сказывается на качестве сравнительного анализа древностей Карелии и других регионов. Поэтому культурные типы Карелии следует, по мере возможности, рассмотреть на фоне обширных культурных ареалов и определить, насколько они вписываются в общие контуры процессов в древней культуре лесной зоны, а также обсудить проблемы их интерпретации.

При анализе вопросов этнической истории в конкретном регионе нужно учитывать его географическое положение в пределах языкового ареала. Карелия находится в тыльной, а не в

маргинальной части ареала западных финноязычных народов. Можно утверждать, что здесь нет следов прямых регулярных контактов с древними индоевропейскими культурами Поволжья и бассейна Балтики и лучше сохранились традиционные элементы. Здесь можно проще и надежнее определить исходные финно-саамские древности, чем в периферийных западных и южных областях. На периферии облик культуры значительно изменялся в результате связей с иноязычными соседями, и процессы в древней культуре этих зон требуют особо тщательной техники анализа. Там происходили значимые процессы этнокультурной адаптации финно-угров, но мы будем их касаться лишь по мере необходимости. Отсюда ясно, что анализ пространственной изменчивости археологических материалов является очень важным аспектом исследования. Именно он позволяет надежнее сгруппировать признаки, определить тенденции и описать изменения материальной культуры в рамках крупных культурных ареалов лесной зоны.

Опорным пунктом при решении проблемы исходных западных финно-саамских древностей может служить факт отсутствия следов разновременных финно-угорских языков самостоятельного восточного происхождения и в современных языках, и в неплохо сохранившейся на Северо-Западе России дорусской топонимии. С предками носителей современных финно-угорских языков здесь определенно можно связывать только самый поздний пласт культуры с общими элементами восточного происхождения, независимо от генезиса более древних пластов, при условии, что между ними нет явной преемственности. Именно этот пласт может отражать становление финно-угорской или финской общности.

Изменялись все компоненты древних этносов, и особенно изменчива материальная культура. Локальные культурные типы представляют собой сложные комбинации элементов, изменения которых вызывали разные причины и конкретные факторы. В общем, эти факторы и соответственно элементы культуры можно схематически разделить на три группы. Такое членение предлагал Л. Бинфорд (Binford, 1965, p. 206–209), и оно вполне отвечает общим целям причинного анализа.

Во-первых, это относительно устойчивые сочетания «традиционных» элементов, прямо не связанных с функциями изделий, в том числе орнаментика на лепной посуде и иных вещах местного производства, а также стилистика деталей формы изделий. Изменения этих элементов и их комбинаций определяли преимущественно факторы внутреннего, а не внешнего характера, поэтому они наиболее пригодны для изучения генезиса локальных культур и древних переселений. Во вторую группу объединены элементы, отражающие различные формы этнической адаптации, – смешение, заимствования, торговый обмен с соседними и субстратными этносами. Они ценны в ряде отношений, в частности, как средство корреляции с подобными явлениями в других сферах конкретного этноса. Есть и третья группа элементов, подверженных приспособлению к особенностям местной природной среды. Это геотопографическое размещение археологических памятников, использование местных видов сырья, некоторые черты хозяйства, образа жизни и быта. Экологическая адаптация разнородных культурных типов протекала индивидуально, но в общем нивелировала их внешний облик, формируя сходные черты и нередко создавая иллюзию культурной и этнической преемственности.

Преобладание изменений в какой-либо группе элементов косвенно указывает на основные факторы, которые приводили к смене культурных типов, но группы резко не разграничены. Местная «окраска» инородных элементов иногда возникала вследствие диффузии или заимствования субстратных традиций использования природной среды, т.е. культурной адаптации. Встречаются заимствования инородных традиционных элементов, свойственных культуре-«донору». Некоторые адаптированные элементы чужой культуры становились традиционным предметом местного производства, и со временем их облик изменялся, образуя местные вариации. Анализ древностей Карелии с этих позиций позволяет точнее охарактеризовать содержание процессов генезиса и смены культурных типов.

Происхождение, смена и этническая принадлежность культур бронзового века – раннего Средневековья в Карелии

В Карелии выделяются минимум восемь основных хронологических пластов культуры охотничье-рыболовецкого населения, сменившихся от эпохи мезолита до раннего Средневековья (АК, 1996). Древности первонасельников края представлены культурой эпохи мезолита с постсвидерскими элементами. Далее следуют сменившие друг друга два культурных типа эпохи неолита с керамикой сперрингс – сярэйсьниemi 1 и ямочно-гребенчатой. В позднем неолите – раннем энеолите их сменил пласт синхронных культур с гребенчато-ямочной и ромбоямочной посудой. В позднем энеолите сформировалась культура с керамикой «классического» типа, содержащей примесь асбеста или органики, она относится к пласту восточноевропейских культур волосовско-гаринского круга.

Формирование этих пяти культурных пластов каменного века – энеолита в лесной зоне между Уралом и Балтикой изучено по-разному, но неполно, что отражает широкий спектр гипотез об их происхождении (см. ст. В. Ф. Филатовой, Н. В. Лобановой, И. Ф. Витенковой в наст. сб.). Надежно не установлена и этноязыковая принадлежность основных культурных типов. Некоторые археологи предполагали приуральские истоки древнейшей культуры эпохи мезолита (Брюсов, 1952), приписывая ее прото-саамам (Панкрушев, 1978, ч. 1), зауральское происхождение и финно-угорскую принадлежность неолитической культуры сперрингс (Янитс, 1956; Гурина, 1961; Чернецов, 1963; Третьяков, 1966) и культуры гребенчато-ямочной керамики (Третьяков В. П., 1972), волго-камские истоки пласта волосовско-гаринских культур периода энеолита (Третьяков, 1966; Халиков, 1969; Бадер, 1972; Панкрушев, 1975).

Не вдаваясь в разбор этих и альтернативных взглядов, заметим, что факты переселений не были надежно установлены, а упомянутые версии восточной теории явно не получили продуктивного развития. Конечно, генезис и процессы смены культур каменного века – энеолита нуждаются в более детальном анализе, однако сумма известных данных свидетельствует о том, что все эти типы

древностей формировались в западной части Русской равнины или в восточной части бассейна Балтики. В бронзовом веке произошло внедрение в Волго-Камье сейминско-турбинской культуры сибирского происхождения (типичные для нее бронзовые изделия найдены также в Белозерье и Финляндии), но ее носители вскоре исчезли или частично растворились в местной этнической среде (Черных, Кузьминых, 1987). Мнение о том, что это была арийская элита воинов-торговцев бронзовыми изделиями в двуязычной финно-угорской абашевской культуре (Carpelan and Parpola, 2001), мне представляется менее вероятным из-за недостатка и спорности доводов в пользу абашевской принадлежности сейминско-турбинских могильников. Пока не установлена надежная корреляция упомянутых культур с какими-либо типами топонимов. Гипотезы о финно-угорской принадлежности древностей каменного века – энеолита следует проверить путем анализа генетической связи с культурами бронзового века – раннего Средневековья.

Бронзовый век. Культура сетчатой керамики

Распространение в бронзовом веке культуры и сетчатой керамики, датируемой в Карелии по C_{14} между 3600 – 2500–2250 л.н. (Косменко, 2003), прервало развитие культур позднего неолита – энеолита с восточнобалтийскими элементами (рис. 1). Она генетически не связана с предшествующей культурой позднего энеолита, для которой характерны жилища-полуземлянки, посуда с примесью асбеста и органики, использование местной самородной меди, сланцевые орудия восточнобалтийских типов и янтарные украшения. Их нет в культуре бронзового века, как и следов грунтовых захоронений с янтарными изделиями, известных в западных областях ареала волосовско-гаринских древностей, в том числе в южном Беломорье (см.: Савватеев, 1977). Сходство имеют отдельные черты адаптации к местной природной среде, главным образом использование местных минералов для каменных орудий и размещение поселений в приустье рек.

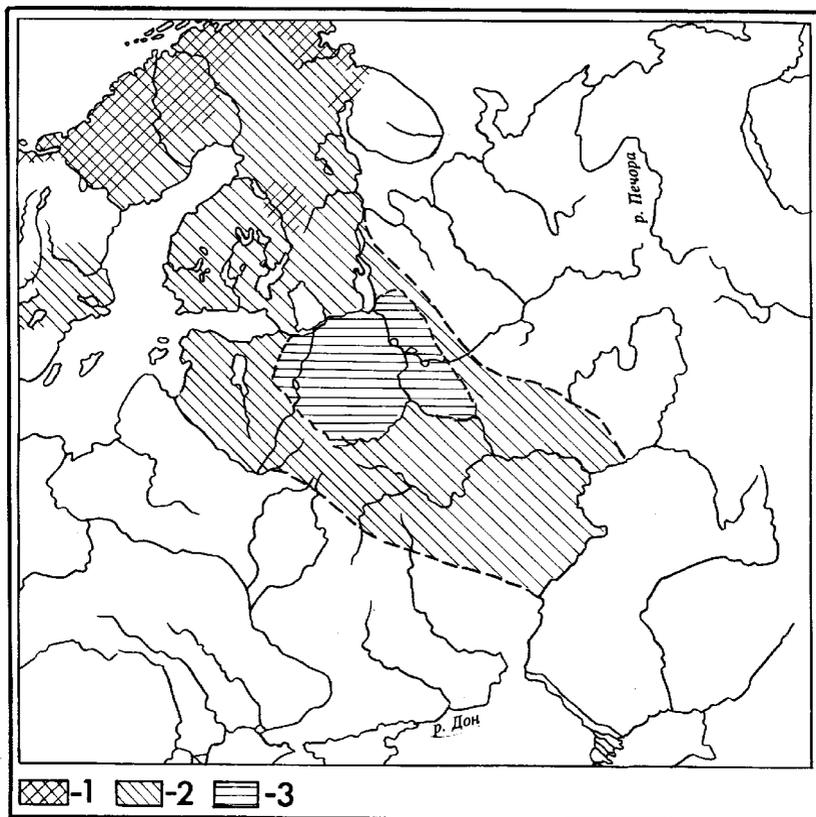

Рис. 1. Ареал древностей с сетчатой посудой бронзового – раннего железного века на Севере Европы

1 – «вафельная» керамика; 2 – сетчатая керамика; 3 – сетчатая керамика на раннем этапе

В Карелии выявлено около 90 поселений с сетчатой керамикой (Косменко, 1996а). Могильники не обнаружены. Неукрепленные поселения обычно расположены на низких террасах и иных формах рельефа в приустье рек, на местах поселений более ранних периодов, и представляют собой культурные комплексы на многослойных памятниках. Они крайне редки на песчаных берегах глухих озерных заливов, где много зимних поселений каменного

века – энеолита с жилищами-полуземлянками. Полуземлянок в бронзовом веке не сооружали; известны только нечеткие отпечатки округлых или овальных наземных жилищ типа чумов. Эти данные косвенно отражают иную форму охотничье-рыболовецкого хозяйства и более подвижный образ жизни, чем в энеолите. В окрестностях поселений нет пригодных для земледелия и животноводства участков; нет прямых и косвенных признаков производящего хозяйства на поселениях и в сохранившемся вещевом инвентаре.

Географическое размещение поселений в Карелии характеризуется последовательным уменьшением их числа, размеров и общего количества материалов в западном и северном направлениях. Так, на юго-востоке Карелии (восточная часть бассейна Онежского озера) известно более 30 поселений, содержащих свыше 400 сосудов, в западной части Онежского бассейна эти цифры соответственно составляют 25 и около 200, в северном Приладожье – 8 и примерно 100, а в бассейне Белого моря около 20 и 100. Наиболее крупные поселения сосредоточены на юго-востоке края. Можно заключить, что культура сетчатой керамики распространялась преимущественно из юго-восточной Карелии на запад и север. Данные по соседним областям подтверждают эту регулярность (Манюхин, 2002).

Результаты анализа основных признаков глиняной посуды не расходятся с таким выводом (см.: Косменко, 1993, 1996а; Kosmenko M. G., 1996). В указанных направлениях, особенно к северу, уменьшается число архаичных сложных орнаментов зональной структуры, профилированных сосудов, скошенных и приостренных форм их венчиков. Орнамент заметно упрощается: соотношение зональных узоров и обедненных орнаментов в виде узких лент-бордюров на юго-востоке Карелии составляет 34 и 64,1%, на юго-западе – 31,2 и 67,8, а в бассейне Белого моря – 14,5 и 85,5% всех сосудов. Сходным образом уменьшается количество профилированных сосудов: от 93,1% в Каргополье и Белозерье до 75,5 в южной Карелии и 20% в Беломорье. Они есть в Финляндии (Lavento, 2001), но практически отсутствуют в Северной Фенноскандии (Jørgensen and Olsen, 1988). Это дивергентные изменения, которые отражают постепенный распад первоначальных традиций производства сетчатой посуды.

Сначала культура с сетчатой керамикой формировалась в северных, левобережных областях бассейна верхней Волги. Именно там получены самые ранние радиоуглеродные даты сетчатой керамики в пределах первой половины II тыс. до н.э. на поселении Ивановское III (Крайнов и др., 1990). В общем, это зона контакта с поздняяковской культурой, в ней есть ряд традиционных элементов степной срубной культуры, которую многие исследователи небезосновательно считают ираноязычной. Ранняя сетчатая керамика юго-восточной Карелии содержит отчетливые признаки трех исходных поволжских культур: ямочно-гребенчатой керамики, поздняяковской и «постфатьяновской», которую археологи также называют чирковско-сейминской или чирковской. Первые два компонента хорошо выражены в орнаментике и формах посуды, а чирковские элементы отчетливее прослеживаются в формах, но слабее – в орнаменте (Косменко, 1993). Субстратные элементы четко не выражены: имеются лишь каменные молоты с опоясывающим желобком, встречающиеся в волосовских древностях. Есть и небольшой процент посуды с органической примесью, но ее отношение к собственно волосовской керамике определить трудно. Еще отчетливее исходные поволжские компоненты выражены в сетчатой керамике Вологодской и южной части Архангельской областей (Манюхин, 2002), однако эти разнородные генетические компоненты уже практически не прослеживаются в западной, тем более в северной Карелии. Наряду с деградацией орнамента и профилированных форм там изменяется способ обработки поверхности посуды: шире распространяется штриховка стенок зубчатым штампом, которая вытесняет сетчатые отпечатки, и увеличивается число гладкостенных сосудов. Эти тенденции отмечаются и в поздней сетчатой керамике южной Карелии, т.е. сходным образом культура изменялась и во времени.

Видовой состав каменных орудий вполне обычен (скребки, наконечники метательного оружия, рубяще-долбящие орудия и др.). Фиксируется более широкое использование привозного кремня, чем во всех прочих периодах и культурах Карелии, иными словами, степень экологической адаптации этого населения была менее высокой. Металлообработка тоже базировалась

на привозной бронзе, а не на использовании местных месторождений самородной меди, как в энеолите. Обнаружены следы ее плавки в небольших тиглях, в том числе с сетчатыми отпечатками на стенках, а также бронзовый кельт аозинско-меларского типа.

Эти изменения положены в основу периодизации поселений. Условно выделены два хронологических этапа (Косменко, 1993). Поселения раннего этапа, в целом охватывающего вторую половину II тыс. до н.э., известны преимущественно в юго-восточной Карелии. На позднем этапе (рубеж II–I – середина – третья четверть I тыс. до н.э.) культура сетчатой керамики быстро распространилась почти на всей территории Карелии, на востоке Финляндии (Lavento, 2001) и, видимо, в ряде других областей Феноскандии.

Итак, пространственно-временные изменения облика северной сетчатой посуды пошли по пути распада исходной комбинации и последовательной деградации традиционных черт, особенно структуры орнамента, состава форм и некоторых деталей посуды в направлении распространения культуры к северной и западной периферии ареала. Объяснить социальное содержание этих изменений довольно сложно. На мой взгляд, речь может идти о постепенной утрате общности культурных традиций. Традиционные стандарты нарушались из-за утери связей между родственным по происхождению населением обширных территорий. Кроме того, глиняная посуда в северотаежных областях реже изготавливалась и применялась. Она теряла свою ценность, поэтому украшалась скуднее и небрежнее. Экологическая адаптация в конечном счете привела к сравнительно подвижному образу жизни таежных охотников-рыболовов. Адаптация к субстратной культуре в Карелии практически не прослеживается – сохранялись основные связи с Поволжьем (бронзовые кельты аозинско-меларского типа).

Сумма всех данных позволяет сделать вывод, что распространение культуры сетчатой керамики и переход к бронзовому веку в Карелии отражают процесс миграции населения из левобережных, северных областей верхнего Поволжья. Здесь мы не касаемся вопросов генезиса и этнической атрибуции сетчатой керамики запад-

ных и юго-западных периферийных областей – Валдая, Прибалтики, юго-западной Финляндии, где исследователи акцентируют элементы местного происхождения (Воронин, 1998; Lavento, 2001), поселений на р. Волхов с отчасти сетчатой, оригинально украшенной посудой (Юшкова, 2004), а также «вафельной» керамики с примесью органики на севере Фенноскандии. Происхождение последней некоторые финские археологи были склонны связывать с Восточной Сибирью (Карпелан, 1982), но позднее попытались обосновать идею ее генетической связи с керамикой типа рисвик Северной Скандинавии (Carpelan, 1994). В посуде периферийных северных и западных областей ареала сетчатой керамики наряду с органикой встречается примесь асбеста при сильной деградации орнамента и исчезновении профилированных сосудов. Это явление свидетельствует либо о заимствовании технологических традиций субстратных культур на северной периферии ареала, либо о внедрении инородной техники обработки поверхности посуды в местные культуры. Различить содержание инноваций на периферии ареала можно только посредством специальных аналитических процедур.

В этой связи нужно затронуть важный, но спорный вопрос об этноязыковой принадлежности предшествующих энеолитических культур волосовско-гаринского пласта III–II тыс. до н.э. в лесной зоне Европейской России, в том числе культуры с керамикой «классического» типа в Карелии, имеющей примесь асбеста и органики. Как и Д. А. Крайнов (1981), я не нахожу прочных доказательств сложения финно-угорской общности именно в этом периоде. Во-первых, процесс формирования данного культурного ареала детально не описан и нуждается в дальнейшем изучении. Ряд упомянутых археологов (О. Н. Бадер, П.Н. Третьяков, А. Х. Халиков и др.), а вслед за ними и лингвисты (Хайду, 1985; Напольских, 1997б) поддерживают гипотезу о распространении культуры данного типа из Прикамья и среднего Поволжья на запад, но другие это отрицают (Панкрушев, 1978,1; Мейнандер, 1982; Крайнов, 1987) или считают, что процесс шел в обратном направлении (Косменко, 1993; Carpelan and Parpola, 2001). Однако археологи не описывают регулярности пространственно-временных изменений

керамики и других категорий археологического материала, которые можно признать вескими свидетельствами распространения культуры в каком-либо направлении. Во всяком случае, «восточной» гипотезе генезиса западных культур данного круга явно противоречат относительно ранние даты по С₁₄ ряда поселений Поволжья и Карелии в пределах первой половины – середины III тыс. до н.э., посуда с узорами неолитоидного облика на ранних поселениях, заметно редущий к востоку шлейф янтарных и каменных изделий восточнобалтийских типов, а также доминирующий европеоидный компонент расового облика волосовцев.

Во-вторых, субстратный волосовский компонент не настолько отчетливо прослеживается в культуре поволжской сетчатой керамики (см.: Воронин, 1998), чтобы утверждать их преемственность; нет следов местного субстрата и в культуре Карелии. Заявления современных сторонников эволюционной теории этногенеза о преемственности этих культурных типов, объясняющих различия как результат коренной трансформации материальной культуры при переходе к «производящему хозяйству» (Сидоров, 2000), представляют собой натяжки, вполне типичные для данного подхода. Прямые и косвенные признаки производящего хозяйства отсутствуют не только в материальной культуре северных поселений с сетчатой посудой. Нет оснований говорить о развитом земледелии и на южной окраине этого культурного ареала (Кузьминых, 2001б).

В других дисциплинах трудно отыскать точки сопряжения. Древнейшие слои или типы топонимов восточного либо балтийского происхождения, соответствующие основным гипотезам происхождения культур волосовско-гаринского пласта, надежно не выделены на Северо-Западе России и в Поволжье. Неясно, сохранились ли они вообще, потому что в Поволжье твердо не установлено и наличие слоя индоевропейских названий, сопряженных с фатьяновско-балановскими древностями раннего бронзового века. Попытки некоторых археологов и лингвистов привязать энеолитические культуры к общим схемам лексико-фонетического развития уральских языков настолько умозрительны, что в настоящее время их даже трудно обсуждать, тем более признать опорой для этноязыковой идентификации культур этого времени. При современном

состоянии изученности вопрос об отношении языков жителей лесной зоны периода энеолита к современным финским языкам остается открытым для дальнейшей разработки.

Многие российские археологи предполагают древнефинскую принадлежность сетчатой керамики позднего бронзового – раннежелезного веков. В основе этих взглядов находится представление об ее преемственной связи со средневековыми финскими культурами Поволжья. Такую посуду изготавливали вплоть до первых веков н.э. на дяковских и городецких городищах. Однако и культура сетчатой керамики, и древности, на основе которых она сложилась, совершенно лишены традиционных элементов камско-уральского происхождения. Более того, на южной периферии ареала сетчатой посуды в железном веке происходили тесные контакты с культурами Прикамья и Прибалтики, которые отразились не только в материальной культуре, но, вероятно, и в других сферах этноса. Интерпретировать эти факты культурной адаптации очень непросто. Исследователи дяковских городищ полагают, что в I тыс. н.э. на них жили финно-балты (Розенфельдт, 1974) или балты (Дубынин, 1974), тогда как в материалах поволжских, особенно окских, древнемордовских могильников этого времени явно преобладает сильное влияние синхронных культур Прикамья (Горюнова, 1961; Архипов, 1967; Полесских, 1970). В этой связи заметим, что некоторые лингвисты относят мордовский язык к числу восточных уральских языков (Пустаи, 1994). Таким образом, стратегию решения проблемы принадлежности древностей с сетчатой посудой надежнее строить на данных из тыльных, а не периферийных областей ареала.

Полное отсутствие восточных элементов и крайне слабая адаптация к субстратным традициям дают основание полагать, что культура бронзового века инородна в Карелии и отражает миграцию этноса поволжского происхождения. Она имеет генетическую связь с верхневолжской ямочно-гребенчатой керамикой, но в ее сложении участвовали и другие культуры, так что крайне сложно сделать обоснованные реконструкции языковых изменений на отрезке времени от позднего неолита до бронзового века. Сравнительный анализ колонок пластов древней культуры и топонимии

позволяет заключить, что культура сетчатой керамики, вероятнее всего, соотносится с древним, иначе «волжским» или «волгоокским» слоем гидронимов Карелии и более южных областей лесной зоны (Косменко, 1993), потому что ни предшествующий, ни более поздние слои древностей не могли оставить ареал подобной конфигурации. Впрочем, возможно, что в его составе есть незначительная примесь более древних названий (Матвеев, 1969). Ареалы этого пласта топонимии (см.: Серебrenников, 1955) и культуры сетчатой керамики верхневолжского происхождения в целом близки, чего нельзя сказать о предшествующих культурах волосовско-гаринского ареала. Язык носителей культуры сетчатой керамики в Карелии, вероятно, был ответвлением языков населения верхнего Поволжья, но нет оснований думать, что в генетическом плане он был связан с Камско-Уральским регионом. Вместе с тем эта культура и этнос ее носителей послужили базовым субстратным компонентом при формировании западных финноязычных этносов железного века (Третьяков, 1961; Косменко, 1993). Она была своего рода мостом между культурами каменного века и финно-саамскими культурами железного века в северо-западной части Европейской России, но не была близка по своему происхождению древностям предков пермских финнов. На мой взгляд, нет оснований ассоциировать ее с частью финно-угорской языковой общности и, следовательно, можно определить как «предфинноугорскую».

Железный век. Культуры с ананьинскими элементами

Процесс сложения материальной культуры железного века был иным и заслуживает особого внимания. Примерно с VIII в. до н.э. в лесной зоне между Уралом и Балтикой начал формироваться обширный культурный ареал, который можно условно обозначить как «ананьинский». Здесь нет необходимости останавливаться на проблематике изучения собственно ананьинской культурной области в бассейне р. Камы (обзор см.: Кузьминых, 2001a), но очевидно, что классификационная терминология, отражающая процесс формирования локальных культур во всем ареале с ананьинскими элементами, еще полностью не сложилась.

Не совпадают и решения узловых проблем в современных версиях этнической истории ананьинского ареала. В целом они отражают противоречия, свойственные восточной теории происхождения финно-угров. В. В. Напольских (1997б), опираясь на ее популярную версию, разработанную А. Х. Халиковым (1969), считает что истоки языкового родства финских народов восходят к энеолитической волосовско-гаринской культурной общности волго-камского происхождения. Следуя широко принятому мнению, он в то же время полагает, что сложение финнов Поволжья и Северо-Западной России связано с формированием ареала сетчатой керамики бронзового века, а волжские финны железного века сосредоточены в ареале городецко-дьяковских поселений. Остается неясным их отношение к пермским финнам, ибо сетчатая керамика имеет хорошо выраженный компонент, позволяющий связывать ее генезис с ямочно-гребенчатой посудой западного происхождения, а не с волосовско-гаринскими древностями.

С. В. Кузьминых (2001а) осознает заметное генетическое различие между верхневолжскими и камскими древностями и вытекающую отсюда противоречивость схемы А. Х. Халикова. В то же время он дистанцируется и от полицентрической гипотезы сложения финнов, считая, что ананьинская область вкупе с областью сетчатой керамики отражает сложение финно-волжско-пермского единства в раннем железном веке (Кузьминых, 2001а), видимо, предполагая распространение на запад восточного языка вместе с гибридной культурой ананьинского пласта. Неизбежно возникает вопрос о времени сложения различий между пермскими и более западными финскими языками, и С. В. Кузьминых постулирует территориальный разрыв между камским и волжским населением, который, по его мнению, возник с конца VI в. до н.э. после исчезновения культуры с восточными элементами в среднем Поволжье и ее распространения в северо-западные области России. Понятно, что такой разрыв, при условии распространения языка восточного происхождения или какой-то формы его слияния с местными языками, в принципе мог бы объяснить различия между современными пермскими и волжскими языками как следствие разобщения и обособления этносов. Разрыв выглядит искусственным, потому

что в инвентаре поволжских и окских могильников I тыс. н.э. присутствует хорошо выраженный прикамский компонент, т.е. связь между Поволжьем и Прикамьем если даже и были утеряны, то вскоре восстановились. В Карелии именно камско-уральские, а не поволжские связи прослеживаются в течение всего железного века.

Автор данной статьи на основе разработанной им методики анализа вариативности и пространственно-временной изменчивости археологических материалов бронзового – железного веков Карелии выделил разнородные компоненты в культурах этих периодов и сопоставил результаты с данными топонимики и лингвистики (Косменко, 1993; Косменко, Кочкуркина, 1996). Основные этногенетические выводы свелись к тому, что культура сетчатой керамики бронзового века в Карелии принадлежит населению верхневолжского происхождения, оставившему древнейшую, «волжскую» гидронимию. Сложение финноязычных этносов, а именно саамов, вместе с синхронным слоем топонимов, связано с формированием в железном веке серии локальных культур с выраженным ананьинским компонентом. Эту технику применил и основные выводы принял И. С. Манюхин (2002), который поспешил нарисовать в позитивных тонах широкую картину сложения в железном веке древних саамов в ареале от Приладожья и Белозерья до Северной Фенноскандии. Однако он обошел ряд узловых вопросов, в частности, связанных с методикой анализа и синтеза разнородных данных, что отразилось и на качестве работы, которая, будучи в значительной мере компиляцией, отразила определенное состояние изученности проблемы генезиса саамов.

Нужно сказать, что техника формального анализа археологических материалов в общем достигает целей описания их изменчивости, выделения разнородных компонентов и создает базу для содержательного анализа процессов сложения культурных типов. Нет оснований отказываться и от параллелей между основными пластами культуры и топонимии, но этногенетические построения и автора, и И. С. Манюхина основаны на принятой а priori модели дерева уральских языков и восточном происхождения финноязычных этносов. По сути дела, в этих работах в неявной форме и

бездоказательно поддержана идея распространения языка восточного происхождения вместе с ананьинским культурным компонентом и соответственно смены языка местными этносами северо-западных областей России.

Здесь неизбежно всплывает сакраментальный вопрос о сложении языков западных финноязычных народов и их отношении к языкам восточных финно-угров. Веская сумма доводов против смены языка западными этносами должна быть принята во внимание. Вытеснение местных языков восточным языком и его быстрая дивергентная трансформация маловероятны потому, что восточной, пермской топонимии нет в Фенноскандии, а лексика современных саамских языков обнаруживает отчетливые параллели с марийской, а не с пермской лексикой. Поволжские, но не камско-уральские параллели очевидны и в субстратной топонимии. Больше того, различия пермских и более западных языков существенны и наблюдаются в сфере не только лексики, но и морфосинтаксиса, т.е. структуры, поэтому их гораздо вероятнее объяснить различным генезисом, а не дивергентным расхождением.

Косвенные данные свидетельствуют в пользу такого объяснения. Культуры железного века с ананьинскими элементами в западных регионах имеют мощный, а на периферии преобладающий субстратный компонент в традиционной сфере, включая погребальные традиции. Высокая степень их экологической адаптации тоже косвенно указывает на присутствие этнического субстрата. Эти данные показывают, что основа культурной и языковой общности Поволжья и северо-западных областей России была заложена в бронзовом веке и сохранилась позднее, во всяком случае, налицо предпосылки такой преемственности. Бесспорно имеющийся восточный компонент можно определить как интегрирующий, но не базовый в процессе этногенеза западных финноязычных этносов. В конечном счете идея смены языка у этих этносов, опирающаяся на сходные компоненты лексики современных языков, обоснована слабо; равно неприемлемо их определение как нефинноязычных, поскольку в процессе интеграции субстратные языки стали базовыми компонентами. Впрочем, о финно-уграх как языковой общности можно говорить только со стадии интеграции языков.

Коллизии, свойственные современным версиям «уральской» концепции, отражают невозможность создать в рамках этой моноцентрической теории адекватную картину формирования финноязычных этносов в лесной зоне между Уралом и Балтикой. Реальный выход из сложившейся, довольно запутанной ситуации, на мой взгляд, состоит не в дальнейшей модернизации восточной миграционной теории, а в отказе от ее традиционной формы и сопутствующего представления о смене языка в западных регионах финно-угорского ареала. Я склонен принять пусть слабо разработанную, но в целом более адекватную полицентрическую гипотезу первоначального сложения финских этносов с их последующей интеграцией восточным компонентом и не рассматривать сходство их языков как наследие былого единства. Опираясь на археологические данные, в настоящее время можно говорить по крайней мере о верхневолжском и камском центрах сложения предфинноугорских этносов в лесной зоне Европейской России. Западнее и севернее верхней Волги такие центры пока четко не выявляются.

Перейдем к краткой характеристике имеющихся данных. Культура железного века в Карелии более дифференцирована, чем древности бронзового века (рис. 2). «Ананьинский» культурно-хронологический пласт древностей представлен более чем 130 поселениями разной величины. Они отнесены к четырем локальным культурам (позднекаргопольская, лууконсаари, «арктическая», позднебеломорская), имеющим более или менее отчетливые признаки смешения черт собственно ананьинской культуры Прикамья и западных древностей, преимущественно с сетчатой керамикой (Косменко, 1993). Эти поселения в Карелии датируются между 2500 и 1400–1300 л.н. по импортным камско-уральским вещам и C_{14} (Косменко, 2003). Могильники не обнаружены. Смещение обоих культурных типов четко прослежено и в среднем Поволжье, но гибридная культура там исчезла, как полагают А. Х. Халиков и С. В. Кузьминых, в конце VI в. до н.э. после ухода населения на северо-западные территории (см.: Ишмуратова, 1975; Халиков, 1977; Кузьминых, 1983). Западная граница ареала культур ананьинского пласта в Фенноскандии почти идентична ареалу субстратных древностей с сетчатой керамикой. Керамика «арктического»

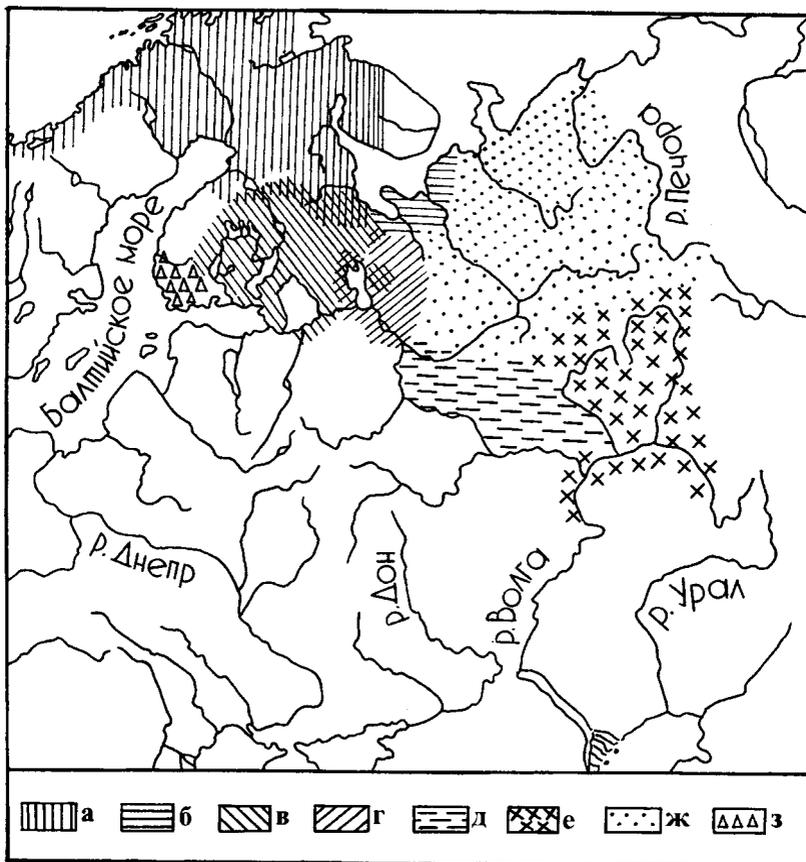

Рис. 2. Культуры ананьинского пласта древностей на Севере Европы

а – культура с керамикой «арктического» типа; б – позднебеломорская; в – лууконсаари; г – позднекарогпольская; д – древности аозинско-ахмыловского типа; е – ананьинская; ж – культуры Европейского Северо-Востока; з – культура морбю

типа, по К.-Ф. Мейнандеру (Meinander, 1969), а по другой классификации «типов», вернее групп Ловозеро и Кьельмо (Jørgensen and Olsen, 1988), есть в северной Карелии и Финляндии, на Кольском полуострове и практически во всей Скандинавии. Керамика лууконсаари распространена в западной Карелии южнее озер Куйто

(Косменко, 1993), а в Финляндии к югу от озерно-речной системы Оулу (Meinander, 1969). Позднекаргопольская культура кроме юго-восточной Карелии (Косменко, 1993) охватывает южную часть бассейна р.Онеги и район оз.Белого (Манюхин, 1996). Позднебеломорская культура распространена в прибрежных районах южной части Белого моря в Карелии и Архангельской области, но ее восточный предел пока неясен (Косменко, 1993).

Эти локальные культуры достаточно условны и, в сущности, представляют собой фазы процесса сложения круга культур с ананьинскими элементами в Северо-Западной России и Восточной Фенноскандии. Между культурами нет резких границ, а наблюдаются переходные зоны, где сочетаются признаки граничащих типов. Количество материалов в Карелии заметно уменьшается в западном и северном направлениях. Здесь известны 55 поселений позднекаргопольской культуры, на которых выделены остатки 1010 сосудов, 29 поселений лууконсаари с 320 сосудами, 33 поселения позднебеломорской культуры с 202 сосудами и 5 пунктов с 10 сосудами «арктического» типа (Косменко, 1993).

Как и в бронзовом веке, процесс изменений в культуре ананьинского пласта шел по пути разрушения первоначальной структуры обоих основных компонентов, деградации и уменьшения количества традиционных восточных элементов в направлении распространения культуры к западной, особенно северо-западной границе ареала. Эти изменения четко прослеживаются в традиционных деталях керамики. Так, ананьинскими шнуровыми орнаментами украшено 90–100% посуды в Прикамье, 30–50 в среднем Поволжье, 18 в Каргополье и Белозерье, 22,2 в юго-западном Беломорье (позднебеломорская культура), 9 в юго-восточной (позднекаргопольская), 1,6% в юго-западной Карелии (лууконсаари); в северной Карелии и Финляндии этих орнаменты единичны, а на севере Фенноскандии их нет. Соответственно возрастает число посуды с гребенчатыми и прочерченными узорами, структура которых свойственна главным образом сетчатой керамике. Есть и орнаменты гибридного облика.

Нужно сказать, что многие орнаментальные композиции обоих типов сохранили исходную структуру, но основные мотивы

узора часто упрощены и трансформированы, образуя местные технические вариации – пояса проташенного зубчатого штампа, каннелюры, прочерченные пояски и др. Число местных вариаций со временем возрастало, особенно на юге Карелии, а в Финляндии они абсолютно преобладают. В направлении распространения культуры увеличивается и число орнаментов субстратного, западного типа. Так, в юго-восточной Карелии выделено 29,2% посуды с различимыми узорами «восточного» и 29% «западного» типов, в юго-западной – 25,7 и 32,5, в южном Беломорье – 33,6 и 41,1, а в северных районах – 10 и 90%. В Северной Фенноскандии есть лишь единичные экземпляры мотивов восточного типа. Сходным образом дело обстоит и с другими «традиционными» деталями посуды. Кроме того, с гибридной культурой в Восточную Фенноскандию внедрилась традиция производства бронзовых кельтов ананьинского типа, а в стиле их декора появились оригинальные черты. Между тем большинство кельтов найдено в Финляндии, близ западной границы ареала гибридных культур ананьинского круга, что предположительно связано с необходимостью налаживать местное производство этих орудий за недостатком импортных изделий (Косменко, 1993).

Смешанный комплекс традиционных признаков изменялся во времени медленнее, но экологическая адаптация создателей гибридных культур в Карелии протекала интенсивнее, чем в бронзовом веке. Шире использовались местные минералы – асбест и слюда как примеси в глине посуды, а количество привозного кремня в западных районах заметно уменьшилось за счет использования местных пород – кварца и сланца (Косменко, 1993). Впрочем, в железном веке резко сократились количество и ассортимент каменных орудий, который ограничен скребками, наконечниками стрел и редкими нестандартными рубяще-долбящими орудиями. Во второй половине I тыс. до н.э. возникло местное производство сыродутного железа из озерной руды (Косменко, 1992; Kosmenko and Manjuhlin, 1999; Косменко, Манюхин, 2000). Есть основания связывать его зарождение с восточными традициями, но в Карелии и Финляндии возникла оригинальная местная форма железоделательных горнов в виде небольших каменных ящиков. Специализированные

пункты металлообработки отсутствуют, нет и набора соответствующих инструментов. Основные черты сравнительно подвижного образа жизни лесных охотников-рыболовов железного века сходны с таковыми в субстратной культуре сетчатой керамики. Они отражены в заселении приустья рек и памятников каменного – бронзового веков, отсутствии зимних поселений и стационарных полуполуземляных жилищ на песчаных берегах глухих озерных заливов.

На протяжении железного века в Карелии заметно преобладали камско-уральские связи (импортные украшения из камско-уральской бронзы); слабее были контакты с Прибалтикой (железные кельты восточнобалтийских типов). Любопытно, что контакты и какие-либо формы влияния культур железного века Поволжья здесь практически не выражены. Лишь в южных – белозерском и особенно онежско-каргопольском – вариантах позднекаргопольской культуры есть детали посуды и отдельные вещи, характерные для культуры дяковских городищ (Манюхин, 1996, 2002).

Под воздействием всех указанных факторов сформировались местные особенности, на основе которых выделены перечисленные локальные культуры и их варианты. Пока не вполне ясен состав субстратного компонента в северных областях ареала, точнее, соотношение местных и поволжских элементов, свойственных главным образом сетчатой керамике; слабо изучен генезис субстратного компонента и в культуре южного Беломорья. Решение этих вопросов находится на путях тщательной разработки техники анализа керамических комплексов в разных областях ареала с ананьинскими элементами.

В лесной зоне в раннем железном веке, несомненно, были и передвижения групп населения на запад. Можно обратить внимание на различия между материалами южного Беломорья и бассейна Онежского озера, а также юго-восточного побережья Онежского озера и остальной Карелии (см.: Косменко, 1993). Генезис позднебеломорской культуры явно не имеет отношения к более южным, типологически близким культурам лууконсаари и позднекаргопольской, потому что посуды с шнуровыми узорами восточного облика здесь около 22%, т.е. гораздо больше, чем в южных культурах (до 9%), где преобладают местные вариации этих орнаментов.

В Беломорье крайне слабо представлен субстратный компонент, связанный с сетчатой керамикой, – сложные гребенчатые узоры гораздо ближе орнаментике посуды более восточных культур типа лебяжской, поэтому культуру южного Беломорья невозможно рассматривать как ответвление южнокарельских культур. Ее происхождение, вероятнее всего, связано с малоизученными восточными районами бассейна Белого моря в Архангельской области, где есть отдельные поселения наподобие Красной Горы и др. (Фосс, 1952).

Менее значительны различия между обликом позднекаргопольской культуры юго-восточного берега Онежского озера и соседнего, водлозерского ее варианта на юго-востоке Карелии. Они состоят, помимо прочего, в почти полном отсутствии на онежской посуде местных технических вариаций орнаментов восточного типа. Это сближает ее с керамикой поселений Каргополя, т.е. среднего течения р. Онеги. Такие явления с достаточным основанием можно рассматривать как отражение перемещений групп населения из бассейна р. Онеги на запад, в результате которых сформировался онежско-каргопольский локальный вариант культуры. В общем, этот поток шел двумя путями – в основном из Поволжья на восток Фенноскандии, а также вдоль северной части лесной зоны, ослабевая к западной и северной границам ареала гибридных культур.

Нужно подчеркнуть, что некоторые традиционные черты культуры железного века кое-где сохранились до современности. Анализ истоков стиля орнамента современных саамов Северной Фенноскандии показал, что архаичный комплекс зональных геометрических узоров саамов восходит к орнаментике культуры железного века с керамикой «арктического» типа (Кьельмо) и сложился не ранее этого времени, тогда как древний комплекс изобразительных мотивов народного искусства восточных балтийских финнов – карел и вепсов – сформировался в раннем Средневековье, хотя отдельные элементы восходят к более ранним периодам, включая железный век (Kosmenko A. P., 1996; Kosmenko A. P., 2002). Здесь мы не касаемся процесса сложения собственно балтийских финнов, которые, по традиционным представлениям финских исследователей, первоначально формировались на юго-западной периферии финноязычного ареала в области Финского залива (о соврем.

исслед. см.: Carpelan, 2001a), а в Средневековье расселились на север и восток, включая западную Карелию. Нужно отметить и ряд проблем, связанных с объяснением этноисторического содержания существенных изменений в культуре этой области в течение периодов неолита – Средневековья. В немалой степени они происходили под знаком контактов с соседними балто- и германоязычными культурами. Объяснения этих изменений археологами обычно не выходят за рамки моноцентрических концепций генезиса западных финноязычных народов, и к ним в полной мере относятся сделанные выше критические замечания.

Можно наметить общие контуры корреляции наиболее существенных явлений в языке и культуре. Для объяснения общей ситуации, на мой взгляд, решающее значение имеют описанные Б. А. Серебренниковым (1967, 1977) различия такой традиционной, консервативной структуры, как грамматика языков пермских и волжских финнов. Он заключает, что общность грамматических систем волжских и более западных финских языков носит материальный характер и могла возникнуть только в тот период, когда они были близкородственными диалектами. Иначе выглядит сходство между марийским и пермским языками, которое, несмотря на отдельные влияния, имеет типологический характер и не отражает органическую материальную близость их структур. Эти представления более адекватно сопрягаются с процессами в материальной культуре, чем схема языкового дерева.

При сопоставлении разных вариантов сложение западной группы «предфинноугорских» языков можно с наибольшей вероятностью соотнести с формированием в позднем бронзовом веке ареала культуры сетчатой керамики верхневолжского происхождения. Можно прогнозировать ее этноязыковую дифференциацию, особенно на позднем этапе в первой половине I тыс. до н.э., с вероятным включением субстратных языковых элементов в периферийных зонах ареала. Наоборот, интеграция в раннем железном веке ананьинской культуры и западных локальных культур стимулировала сближение восточных (древнепермских) и западных языков, что привело к сложению финноязычной общности на территории лесной зоны от Приуралья и, по меньшей мере, до бассейна Белого

моря включительно. Пермско-финская основа собственно ананьинской культуры Прикамья определяется достаточно надежно (Халиков, 1970), хотя авторы последних обобщающих и обзорных работ, как уже говорилось, излагают более сложные версии взаимоотношений между населением Прикамья и Поволжья в рамках восточной теории. Прочные связи между западными и восточными областями «ананьинского» ареала сохранялись не менее 1000 лет, если судить по преобладанию металлических вещей камско-уральских типов в Карелии. Во всяком случае, ситуация в раннем железном веке стимулировала сближение языков населения лесной зоны Европейской России и сыграла существенную роль в уральской палеоистории (Напольских, 1997б; Кузьминых, 2001а).

Для более надежной синхронизации языковых и культурных процессов нужно привлечь данные топонимики, имеющей дело со следами лексики реальных древних языков. Попытки установить соответствие основных пластов древней топонимии и культуры (Косменко, 1993; Косменко, Кочкуркина, 1996) привели к заключению, что трем основным пластам субстратных, дорусских названий в Карелии (волжский, саамский, прибалтийско-финский), вероятнее всего, в общем соответствуют три верхних пласта культур бронзового века – Средневековья (культуры сетчатой керамики, «ананьинского» пласта, средневековые культуры балтийских финнов).

Естественно, возникает ключевой вопрос о древней восточной топонимии в западных регионах. Его анализ затрудняет то обстоятельство, что детальная стратификация субстратной топонимии Российского Севера пока не разработана – выделены лишь основные пласты дославянских названий. Если ориентироваться на известные модели, то иноязычные топонимы в периферийных зонах этнической диффузии могут встречаться, скорее всего, лишь в виде отдельных вкраплений и топоформантов. Действительно, несмотря на присутствие традиционных элементов культуры прикамского происхождения, в Карелии нет собственно пермской гидронимии. Ее западная граница проходит восточнее р. Северной Двины, но отдельные названия есть в бассейнах рек Онеги и

верхней Волги (Афанасьев, 1985). В Карелии выявляются лишь отдельные гидронимы с трансформированными основами уральского происхождения (Куклин, 1997), но восточные топоформанты надежно не определены. Можно упомянуть распространенные на западе, кроме Обонежья и западного Приладожья, древние названия с руссифицированными окончаниями -ен(ь)га, -онга, -анга и финнизированными вариантами -ngi, -nki (Муллонен, 2002). М. Фасмер, Д. Европеус и Б.А. Серебренников и др. находили параллели этим формантам в языках урало-сибирских народов, но длительная дискуссия об их происхождении не окончена (ср. Серебренников, 1966 и Матвеев, 1970; краткий обзор см.: Муллонен, 2002), поэтому я воздержусь от однозначных суждений по столь специальной теме. Вероятно, эти топоформанты обозначают номенклатуру водных объектов (Шипов, 1997) и в принципе могут быть инородными. Они имеют те же местные основы, что и гидронимы с окончаниями -ма, -ла, -га, -ша, типичными для «волжского» слоя (ср. Андома – Андонга, Пертома – Пертьенга, Корбуша-Корбанга и др.). Присоединение к субстратным основам собственной терминологии природных объектов представляет хорошо известный способ усвоения местной топонимии иноязычным населением: на Северо-Западе так поступали и русские, перенимая многие древние названия (Сямозеро, Оровгуба, Гимрека, Рандручей, Мянъгора, Канзанаволок и т.п.). Впрочем, пока генезис упомянутых топоформантов надежно не выяснен, такая модель является лишь гипотетической.

Особо нужно отметить черты сходства ряда «волжских» и саамских гидронимов, а также этимологизацию части волжских названий из финно-угорских языков. В конечном счете фиксируется прибалтийско-финско-саамско-волжское происхождение основных пластов гидронимии Российского Севера, которая в ряде северо-западных регионов отчасти принадлежит исчезнувшим «северно-финским» языкам (Матвеев, 1969, 1970). Ранние саамские топонимы у южной границы их ареала, в Белозерье, вероятнее всего, соотносятся с позднекаргопольской культурой (Муллонен, 1991) – ее можно признать самой южной культурой саамов железного века (Манюхин, 2002).

Топонимика, как и археология, не фиксирует массовых передвижений однородного камско-уральского населения в северо-западные области лесной зоны Европейской России, но в субстратной гидронимии здесь нечетко проступает восточный компонент. Если учесть разницу структур современных западных и пермских языков и наличие общего слоя в их лексике, то речь может идти, вероятнее всего, о смешении лексики при сохранении структурного своеобразия языков гибридного западного и восточного, собственно ананьинского, этнокультурных массивов. Нет веских оснований предполагать в раннем железном веке смену языка в западных регионах лесной зоны, в частности переход местного населения на инородный язык восточного происхождения типов средиземноморского *lingua franca* или древнегреческого *koine*. Возможно допустить диффузию восточной лексики и наиболее подвижных структурных элементов в западные языки, в результате которой сформировалась группа языков с отчасти инородной лексикой, но с собственной морфологией и оригинальной фонетикой, что ближе типу *pidgin*. Нельзя исключать и распространение двуязычия, особенно в переходной зоне в среднем Поволжье. Современное состояние западных финно-саамских языков в главных чертах сохранило основу, заложенную в бронзовом и железном веках; это же можно с оговорками сказать и об их ареале. Становление, по меньшей мере, финской языковой общности произошло только во второй половине I тыс. до н.э., после появления интегрирующего ананьинского компонента в западных областях лесной зоны. Итак, процессы в культуре и языках ананьинского ареала, судя по всему, протекали по сходной модели, но остаются не вполне ясными конкретные формы языкового взаимодействия в ходе интеграции, как и степень различия обеих групп языков до ее начала.

Согласно В. П. Алексееву, в раннем железном веке в лесной зоне Европейской России распространились и расовые элементы восточного происхождения, однако конкретные формы и результаты смешения разнородных расовых компонентов остаются неясными. Антропологические материалы бронзового – раннего железного веков в западных регионах отсутствуют из-за специфики погребальных обрядов. Последние, судя по всему, сохранили

традиции субстратной культуры сетчатой керамики, могильники которой неизвестны, исключая такие памятники южной контактной зоны в Поволжье, как Дикариха и др., позднее Акозинский могильник, где захоронения сделаны по обряду соседних культур, но есть сетчатая посуда. Традиции в основной части ареала исключали грунтовые захоронения. Вероятнее всего, это невосполнимый информационный пробел.

Пока нет детальных разработок для обоснования конкретного этноисторического содержания процесса интеграции в целом, но его отличия от миграционной модели сложения культуры бронзового века в Карелии вполне очевидны. Наиболее вероятным выглядит общий сценарий инфильтрации ананьинского населения в среду западных этносов. Конкретизировать такую модель очень непросто. Сосуществование западных и восточных элементов (Кузьминых, 1983), по другой версии их слияние (Патрушев, 1987), особенно наглядно представлено в Ст. Ахмыловском могильнике в среднем Поволжье. Сохранение двух разнородных компонентов в наиболее «традиционных» сферах культуры Восточной Фенноскандии позволяет говорить скорее о симбиозе соответствующих традиций, чем об их полном слиянии, хотя нужно отметить гибридные элементы. Последовательное уменьшение доли восточного компонента в западных регионах «ананьинского» ареала, сохранение местных традиций в погребальном обряде и хозяйстве, более высокая, чем в бронзовом веке, степень экологической адаптации, отсутствие здесь выраженного пласта восточной топонимии служат доводами в пользу диффузионной, а не классической миграционной модели распространения камско-уральских этнических элементов и групп населения на запад. Образ жизни и, видимо, социальная организация населения северо-западной части лесной зоны существенно не изменились по сравнению с бронзовым веком, поэтому проникновение камско-уральского этноса на запад вряд ли сопровождалось регулирующими формами властного контроля.

Последующее разделение финноязычной общности – это не только результат внутренних изменений и формирования локальных традиций, но и следствие разных вариантов адаптации к

местной природной и хозяйственно-культурной среде в Прикамье, Поволжье и на востоке Фенноскандии. Когда во второй половине I тыс. н.э. в Белозерье появилась культура могильников с трупосожжениями (Башенькин, 1986), произошло видимое размежевание между культурами лесной зоны Северо-Западной России и бассейна Волги. Его можно принять как условный археологический индикатор разграничения саамов и волжских финнов, которое в общем совпадает с южной границей саамской топонимии. На юго-западной периферии ареала, в районе Финского залива в железном веке обособились балтийские финны, которые многое переняли у германоязычных соседей бассейна Балтики, особенно древних скандинавов. Культурное и языковое обособление саамского этноса Восточной Фенноскандии могло лишь усилиться в конце I – начале II тыс. н.э., когда уральская ориентация основных связей сменилась главным образом на балтийскую. Способствовала ему и тенденция к охотничьей специализации местного населения на пушном промысле. Неодинаковая экологическая и культурная адаптация была решающим фактором разобщения финноязычных этносов Поволжья, Северо-Запада и Прибалтики в железном веке.

Охотничье-рыболовецкие культуры эпохи Средневековья

В конце I тыс. н.э. внешний облик материальной культуры на территории Карелии вновь заметно изменился. В X в. здесь фиксируются две территориально-культурные группы поселений с охотничье-рыболовецким хозяйством (Кочкуркина, Спиридонов, 1988; Косменко, 1992, 1996а). Одна группа заняла южную часть бассейна Онежского озера; несколько пунктов есть в устье р. Выг в южном Беломорье. Ее отличает употребление лепной посуды, близкой керамике синхронных курганов юго-восточного Приладожья. Остальную часть Карелии заняла культура поселений без глиняной посуды, известная на Севере Фенноскандии. Каким было этноисторическое содержание этих изменений? Прежде чем ответить на этот вопрос, приведем обзор материальной культуры обеих групп археологических памятников.

Культура с керамикой приладожского типа

В Карелии выявлено более 30 пунктов с лепной керамикой, условно обозначенной как приладожский тип, которая иногда сопровождается единичными сосудами, сделанными на гончарном круге. Поселения существовали в течение X–XI вв. Около 20 пунктов сосредоточено в восточной части бассейна Онежского озера; примерно вдвое меньше памятников в западной его части, и лишь три пункта известны в приустье р. Выг в юго-западном Беломорье (рис. 3). Соответственно распределяется и количество находок, главным образом глиняной посуды. Поселения обычно располагаются на местах более древних поселений охотников-рыболовов в приустье рек на крупных и средних водоемах. На малых озерах и реках они единичны и бедны. Наиболее крупные памятники выявлены в приустьях рек Муромки на юго-восточном, Немены на северо-восточном и Суны на западном побережье Онежского озера; выразительная серия сравнительно небольших поселений расположена на р. Водле и в приустьях рек на Водлозере и Сямозере. Повидимому, к этой же культуре относятся два небольших курганных могильника у деревень Кокорино и Челмужи на Онежском озере. Обнаружены и два единичных грунтовых захоронения в приустье Муромки и на Водлозере. Судя по всему, основной путь расселения и направление интенсивной деятельности проходили с юго-запада на восток через юго-восточное побережье Онежского озера по р. Водле на Водлозеро; функционировал и северный путь из Онежского озера на Белое море через р. Выг. Нет оснований говорить о том, что географическое размещение этих памятников продолжает традиции культур железного века. Сходство топографии поселений и подвижного образа жизни обусловлено не преемственностью культуры, а сходными формами адаптации к местной природной среде.

Остатки сооружений на поселениях очень малочисленны. Отмечены косвенные признаки наземных жилищ с основаниями точно не зафиксированных очертаний. Некоторые из них явно представляли собой легкие сооружения типа чумов с очагом в центре, в других случаях возможно говорить о небольших, видимо, бревенчатых постройках с печами-каменками или каменными очагами.

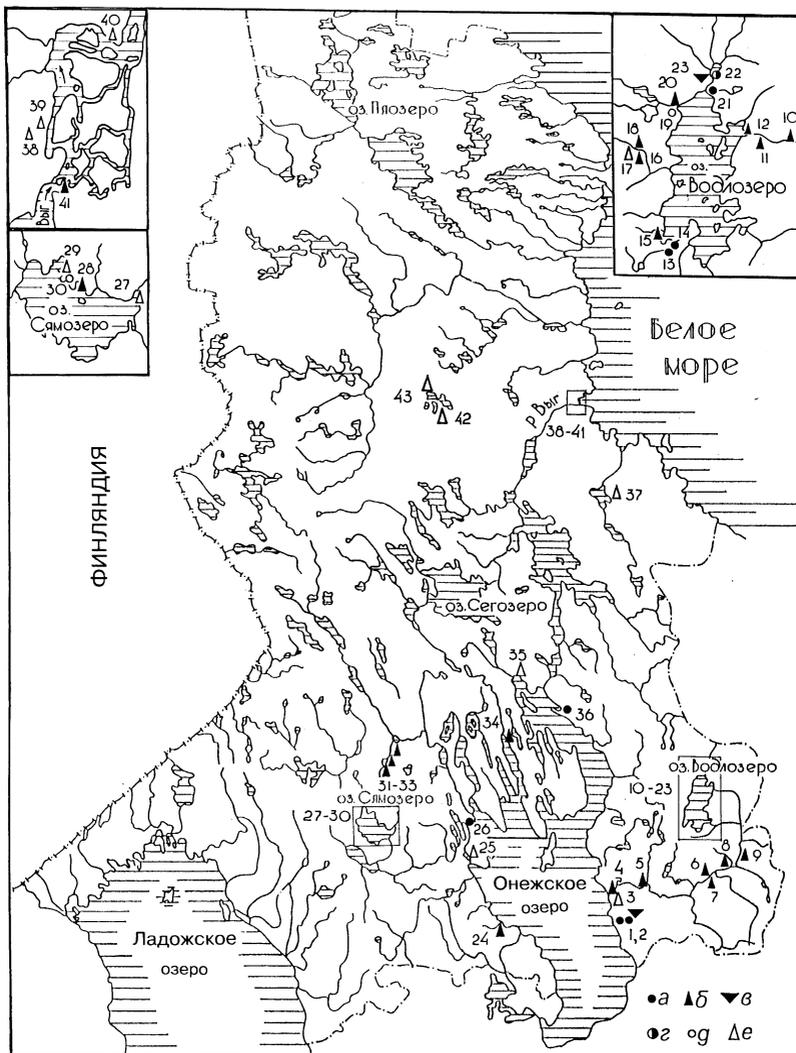

Рис. 3. Раннесредневековые поселения и погребения

а – крупные поселения с керамикой; б – кратковременные поселения и местонахождения; в – погребения; г – поселения смешанного облика; д – крупные бескерамические поселения; е – кратковременные поселения без керамики

На трех поселениях обнаружены остатки небольших наземных железоделательных горнов из глины и камней, а также горнов в ямах, которые сооружались в целях производства ограниченного количества металла для внутреннего пользования. Специализированные пункты кузнечного ремесла или обработки цветного металла не обнаружены. Хозяйственные ямы и иные сооружения обычно тоже отсутствуют.

Грубая лепная неорнаментированная посуда и раннегончарная керамика имеют много общего с керамикой курганов юго-восточного Приладожья, но на нескольких поселениях восточной части бассейна Онежского озера найдены фрагменты единичных, бедно украшенных лепных сосудов с оттисками зубчатого штампа, шнуровыми поясками, трубчатыми отпечатками, которые находят параллели на поселениях Белозерья и отражают связи с синхронной культурой этого района. Набор видов железных изделий гораздо богаче, чем в железном веке, и представлен железными топорами, теслами, ножами, шильями, наконечниками стрел и дротиков, кресалами, лодочными заклепками, сковородками, рыболовными крючками и др. Богат ассортимент бронзовых украшений, среди которых есть фибулы, пряжки, браслеты, гривны, бляшки, привески и пронизки. Довольно разнообразны стеклянные бусы. На периферийных поселениях изредка встречались обломки медно-бронзовых котлов. В целом преобладают привозные вещи самого разного происхождения, многие типы которых широко бытовали в раннесредневековых культурах лесной зоны на Севере Европы. Их распространение на Северо-Западе России связано преимущественно с интенсивным торговым обменом на балтийско-волжском пути в X–XI вв. Масштабы местного производства металлических изделий точно не установлены, но их ассортимент, видимо, ограничивался железными ножами, наконечниками стрел и другими простыми бытовыми изделиями. На поселениях нет ни специализированных пунктов кузнечного ремесла, ни соответствующего набора орудий.

Традиционная топография поселений и состав культурных остатков свидетельствуют об охотничье-рыболовецком хозяйстве и относительно подвижном образе жизни их обитателей, однако

размещение самых крупных поселений не совпадает с центрами обитания в железном веке, особенно на западе Карелии. Кроме того, на Онежском озере есть два курганных могильника, а в жилище на поселении Челмужи, расположенном неподалеку от одноименных курганов, найдены кости крупного и мелкого рогатого скота (Кочуркина, Спиридонов, 1988). Эти памятники отражают тесные связи с Приладожьем. Тем не менее на большинстве памятников нет прямых и косвенных признаков наличия производящего хозяйства – они, скорее, представляют собой специализированные поселения охотников на пушного зверя, если судить по относительно обилию и разнообразию форм наконечников стрел.

На юго-востоке Карелии только они могут соотноситься с верхним, прибалтийско-финским пластом субстратной топонимии, который вскоре был перекрыт слоем славяно-русских названий, возникшим после крестьянской колонизации этого района. Культуру приладожских курганов можно соотносить с местной топонимией вепсского облика (Муллерен, 1994). Вероятно, и среди носителей культуры с лепной керамикой X–XI вв. на юге Карелии тоже преобладал инородный балтийско-финский компонент. Речь может идти о проникновении в бассейн Онежского озера предков современных вепсов, которое не носило характера массового заселения и не привело к оседлости переселенцев. Это были поселения промысловиков и, видимо, торговцев. С упадком торговли на балтийско-волжском пути к XII в. поселения с лепной керамикой прекратили существование.

Бескерамическая культура

Несколько иначе дело обстоит с бескерамическими поселениями Онежского бассейна. Раннесредневековые поселения Карелии без глиняной посуды (14 пунктов) тоже располагаются в приустьях рек на многослойных поселениях. Радиоуглеродные даты и вещи бескерамической культуры укладываются в рамки IX–XIV вв., но возможно, что она сложилась несколько раньше и существовала немного дольше. Несомненно, таких поселений было больше, но из-за отсутствия керамики их выявление сопряжено с определенными трудностями, потому что датируемые привозные металлические и

иные изделия довольно редки, а в северных районах практически отсутствуют. Любопытно, что наиболее крупные поселения находятся в пунктах, где располагались самые большие поселения железного века. Географическое размещение бескерамических памятников отличается от синхронных поселений с керамикой: их почти нет на Онежском озере, но сравнительно много на периферийных участках его бассейна, особенно на оз. Сямозеро. Есть признаки наличия бескерамических поселений и в юго-западном Беломорье. В целом они располагаются севернее и западнее поселений с керамикой приладожского типа. В некоторых пунктах в контактной зоне, которая наблюдается на юге Карелии в северной части Онежского озера, Водлозера и Сямозера, есть явные признаки неоднократных посещений населением обеих культурных групп.

На бескерамических поселениях отсутствует упорядоченная планировка, а на самых крупных памятниках заметны следы периодических заселений в раннем Средневековье. Есть очаги на местах наземных жилищ легкой конструкции типа чумов, а на одном из поселений обнаружены следы небольшого прямоугольного, видимо бревенчатого, жилища. Раннесредневековые железодельные горны многократного использования в виде каменных ящиков, датированные по C_{14} IX–XII вв., практически идентичны горнам железного века, однако нет признаков развитой металлообработки. Жители поселений не практиковали производящие отрасли хозяйства, вели сравнительно подвижный образ жизни и преимущественно специализировались на добыче пушного зверя.

Видовой и типологический состав металлических орудий, украшений и стеклянных бус на поселениях бескерамической культуры в южной Карелии практически мало чем отличается от набора вещей на синхронных памятниках с керамикой X–XI вв., однако некоторые бескерамические комплексы содержат вещи XIII–XIV вв. Кроме того, для поселений бескерамической культуры характерны находки обломков медно-бронзовых котлов, заменявших глиняную посуду. Сходство ассортимента импортных вещей обусловлено общей ориентацией торговых связей на балтийско-волжский путь, вероятно, через приладожских посредников. Вряд ли можно сомневаться в том, что основным местным товаром были меха.

Пока точно не определена нижняя хронологическая граница бескерамической культуры в Карелии, а также степень вероятного влияния или участия северных групп саамов ее в сложении. В Северной Фенноскандии керамика исчезла, по разным оценкам, в промежутке 0–300 лет н.э., когда произошел переход к «саамскому железному веку» (Карпелан, 1979; Jørgensen, 1986; Olsen, 1994), но, по наблюдениям автора (Косменко, 1993), производство глиняной посуды на юге Карелии прекратилось не раньше середины I тыс. н.э. Пока в южной Карелии не выявлены элементы и комбинации, специфичные для культуры саамов Северной Фенноскандии.

Обзор материальной культуры обеих групп показывает, что здесь доминируют элементы хозяйственно-культурного приспособления к конкретной исторической ситуации. Нужно отметить сходство направления и форм культурной и экологической адаптации, которые нивелируют облик культуры обеих групп. Речь идет о переориентации местного населения на интенсивную меховую торговлю, которая процветала на балтийско-волжском пути в X–XI вв. На всех поселениях преобладают привозные изделия разного происхождения, особенно украшения, и есть косвенные признаки охотничьей специализации на добыче пушного зверя при сравнительно подвижном образе жизни. Нет укрепленных поселений и специализированных видов оружия. Несмотря на то что обе культурные группы в общем продолжили хозяйственно-культурные традиции населения железного века северной части лесной зоны, традиционные элементы в сохранившихся археологических материалах выражены очень слабо.

Учитывая скудость традиционных элементов, сходство форм адаптации к местной природной среде и практически одинаковый состав импортных вещей, все же есть основания говорить о том, что обе культурные группы имеют разное происхождение. Совпадение мест крупных поселений железного века и бескерамических памятников раннего Средневековья, идентичность железодельных горнов наводят на мысль преемственности культуры этих периодов. В бескерамической культуре хрупкую глиняную посуду заменили импортные медные котлы, очень удобные при подвижном образе жизни. Преобладание элементов культурной адаптации

и традиционное размещение поселений дают основания полагать, что сложение этой культуры не сопровождалось в Карелии сменой населения, а вызвано приспособлением южных лесных саамов к новым историческим условиям. Данные топонимики и исторических источников не расходятся с выводом о пребывании групп саамского населения в южной Карелии в первой половине II тыс. н.э. Такие названия в южной Карелии, как Лобское, Лопская, Лапиннаволок, свидетельствуют о контактах первого прибалтийско-финского и русского населения с лопарями. Поселение лопи на юго-восточном побережье Онежского озера упомянуто в «Житии Лазаря Муромского» (Петров, 1886), где повествуется о событиях середины XIV в.

Наконец, нужно коснуться вопроса о дальнейшей судьбе саамов в Карелии. Возможно, что к середине II тыс. н.э. сравнительно малочисленные южные лесные саамы, по крайней мере на западе Карелии, перешли к оседлому образу жизни, сохранив прежние основные направления хозяйственной деятельности – промыслы и торговлю. Позднее они интегрировались с карелами и приняли их язык. Сведения о средневековых саамах очень скудны в письменных источниках, а их материальная культура археологами не изучена, однако нет сведений о каких-либо формах этнической консолидации саамов Карелии в Средневековье и сложения среди них потестарных племенных образований, как и прямых свидетельств вытеснения саамов карелами и русскими. Не освещен и процесс их интеграции – этнический состав населения документально не фиксируется.

После утраты в 1478 г. самостоятельности Новгорода среди бывших новгородских владений в рамках Водской пятины были выделены семь Лопских погостов в западной Карелии: Линдозерский, Семчезерский, Селецкий, Паданский, Ругозерский, Панозерский, Шуезерский. Лопские погосты подчинялись новгородской администрации, но имели по царской грамоте 1530 г. элементы самоуправления, включая сбор и доставку налогов, а с 1648 г. перешли в подчинение олонекских воевод, назначавшихся из Москвы. Центр самого южного Линдозерского погоста находился в среднем течении р. Суны, а в начале XVII в. отдельные семьи лопарей селились и на западном берегу Онежского озера, например в Ялгубе.

Население погостов по традиции занималось преимущественно охотничьим и железоделательным промыслами, а также изготовлением мехов, железных изделий, винокурением и др. Земледелие и животноводство не были основными источниками средств существования, особенно в северных погостах. Отчасти поэтому там получила развитие торговля и контрабанда различных товаров из соседних областей Швеции и обратно. Систематический недобор торговых и таможенных пошлин в этих погостах побуждал олонецкие власти принимать соответствующие меры. Товары из Лопских погостов находили спрос в Архангельске, Новгороде, Старой Руссе, на Макарьевской ярмарке в Поволжье (Карелия в XVII веке, 1948).

Во второй половине XVI – середине XVII в. серьезный урон многочисленному населению этих погостов нанесли русско-шведские войны. В письменных источниках есть отрывочные упоминания об истреблении саамов шведскими отрядами на западе Карелии; другие общины, возможно, откочевывали в более безопасные районы. Серьезным бременем легла на жителей и солдатская повинность, которую Московское правительство временно ввело в середине XVII в. К 1695 г. на обширной территории Лопских погостов насчитывалось только 1500 дворов, предположительно с 6–7 тыс. жителей.

Этнический состав жителей погостов в XVII в., вероятно, был неоднородным. По меньшей мере, некоторые местные жители не знали русского языка, как свидетельствует казус в Олонце с выборным таможенником от Лопских погостов С. Антиповым из Селецкого погоста, который, отчасти по этой причине, добровольно попросил отставки в 1695 г. В целом же очевидно, что потомки оседлых саамов в это время не были объединены собственной устойчивой системой этносоциальных и культурных связей. Они интегрировались в сложившуюся этноязыковую и хозяйственно-культурную среду, как и в систему административного контроля Московского государства. Тем не менее карелы Сегозерья – территории бывших центральных Лопских погостов (Семчезерский, Селецкий, Паданский) – называют себя «лаппи», свой язык определяют как лопарский и сохранили ряд выраженных саамских признаков в культуре и физическом облике (Бубрих, 1947; Материальная культура... 1981; Хартанович, 2003).

В конечном счете средневековые саамы в Карелии не консолидировались как этнос, несмотря на административно-территориальное обособление и определенную культурно-хозяйственную специфику, по-видимому, во многом из-за редкости населения, отсутствия регулярных, устойчивых внутренних связей и неблагоприятной политической ситуации на северо-западной границе Московского государства.

* * *

В итоге можно заключить, что и форма, и этноисторическое содержание процессов смены археологических культур Карелии бронзового века – раннего Средневековья значительно различались. Характеризуя эти изменения на общем концептуальном фоне, нужно заметить, что они не вписываются в жесткие рамки моноцентрических гипотез генезиса западных финноязычных народов, декларирующих единственную – западную либо восточную – расовую, языковую и культурную основу их сложения. Реальные процессы были сложнее и свидетельствуют в пользу концепции смешанного происхождения западных финноязычных культур и этносов во всех сферах, где местный компонент оставался основой. Предварительно можно говорить о верхневолжском и камском центрах сложения «предфинно-угорских» этносов на территории Европейской России, которые позднее, в железном веке, интегрировались под воздействием камских финно-угров.

Инородная культура сетчатой керамики бронзового века Карелии содержит комплекс традиционных элементов поволжского происхождения при отсутствии заметных признаков адаптации к субстратной культуре и ограниченной степени приспособления к природной среде. В данном случае вероятны радикальные этнические изменения вплоть до полной смены языка в результате миграции населения из верхнего Поволжья. В бронзовом веке сложилась общность предфинноугорских этносов Поволжья, Северо-Западной России и Фенноскандии при доминирующей тенденции их культурного и этнического дробления. Только в данном культурно-хронологическом пласте древностей Карелии отчетливо выделяются традиционные элементы, свойственные степным культурам позднего бронзового века, и детали, восходящие к поволжским культурам с шнуровой керамикой и боевыми топорами.

Иначе складывался ананьинский пласт культуры в раннем железном веке. Здесь отчетливо выражено смешение традиционных элементов поволжского и камско-уральского происхождения, более интенсивной была культурная и экологическая адаптация. В культуре преобладает субстратный компонент; нет веских оснований предполагать и полную смену языка на восточный, исключая внедрение новой лексики. В данном случае можно говорить о диффузии восточных элементов в среду западных этносов, происходившей, видимо, во всех сферах вследствие смешения разнородного населения. Данный пласт древностей в Карелии связан с формированием южных саамов, а сложение ананьинского культурного ареала в целом означало становление финноязычной общности. Это был единственный на Северо-Западе России процесс смены культурных типов, сопровождавшийся широким распространением бесспорно восточных, камско-уральских элементов.

Смену культуры в раннем Средневековье отличает преобладание черт хозяйственно-культурной адаптации к новым историческим условиям. Культура поселений с лепной керамикой отражает ранний этап продвижения в бассейн Онежского озера балтийских финнов, видимо древних вепсов, которые прочно не осели в этом районе и занимались охотой и торговлей. Саамы прекратили производство керамики и продолжали занимать большую часть Карелии. Основное уральское направление их связей были переориентировано на бассейн Балтики, и это обстоятельство, наряду с усилением специализации на добыче пушнины, ускорило обособление южных саамов от поволжских этносов. Лесные саамы, видимо, позднее осели в погостах и в конечном счете интегрировались с карелами. Формирование современной этнической карты Карелии в общих чертах завершилось только к XVIII в. в рамках Московского государства.

С. И. Кочкуркина

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

*О понятиях «этнос», «этничность», «культура»
в гуманитарных исследованиях*

Критическое отношение к попыткам определения национальности, этничности высказывалось еще в революционные годы. П. А. Сорокин отрицал расовую или биологическую точку зрения на этническое начало: «Достаточно сказать, что теория чистых рас оказалась мифом; их нет, как нет, например, и специально немецкой или английской крови». Возражал он и против определения народов через язык, национальные интересы. «Ни одна из теорий, – пишет П. А. Сорокин, – не знает, что такое национальность» (1992, с. 248). В 1919 г. российский исследователь Б. Плетнев отмечал, что нельзя установить точных объективных признаков, отличающих одну национальность от другой. В то же время С. М. Широкогоров довольно четко сформулировал понятие этноса: «Этнос – есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых освященных традиций и отличающих ее от таковых других групп» (цит. по: Кокшаров, 2002).

Современным антропологическим исследованиям этничности на Западе положил начало Ф. Барт (Barth, 1969) работой с выразительным названием «Этнические группы и границы». До него, как установил Л. Деспрес (L. Despres) (цит. по: Olsen, Kobylinski, 1991, p. 5), просмотревший 13 книжных текстов по антропологии 1916–1971 гг., в научной литературе термины «этнос», «этническая группа» или «этничность» полностью отсутствовали. Другой исследователь только в 13 из 65 антропологических и социологических исследований

обнаружил четкое определение этничности (Emberling, 1997, p. 300). Основные положения концепции Барта и его коллег можно выразить следующими тремя пунктами:

1. Непременным условием определения этнической группы является деление на «мы» и «они» – тезис, с которым и сегодня согласны все исследователи.

2. Природа целостности этнической группы – это динамичность. Она прямо зависит от границ, отделяющих своих членов общества от посторонних, но не зависит ни от стабильности культурной массы, ни от стабильности культурных черт, которые обозначают границы.

3. Этническая группа – это не конкретный феномен или объективная категория, а идеалистическая сфера социального сознания, т. е. субъективное самоопределение человеческих индивидов (Barth, 1969, p. 14).

В парадигме Барта этничность – это средство достижения экономических и политических результатов, инструмент в конкуренции между группами над ограниченными ресурсами. Им рассмотрены четыре вида ситуаций эколого-экономического характера, в зависимости от которых вырабатывается та или иная стратегия поведения этнических групп.

1. Ситуации, когда этнические группы оккупируют отдельные ниши в естественной окружающей среде при минимальной конкуренции над ресурсами. В этом случае их взаимосвязь могла быть ограниченной, несмотря на совместное проживание в ареале, и взаимоотношения могли быть направлены главным образом через торговлю.

2. Ситуации, при которых этнические группы монополизировали отдельные территории, и по этой причине группы конкурируют за ресурсы, их взаимоотношения вовлекаются в политику вдоль границ и, возможно, в других секторах.

3. Группы занимают различные ниши (или создают различные виды продукции), но в итоге обслуживают друг друга и взаимозависимы. Это влечет за собой классический симбиоз и множество возможных путей для контактов.

4. Ситуация, при которой две или более групп конкурируют в одной и той же нише. При таком раскладе либо одна группа может заменить другую, либо они совместно развиваются, взаимно дополняя друг друга.

Барт активно возражал, и вполне справедливо, против предрасудка об «объективности» и неизменяемости набора культурных черт, существующего независимо от социокультурного контекста. Этот утилитарный взгляд на этничность позднее поддержали и развили многие антропологи и такие археологи, как И. Ходдер, К. Однер, Б. Ульсен, П. Долуханов. По И. Ходдеру, этнические группы – это группы по интересам, которые оппозиционны и конкурентны по отношению к другим группам (Olsen, Kobyliński, 1991, p. 17–18). Такой подход к этническим группам как к организациям, призванным защищать интересы своих членов, в определенной степени научно аргументирован и подтверждается археологическими материалами, но несколько ограничен и не раскрывает сути этнических проблем в полном объеме.

Приоритет развития теории и методологии в 1960–1980-х гг. принадлежал США. Новые достижения в области археологии стали рассматриваться, как правило, в контексте антропологии – науки о культурной и биологической эволюции человека. Это связано, как считают, с существенной разницей между археологическими традициями Старого и Нового Света. Археология Старого Света уже к началу XX в. стала самостоятельной научной дисциплиной, развивающейся в тесной связи с историей и геологией. Европейские археологи имели дело с культурами своих предков и предшественников, занимаясь реконструкцией древних культур. Американские археологи исследовали культуры индейцев, которые они могли подчас наблюдать в реальной жизни, поэтому археология Нового Света развивалась в антропологическом направлении. Такой подход получил название «новой археологии». Одним из ее создателей в 1960-е гг. стал Л. Р. Бинфорд. Смысл «новой археологии» сводился к тому, что археологам не следует ограничиваться описанием и руководствоваться интуицией при реконструкции прошлого, они должны направить свои усилия на построение и испытание теорий, и проверку конкретных гипотез, объясняющих

развитие культурных процессов. Непосредственно по археологическим источникам невозможно изучать историко-культурные процессы. Сначала необходимо, считали представители «новой археологии», разработать методику увязки археологических фактов с событиями древностей, а для этого нужно понять процесс формирования археологического источника. В современной западной науке археология больше связана не с историей, а с антропологией, комплексом наук о человеке, что сближает археологию с естественными и точными науками (Добролюбская, 2003). Естественно, что концепция «этничности» этой школой была признана неудачной и раскритикована.

Здесь нет смысла останавливаться на многолетних теоретических спорах в рамках «новой» или «системно-процессуальной», а также «постпроцессуальной» археологии. На эту тему написано немало обзорных очерков разной степени теоретической глубины, поскольку многие исследователи считали своим профессиональным долгом высказать суждения относительно модных течений в мировой археологии. Расцвет этой школы уже пройден. «Новую» археологию уже называют «умирающей», «деструктивной» (Tilley, 1991), «фрагментарной» (Olsen, 1991). Не осталось в стороне от международных теоретических дискуссий и молодое поколение финляндских исследователей, связывавших большие ожидания с созданием для археологии общей теории, методов и понятий, с тем чтобы выявить существующие недостатки в науке и найти приемлемые способы их исправления (A. Aikio, V. P. Herva, M. Lavento, E. Muurimäki, O. Räihälä, T. Suhonen и др. Опубликованы в нескольких выпусках издания *Muinaistutkija*).

Одним из лучших обзоров теорий, касающихся этноса и его отношения к археологии, считается работа Ш. Джоунс (Jones, 1997). Она выделяет три основных понятия этноса: «этничность», «этническое самоопределение» (самосознание) и «этническая группа». Этничность определяется как «все социальные и психологические явления, связанные с культурными особенностями группы», этническое самоопределение – как «аспект самоопределения личности, который обусловлен представлением о причастности к группе, отличающейся от других групп по своим культурным

чертам и/или происхождению». Этническая группа характеризуется как «любая группа людей, которые выделяют себя и/или отделяют от прочих (групп), с которыми они взаимодействуют или сосуществуют, на основе восприятия культурных различий и/или общего происхождения». В работе критикуются две основных теоретических парадигмы этноса – эволюционная (primordial) и ситуационная (instrumental). Исследовательница предлагает альтернативный подход, сочетающий черты обоих направлений в «теории практики» («practice theory»).

Заметим, к слову, что огромное количество работ при существенном расхождении понимания природы этноса довольно трудно уместить в предлагаемую жесткую прямолинейную классификацию, не все концепции поддаются такому членению. Ряд авторов отмечал, что примордиалистское и инструменталистское направления дополняют друг друга в изучении различных аспектов этноса, и спор между ними бесплоден.

Социобиологическое понимание этноса в рамках примордиалистского направления представлено в работах Л. Н. Гумилева, считавшего этногенез природным процессом, не связанным ни с культурой и бытом народа, ни с их расовым составом, ни с условиями экономики и техники. Являясь природным процессом биосферы и одним из компонентов этнической истории, этногенез действует наряду с тремя постоянными факторами: социальным, техническим и географическим, динамика этногенеза обеспечивается четвертым фактором – пассионарным толчком (Гумилев, 1979, вып. 2, с. 201).

Основная критика примордиализма (Джоунс приводит четыре пункта критики) в изучении происхождения этносов заключается в том, что он представляет очень статичную и натуралистическую точку зрения. Культурный процесс и другие социальные факторы, которые формируют этнические общности или управляют ими, в расчет не принимаются. Ею же отмечено, что примордиалистский подход к этносу пытается объяснить психологические аспекты этничности и возможности конкретных символов.

Напротив, сторонники инструменталистского (ситуационного) подхода считают, что формирование этноса находится в тесной

зависимости от конкретных природных и историко-культурных явлений. «Этнос социально обусловлен, и люди в состоянии выбрать и смешать (разные элементы) из многообразия этнических наследий и культур, чтобы сформировать свое собственное индивидуальное и групповое самоопределение» (Baumann, 2004, p. 12–14). Джоунс полагает, что инструменталисты разделяются на тех, кто сосредоточен на социоструктурном и культурном аспектах этноса и придерживаются более объективной позиции, и тех, кто фокусирует внимание на межличностных и поведенческих аспектах этноса и занимает более субъективную позицию.

Истоки инструменталистского направления связаны с работами Ф. Барта (Barth, 1969) и А. Коэна (Cohen, 1974). Барт рассматривал этническое самоопределение как «индивидуалистическую стратегию», в которой личности переходят от одного самосознания к другому с целью «реализовать свои экономические и политические интересы или минимизировать свои потери» (Jones, 1997, p. 74). По Барту, этническая общность формируется в результате установления границ и взаимодействия ее членов. Взаимодействие между людьми не приводит к ассимиляции или однородности культуры. Культурные особенности и даже личности могут пересекать этнические границы, которые в свою очередь со временем могут трансформировать этническую группу.

В отличие от Барта, Коэн «делает акцент на этнической группе как коллективной стратегии для защиты экономических и политических интересов» (Jones, 1997, p. 74). Джоунс считает, что и Барт и Коэн «фокусируются на организующих особенностях этноса и этнос рассматривается как институт, формирующий общие поверья и виды деятельности, которые обеспечивают группе защиту границ и организационные меры, необходимые для их защиты, равно как и борьбу за социоэкономические ресурсы» (ею сформулированы пять основных пунктов критики инструменталистской теории). Тем не менее инструменталистские подходы внесли вклад в изучение этнических групп, обратив внимание на такие аспекты, которые примордиалистами игнорировались.

Основываясь на критике примордиалистской и инструменталистской теорий, Джоунс (Jones, 1977, p. 87–92) доказывает, что

нужна новая теория, чтобы закрыть пробел между этносом и культурой. Она полагает, что истинного понимания этноса можно достигнуть через «практическую теорию», которая пытается рассматривать «взаимоотношение между объективными условиями и субъективным восприятием». Этнос, по мнению Джоунс (Jones, 1977, p. 100), «представляет собой многомерное явление, формирующееся различными способами и в разных сферах общества. Редко встречается полное совпадение границ этноса и спектра видов культурной деятельности и социальных условий, ассоциируемых с конкретной группой. С высоты птичьего полета общая картина будет выглядеть как перекрывание этнических границ культурными различиями, которые непостоянны, но также подвержены воспроизводству и преобразованиям в ходе социальных процессов».

В советскую эпоху наиболее полное выражение теория этноса нашла в трудах Ю. В. Бромлей. Им было введено понятие «этнос» (1984, с. 15–16) вместо использовавшихся до него категорий «племя», «народ», «нация». Бромлей сделал акцент на таких чертах этноса, как язык, материальная культура, религия, народное искусство, костюмы, ритуальные поведенческие модели и т. д., но подчеркнул, что ни одна из этих черт не должна рассматриваться как существенный этнодифференцирующий признак. Совокупность свойств, обладающих особой устойчивостью, и представляет, на взгляд Бромлей, неотъемлемое ядро этнической общности – этнос в узком смысле слова, а те свойства, которые этнос утрачивает, следует считать необязательными; они представляют как бы внешнюю оболочку этноса.

И сейчас, когда библиография, посвященная проблемам этничности, на английском, немецком и русском языках огромна (список трудов см. : Кокшаров, 2002), нет единства в определении этничности, этноса, нации. Исследователи подчеркивают реальное многообразие становления этносов и наций, различные пути их формирования. «Одни из них складывались как политические, другие – как культурные сообщества. Одни формировались в относительной изоляции, другие – в постоянном взаимодействии с другими народами. Есть нации (этноты), история которых проходила

в рамках ограниченного пространства, и нации, переселявшиеся многократно, распространившиеся по территории всей земли...» (Здравосмыслов, 1998, с. 18).

Понятия не поддаются четкому определению отчасти потому, что в этих категориях заключено столько разнообразных признаков, что учесть их все крайне трудно. Поэтому существующие теории оказываются неспособными выявить этническую сущность. Согласно С. В. Чешко (1994, с. 39–40), этничность имеет иррациональную природу, поэтому определить ее в точных терминах не представляется возможным. Это что-то мистическое, что-то вроде «души народа» (Кокшаров, 2002, с. 5).

Действительно, этнос определить формально трудно, хотя каждый исследователь понимает, о чем идет речь. Видимо, не все явления, в том числе и этнос, этничность, подлежат теоретически точному определению, как, например, и основное понятие в механике «материальная точка», хотя через него формулируются другие понятия.

Учитывая всю сложность и многообразие мнений об этносе, этничности и отсутствие какой-то единой общепризнанной точки зрения, меня, как археолога, изучающего этнокультурную историю народов Карелии, занимает проблема корреляции духовного и материального, этноса и материальной культуры. Можно ли и какими средствами опознать этносы в материальной культуре, идентифицировать археологические культуры и народы?

Этнос и археология

В отечественной археологии вопросы реконструкции этнических процессов по материалам археологии и смежных дисциплин, особенно в области изучения славянских, финно-угорских, и в частности прибалтийско-финских, народов были всегда актуальными (Л. А. Голубева, Е. И. Горюнова, В. В. Пименов, В. В. Седов, А. П. Смирнов, А. Х. Халиков и мн. др.). Обнаруженные в процессе исследований однотипные археологические объекты с присущими им некоторыми особенностями домостроительства, одежды, утвари, орнамента, деталей погребального обряда и т. д. и корреляция их с данными языкознания, топонимики, антропологии, этно-

логии и фольклора давали основание считать эти объекты, принадлежащими известному по письменным источникам этносу.

Вместе с тем некоторые критически настроенные археологи относились и относятся к этой стороне археологических исследований весьма настороженно, ссылаясь, и вполне справедливо, на ограниченность археологических источников при попытках воссоздания этноисторических систем (или конструкций). Сумма устойчивых и специфических свойств того или иного народа – язык, самосознание, физический облик, особенности духовной культуры – археологическими источниками не улавливается, за исключением некоторых остатков материальной культуры, которые к тому же представляют собой трансформированные следы человеческого поведения.

В 20-х гг. XX в. одним из первых, кто попытался установить связь между языком, материальной культурой и народом, и определить территорию германских племен по археологическим материалам, был немецкий исследователь Г. Коссинна. Ассоциировавшиеся поначалу с его именем национализм и расизм позднее были забыты, но главный его тезис – связь археологических культур и народов – использовался в Европе длительное время и до сих пор играет большую роль в исследованиях, осуществляющихся во многих частях мира. Попытки обнаружить следы современных или исторически известных этнических групп в археологических материалах базировались на вере, что они содержат прочный и объективный набор культурных черт, характеризующий известные этнические группы. Следовательно, внезапное появление или исчезновение отчетливой материальной культуры должно быть объяснено миграцией, колонизацией, завоеваниями или ассимиляцией (Olsen, Kobyliński, 1991, p. 9).

В первой половине XX в. В.-Г. Чайлд был одним из тех, кто пытался обобщить данные археологии Старого Света. Он критически относился к прежним интуитивным подходам в изучении и толковании исторических фактов. По его представлению, географические и природные условия являются важнейшими факторами формирования исторических процессов, поэтому в материалистической концепции Карла Маркса он видел продуктивные пути объяснения этих процессов. В то время как археологи занимались

описанием отдельных памятников и артефактов, Чайлд создавал свою комплексную антропологическую концепцию, которая оказала и до сих пор оказывает существенное влияние на современных археологов и антропологов (Добролюбская, 2003). В работе 1925 г. он впервые концептуально изучил предысторию Европы как мозаичное перемещение археологических культур, идентифицируемых с народами, вернее, как серию стадий культурной эволюции или диффузию технологий из Среднего Востока. Хотя в этом труде он стремился определить оригинальный дом индоевропейцев, достичь этой окончательной цели он не смог. Чайлд провозгласил, что принципиальная цель доисторической археологии – идентифицировать индивидуальные народы или культурные группы и проследить их дифференциацию, передвижения и взаимодействия. Он четко отметил, как движение безымянных народов отражается в археологических объектах, и положил начало публичному обсуждению вопроса об изучении этноса на археологическом материале, и с тех пор так или иначе этничность является понятием при изучении истории. Б. Триггер отметил, что позднее Чайлд засомневался в полезности археологии для политической истории, в которой, по его мнению, культуры замещали государственного деятеля и миграционные баталии (Trigger, 1994).

Из концепции Барта становится очевидным, что он полностью отказался от археологических характеристик при определении этнических групп. Л. Н. Гумилев (1979, вып. 1, с. 55–61) отрицает все признаки этноса: язык, происхождение, обычаи, материальную культуру, идеологию. Единственным определяющим признаком этноса является противопоставление своего коллектива остальным. Это противопоставление «мы – они» и лежит, по мнению Гумилева, в основе диагностики этносов. Что касается археологии, то, как он пишет «мы иногда встречаемся со слепой верой в могущество археологических раскопок, основанной на действительно удачных раскопках в Египте, Вавилонии и даже в горном Алтае... Но ведь это исключение, а по большей части археолог должен довольствоваться черепками, поднятыми из сухой пыли раскаленных степей, обломками костей в разграбленных могилах и остатками стен высотой в один отпечаток кирпича» (Гумилев, 1979, вып. 1,

с. 54); «...культуры, созданные этносом и изучаемые археологами, переживают первых и вводят в заблуждение вторых, заставляя их отождествлять творение с творцом и искать аналогии между вещами и людьми» (вып. 2, с. 188).

Негативную точку зрения на артефакты как плохие индикаторы этничности, когда они рассматриваются индивидуально, поддерживали и развили многие исследователи в рамках процессуальной и постпроцессуальной археологии. Была раскритикована интуитивная, произвольная и искусственная природа археологической классификации (Renfrew, Hodder, Shennan и др.). Археологические данные не являются беспристрастными зеркалами объективного мира, «наша стратегия должна быть стратегией полемики и неудовлетворения, вызовом ортодоксии, работы с неизвестным» (Shanks and Tilley, 1987, 1994). Минимизировать влияние идеологии – вот задача современных исследователей.

Несмотря на то что антропологические концепции этничности отрицательно относились к возможностям археологии при реконструкции этнических процессов, вера в ее потенциальные возможности не угасала.

Джоунс в соответствии с отстаиваемой ею практической теорией этноса согласна с тем, что соотношение между многомерной природой этноса и материальной культурой представляется неуловимым и скоротечным, что составляет для археологов определенные трудности. Мнение о том, что интенсивность этнического самосознания и различий в материальной культуре, а также четкость этнических границ может возрастать в периоды экономических и политических кризисов, а также войн, находит подтверждение в древней истории карел. В XII–XV вв., в период бесконечных военных столкновений с иноземцами, в древнекарельской материальной культуре наиболее отчетливо прослеживаются самобытные черты, отличающие их от соседних прибалтийско-финских народов. Джоунс считает, что для широкого понимания культурных контекстов прошлого анализ этноса в археологии необходим, а исторический подход к зарождению и проявлению этничности является ключевым (Jones, 1997, p. 126).

Как считают соавторы норвежско-польского обзора этничности в антропологических и археологических исследованиях, несмотря на все высказанные ограничения для археологов, центр изучения этничности в археологии должен быть перенесен на изучение феномена этничности. Этническая идентичность, субъективная и динамическая, необязательно имеет отношение к общему языку, одной территории или группе религий. Можно опознать в археологических материалах четкое объединение, различающееся материальной культурой и назвать это этнической группой, но реальный тип социальных уз и характер субъективных чувств, которые такое объединение отражают, остаются неизвестными. Эту задачу можно было бы решить, только исследуя живущие коммуны, но даже этноархеологические обзоры не выявляют четкий имидж этих отношений. Различия этнических групп могут проявляться на основе диалектов, религии, некоторых категорий материальной культуры. Более того, народы различного этнического сознания живут вместе на той же территории и даже в одних и тех же деревнях. В то же время недавние этнические движения в Центральной и Восточной Европе неожиданно показали, как может быть сильно чувство этничности и ненависти к чужим.

Несмотря на предостережения и напоминания археологической науке об ее ограниченных возможностях при изучении этнических групп, авторы считают, и с ними нельзя не согласиться, что этничность – реальный феномен и потому должен изучаться археологией. Необходимо более интенсивное исследование всех факторов определения этнического сознания и всех факторов, обуславливающих вариации в материальной культуре. Поскольку этничность – это динамический феномен, наиболее вероятно, что этот набор факторов варьирует во времени, но в рамках определенного исторического контекста. Развитие такого диалектического подхода, который был бы способен объединить различные показатели этничности, остается главной задачей археологических исследований (Olsen, Kobyliński, 1991, p. 22–23).

Политическая обстановка 1990-х гг. сказалась и на исследователях древней истории. Некоторые из них, наиболее яростно выступающие против идеологии (политики) в археологии, использовали

этот переломный период для возбуждения националистических (или патриотических) настроений. Не секрет, что в тех странах, где поднимается национальный вопрос, возникают напряженные ситуации. Ярким примером является полемическая статья П. Лиги (ФА. XI) «Активные славяне» и «пассивные финны». Цель статьи, по его собственному признанию, – обратить внимание на идеологическое злоупотребление парадигмы крупной славянской колонизации на Северо-Западе Руси и указать на присущую методологическую слабость исследований. Эстонскую археологию он назвал «маленькой научной организацией в оккупированной стране»¹. Он считает, что коллапс коммунистического режима в нашей стране не привел к переоценке этнических исследований в археологии. И объяснение этому он видит в комбинации ортодоксального марксизма и национализма. Он убежден, что каким бы ни было наше понимание «объективности» исследования, как бы мы ни придерживались «нейтральной» теории, все равно происхождение русских напрямую связано с идеологией и политикой. Как писал А. Смит (Smith, 1986, p. 191), «все национально-романтические мифологии являются эволюционными по форме и содержанию и, как правило, наука принуждается к услужению поэтических конструкций».

Также П. Лиги считает, что антропологическим материалам можно давать альтернативную интерпретацию, а не только объяснять славянской колонизацией. Более того, ссылаясь на авторитеты англо-американской школы (Renfrew, Shanks, Tilley) и повторяя их, он утверждает, что интерпретация письменных источников таит в себе тоже немало опасностей. Что касается погребальных обрядов, то П. Лиги считает, что они лишь косвенно отражают социальные взаимосвязи, а в XI–XIII вв. тем более не способны раскрыть их, потому что элита, видимо, уже крещеная, археологически была «невидимой». Материальную культуру, смену форм

¹ Это явные спекуляции на национальном вопросе. Мне довольно часто приходилось общаться с эстонскими коллегами, работать над археологическими коллекциями Эстонии, встречаться на международных конгрессах, семинарах и дискутировать, обмениваться литературой и т.д. Ничего похожего, о чем с большой обидой писал Лиги, я не наблюдала.

погребальной обрядности и т. д., являясь сторонником постпроцессуализма, он объясняет внутренним, социальным развитием общества, локальными социальными изменениями в нем.

Б. Триггер (Trigger, 1994, p. 100–103) при ответе на свой собственный вопрос – этничность: подходящее ли для археологии понятие? – считает, что для объяснения археологических материалов большое значение имеет физическая антропология. С исторической лингвистикой, которая теоретически реконструирует протоязыки, намного труднее сопоставлять археологические материалы, в то время как язык является важным аспектом этничности. Поэтому вряд ли археология может или должна браться решать вопросы этнической принадлежности, за исключением тех моментов времени и места, для которых имеется значительное количество исторических и лингвистических свидетельств. Это и не так уж важно в сравнении с результатами, которые археология достигает в изучении экологической, хозяйственной и социальной адаптации. Б. Триггер считает, что прав был А. М. Талльгрэн, поощрявший эстонскую археологию заниматься функциональным исследованием предыстории, а не этническими процессами.

Б. Триггер пишет: «Центральным в культурно-историческом подходе было убеждение, что есть возможность узнать "народы" или "этнические группы" в археологическом материале. В начале XX в. американские антропологи Э. Сапир (E. Sapir) и Ф. Боас (F. Boas), изучая культурную индейскую историю Северной Америки, пришли к заключению, что она базируется на таких ошибочных понятиях, как расовые, культурные и лингвистические различия народов, которые являются результатом одного процесса дифференциации. Это означает, что некий вид сходства между двумя группами говорит о том, что обе они происходят от общего предка. Э. Сапир и Ф. Боас утверждали, что, напротив, расу, язык и культуру следует трактовать как самостоятельные переменные и их истории изучать независимо друг от друга. Поскольку культурные черты могли быть позаимствованы друг от друга, схожие культуры становились общими для народов, которые существенно различались по лингвистическим и физическим характеристикам. Поэтому последние (лингвистические и физические. – С. К.)

не применимы для реконструкции культурной истории, так же, как и культурные критерии не должны быть использованы для реконструкции истории языков и физических типов, ассоциируемых с отдельными группами. В качестве примера приводится недавняя история Европы. Романские языки произошли от латыни, но только небольшое число говорящих на романских языках происходит от граждан древнего Рима. Тот факт, что большинство наций современной Европы говорит на родственных языках, не дает объяснения, почему они обладают одинаковой культурой. Многие из культурного сходства не являются наследием далекого прошлого, оно результат совместного опыта, диффузии в недавнее время. Европейцы, которые не говорят на индоевропейских языках, такие как баски, венгры, финны, принимали участие в этом процессе не меньше, чем другие европейцы (Trigger, 1968, p. 7–12).

Проблемами этноса озабочены и исследователи Финляндии. Под руководством С. Сухонена был организован симпозиум, состоявшийся в октябре 1997 г. на научном стационаре Университета Хельсинки в Ламми. Материалы опубликованы в 1999 г. в томе «По тропам Севера. Корни финнов в свете современных исследований», который включил 37 докладов и комментариев к ним.

Ю.-П. Таавитсайнен попытался ответить на вопрос, прозвучавший в дискуссии: при изменении культуры меняется ли этнос? В каких случаях речь можно вести о диффузии, а когда об иммиграции? Ясной картины в процессе дискуссии не сложилось. Археологическая культура, утверждает Ю.-П. Таавитсайнен, это не то же самое, что генетическая совокупность. Как установить корреляцию этнического и материального? Что же может служить этническими маркерами? Определить их сложно, поскольку археологические культуры не были статичными, с одной стороны, а с другой – они были мультиэтничными, а сами маркеры непостоянными. Он привел пример с распространением китайского фарфора в Швеции в 1700-х гг., которое, естественно, не привело к господству китайцев и китайского языка. Он согласен с тем, что теоретически этнические маркеры есть, а на практике выявить их почти невозможно (Taavitsainen, 1999, p. 353–358).

Для традиционного направления этноисторических исследований характерна мысль, что народы определяет их язык. В результате современные прибалтийские финны всегда рассматривались как говорившие на финно-угорском языке, соответственно германцы, балты и славяне – на индоевропейских языках. К. Вийк подвергает сомнению эти взгляды. По его мнению, народ не может определяться по его языку, как ранее представлялось; народы могли изменять свой язык настолько, что те, кого мы сегодня называем прибалтийскими финнами и саамами, прежде говорили на нефинно-угорских языках, тогда как современные германцы, балты и славяне могли говорить на неевропейских языках в предшествующие тысячелетия. Видимо, смена языка была более обычным явлением, чем принято думать. Не следует ли определять народы более по их генетическим и расовым чертам, чем по их языку? (Wiik, 1998, p. 5–6).

Исследователи обращают внимание на удивительные таланты к изучению иностранных языков людей, живущих в приграничной зоне. Этнические группы объединяют своих членов даже в ситуации исчезновения используемого языка. Поэтому К. Ренфрю и П. М. Долуханов предположили, что индоевропейский протоязык был оригинальным видом *lingua franca*, который появился в процессе неолитизации и последующей консолидации (Olsen, Kobyliński, 1991, p. 15–16).

В Финляндии к проблеме происхождения финнов привлекли генетические исследования. Вопросы, которые ставились перед генетиками, заключались в следующем: откуда финны появились в Финляндии, каково их происхождение и каковы гены у современных финнов?

Выяснилось, что гены у финнов в основном такие же, что и у других европейцев, хотя и с восточным компонентом, что на 90% финны европейцы, а на 10% – уральцы. Уже более 30 лет тому назад в Финляндии были начаты исследования по группам крови (O. Streng, E. Mustakallio, H. Nevanlinna). В первую очередь эти исследования объясняли структуру финского населения, а во вторую – его корни. У Х. Неванлинна получилось, что у финнов $\frac{3}{4}$ европейских генов и $\frac{1}{4}$ восточных (частично сибирских). В

финляндской биоантропологии были сделаны крупные успехи в исследовании генетического материала человека: ДНК ядра клетки, митохондрии и Y-хромосомы. Было установлено, что финны по своим генам не отличаются от европейцев, но более четко отличаются от саамов. Интересные наблюдения были опубликованы в 1997 г. большой группой исследователей – в Y-хромосоме представлены C/T переходы, которые в Восточной Сибири прослежены у 86% якутов и у 58% бурят, они присутствуют у более половины исследованных финнов-мужчин, а также почти во всей Балтии, но не южнее. Р. Норрио пишет (R. Norio, 1999, s. 297–306): «Хочется верить, что это свидетельствует о древних трансуральских связях в направлении запад – восток». Между тем он полагает, что ответить на вопрос о прародине финнов на современном этапе развития науки генетика не в состоянии. Сведения о генах наших языковых родственников скудны. Мало что дает для выяснения финских корней и исследование традиционных финских заболеваний. От какого населения современные люди получили свои гены? Эти обстоятельства зависят от большого числа исторических случайностей, но в том, что финское родовое дерево это не сосна с одним главным корнем, но ель, которая опирается на многие идущие в разные стороны корни, исследователь не сомневается.

В комментарии по поводу статьи Р. Норрио (A. Chapelle, 1999, s. 307–310) говорится о генетических мутациях, которые, правда, еще пока находятся на начальной стадии исследования, но при дальнейшей разработке методов могут дать хорошие результаты при изучении корней финского народа. Анализ линейности, основанный на митохондриальном и Y-хромосомном полиморфизме ДНК, является мощным инструментом детального анализа генетической истории человека. Но пока использована только часть познавательных возможностей этого подхода, и торопиться с гипотезами не следует. Итак, при всех допущениях и оговорках, что археология имеет ограниченные возможности в интерпретациях этноисторического характера, которые во многом зависимы от субъективных и объективных обстоятельств, Б. Триггер (Trigger, 1986, p. 1–20) считает, что археология играет свою роль в достижении более рационального понимания человечества.

На мой взгляд, привлечение данных языкознания, топонимики, антропологии, естественнонаучных дисциплин и письменных источников на современном этапе исследования не вызывает сомнений. Поскольку каждая из наук развивается по своим законам и имеет свои методы исследования, располагает собственным арсеналом средств для исторических реконструкций, необходимо теоретико-методологическое обоснование привлечения разнородных, а иногда и противоречивых свидетельств. Оно необходимо и при выявлении устойчивых комбинаций этнических элементов, с помощью которых можно было бы определить конкретные этносы и которые, надо помнить, каждый сам по себе не постоянен во времени и пространстве. Теоретико-методологическое обоснование, по определению, должно минимизировать субъективность исследователей, скорректировать их спорные и некритичные суждения. Это касается и применения естественнонаучных методов в археологических исследованиях.

В последние десятилетия в археологических исследованиях по обе стороны границы стали успешно использоваться данные естественнонаучных дисциплин. Палеоэкологи Университета Йёнсуу осуществили спорово-пыльцевые анализы на ряде водоемов приладожской Карелии: в районе Сортавалы, Куркиеки, Хийтолы, на Валааме, Карельском перешейке, которые показали наличие земледелия в I тыс. н. э. К сожалению, эти данные находятся в противоречии с археологическими материалами, т. е. признаки земледелия имеются, а следы обитания человека отсутствуют. Так, например, в образце почвы Хийтолы – Кильполансаари обнаружена сельскохозяйственная пыльца возрастом в 200–400 лет (Taavitsainen et al., 1994, p. 29–39; Simola, 2003, s. 103–104), однако синхронных археологических находок в Хийтоле нет.

Анализ пыльцы из Кирьявалампи, расположенной в 2 км от знаменитой могилы Сортавала – Нукутталаhti VI в., указал на существование земледелия уже в 600 г. (Grönlund et al., 1997, p. 393; Simola, 2003, s. 106–107), но поселения этого времени здесь отсутствуют. Согласно пыльцевому анализу из Валкъярви – Охалампи (оз. Узорное), на этой территории лес был расчищен около 600-х гг., с начала 700-х гг. имеются признаки земледелия (Simola,

2003, s. 104–106), однако надо иметь в виду, что в окрестностях Охалампи, откуда до Саккола в направлении восток – северо-восток 20 км, нет ни древностей железного века, ни случайных находок. Отдаленность Охалампи от южного берега Суванто слишком большая, поэтому думать, что его пыльца свидетельствует об использовании земли в Лапинлахти бездоказательно (Karjalan synty, 2003, s. 312).

Исследование пыльцы показывает также слабое присутствие людей и следы земледелия в период 400–800-х гг. на территории Куркиеки – Кууппала. По пыльце, взятой из Пиени Кауппаланлампи (Pieni Kauppalanlampi), поблизости от комплекса археологических памятников, начало земледелия датируется 600-ми гг. (Miettinen et al., 2002; Simola, 2003, s. 100–101), что тоже противоречит времени появления памятников в этом районе.

На архипелаге Валаам на Нийккананлампи (Niikkananlampi) палеоэкологические результаты в период 500 до н. э. – 0 зафиксировали следы человеческой деятельности и пастбище, существовавшее по крайней мере в течение 800-х гг. (Vuorela, Saarnisto, 1997, p. 150; Vuorela et al., 2001, p. 135–165). Следы земледелия на Валааме отмечены около 650-х гг., а в 800-х гг. оно, как предполагают, распространилось и на другие части острова (Simola, 2003, s. 107, 110).

Итак, следы земледелия во второй половине – конце I тыс. н. э. в северо-западном Приладожье и на Карельском перешейке немногочисленны и отрывочны. К тому же разрыв в датировках, полученных в результате палеоэкологических и археологических исследований, заставляет критически отнестись как к гуманитарным, так и к естественнонаучным выводам.

Таким образом, этносы представляют собой устойчивые комбинации различных элементов, по которым один этнос отличается от другого. Им присущи нестираемые различия и самобытность. И хотя путь фиксации и описания «этнических признаков» признан бесперспективным, поскольку при акценте на признаки ускользает сущность явлений, тем не менее надо стремиться выявить эти элементы на археологическом материале. Каким образом? По моему мнению, основой исследования являются прежде всего

типология и классификация всех видов археологического материала (формальный анализ), в результате которых определяются датировка, общие и частные, специфические черты круга памятников (содержательный анализ). Иными словами, типично археологическими методами попытаться выделить адаптационные элементы, элементы, приобретенные в процессе торгово-культурных контактов, и собственные традиционные особенности на конкретном историко-культурном фоне.

Следующий этап – реализация комплексного, междисциплинарного исследования с привлечением итоговых результатов смежных гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Думаю, что не следует отказываться и от ретроспективного метода этноисторических исследований – от известного народа к неизвестному, хотя у метода, конечно, есть свои недостатки. Поскольку этносы реконструируются на археологическом материале, который чаще всего представлен ограниченным кругом памятников, неизбежно использование принципа дополнительности.

Приведу конкретный пример. При рассуждении об этнической принадлежности курганов Приладожья встал вопрос об археологических критериях опознания древнескандинавских женских погребений по наличию в них комплекта из трех фибул: двух овальных, застегивающих лямки длинного безрукавного одеяния, и третьей, скрепляющей накидку или шаль. Так как накидки или шали могло и не быть, считалось, что по наличию двух фибул признавать скандинавским погребение в ареале финно-угорского населения нельзя. При таком подходе из списка скандинавских непременно окажутся вычеркнутыми действительно скандинавские погребения. Следовательно, истинность этого критерия не абсолютна. Применение его требует дополнительных общеисторических рассуждений и доводов «здравого смысла», хотя выводы, сделанные в соответствии с логикой современного человека, далеко не безукоризненные. Конечно же, погребальный обряд менее подвержен изменениям и более надежен при определении этноса. Вместе с тем характерный для скандинавов обряд – кремация с помещением останков в курган – явление чрезвычайно распространенное в эпоху

раннего Средневековья, а в условиях Приладожья использование этого признака неэффективно, поскольку местное население именно у скандинавов восприняло курганный обряд погребения. Сейчас доказано, что среди прибалтийско-финского населения Приладожья присутствовало скандинавское население, но атрибуция погребений скандинавов спорна, поскольку они соединяют в себе черты обоих этносов, а какие из них первичные, какие вторичные, сказать трудно. По всей вероятности, финско-скандинавские взаимоотношения складывались на тех же, что и славяно-скандинавские, принципах культурной инфильтрации.

Следующий уровень этнокультурного исследования – это привлечение данных языкознания, топонимики для определения этноса, оставившего курганы Приладожья, и, к сожалению, скромные антропологические материалы. Этнографические материалы, на мой взгляд, слишком общи. Они применимы для характеристики более широкого круга, нежели юго-восточное Приладожье, прибалтийско-финского населения.

Что касается исследования этнической истории древних карел, то круг источников здесь шире и глубже по содержанию, что позволило создать в общих чертах непротиворечивую этнокультурную картину.

Некоторые спорные аспекты этнокультурной истории древних карел

О происхождении племени корела

Этот вопрос долгое время оставался дискуссионным. Существовало несколько точек зрения на происхождение племен, объединенных этнонимом *корела*². Представителями гуманитарных наук проделана обстоятельная и кропотливая работа. Отклонены и представляют лишь библиографический интерес теории лингвистов и

² Здесь автор не касается вопроса о заселении Приладожья в эпоху каменного века безымянными охотниками и рыбаками. О заселении этих территорий еще в мезолите общеизвестно. Речь идет о древних карелах, упомянутых в письменных источниках в начале II тыс. н.э.

историков XIX в., согласно которым карелы первоначально обитали в районе Белого моря, в сказочной Биармии, где якобы составляли большую часть Биармийского государства, которое в X в. пережило кризис, ослабело и распалось. Значительная часть населения Биармии продвинулась к западу от Северной Двины и Белого моря, к Онежскому и Ладожскому озерам, к Финскому заливу (подробнее см.: Кочкуркина, 1982, с. 7).

В начале XX в. в финляндской литературе получают распространение теории западнофинского происхождения карел, согласно которым карелы – прямые потомки западнофинского племени хяме (емь по русским источникам), обитавшего на Карельском перешейке в I тыс. н. э. Под сомнение брались этническая самостоятельность, язык народа, карельское происхождение эпоса «Калевала». Формированию таких точек зрения способствовали и объективные обстоятельства, прежде всего отсутствие археологических материалов I тыс. н. э. В последующие десятилетия исследователи, не удовлетворенные такими выводами, главное внимание стали уделять археологическим данным. Некоторые археологи (А. М. Талльгрэн, А. Европеус, К. А. Нордман) считали мнение о переселении карельских племен с запада на восток необоснованным. Так, К. А. Нордман полагал, что карелы, как и их культура, сформировались в результате смешения восточных и западных элементов. Он считал, что культура населения Карельского перешейка уже в I тыс. н. э. отличалась от западнофинской и не согласился с бытующими среди финляндских исследователей представлениями о том, что походы викингов явились причиной подъема и расцвета карельской культуры, и убедительно показал, что как раз прекращение походов викингов способствовало подъему Карельской земли в XII–XIV вв. Он признавал влияние Новгорода на карел прогрессивным (Nordman, 1924, s. 182–196).

Гипотеза о заселении Карельского перешейка с востока сформулирована в 1930-е гг. крупнейшим российским археологом В. И. Равдоникасом под влиянием большого ценного материала, полученного при раскопках курганов Олонецкого перешейка. Исследователь придерживался традиционной точки зрения о карелах

как довольно поздно сформировавшемся этническом образовании. Поскольку материальная культура Карельского перешейка IX–X вв. близка культуре центральной и западной Финляндии, рассуждал он, то эти территории имели одно и то же население – емь. В. И. Равдоникас полагал, что корела до конца XI в. жила в восточном Приладожье, а затем в конце XI–XII в. заселила северо-западное Приладожье, где ей пришлось столкнуться с емью и какое-то время сосуществовать с нею (Равдоникас, 1930а; 1934, с. 6–7, 25; 1940, с. 11).

Между тем археологические материалы противоречат предположению В. И. Равдоникаса. Население, оставившее курганы, не могло принимать участие в формировании корелы, хотя наличие контактов корелы и веси отрицать нельзя (Кочкуркина, 1975, с. 303–305).

В предвоенные и послевоенные годы крупнейшим финно-угроведом Д. В. Бубрихом разработана концепция происхождения и этнического развития народа в XII–XVII вв., базирующаяся на огромном лингвистическом материале, собранном на территории расселения карел. По мнению исследователя, до возникновения Древнерусского государства Карельский перешеек был слабо заселен, здесь кочевали редкие саамские родоплеменные группы. С образованием Древнерусского государства на этой территории в тесном взаимодействии с Русью начала формироваться корела. Откуда она пришла, Д. В. Бубрих не смог дать убедительного ответа. Он считал, что частично население пришло из земель еми, часть – из мест, близких к Чудскому озеру и Новгороду. Допускается участие и древней веси (Бубрих, 1947, 1971).

Итак, по мнению Д. В. Бубриха, корела сформировалась на Карельском перешейке, но различные, пришедшие извне компоненты изменили ее – в IX в. она называлась «кирьяла» и, видимо, ее первоначальный состав был иным (см.: Кочкуркина, 1982, с. 10, сн. 4).

В последние годы в отечественной и зарубежной литературе древних карел рассматривают как качественно новое формирование,

возникшее на базе местного, западнофинского³ и пришедшего из юго-восточного Приладжья населения. Расхождения наблюдаются в том, какая из составляющих преобладала. Одни полагают, что на формирование корелы оказали воздействие в первую очередь западная Финляндия, Готланд и Новгород; другие признают тесную связь населения Карельского перешейка и юго-восточного Приладжья. Так, по мнению финляндского историка Х. Киркинена, археологические, лингвистические и исторические данные не позволяют считать корелу емского происхождения. Он считает, что племя корела формировалось одновременно с Новгородским государством в результате смешения чудских, западнофинских, вепсских, а может быть, и варяжских компонентов (Kirkinen, 1963, s. 31, 35). Все эти обстоятельства свидетельствуют о большой древности этнической общности корела и позволяют утверждать: племя корела сформировалось на Карельском перешейке в I тыс. н. э., и основу его составило прибалтийско-финское население.

За истекшие десятки лет археологический материал I тыс. н. э., который смог бы существенно пополнить источниковую базу и внести ясность в вопрос о происхождении древних карел, практически не увеличился. По-прежнему исследователи оперируют давно известными случайными единичными находками каменных орудий, наконечников копий, топоров, предметами украшений, отдельными могилами, в которых умершие погребены по обряду трупосожжения. До сих пор непонятно, откуда и по каким причинам западнофинское население переместилось на Карельский перешеек. Материалы добыты в конце XIX – начале XX в. и лишены

³ Говоря о заселении Карельского перешейка с запада, в качестве доказательства приводят могильник Саккола – Лапинлахти, в котором погребены, как показал последний не совсем точный остеологический анализ, 4–8 мужчин и 1–2 женщины (Karjalan syntu, 2003, s. 309). Еще в 1982 г. я писала: «Этническая атрибуция погребального инвентаря могильника Лапинлахти позволяет признать мнение финляндских исследователей о западнофинской принадлежности могильника в целом справедливым. Ничтожно малое количество погребений нельзя расценивать как следствие значительной переселенческой волны из западной Финляндии в районы Карельского перешейка» (Кочуркина, 1982, с. 18). Удивляют восторги некоторых рецензентов на книгу Karjalan syntu по поводу того, что наконец-то признали переселение из западной Финляндии на берега Ладоги (Suhonen, 2004, s. 52).

необходимой информации относительно формы и размера могильников, деталях погребального обряда и т. д., что допускает порой вольные авторские интерпретации (Saksa, 1998, s. 192–196; Karjalan synty, 2003, s. 311–312).

О языке и диалектах

Установлено, что карелы, как и другие прибалтийские финны (эстонцы, ливы, воль, ижора, финны и вепсы), образуют западную ветвь финно-угорских народов. Лингвисты считают, что некогда существовал общий язык-основа, так называемый пракарельский язык, от него произошли и ижорский язык и восточнофинские диалекты финского языка. По их мнению, карельские наречия – собственно карельское, ливвиковское, людиковское – возникли в результате сложных этнических процессов у населения Карельского и Олонецкого перешейков в начале II тыс. н. э. (Баранцев, 1976). Происхождение, формирование и развитие собственно карельского наречия тесно связано с летописным племенем корела, проживавшим в I–II тыс. н. э. на северо-западных берегах Ладожского озера, однако исследователи пришли к неутешительному выводу, согласно которому вопрос о происхождении карельского языка и его диалектах не может считаться окончательно решенным.

Предполагается, что древнекарельский и древневепсский диалекты развились на основе, названной Т. Итконеном «itäkantasuomi» – восточный диалект прибалтийско-финского праязыка язык-основа (Itkonen, 1984, s. 355–359), позднюю стадию которой П. Саммаллахти обозначил как «laatokkalainen kanta-kieli» – ладожский праязык (Sammallahti, 1977, s. 119–135). Явно находясь под влиянием археологических находок западнофинского происхождения на Карельском перешейке, Ю. Лескинен заключил, что в Ладожской округе, по крайней мере начиная с середины I тыс., проживал, по-видимому, относительно единый прибалтийско-финский народ с древнекарельской разговорной культурой. Его языковое единство могло возникнуть тогда, когда коренное население и пришедшие на западное побережье Ладоги западные финны сплелись друг с другом. Язык ладожской Карелии

не оставался без изменений. Торговые и культурные связи, расширение территории и многие другие обстоятельства приводили к различным языковым инновациям (Leskinen, 2003, s. 448).

Не все исследователи согласны с такой трактовкой. Есть сомневающиеся как в существовании «ладожского праязыка», так и в общности древнекарельских и древневепских диалектов. Т. Салминен полагает, что основные древнекарельские говоры в районе Финского залива назывались «suomenlahden Karjala», а в Ладужской округе – «laatokkalainen Karjala» (Salminen, 1998, s. 399–402).

По современной классификации в северном и западном Приладожье были распространены юго-восточные диалекты: собственно юго-восточные (центральная часть Карельского перешейка), инкери-диалект (территория Ижорского плато), переходные говоры (районы Лаппе и Сортавалы) (Leskinen, 1999, s. 364, k. 2).

Топонимика

Важная роль в изучении истории карел принадлежит топонимике – науке о географических названиях. Топонимические названия помогают выяснить территорию расселения народа, пути его передвижения, важные вехи этнической истории и особенности хозяйственной деятельности в течение нескольких тысячелетий. Карельская топонимия давно стала объектом исследования финляндских специалистов. Плодотворную работу по сбору названий в северо-западном Приладожье осуществил В. Ниссиля. На основе огромной коллекции карельских топонимов (325000 единиц), хранящихся в Топонимическом архиве Финляндии, им создан обобщающий труд (Nissilä, 1975).

Названия рек, озер, возвышенностей, урочищ, болот и т. д. в северо-западном Приладожье – финско-карельские. Они составляют фундамент, главный топонимический пласт. Наиболее древние – саамские топонимы. Именно саамы дали названия многим важным природным объектам. По отношению к ним топонимы славянского происхождения более поздние, но довольно часты в ландшафте Карельского перешейка, поскольку славянское влияние проникло во все сферы хозяйственной и культурной деятельности древних карел, особенно тех, которые жили в центральной части

Карельского перешейка, т. е. в местах, близких к культурным центрам того времени. К древнейшим славянским заимствованиям, по мнению В. Ниссиля (Nissilä, 1975; Мамонтова, Кочуркина, 1982) относятся *lotja* (лодья), *majakka* (маяк), *raja* (край), *risti* (крест), *sirppi* (серп), *veräjä* (дверь). Встречаются названия, отражающие природные особенности местности, растительный и животный мир: *korkka* (горка); *lompa* (ломка, каменная ломка); *luosa*, *luoso*, *lyösä*, *lyösö* (лужа); *pukro*, *pukru* (бугор, бугра); *polentka* (поле); *poljana* (поляна); *pesku*, *peska* (песок); *guba* (губа, залив); *rosliva*, *rosleva* (разлив) и т. д. В топонимии представлены названия, обозначающие места поселений: *pogosta* (погост), *lopotti* (слобода), *korotiisa* (городище), *possada* (посад), *rintka* (рынок).

Встречаются немногочисленные римско-католические, нижненемецкие и скандинавские наименования природных объектов, говорящие о сложных и разнообразных взаимоотношениях народов.

В карельской топонимии сохранилась информация о передвижении населения с запада на восток в период железного века в виде таких названий, как *Tyrisevä – Helisevä*, *Hiisi*, *Tunturinvuori*, *Näme* (Vahtola, 1980, s. 96–101, 1999, k. 5; *Karjalan synty*, 2003, s. 379).

В. Ниссиля полагает, что шведскими мореходами и рыбаками даны названия островкам, скальным выступам, отмелям, мысам, заливам в акватории Финского залива от Сяккиярви (район Выборга) до Терийоки. Позднее они вошли в обиход финского населения и получили финскую фонетику (например: *helli*, швед. *häll* 'плита'; *holma*, *holmi*, швед. *holme* 'островок' – 6 пунктов). Такие названия, как *Tamma-Karjala*, *Кобылицкая корела* русских летописей (1338 г.), по мнению исследователя, происходят от шведского аппелятива *tam* 'прирученный' (готланд. *tamhäst*, *tamruss*). На Карельском перешейке в погосте Рауту зафиксированы три деревни с таким наименованием. Древнескандинавскими названиями являются *Viiipuri*, швед. *Viborg* (древнешвед. *Vi* 'святой', *borg* 'древняя крепость', *Björkö* (березняк, березовая роща), имеющее фризские корни, *Vatnuori*, *Vatikivi* (сканд. *vattu* 'вода', *nor* 'узкий залив', финское *kivi* 'камень'), *Kivennapa* (сканд. *kivo näb* 'бревенчатое укрепление')

и т. д. Ниссиля предполагает, что от скандинавского имени *Dir* (*Dyri, Diuri, Tiuri, Turi*) происходят довольно часто встречающиеся на Карельском перешейке названия деревень, островов, порогов, мысов: *Tiuri, Tiurinniemi, Tiurinsaari, Tiurula, Tiurinkoski, Tiurinlinna* и др. В том же ареале встречены *Torisar, Torisari, Terinsari*, в основе которых – искаженное переписчиком скандинавское *Thore*.

После сооружения Выборга шведское влияние отразилось во многих направлениях. Собственные шведские имена дали основу фамилиям: *Torkel-Torkkeli, Sune-Suni, Hakon-Haakana, Halvard-Halvarinen, Ivar-Iivari*, которые распространились на широком пространстве северо-западного Приладожья, как и фамилия *Ränti* (швед. *Frände*). В топонимической номенклатуре окрестностей Выборга отмечено шведское *svenske*, финское подражание *vänskä*. В городах Карельского перешейка со второй половины 1500-х гг. часты названия профессий и сословий шведского происхождения, которым писцы придали финское звучание (например: *kiiveri*<*gestgivare* 'хозяин постоянного двора'; *leikari*<*lekare* 'музыкант'). Выявлены слова, отражающие физические особенности человека, не имеющие соответствия в финском: *Döffue* (глухой), *Lille* (маленький), *Lütti* (небольшой).

В целом же скандинавские наименования, за редким исключением, представлены в названиях отдельных домов, поселений, небольших объектов, а также фамилий и поэтому не могут считаться первичными. Скандинавы появились в северо-западном Приладожье тогда, когда оно уже было заселено прибалтийско-финским населением. Увеличение шведских наименований и их территориальное расширение связаны с известными историческими событиями XIII–XVII вв.

В результате ономастических (собственные имена) исследований удалось выявить на территории Финляндии устойчивый пласт карельских топонимов, свидетельствующих о пребывании здесь древних карел. Названия мест, образованных от этнонимов, чаще всего возникают в пограничной полосе, где проживают совместно представители различных племен и народностей. Так, в северо-западном Приладожье выделяются топонимы, в основе которых

лежат этнические названия: *vepsä* (вепсы); *karjala* (корела)⁴. Помимо *vepsä* и *karjala* встречаются этнонимы *lappi* (лопь, саамы); *tsuud*, *tshna* (чудь, чухна); *häme* (емь, хяме); *savo* (саво); *inkeri* (ижора); *viro*, *eesti* (эстонцы). Наиболее древние из них возникли в те далекие времена, когда добыча пушнины влекла людей различной этнической принадлежности в отдаленные лесные районы. Топонимы с *суомен* и *ви́ро* встречаются в основном в южной части северо-западного Приладожья, а топонимы с *лапин* редки на Карельском перешейке, но севернее они попадаются часто (Мамонтова, Кочкуркина, 1982). Концентрация из нескольких десятков топонимов с основой *вепс-* (гидронимы, названия урочищ, болот, деревень и т. д.; материалы топонимического архива Финляндии) обнаружена в северной части Карельского перешейка в приграничье с Финляндией (Муллонен, 1994, с. 134)⁵.

О пестроте этнического состава населения на Карельском перешейке (этот факт в свое время способствовал формированию различных точек зрения на этническую принадлежность археологических памятников Карельского перешейка и на происхождение древнекарельской общности) можно судить по сведениям из земельной книги Яаски (1543 г.), в которой упоминаются фамилии, связанные с именем племени, народа и местности: *Яаскеляйнен*, *Хямеляйнен*, *Карьялайнен*, *Кюмяляйнен*, *Лапветеляйнен*, *Лаппалайнен*, *Саволайнен*, *Суомалайнен*, *Вепсяляйнен*, *Виронен*, *Виролойнен* (Мамонтова, Кочкуркина, 1982).

⁴ Наличие этнонима *karjala* на древнекарельской этнической территории – явление удивительное. Он мог возникнуть в том случае, если карелы проживали среди иноэтничного окружения, которое и назвало их соответствующим именем. Так, например, в районе Куолемайрви карелы оказались в соседстве с *лаппи* и *ви́ру*, в Вуоксенранта – с *лаппи*, *вепся*, *хяме* и т. д.).

⁵ В. Лааксо в рецензии на книгу *Karjalan synty* (Laakso, 2004a) пишет, что вопрос об упомянутых в писцовых книгах Водской пятины названиях *ves*, встречающихся на западном побережье Ладоги, и которые как будто бы должны свидетельствовать о воздействии вепского населения, спорен. За термином *ves*, по его мнению, стоят ошибки в переводе работы Ронимуса (Ronimus) 1906 г., поэтому они не являются основанием для утверждения о вепском влиянии.

О территории летописной корелы

Историки, археологи, лингвисты и фольклористы считают, что в XII–XIV вв. Карельский перешеек с северо-западными берегами Ладожского озера до северо-восточных берегов Финского залива с городом Корела являлся древнекарельским племенным центром. Этот вывод хорошо согласуется с топонимическими данными. Древнерусские летописи, берестяные грамоты довольно четко определяют территориальные границы народа корелы.

Спорным остается вопрос о включении Миккельских озер (юго-восточная Финляндия, район Саво) в древнекарельский ареал. По установившемуся мнению, могильники Миккели (Каускила, Висулахти, Тууккала) представляют собой ответвление ладожско-карельской культуры (Nordman, 1924, s. 191–196; Tallgren, 1931, s. 192; Kivikoski, 1961, s. 271–272). Позднее под влиянием результатов раскопок новых более древних могильников (Кююккюля, Мойсио), в которых умершие были погребены по обряду трупосожжения, по своему строению напоминавших могилы западной Финляндии, было сделано заключение: культура Миккели является сплавом культур хяме и карел (Åugärää, 1939, s. 51–62).

Со своей стороны хочу отметить, что даже если эти памятники действительно западнофинские, присутствие их в районе Миккели вовсе не отрицает наличия другого населения. В ранние времена не существовало строгих территориальных границ. Взаимные контакты в различных сферах, смешанные браки (не исключено, что именно таким образом появились древнекарельские женские погребения в иноэтничных могильниках) обычно приводили к появлению гибридной культуры. Примеров тому не счесть. Археологические источники I тыс. н. э. на территории, заселенной прибалтийско-финским населением, не только редки, за исключением памятников веси на р. Суде и древностей погостов «в Чуди», но и материальное выражение их весьма сходно. Более того, у древних карел начало II тыс. н. э. характеризуется появлением новых типов украшений, не связанных с более древними памятниками. Факт этот довольно типичен и для ближайших соседей карел – эстов и ливов, и для населения обширных регионов Севера Европы

указанного времени. Различие в их материальной культуре объясняется этническим развитием общества, но в первую очередь разным в сравнении с I тыс. н. э. социально-экономическим уровнем.

В финляндской научной литературе отчетливо стала проявляться тенденция объяснять близость памятников Карельского перешейка и юго-восточной Финляндии не этническим родством, а культурными заимствованиями. Если до 1970 г. исследователи в основном искали сходство между могильниками, то затем внимание стало акцентироваться на различиях. Проведя сравнительный анализ археологического материала, сопоставив реконструированную одежду обоих регионов, П.-Л. Лехтосало-Хиландер пришла к выводу, что жителями Саво были не древние карелы, а хяме, попавшие под влияние карельской культуры (Lehtosalo-Hilander, 1973, s. 15–32).

Вопрос о взаимоотношениях двух культур носит принципиальный характер. Решение его имеет существенное значение для выяснения ареала древних карел. Это заставляет вновь обратиться к сравнительному исследованию погребальных памятников Карельского перешейка и района Миккели, датирующихся XII–XV вв., с намерением выявить комплекс общих черт и различий по важным, характеризующим этнос показателям. По материалам хорошо изученных могильников северо-западного Приладожья, этническая принадлежность которых не вызывает сомнений, выделено 11 признаков погребального обряда и сопровождающего инвентаря. Совокупность и частота встречаемости этих признаков в финляндских памятниках, вероятно, поможет решить вопрос об их этнокультурной принадлежности.

Первый признак – ориентировка покойных. В могильниках Карельского перешейка, как и в могильниках Миккели, нет устойчивого однообразия. Довольно редка четкая ориентация – чаще встречаются отклонения в ту или другую сторону. В могильнике Суотниemi три труположения ориентированы на север, северо-восток, северо-восток – восток (ориентировка одного неизвестна); в Кулхамяки шесть погребений (ориентировка трех не установлена) – на север; в Леппясенмяки из четырех погребенных один

уложен головой на юго-восток; в Саккола – Патья из 19 погребений девять ориентированы на запад, 10 – на юго-запад; в Ховинсаари 12 – на север, 3 – на запад, по одному на юг и восток.

В могильниках Финляндии, в Каускила, из пяти погребений только у двух, имеющих сопровождающий инвентарь, известна ориентировка – на запад⁶. В могильнике Тууккала 36 погребений составляют следующие группы: на запад – 13 захоронений; на юго-запад и запад – юго-запад – 12; на север с отклонением к западу и востоку – 9; на восток – 2. Из 24 погребений Висулахти на запад ориентировано 7, на север – столько же, на юг – 8, ориентировка двух не установлена.

Графически соотношение ориентировки погребенных выглядит следующим образом: могильник Тууккала имеет четыре сочетания с Ховинсаари, три – с Висулахти, два – с Патья, по одному – с остальными древнекарельскими могильниками. Висулахти и Ховинсаари объединены тремя проявлениями одного показателя, в то время как древнекарельские могильники Суотниemi и Кулхамяки – одним, а Суотниemi и Леппясенмяки вообще не связаны по этому признаку. Следовательно, общие рассуждения о том, что могильники Саво и Карельского перешейка различаются по ориентировке, неверны. Можно лишь говорить о преобладании той или иной ориентации в каждом могильнике, помня при этом, что ее разнообразие находится в прямой зависимости от количества раскопанных могил и археологической изученности территории в целом.

Любопытное объяснение варьированию ориентировки покойных дано С. Пяльси. Он полагает, что при погребении умерших использовалась не астрономическая ориентация, а языческая роза ветров, повернутая на $\frac{1}{8}$ круга к западу от астрономической. По этой причине север был на северо-западе, юг – на юго-востоке и юго-западе (Pälsi, 1938, s. 30). Отклонения в ориентировке покойных, конечно,

⁶ Раскопки могильника Каускила были возобновлены в 1997, 1999–2002 гг. (Laakso, 2004, p. 56–60). Всего в Каппелинмяки исследовано 79 погребений по обряду трупоположения, большинство из которых относятся к периоду христианства. Материалов, которые бы уверенно указывали на связи с территорией древней Карелии, нет.

вызывались и сезонными условиями, но главным образом – традициями: этническими и религиозными.

Второй характерный для могильников корелы признак – наличие деревянных могильных сооружений, бересты, соломы, зольных и углистых прослоек, каменных настилов на могилах. Сразу же оговоримся, что срубные сооружения встречаются не во всех могильниках Карельского перешейка, что же касается погребальных памятников Миккели, то сведения о них скудны, поэтому детальное сопоставление тех и других чрезвычайно затруднено. Вот почему второй признак, по которому проводится сравнительный анализ, является более обобщенным – наличие деревянных могильных сооружений без учета их детальных характеристик.

Выяснено, что по данному показателю близки могильники Висулахти, Ховинсаари, Суотниemi и Кулхамьяки; для второй группы, в которую вошли могильники Миккели, Патья, Леппясенмяки, Каускила, он нехарактерен. Типичные древнекарельские деревянные сооружения на памятниках Саво встречаются редко.

Сопоставление по погребальным обрядам можно продолжить упоминанием могил с трупосожжением, которые в небольшом количестве сопутствуют трупоположениям. В могильниках Тууккала и Кююхкюля их шесть, в Висулахти и Мойсио – пять, в Суотниemi – одна, в Ховинсаари – тоже одна (вторая с частичным сожжением). В Патья, Кулхамьяки и Каускила трупосожжений нет.

Существенные различия в погребальных обрядах проявляются в другом. В могилах Карельского перешейка присутствовали глиняные и деревянные сосуды либо их части, медные котлы, зубы и кости коровы, лошади, свиньи, птиц, кости и чешуя рыб, сельскохозяйственный инвентарь. В могильниках Саво этого нет, в чем видно упрощение, деградирование погребальных обрядов, отход от начальных представлений о жилище мертвых как о жилище живых; это, на наш взгляд, свидетельствует о некотором изменении в мировоззрении жителей области Саво, вызванном иными влияниями.

Наиболее яркая корреляция между могильниками обеих территорий проявляется по набору женских нагрудных украшений, включающих две овально-выпуклые фибулы, Ф-образные пронизки, цепедержатели и соединительные цепочки. В могильнике

Кекомайки в 50% женских погребений отмечен полный комплект украшений. Но в одном детском захоронении отсутствовали Ф-образные пронизки. Вместо них использованы металлические бусы. В Ховинсаари 33,3% женских захоронений сопровождалась нагрудными украшениями в полном составе, в пяти плохо сохранившихся не было некоторых предметов; погребенная в могиле 6 Ф-образных пронизок вообще не имела. В могильниках Карельского перешейка, таких как Суотниemi, Леппясенмяки, Патья, слишком мало женских погребений, чтобы с большой степенью достоверности установить корреляцию. В 66,6% женских захоронений могильника Тууккала зафиксирован полный набор украшений, в остальных – неполный. Что примечательно, в последних нет Ф-образных пронизок, их заменяют бусы. С одной стороны, этот факт можно объяснить плохой сохранностью могил, а с другой – в замене изделий видна определенная закономерность, прослеженная и в могильниках корелы. На наш взгляд, приемлемо следующее объяснение. Известно, что некоторые древнекарельские предметы изготовлялись в Новгороде с расчетом на определенного покупателя. Население Миккельских озер в связи с напряженной военной обстановкой и событиями 1323 г. не имело тесных контактов ни с древнерусскими территориями, ни с Корельской землей, поэтому женщины вынуждены были заменять недостающие детали чем-то другим, в частности металлическими бусами. К примеру, на городище Паасо, на территории летописной корелы, где найдено большое число женских украшений, не обнаружено ни одной Ф-образной пронизки, в то время как металлических бус собрано немало.

В могильнике Висулахти 44,4% женских захоронений содержали полный комплект нагрудных украшений. Остальные аналогичные погребения повреждены. Два женских трупоположения вообще не имели характерных украшений. В Каускила из трех женских захоронений два разрушены и лишены ювелирных изделий. В могильнике Мойсио в двух из четырех женских трупосожжений находились древнекарельские вещи. По могильнику Кююхкюля статистические подсчеты невозможны, так как известно лишь одно женское погребение (в нем из интересующих нас предметов были овально-выпуклая фибула и обломок цепедержателя).

В свете сравнительной характеристики могильников северо-западного Приладожья и юго-восточной Финляндии любопытен еще один факт. В памятниках юго-восточной Финляндии мало спиралевидных цепедержателей, в то время как у населения ее юго-западных территорий они получили широкое распространение. Если согласиться с утверждением некоторых финляндских ученых о заселении района Миккели из западной Финляндии, то следовало бы ожидать частую встречаемость спиралевидных держателей цепей в памятниках Саво, однако этого не произошло. В Корельской земле, напротив, спиралевидные цепедержатели получили дальнейшее развитие, выразившееся в появлении усложненного варианта. Более того, возник новый тип – ажурные цепедержатели, ареал которых охватил северо-западные берега Ладоги и Саво.

Тесные связи двух древнекарельских массивов прослежены и на овально-выпуклых фибулах, например фибулы С1/1а и С1/1в широко распространились и в Финляндии, и в Карелии, поэтому определить место их возникновения трудно. Поздние изделия типа С2, а также типов С3 и D, напротив, имеют ограниченные ареалы: группа С2/3 концентрируется на западных берегах Ладоги, как и фибулы типа С3, которые Э. Линтури считает чисто карельскими. Поздние группы типов С2/1 и С2/2 сосредоточены в Миккели и северо-западном Приладожье в районе Хийтола – Куркиеки, что, по мнению исследователя, указывает на тесные связи обеих территорий, а возможно, и на миграцию населения (Линтури, 1984). Исследуя фибулы с орнаментом в виде плетенки (типы F1–F4), Л. Томантеря пришла к выводу, что при изготовлении фибул F1 использовался один и тот же образец, от которого произошли все последующие, различия же между ними объясняются индивидуальностью литейщиков. Согласно «родословной» фибул F1, изделия, найденные в Каукола, Кякисалми и Турку, берут начало от одного образца. Фибулы типов F2–F4 в Финляндии неизвестны. Из 11 выделенных П.-Л. Лехтосало-Хиландер (Lehtosalo-Hilander, 1966) серий типа Н в Миккели известны три серии фибул, каких нет в Карелии и Хяме, в то время как в Карелии имеется три таких серии, которых нет в Миккели. Остальные являются общими для обеих территорий. Л. Томантеря отметила, что в украшениях Карелии

и Миккели в сравнении с другими фибулами много изготовленных по копиям и чертежам, которые указывают на серии. Отливщики фибул передвигались с места на место по мере поступления заказов (Tomanterä, 1994, s. 35–50).

Суммируя все сведения, можно сказать, что могильники Карельского перешейка и Финляндии хорошо коррелируются и по третьему признаку, т. е. для всех женских погребений, за малым исключением, характерны овально-выпуклые фибулы, Ф-образные пронизки или металлические бусы вместо них, цепедержатели и соединительные цепочки.

При сопоставлении памятников обеих территорий по четвертому признаку – наличию медных спиралек, которые являлись характерной чертой женской одежды корелы (в мужских погребениях они редки), выяснилось, что таких погребений мало.

Корреляция памятников по следующим пяти признакам (наличие ножей с орнаментированными рукоятями и ножен, круглых выпуклых брошей или их заменителей, подковообразных выпуклых фибул карельского типа, подковообразных пластинчатых с растительным орнаментом, копоушек, шейных лент), характерным для женских погребений, выявила устойчивую связь. Различаются памятники Карельского перешейка и юго-восточной Финляндии лишь количественным преобладанием в них тех или иных вещей. Трудно объяснить отсутствие в финляндских памятниках подковообразных выпуклых фибул карельского типа. Если причина заключается в хронологическом отличии, то уловить его на археологическом материале пока не удалось. Создается впечатление, что женщины области Саво пластинчатых подковообразных фибул почти не носили (присутствуют в двух захоронениях могильника Тууккала). В действительности это не так: в разрушенных погребениях могильника Тууккала собрано пять пластинчатых фибул. За счет подъемного материала таким же образом возрастает в нем процентное содержание копоушек. Следовательно, по составу вещей могильник Тууккала близок погребениям Карельского перешейка, особенно при сопоставлении комплекта специфических женских украшений.

Между тем противники этой точки зрения обращают внимание на различия, заключающиеся в ином способе крепления спиралек к ткани верхней одежды, несходстве типов фибул, застеживающих накидку у того и другого населения, отсутствии у женщин Миккели серебряных головных застежек (сюкере). Сходные черты объясняются культурным заимствованием. С этим трудно согласиться по причине различного методологического подхода к выяснению этноса, его ведущих, выделенных на археологическом материале показателей. Перечисленные отклонения – частные, они не изменили этнокультурного колорита населения. Действительно, головные застежки не являются общим для всех древнекарельских могильников признаком. Только 6 экз. из 11 (с учетом деталей от изделий) найдены в женских захоронениях (остальные происходят из кладов и разрушенных могильников). Что касается различных способов крепления спиралек к одежде у того и другого населения, то, по мнению специалиста в этой области П.-Л. Лехтосало-Хиландер (Lehtosalo-Hilandes, 1980, s. 256), украшение женской одежды спиральками представляло собой общеевропейскую моду, распространению которой не препятствовали ни языковые, ни племенные барьеры. Вместе с тем различные народы по-своему использовали ее, поскольку женский костюм развивался на основе этнических традиций.

Инвентарь мужских погребений юго-восточной Финляндии значительно беднее, чем на Карельском перешейке, – отсутствуют предметы вооружения, в том числе мечи, поясные и ременные украшения. Тем не менее нельзя считать, что древнекарельскими были только женские погребения. Этому противоречит то обстоятельство, что погребальные обряды в мужских могилах не отличаются от деталей захоронения в женских.

Выявленный комплекс общих черт позволяет заключить, что близость памятников не следует объяснять только культурным заимствованием. Речь может идти о едином этническом регионе. Имеющиеся различия не противоречат этому выводу. Они естественны, поскольку этничность, о чем подробно говорилось в первом разделе, – это весьма изменчивый феномен, подверженный как внутренним, так и внешним изменениям. Найти точную копию

материальной культуры могильников Карельского перешейка в юго-восточной Финляндии, при всей их похожести, – нерешаемая задача, тем более даже в одном и том же могильнике наблюдается вариативность как в погребальных обрядах, так и в сопровождающих вещах. Выше уже говорилось об интенсивности этнического самосознания и различий в материальной культуре в периоды экономических и политических кризисов, войн, что и произошло с древними карелами в XII–XV вв.

По материалам могильника Тууккала более сотни лет назад был осуществлен анализ костного материала. И хотя исследования не были проведены в полной мере (не изучались черепа), удалось выявить, что умершие мужчины были либо высокими (у шести мужчин из 19 рост колебался от 179 до 190 см), либо низкими (трое достигали 160 см). Рост самой крупной женщины – 179 см, средних – 157 см. Оказалось, низкорослые умершие сопровождалась карельскими предметами, а высокорослые – западнофинскими. Что касается женщин, то использование ими древнекарельских украшений от роста не зависело (Lehtosalo-Hilander, 1988, s. 219–220).

Естественно, возникает вопрос: по какой причине некая группа (или группы) древнекарельского населения решила переселиться в район Миккельских озер? Некоторые считают, что в Карелии не было избытка населения и не было недостатка в хорошей земле, поэтому переселение в Миккели, где занятие земледелием встретило бы известные трудности, не обосновано (Saksa, 1998, s. 169–172; Taavitsainen, 1990, s. 113). Нельзя забывать и о том, что карелы пользовались разветвленной торговой сетью, охватывающей не только внутренние районы, но и западные и северные земли. Охотничьи маршруты, транзитная торговля через систему озер Сайма, а также по сухопутным дорогам влекли в Саво новых жителей из Карелии (Pirinen, 1988, s. 285; Lehtosalo-Hilander, 1988, s. 220–221; 1994, s. 31–32). О пребывании древних карел на далеких территориях говорят предметы, топонимические данные, письменные источники, предания (Кочкуркина, 1982, с. 35–36, 165–167). Здесь мы имеем дело с третьей ситуацией по Барту (см. выше), когда

группы занимают различные ниши, обслуживают друг друга и взаимозависимы, что создает различные варианты контактов, в том числе и торговых.

В настоящее время исследователи остановились, на мой взгляд, на взвешенной, компромиссной точке зрения, признающей не только древнекарельское влияние на культуру Саво, но и присутствие на этой территории самих древних карел (Taavitsainen, 1990, s. 105–107, 113; Lehtinen, 1994, s. 62–64; Uino, 1997, s. 172–174, 2003, s. 441–443; Saksa, 1998, s. 167–172).

Историко-культурные свидетельства, без сомнения, говорят не только о схожести культур Саво и приладожской Карелии, объясняемой культурными заимствованиями, но и о едином этническом регионе, однако территориальная удаленность, другое окружение, политические акции (Ореховецкий договор) привели к изоляции населения Саво, попавшего под власть Швеции. Населению Саво и приладожской Карелии свойственны общие черты материальной культуры. Занимая промежуточное положение между землями корелы с востока и землями хяме с запада, население Саво испытывало влияние с обеих сторон, тем не менее культура Саво оставалась самобытной, о чем свидетельствуют и археологические материалы. Длительное время она сохраняла первоначальные черты и традиции, но постепенно начала отличаться от культуры Карельского перешейка, а впоследствии и культуры русской Карелии. Усиление потока переселенцев из западной Финляндии в южную часть Карельского перешейка в конце XIII в. способствовало распространению западных традиций, восточная граница которых большей частью соответствовала государственной границе по Ореховецкому договору.

Сказанное вовсе не означает, что район Миккельских озер был заселен только карелами. Безусловно, здесь проживали и хяме, и в результате этнических взаимовлияний выработалась своя оригинальная и самобытная культура (Кочкуркина, 1982, с. 57–75, 2004, с. 102–104).

Вывод о «карельскости» культуры Саво находит поддержку и в лингвистических материалах. «Есть все основания верить, – считает Х. Лескинен, – что население, переместившееся в Саво, было типично карельским и разговаривало на типично карельском языке».

Этому не противоречат некоторые заимствования из языка хяме, прослеженные на западном участке ареала диалекта саво, который по своему основному строению, подчеркивает Лескинен, нужно считать продолжателем языка древней карелы (Лескинен, 1976, с. 139–148). Позднее он убедительно показал, что в восточных диалектах саво имеется карельский субстрат (Leskinen H., 1987, s. 77–95). Ю. Лескинен полагает, что в окрестностях Миккели древнее Саво являлось первым западным дочерним поселением Ладожского побережья древней Карелии, хотя на этой территории проживали и древние охотники-промысловики, хяме и древние карелы. Несмотря на то что в диалекте саво заметна западная доля, основа языка все-таки древнекарельская. Западные черты не настолько заметны в языке, чтобы считать диалект саво результатом равномерного смешения диалектов хяме и древнекарельского (Leskinen J., 2003, s. 448–449). С этим заключением согласен и К. Пиринен, считающий, что у населения южного Саво есть четкие архаичные, указывающие на ладожскую Карелию корни, хотя в говорах Карельского перешейка в процессе развития они не сохранились. Он отметил в топонимии Миккели большую концентрацию названий с *Karjala*. Фамилию *Karjalainen* в самой древней переписи Саво носили 23 семьи; их больше, чем фамилий *Nämäläinen* и *Lappalainen*. Он полагает, что на прибывших из ладожской Карелии указывают названия с *versä*, а на прибывших из-за границы карел – *venäjä* (Pirinen, 1988, s. 272–289).

Концепции о переселении древних карел с северо-западных берегов Ладоги в район Миккельских озер придерживался В. Войонмаа и в качестве доказательства ссылался на топонимические сведения. В центральном Саво и в районе г. Сортавалы существуют общие топонимы. В земельной книге Саво (1562 г.) упоминается с десяток имен, связанных с г. Сортавалой, поэтому, утверждал Войонмаа, вполне вероятно, что до 1323 г. произошло переселение с побережья Ладоги, из районов Куркиеки и Сортавалы в Саво (Voionmaa, 1915, s. 35). Есть свидетельства о заселении берегов Миккельских озер с Карельского перешейка, из области Яаски. Безлюдную территорию между Яаски и Саво жители Яаски использовали под подсеку. В поземельной книге Саво (1561 г.)

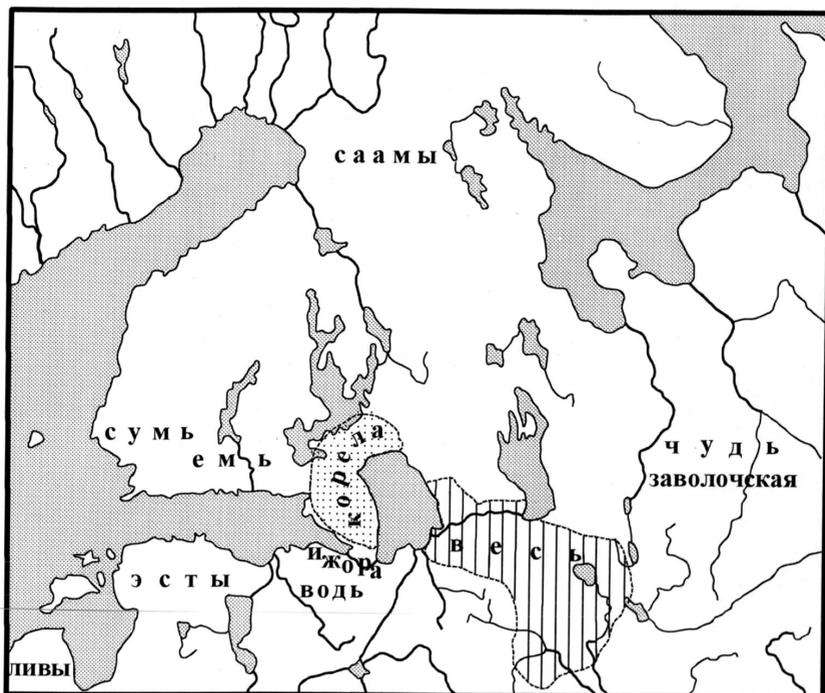
упоминаются фамилии выходцев из Суур-Яаски. В Сяркилахти известна группа названий, обязанная своим происхождением Яаски. Еще больше их в налоговой книге 1571 г.

Некоторые фамилии, которые в Суур-Яаски выступали как наименования деревень, существовали в Саво, кроме того, зафиксировано около 900 названий Яаски. На обеих территориях есть целая группа топонимов с одним корнем (Ylönen, 1957, s. 156–160). Недвусмысленные сведения на этот счет дает Ореховецкий мирный договор, в котором названы три новгородских погоста, отданных Швеции: Яасис, Эвряпя и Саволакс. Не случайно, видимо, в земельной книге Саво 1561 г. (под № 420) среди земель уезда Висулахти упоминается *Cariala Huatamaa** (карельское место погребений). Аналогичные сведения содержатся в журнале земельного раздела 1664 г. (№ 243), что дало основание М. Вестерхолму признать карел ранними жителями западных уголков Саймы (Westerholm, 1930, s. 33–40).

Вопросам взаимоотношения древних жителей Саво и Карельского перешейка посвятил свою работу Н. Валонен. Сопоставив этнографический и лингвистический материалы, он пришел к убедительным выводам, согласно которым населению Саво и приладожской Карелии были свойственны общие черты материальной культуры (Valonen, 1974, s. 444–475; подробнее см.: Кочкуркина, 1982, с. 71–73).

Кроме саво-карельской группы, известны и другие. О «пяти родах корельских детей» – рокульцы, вальдолыцы, каргольцы, тиврульцы, вымольцы – упоминают письменные источники. По мнению Д. В. Бубриха (1947), к XII в. сформировались следующие группы корелы: привыборгская, присайменская, приботнийская, корела в центральной части Карельского перешейка и ижора. Все они испытывали этнические влияния, одни в большей мере, другие в меньшей, у одних преобладали западные элементы, у других – восточные. Именно эти обстоятельства привели к различию в материальной культуре. О «немецкой» городецкой (т. е. привыборгской), семидесятской и кобылицкой кореле сообщают летописи.

* Так в документе.

Финно-угорское население северо-запада Восточной Европы

Определенные затруднения вызывала локализация семидесятской корелы. Одни исследователи считали, что речь идет о саволакской кореле и городе Нишлоте (Гиппинг, 1909, с. 148, прим. 107), другие – о приботнийской кореле и городе Оулу (Егоров, 1930; Julku, 1968). В Новгородской четвертой летописи (с. 205) под 1375/76 г. записано: «Того же лета постави Корела Семидесятская Новьи городок», а через два года, в 1377/78 г., в Новгородской первой летописи младшего извода (с. 374) сообщается, что ходили из Новгорода «люди молодые на Окиан море на Тивролу военным отрядом... Стояли на реке Овле под Новым городком...». Следовательно, летописные сообщения говорят в пользу второго предположения, согласно которому семидесятская корела это приботнийская корела с городским центром Оулу.

Что касается места проживания кобылицкой корелы, упомянутой в летописи под 1338 г., то, скорее всего, оно находилось на территории нынешнего Токсовского района Ленинградской области. Именно в границах этого района переписная книга Водской пятины довольно часто упоминает деревни «на Кобылицах». Не исключено, однако, что кобылицкая корела обитала на территории Саво (см.: Кочуркина, 1982, с. 74–75).

Таким образом, в эпоху Средневековья летописная корела проживала в северо-западном Приладожье с центром в Корельском горюдке, в юго-восточной Финляндии и северной Приботнии, отдельные древнекарельские семьи – видимо, и в Хяме, и на Ижорском плато. Северо-западное Приладожье, будучи подвластным Новгороду, в значительной мере отличалось от локальных, заселенных корелой районов, разделенных большими пространствами, связи между которыми постепенно ослабевали. Решительная ломка этнических отношений произошла после заключения новгородско-шведского договора в 1323 г., насильно разделившего единое до того времени этническое образование – корелу.

Древние карелы и славяне: этнокультурные аспекты взаимосвязей

В полемической статье «Активные славяне» и «пассивные финны» (см. выше) П. Лиги вел речь об идеологическом злоупотреблении парадигмы крупной славянской колонизации на Северо-Западе Руси. Какой же суммой фактов на сегодняшний день располагают исследователи различных специальностей, анализируя взаимоотношения летописной корелы и новгородских словен?

О взаимоотношениях древних карел и славян, присутствии славян на территории древних карел, отразившихся в богатой топонимии, говорилось выше. Первые связи с древнерусскими территориями, отмеченные редкими археологическими находками (калачевидная серьга, ромбоцитковое височное кольцо, орнаментированные пластинчатые подвески, сердоликовые бусы и некоторые типы стеклянных, шумящие подвески, бронзовые игольники в виде ножен и трубчатый игольник с ажурным овалом) датируются рубежом I–II тыс. Позднее прочные и крепнущие связи с Новгородом

обозначились прежде всего в появлении вещей, изготовленных в Новгороде. Некоторые типы украшений, глиняная посуда, вооружение, меднолитейное и железоделательное ремесла фиксируют прочные связи со славянским миром. Даже растительный орнамент, столь характерный для украшений населения Карельского перешейка, ставший его самобытной чертой, по-видимому, возник в Новгороде на базе сплава различных художественных стилей. Не исключено, что какая-то часть ювелирных украшений изготавливалась там по заказу корелы.

В XII–XV вв. северо-западное Приладожье, тесно связанное с судьбами Новгородского государства, испытало существенное воздействие древнерусского искусства и ремесел, способствовавшее экономическому и социально-политическому развитию края. Территория корелы выделялась собственным развитым железоделательным производством, базирующимся на местных запасах сырья. Производство отличалось высокой степенью сложности и не уступало в этом древнерусским городам, прежде всего Новгороду. Использовались те же технологические схемы: трехслойный пакет, вварка стальной полосы в рабочую часть клинка, наварка стального лезвия на железный клинок. Сравнение самой массовой категории кузнечного инвентаря – ножей – из древнекарельских поселений показывает тесную связь местной технологии с северорусской. В производстве ножей наиболее часто употреблялись технологические схемы, доминирующие на Севере Руси, прежде всего в Новгороде, в IX–XII вв., и главным образом прогрессивная сварная техника. В древнекарельской земле она продолжала использоваться и в XIII–XIV вв. Долгое сохранение этой технологии можно объяснить не только устойчивостью традиций в среде кузнецов, но и тем, что до северной периферии Новгородской земли еще не дошли экономические стимулы, заставлявшие работать на широкий рынок и неизбежно приводившие к экономии металла и упрощению технологии (Кочкуркина, 2000, с. 30). Древнекарельские кузнецы не только владели передовой технологией, но и изготавливали разнообразные инструменты, употребляемые для обработки дерева и ювелирных предметов, в сапожном, шорном и ткацком ремеслах, в сельском хозяйстве и промыслах, оружейном деле.

В результате успешного экономического развития Корельская земля заняла важное место в международной торговле и стала представлять реальную силу и во внутренней жизни Новгорода, и во внешней политике (Кочкуркина, 2004, с. 144–160).

* * *

На протяжении I и в начале II тыс. в жизни древних карел произошли кардинальные социальные и политические изменения. Это выразилось в успешном экономическом развитии края, влиянии на внутреннюю и внешнюю политику Новгородского государства. Но при всех взаимовлияниях и культурных связях древние карелы сохранили этнические особенности, которые четко определяются и отличаются от приобретенных и заимствованных. Расселившись на большом пространстве за пределы этнической территории, карела вступала в контакты с соседями и в результате сложных многоэтапных процессов превращалась в обширную этническую общность. Намечается сближение разнородных этнических компонентов, из которых впоследствии сложился современный карельский народ.

При объединении русских земель и карельско-новгородских владений в составе Русского централизованного государства на бывших новгородских территориях создаются новые административные единицы – пятины, в которых сохранилось прежнее деление на погосты. Карельские земли входили в состав Корельского уезда Водской пятины. На исконной древнекарельской территории проживали в основном карелы – потомки летописной корелы. Шведская агрессия в конце XVI в. привела к опустошению края: после заключения Тявзинского мира в погостах Кирьяжском (Куркиеки), Сердобольском (Сортавала), Иломанском (Иломанси) и в Соломенском (Салми) имелось около 3000 пустых дворов и только 322 заселенных. Часть населения погибла, другая ушла в Россию (Очерки... 1957, с. 108). По Столбовскому миру 1617 г. Кексгольмский уезд, как и Ингерманландия, отошли к Швеции. Россия потеряла важную в политическом и экономическом отношении территорию, лишилась выхода к Балтийскому морю. На сто лет Корельский уезд оказался отрезанным от Русского государства.

Тысячи семей бежали в Россию, особенно после войны 1656–1661 гг., когда живших в Кексгольмском уезде карел начали насильно обращать в лютеранство.

Работа выполнена по программе «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» и гранту Российского гуманитарного фонда (проект №04-01-00049а).

Т. П. Амелина

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ В XV–XVII ВВ.

В настоящее время в различных научных дисциплинах – этнографии, лингвистике, физической антропологии, археологии – наблюдается повышенный интерес к проблемам этногенеза и этнической истории народов. При решении поставленных проблем исследователи пытаются выяснить познавательные возможности своих источников, определить достоверные методы достижения цели, а также возможности синтеза с данными других наук для получения новых сведений. Так, в археологии, особенно зарубежной, в последнее время все чаще поднимаются вопросы этнической принадлежности археологического материала начиная с древнейших эпох.

Интерес к этим вопросам заставляет обращаться не только к данным, но и к терминологии других наук, в частности этнографии/этнологии. Последняя, как и ряд общественных наук, переживает не самые лучшие времена. Ситуация характеризуется некоторыми исследователями как кризис. Изменения не только коснулись предмета этнографии, но и отразились в попытках пересмотра основных понятий, таких как «этнос», «этническая общность», «этнические признаки», отказа от некоторых из них, введения новых терминов (Козлов, 1995, с. 40–41; Соколовский, 2003, с. 3–19).

В 1990-е гг. среди российских этнологов развернулась дискуссия по теории этноса и этничности (Козлов, 1992; Тишков, 1992, 1997; Чешко, 1994; Соколовский, 2003, с. 3–19). Обсуждались альтернативные представления об этносе, а также западные термины, касающиеся этничности (*identity*, *ethnic identity*, *ethnicity*), однозначного определения которых в зарубежной науке в настоящее

время не существует. Все они касались критериев выделения этноса, особенно индивидуального самосознания, а абсолютизация последнего, как отмечалось, может привести «к потере любых объективных этнических характеристик и полному абсурду». Такой подход, по мнению ряда исследователей только «усугубил кризис» в этнологической науке. В ходе дискуссии высказывались сомнения: не очевидно ли, что «вместе с купелью был выброшен и ребенок», и стоит ли покушаться на «священную корову», а также убеждение, что в существовавшей теории содержался «ряд верных постулатов относительно феномена, заключенного в такой научной категории как "этнос", и всех производных от него» (Заринов, 2000, с. 16; Рыбаков, 2000, с. 3–4).

Не останавливаясь подробно на основных моментах дискуссии, поскольку этому посвящены в большей мере предыдущие статьи, скажу, что я склонна придерживаться традиционного определения этноса, основными признаками которого считаются конкретная территория, язык, культура, психический склад, самосознание и самоназвание (Бромлей, 1972, с. 86; 1987, с. 14), принимая во внимание, однако, то, что практически все объективные признаки могут и не отражать этническую специфику, кроме «неуловимого» субъективного самосознания (Чистов, 1972, с. 76; Чешко, 1994, с. 37–41).

Вопросы интеграции археологии и этнографии, соотношения их терминов, предметов и методов изучения затрагивались в работах многих исследователей. Отмечалось, что этнография изучает «живую» культуру во всем ее многообразии духовного и материального мира, археология, в силу специфики своих источников, – лишь отражение части ее материальной культуры (и отраженных в ней отдельных элементов духовной культуры), но на недоступную для этнографии хронологическую глубину (Клейн, 1978, с. 53–56; Арутюнов, Хазанов, 1979, с. 79–89; Богомолов, Томилов, 1981, с. 125–128). Материальная культура в своем историческом развитии, как и культура в целом, не остается неизменной, в ней происходит постоянное взаимодействие традиций и инноваций, складывающихся и появляющихся в зависимости от условий среды существования этноса, социально-экономического и политического развития. В

культуре этноса в каждый исторический период формируется своя этническая культура или так называемые этнические признаки, более или менее устойчивые черты культурного облика народа, отличающие данный этнос от других (Чистов, 1972, с. 73–83; Козлов, 1979, с. 71–105). Их можно выявить этнографически в «живой» культуре, но на археологическом материале проследить этническую преемственность труднее. Между тем в культуре этносов могут обнаружиться и общие черты, например, у народов, живущих в сходных природных условиях и находящихся на одинаковом уровне социально-экономического развития. У соседних этносов возможны культурные заимствования в процессе межэтнических контактов. Большое значение имеют политические события, а также вхождение разноэтничных народов под эгиду одного государства. Для национальной консолидации позднефеодального и капиталистического периодов характерны активизация межнациональных экономических и культурных связей, ликвидация замкнутости, связанной с натуральным хозяйством, развитие торговых связей и в конечном счете определенная нивелировка материальной и духовной культуры общества (Чистов, 1972, с. 75). Считается, что этническая интерпретация археологических материалов возможна лишь начиная с исторических периодов раннеклассовых обществ, когда для отождествления археологических культур можно привлечь данные лингвистики или сведения ранних письменных источников. С помощью ретроспективного метода достоверно отождествляемые на основе письменных или этнографических данных археологические материалы можно связать с предшествующими (Арутюнов, Хазанов, 1979, с. 86–87). Во всех случаях успех зависит от полноты и совместимости различных данных.

В настоящее время не подлежит сомнению, что вопросы этнической истории должны решаться на основе комплексного анализа источников различных наук. Привлечение результатов тех или иных дисциплин зависит от хронологической глубины исследования. Если для ранних эпох более значимы данные археологии и палеоантропологии, то в последующем круг источников расширяется и к ним присоединяются лингвистические материалы, сведения письменных документов, наконец, этнографические и другие

источники нового и новейшего времени. Таким образом, встают вопросы о границах наук, прежде всего археологии, а также о возможности сопоставления их источников.

В 1878 г. на III археологическом съезде по предложению А. И. Уварова было принято считать традиционной границей археологии конец XVII в. (1700 г.), но в дальнейшем постулировалось, что археологи лишь в отдельных случаях выходят за рамки XIV в. и изучают поздние слои XV–XVII вв. По определению Д. А. Авдусина (1967, с. 2), «археология изучает прошлое до той грани, когда сведения, полученные из письменных источников, подавляют сведения, извлеченные из вещественных источников». Сегодня некоторые археологи к этой фразе добавляют, что и тех и других источников, как правило, недостаточно (Белорыбкин, 2002, с. 160). Философское обоснование верхнего хронологического рубежа археологии Б. Н. Боряз (1976, с. 209–212) попытался определить как интерес общества к прошлому, необходимость получения вещественных доказательств для дополнения информации из уже имеющихся письменных или каких-либо еще источников. Л. С. Клейн резонно возражал, что поднятие затонувшего «Титаника», а также криминалистические работы и поисковые, связанные с вскрытием человеческих останков, в таком случае могут быть отнесены к археологическим работам, но таковыми не являются. По его мнению, граница проходит на уровне источников, в области различий их познавательных качеств и методических требований (Клейн, 1978, с. 51–53). В последнее время предложено ограничить пределы археологии на основе характера самого археологического материала рамками середины – конца XIX в. Резкие изменения в материальной культуре в связи с завершением промышленного переворота, повсеместное внедрение продукции фабричного производства, а также хорошая изученность этого периода этнографическими работами, обилие письменных, картографических и других источников делают археологические исследования нецелесообразными. Характерной чертой поздней археологии является неизбежность комплексного применения источников (письменных, этнографических, картографических и др.) (Корчагин, 2002, с. 173 – 175).

В настоящее время увеличивается число сторонников необходимости изучения памятников позднего Средневековья и нового и даже новейшего времени, что способствует сложению в археологии нового направления (Татаурова, 2002, с. 170). Это археологические раскопки сибирских острогов и городов, изучение памятников Новой земли и Шпицбергена, реставрационные, охранные и спасательные работы на территории России. С расширением хронологических и предметных рамок археологических исследований возникла проблема названий этих направлений. Для многих работ применяются термины, давно известные в западной науке, такие как «историческая археология», «промышленная археология», «живая археология». Вводятся и более дробные классификации, например, подразделение «исторической археологии» на «городскую», «церковную», «археологию войны». Все это вызывает, по моему, вполне справедливый протест у других исследователей, предлагающих не развивать «терминотворчество», поскольку неизвестно, к каким фантастическим комбинациям оно может привести, не перенимать западных названий, «не выделять самостоятельных ... дисциплин» без особого предмета, объекта и источников (Корчагин, 2002, с. 175). Как выход – возвращение к традициям: наименование по историческим периодам, принятым в исторической науке: «средневековая археология», «позднесредневековая археология», «археология нового времени».

Вместе с тем расширение хронологических рамок археологии практически смыкает ее с этнографией. В последнее время в Сибири сложилось целое направление этноархеологических исследований. В западной науке под этим термином понимается дисциплина, которая занимается изучением традиционных культур современных этносов, групп или обществ и отражения их социальной и этнической специфики в материальной культуре с целью установления закономерностей, а также попытки реконструкции образа жизни древних обществ на этой основе (Шнирельман, 1980, с. 169–172). Другие ее названия: «археология действия», «живая археология», «археоэтнография», «этнографическая археология». Несколько иное значение вкладывается в этот термин в отечественной науке. Под этноархеологией понимается научное направление,

призванное интегрировать археологическое и этнографическое познание, где целью становится ликвидация разрыва между этнографией и археологией путем изучения так называемых этнографо-археологических комплексов, основу которых составляют «этнически определяемые археологические материалы поздних памятников, обогащенные этнографической информацией» (Богомолов, Томилов, 1981, с. 125–128; Томилов, 2004, с. 55). В работах исследователей этого направления «более оптимистически ... звучат предположения о возможностях этнической интерпретации археологических памятников, относящихся к поздним историческим периодам, многие из которых, например в Сибири, могут быть точно увязаны с конкретными этносами и территориально-этническими группами» (Томилов, 1987, с. 17).

В данной статье предпринята попытка синтезировать данные различных наук, представляющих сведения о динамике изменений этнического состава населения южной Карелии в XV–XVII вв., а также выяснить возможности этнической интерпретации имеющихся археологических материалов этого периода.

Этнолингвистическая и историческая карта Карелии

Современная этническая карта Карелии отражает исторически сложившиеся на данной территории районы проживания карел, вепсов и русских. Как известно, карельский язык разделяется на три диалекта: собственно карельский, ливвиковский и людиковский. Считается, что основа ливвиковского и людиковского диалектов вепсская, кроме того, эти два южных диалекта сильно отличаются от собственно карельского. В ливвиковском диалекте больше карельских элементов, в людиковском – вепсских, поэтому людиковский диалект финские языковеды склонны относить к вепсскому языку. Карелы-ливвики занимают территорию между Онежским и Ладожским озерами (Олонецкий и Пряжинский районы). С востока к ним примыкает территория карел-людиков (Прионежский и Кондопожский районы). Далее на север до побережья Белого моря расположены районы, где говорят на собственно карельском диалекте (Зайков, 2001, с. 416–417; Прибалтийско-финские народы, 2003, с. 187). В западном Прионежье

проживает компактная группа северных вепсов, за пределами Карелии, в Ленинградской и Вологодской областях, – средние и южные вепсы. Заонежье и восточный берег Онежского озера традиционно считаются территорией расселения русскоязычного населения.

Этническая карта Карелии, как и в давно минувшие времена, под воздействием различных социально-экономических и политических условий, многообразных этнических процессов, особенно усилившихся в последние столетия (аккультурация, ассимиляция), стремительно меняется. По данным первой всеобщей переписи 1874 г., хотя и не очень точным, среди народов, населявших Олонецкую губернию, большинство составляли русские – 78%, карел насчитывалось 16, вепсов – 4,4%. Русские в основном проживали в Пудожском, Каргопольском, Вытегорском, Лодейнопольском и Петрозаводском уездах, карелы – в Олонецком, Повенецком и Петрозаводском уездах, вепсы – в южных волостях Лодейнопольского уезда и Шелтобережской волости Петрозаводского уезда (Покровская, 1974, с. 102).

Раньше территория проживания прибалтийско-финских этносов была, вероятно, намного шире, но определение этнической принадлежности населения в период XV–XVII вв., который, казалось бы, хорошо отражен в письменных источниках, вызывает у историков затруднения. Так, исследовательница средневековой истории края Р. Б. Мюллер (1947, с. 16) замечает: «Национальный состав населения Карелии почти не различим в наших источниках». Прямые указания на этническую принадлежность населения, как правило, редки в письменных источниках, однако косвенными свидетельствами могут служить имена и названия поселений прибалтийско-финского происхождения. Массовые письменные источники этого времени, писцовые и переписные книги, обычно фиксируют христианские имена, характерные как для русского, так и для прибалтийско-финского населения, а также названия поселений, большинство которых образовано от имен поселенцев или особенностей географического расположения. Поэтому картина расселения карельского, вепского и русского народов на территории Карелии этого времени не восстановима

без ретроспективного привлечения сведений документов XVIII–XIX вв., переписей населения, языкознания, антропологии, этнографии и других дисциплин.

В XV в. с образованием Русского централизованного государства территория Карелии вошла в состав Водской (Корельский уезд и Лопские погосты) и Заонежской пятин, частью последней стали погосты на Олонецком перешейке и в Прионежье. На каждой из этих территорий сложился свой этнический состав населения. Рассмотрим сведения различных наук об этническом составе населения Онежско-Ладожского перешейка и Прионежья. Писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. дают возможность определить численность населения в погостах, его передвижения, плотность и характер расселения (Мюллер, 1947, Витов, 1962, с. 104; Витов, Власова, 1974). Наибольшее число погостов Заонежской половины прилегало со всех сторон к Онежскому озеру. Западное побережье озера занимал Остречинский погост, с юга к нему примыкал Оштинский. К северу от Остречинского, захватывая северо-западное побережье Онежского озера, располагался Шуйский погост. Наибольшая плотность населения отмечена в территориально небольших погостах Заонежского полуострова: Кижском, Толвуйском и Шунгском, что во многом связано с природно-климатическими условиями, в частности с плодородием почв. Слабо заселенными были северный Выгозерский погост, выходивший к Белому морю и расположенные к северо-востоку от Онежского озера Челмужский и Водлозерский погосты. Шальский и Пудожский занимали бассейн р. Водлы, основной водной магистрали, связывавшей Прионежье с Заволочьем. С юга и юго-востока от Онежского озера по рекам Андоме и Вытегре располагались Андомский и Вытегорский погосты, за ними – Мегорский погост.

Онежско-Ладожский водораздел

Расположенный в восточном Приладожье Рождественский Олонецкий погост в настоящее время является территорией проживания карел-ливвиков. Уже к середине XIX в. зафиксировано сильное обрусение карел этого района. Путешествовавший по Олонецкой губернии финляндский исследователь А. Альквист отмечал, что

первой карельской деревней к северу от Свири была Мегрега. Особенно сильное влияние русского языка чувствовалось в окрестностях г. Олонца. Местные карелы относили свой язык к ливвиковскому, а население территории между оз. Святозеро и Петрозаводском – к людиковскому языку, который отличался многочисленными вепскими и русскими заимствованиями (Жербин, 1990, с. 29). Данные переписи 1873 г. отразили проживание прибалтийско-финского населения в деревнях вдоль рек Олонки, Мегреги, Туксы, Седоксы, Обжи, а также у внутренних озер: Торосозеро, Коткозеро, Утозеро, Ведлозеро, Сямозеро и др. Лишь в районе р. Тулоксы отмечались обрусевшие инородцы (Список населенных мест... 1879, с. 137–158). Согласно теории, основанной на диалектологических данных, ливвиковский диалект образовался в результате проникновения на Олонецкий перешеек корелы из соседнего северо-западного Приладожья и Карельского перешейка и «сплавления» с уже имевшимся здесь древневепским населением (Бубрих, 1947, с. 15). Археологические данные позволяют говорить о движении корелы на Олонецкий перешеек с X в. и об изменениях, наблюдаемых в погребальной обрядности курганов так называемого видлицкого типа, являющихся ответвлением приладожской курганной культуры древней веси с XI в. (Кочкуркина, 1982, с. 6).

О раннем заселении территории и этническом составе населения свидетельствует местная топонимия. Основная масса ойконимов – названий деревень этой территории – образована с помощью окончания –ла (Еройла, Отчула, Роймайла, Рабала) или на –ица/–ицы (Нурмойлицы, Юргелица, Ватчелицы). Эти формы представляют собой названия, образованные от старых карельских (Древний Олонец, 1994, с. 112). В то же время массовые письменные источники XVI–XVII вв. – писцовые и переписные книги – даже для чисто карельской территории дают значительное количество русских названий. Это явление объясняют существованием двойных названий поселений: местного, отражающего язык населения, не всегда попадающего в тексты письменных документов, и официального, как правило, понятного для русского языка и закрепленного в писцовом делопроизводстве (Мюллер, 1947, с. 17–18;

Витов, 1962, с. 68). Официальные названия в большинстве случаев образовывались исходя из географического расположения поселения или по имени поселенца. Христианские же имена прибалтийско-финского населения практически не отличались от русских.

Тем не менее в писцовые книги попадают многие местные названия, такие как Наннола, Пижела, Ангула, Игачела, Силтила, Гоппила, Ивкуницы, Павченицы, Чуриницы, Киневицы, Судолицы, Куневицы, Ваченицы, Репушкиницы, Кетчелица, а также прозвища, среди которых, как отмечают топонимисты (Попов, 1949, с. 57–62), могут быть как чисто карельские, так и производные от христианских имен: Гангопя, Гуйкиев, Еглоев, Еруев, Келюев, Кичюев, Конниев, Копалев, Пряничев, Тилкуев, Тюкуев, Чикуюев, и др. (ПКОП, с. 57–75).

Первое сохранившееся писцовое описание 1563 г. в самом большом из Заонежских погостов – Олонецком Рождественском – зафиксировало 314 поселений и 1058 дворов (Кочкуркина, 2001, с. 80). Границы погоста простирались от владений Александровского монастыря на юге, Ладожского озера на западе до отдаленных волосток на севере и востоке: на Сямозере и Святозере. Наиболее населены были берега рек Олонки, Мегреги, Тулоксы, Седоксы, Видлицы.

Вероятно, большое влияние на этнические процессы в это время оказали военно-политические события. Разорение Олонецкого погоста, как и большей части Заонежских погостов, в конце XVI – начале XVII в. в результате шведской и литовской интервенций привело к частичной гибели населения. Многие жители ушли из родных мест. В то же время погост испытал приливы переселенцев, а потом и беженцев из захваченного шведами соседнего Корельского уезда. Несмотря на то что «кореляне» впервые отмечены в деревнях Олонецкого погоста в писцовой книге 1583 г., нельзя отрицать их проникновение и в более раннее время. Этот поток усилился в XVII в., когда большая часть «корелы» осела на землях Онежско-Ладожского водораздела, на территориях, сложившихся позднее этнических групп ливвиков и людиков (Жербин, 1956, с. 75–77; Чернякова, 1998, с. 247–255). Переписные книги «корельских выходцев» 1667 г. отмечают в Олонецком погосте около

290 семей и одиноких «корелян», тогда как в других погостах их число не превышало 40 (Чернякова, 1998, с. 251). Актовый материал XVII в. свидетельствует о том, что некоторые из них заняли запустевшие участки, другие упоминаются в захребетниках и подсоседниках или как принятые в дом к вдовам, третьи вообще не устроены и живут в Олонце, вызывая постоянные споры из-за земельных владений (Карелия в XVII в., 1948, с. 157–159, 190–191). В отдаленной волостке Олонецкого погоста на Сямозере при описании рыбных промыслов отмечается, что прежние рыболовы взяты в солдаты или скрываются от службы, а одним неводом ловят «кореляне» (там же, с. 152–153). Таким образом, население Олонецкого погоста отличало себя от собственно карел, но неизвестно, что представляли собой в этническом отношении в это время предки карел-ливвиков и людиков, каковы были их сходство и отличия, а также ареалы. В письменных источниках XV–XVII вв. противопоставление «своих» и «чужих» зачастую выражается в наименовании лиц по местности. Так, например, документы часто упоминают жителей Заонежских погостов: кижан, шунжан, толвуян, шуян, а также олончан (Кюршунова, 1995, с. 55–68). Отражая территориально-локальные группы населения, эти названия, в зависимости от географии их употребления, могли свидетельствовать как об этнических различиях, так и о месте жительства или происхождении населения. К примеру, упоминание сямозерца Микулки Онтушова в одной из деревень на р. Олонке в 1563 г., возможно, говорит лишь о локальной дифференциации.

Административные и торговые центры всегда представляли смешанный этнический состав населения. В приказном порядке в формировавшийся посад Олонецкой крепости были записаны торговые люди и стрельцы со всех Заонежских погостов, этнический состав которых был далеко не одинаков. Позднее среди посадских людей выделялись Свечниковы, Гуттоевы, Рухтоевы, Игумновы, Распутины, Окуловы, Лергоевы (Очерки истории Карелии, 1957, т. 1, с. 132). В город постоянно стекалось население со всех погостов, часть его, разорившись и забросив земельные участки, записывалась в стрельцы. Кроме олонцев стрельцов, несших постоянную службу в крепости, как явствует из документов, сюда

могли присылаться полки солдат и драгун, а также новгородских стрельцов и донских казаков, что резко повышало доходность кружечных дворов Олонца (Карелия в XVII в., 1948, с. 179). Вместе с тем торговля и промыслы провинциального и «порубежного» городка были недостаточно развиты, и посадское население долгое время жило за счет обработки земельных участков (там же, с. 190).

Согласно диалектологическим данным, область проживания карел-людиков занимала восточную часть Онежско-Ладожского перешейка и прослеживалась на юге узкой полосой от селения Михайловское, далее к Важинской пристани и до Святозера, Пелдожи, Пряжи, а на севере они проживали на всей северо-западной прибрежной части Онежского озера по низовьям рек Шуи и Суны (Диалектологический атлас, 1997, карта 3). Данные топонимии позволили уточнить границы двух диалектов, а также пути продвижения карел и веси к Онежскому озеру. На юго-востоке – это естественно-географический рубеж, разделяющий бассейны рек Олонки и Свири. Со Свири по рекам Важинке, Святрека Шую шел путь в Онежское озеро, известный вепсам и сыгравший решающую роль в формировании людиково-ливвиковой границы. В низовьях Шуи вепсское население сталкивалось с карельским, продвигавшимся вниз по р. Шуе из Приладожья в Прионежье. Неоднородность людиковских говоров, а также разнообразие этнонимов («люди», «лаппи», «вепся»), зафиксированных здесь позволили лингвистам выделить эту территорию как зону активных этнокультурных контактов (Бубрих, 1995; Муллонен, 2001, с. 333–336). В то же время отмечалось, что отсутствие специфической –l-овой топонимии в районе проживания карел-людиков, не позволяет говорить о раннем заселении данной территории прибалтийско-финским населением, тогда как более поздние пласты топонимов фиксируют проникновение в этот район собственно карел (Муллонен, Мамонтова, 1997, с. 15–19).

Неоднородность самоназвания населения северо-западного Прионежья, видимо, отразилась на данных переписи 1873 г. Среди карельского населения поселений Петрозаводского уезда в Сулажгоре, в деревнях по р. Шуе у погоста, у Логмозера, Укшезера,

Кончезера отмечена «лопь» (Список населенных мест... 1879, с. 6–11). К середине XX в. население этого района почти полностью обрусело (Муллонен, Мамонтова, 1997, с. 10).

Территория северо-западного Прионежья в XV–XVII вв. входила в состав Шуйского погоста, южная граница которого шла от Деревянного и оз. Лососинное, западная захватывала низовья р. Шуи с волосткой Виданы, доходила до Мунозера на севере, далее сворачивала к южной оконечности оз. Сандал и заканчивалась у оконечности Кондопожской губы. Деревни располагались по рекам Шуе и Суне, заливам Онежского озера, озерам Логмозеро, Укшезеро, Кончезеро, Пялозеро, Вашезеро. Это был один из небольших погостов Онежско-Ладожского перешейка, насчитывавший по книге 1563 г. около 156 поселений, 456 дворов (Кочкуркина, 2001, с. 84), в центре которого упомянут рядок, где новгородцы торговали мехами, хлебом, солью и рыбой (ПКОП, с. 113). Приток карельского населения на данную территорию отразился в названиях нескольких деревень. Например, зафиксирована деревня Харитонка Корелянина на Деревянном, Куземки Корелянина на Шуе и еще одна на Бесовце. Лишь один из починков образован «кондопожанином». Корельские выходцы названы среди жителей деревень на Суйсаре и Ялгубе. Кроме того, в ряде поселений зафиксированы жители с весьма красноречивым прозвищем Пришлой. Косвенные свидетельства о проживании прибалтийско-финского населения дают прозвища Сулгуев, Онтуев, Релкоев, Пажуев, Кейчуев (ПКОП, с. 113–124).

Книги 1583, 1616–1619, 1620 гг. фиксируют разорение погоста в результате военных действий, но и в них отмечают, хотя и редко, дворы «корелян». В книге 1616–1619 гг. впервые упомянуты обельные крестьяне Григорий Меркульев, его брат Прохор Мелентьев и племянник Кузьма Федоров в деревне на Ялгубе (Писцовая книга 1616–1619 гг., л. 109–109 об.). Сохранившаяся обельная грамота Бориса Годунова 1601 г., к сожалению, не указывает заслуги «лопенина» Гриши Меркульева (Карелия в XVII в., 1948, с. 15). И. А. Чернякова приводит сведения о предании, согласно которому эта награда была дана за исцеление самого царя. Сравнение с предыдущим писцовым описанием 1583 г. позволяет найти

Федора Мелентьева в деревне на Ялгубе, возможно, старшего брата обельного крестьянина, отца его племянника. Возникает вопрос об этнической принадлежности обельных крестьян. Считается, что «лоплянами» в это время называли не саамов, упоминаемых как «лопь», «лопари», а жителей Лопских погостов, заселенных уже преимущественно карелами (История Карелии с древнейших времен... 2001, с. 145). В этом отношении интересны замечания поздних переписных книг: «корельский выходец... родом Лопских погостов». В этой связи, учитывая постоянный приток «корелян» в Шуйский погост, который зафиксировали письменные источники, отразившийся, вероятно, в позднейшей этнонимии района (Бубрих, 1995, с. 77–83), более убедительным, кажется, видеть в «лоплинине» Григории Меркульеве корельского выходца.

Запущение части дворов и деревень Шуйского погоста, отмеченное Переписной книгой 1646 г. (л. 95–124 об., 540 об.–543), отразило уход населения Шуйского погоста от тяжелого налогового пресса в вотчины новгородских монастырей Хутынского и Антоньева, в волость Кондуши Александро-Свирского монастыря, митрополичью вотчину на Олонце, а также в помещичьи вотчины (л. 95–124 об., 540 об.–543). Корельских выходцев эта перепись не называет, хотя их присутствие в Шуйском погосте исключать нельзя. По материалам сыска 1667 г. в Шуйском погосте проживало около 39 семей «корелян» (Чернякова, 1998, с. 251). Книга 1678 г. отмечает корельских выходцев в деревнях у погоста, на устье р. Суны, на Мунозере, ими основываются и новые деревни. Но население уходит из Шуйского погоста из-за неурожая и голода. Крестьяне частично сошли «безвестно», другие вышли в соседние погосты: Кижский (Яндомозеро, Мянсельга, Горки), Олонецкий (Маньга и г. Олонец), Остречинский погост (Педяйсельга), Мегорский, Лопские погосты (Линдозерская волость). Некоторые перешли в вотчины новгородских и местных монастырей или выехали за пределы Заонежских погостов (Старая Русса) (Переписная книга 1646–1647 гг., л. 309–335).

Южнее расселения карел-людиков в западном Прионежье перепись населения 1873 г. в деревнях по рекам Ивине, Муромле,

Остречине фиксирует (Список населенных мест... 1879, с. 14) «чудь», частично уже обрусевшую в районах Ужесельги, Вознесе- нья, Ивинского погоста. Ко второй половине XX в. русскими стали деревни у Онежского озера – Щелейки, Подщелье, Гимрека (Вино- курова, 2001).

Считается, что расселение вепсов на территории западного Прионежья произошло незадолго до составления писцовой книги 1496 г. К этому выводу ранее пришел В. В. Пименов (1965, с. 181) на основе анализа письменных источников, а впоследст- вии он подтвердился на топонимическом материале (Муллонен, 1994, с. 126–134). По данным топонимии, явное вепское про- шлое прослеживается как в центре Оштинского погоста, распо- ложенного в Присвирье, так и на территории Остречинского по- госта. Здесь сохранился мощный слой прибалтийско-финских микротопонимов, свидетельствующих о значительном присутст- вии вепского населения и его относительно позднем обрусении (Муллонен, 1994, с. 128), однако топонимических моделей, сви- детельствующих о раннем земледельческом освоении этого района не прослеживается. Древний путь из Приладожья шел за- паднее по р. Важинке на верховья рек Суны и Шуи, затем в За- онежье и далее на север и восток от Онежского озера. Анализ то- понимии западного Прионежья показывает также отсутствие са- амских топонимов, что может говорить о том, что ко времени переселения сюда вепсов, саамов здесь не было (там же, с. 131). Немногочисленные известные археологические памятники ранне- го времени фиксируют кратковременные стоянки с лепной и гон- чарной керамикой древнерусского облика на многослойных па- мятниках устья р. Шелтозерки.

По описанию 1563 г. в Остречинском погосте насчитывалось 270 деревень и 392 двора, располагавшихся по рекам и составляв- ших скопления вокруг Ивинского центра-погоста, волостей Ладвы, Шокши, Шелтозера (Кочкуркина, 2001, с. 82). О нерусском на- селении этой территории можно судить по отдельным названиям деревень и именам поселенцев. Среди них можно назвать, напри- мер, деревни Кикувскую, Ребуевскую, Мелгуевскую, Варзин- скую, Прокуеву, Керзоевскую, Варгуевскую и другие, а также

прозвища Прягаев, Кюрзов, Чюгак, Попуев, Мохтой, Рянжа, Пузуев, Карзин, Ряикин, Куйнов, Каргуев (ПКОП, с. 103–113). В то же время сюда, вероятно, проникало славянское и карельское население. Писцовые книги упоминают о проживании в Остречинском погосте Федки Микифорова Новгородцева (1563 г.), Иванки Шуянина (1583 г.), Калинки Корелянина (1563 г.), и называют деревню Дорофейки «Кориленинова». В конце XVI – начале XVII в. население погоста сильно пострадало от военного разорения. Из общего числа поселений этого времени больше половины запустели. В писцовом делопроизводстве это отразилось на смене названий деревень, что не позволило проследить преемственность ряда сельских поселений в одной и той же местности. Переписные книги 1646 и частично 1678 г. (сохранилось описание только государственных земель) отражают уход населения в связи с тяжелым налоговым гнетом в Бежицкую пятину, Тихвин, запустение в результате неурожая, голода и солдатчины (Переписная книга 1646–1647 гг., л. 95–124 об., 540–542 об.; Переписная книга 1678 г., ч. 1–2, л. 396–426, 146–164). В редких случаях фиксируется, куда ушло население (Кижский погост, Сенная Губа, Толвуйский погост), еще реже, откуда пришло (Шуйский, Кижский погосты), в основном отмечается, что «сошли безвестно».

Заонежье и восточное Прионежье

Большое значение в изменении этнического состава населения Прионежья имела славянская колонизация. Продвижение ее шло по давно известной водной магистрали – р. Свири в Онежское озеро, далее в Беломорье или восточным путем через р. Водлу и Заволочье или северным – через Повенец, верховья Выга, систему озер и на р. Суму. Первоначально славянское движение носило, вероятно, «торгово-промысловый характер, преследуя цели поставки с северных территорий продуктов охоты и промыслов». В дальнейшем имела место земледельческая колонизация. На основе анализа большого числа источников М. В. Витовым был сделан вывод, что массовая русская колонизация Прионежья, выразившаяся в становлении сети сельского расселения, началась не ранее XIV в. и закончилась к концу XV в. (Витов, Власова, 1974, с. 182, 189).

Картографирование поселений, упомянутых в писцовых и переписных книгах, позволило лишь наметить пути и характер этого процесса.

Оценивая огромный корпус письменных источников XV–XVII вв. относительно сведений об этническом составе населения, он отмечает, что они «не дают вполне удовлетворительного материала». Прямые указания в письменных документах на проживание карел, вепсов, чуди или лопарей на той или иной территории – редкость, косвенными свидетельствами могут служить лишь нерусские имена, отчества или притяжательные этнонимы. В целом материал письменных источников «неравномерно характеризует всю территорию», тем самым «представляются возможными только самые приблизительные предположения на этот счет» (Витов, 1962, с. 61–72).

О дорусском прошлом Заонежья более подробные сведения дает топонимия. К самому раннему пласту топонимов относятся саамские, но, как отмечают исследователи, в Заонежье этот слой значительно размыт. Более ярко представлена прибалтийско-финская топонимия. По мнению И. И. Муллонен, несомненным ранним присутствием веся в Заонежье является распространение топонимов с I-овым формантом, адаптированных с помощью русской модели – ичи/–ицы: Кургеницы, Клименицы, Пагаченицы, Пахоницы. В Присвирье распространение этой модели полностью совпадает с археологической курганной культурой в юго-восточном Приладожье и хронологически может быть ограничено XIII в. (Муллонен, 2001, с. 340). В Заонежье данные топонимы прослежены только в южной части и северо-восточном конце Заонежского полуострова, в окрестностях Шуньги. Археологические памятники этого времени немногочисленны и представлены раннесредневековыми комплексами в окрестностях о. Кижы (Лаврова и др., 2005, с. 39) и в районе Сенной Губы.

Результатом более поздних явлений диалектологи считают сложение на территории Заонежья двух типов говоров. Причины их возникновения объясняют по-разному: одни – миграцией населения из пределов Псковской земли в XIV–XV вв., другие – более поздним движением населения из центральных областей России

(с XVII в.); третьи – влиянием особенностей говора прибалтийско-финского населения, сравнительно недавно подвергшегося обрусению (Мещерский, 1962, с. 120). Территория распространения первого, «толвуйского», говора – северо-восточное побережье Заонежского полуострова и центр, второго, «киже-шунгского», – узкая полоса с юга на север по западному берегу. Заметим в этой связи, что основание Палеостровского монастыря в начале XV в. легендарным пр. Корнилием из далекого г. Пскова становится весьма правдоподобным.

На основе анализа лексики Заонежья выделяется два этапа славянского переселения. Более ранний – миграция носителей единого псковско-новгородского диалекта, поздний – переселение носителей западнорусского диалекта XIV–XV вв. (Герд, 1979, с. 211–213; 2001, с. 415). Все это способствовало смешению славянского и прибалтийско-финского населения, процессам билингвизма и постепенному переходу на русский язык.

О проживании прибалтийско-финского населения в Заонежье свидетельствует известная грамота «всех шунжан» Вяжицкому монастырю середины XV в. Упомянутые в ней имена говорят о смешанном составе населения: Иван Кондратьев, Василий Тимошкин, Волос Петров, Иван Таин, Оншута Иванов, Яков Орин, Тоивуд Идуев и Кирка с детьми. Образованные от этих имен названия деревень, указанных в писцовых книгах, отмечал в своем исследовании М. В. Витов (1962, с. 169). В ранней сохранившейся писцовой книге 1496 г. Шунгского погоста можно встретить прибалтийско-финские прозвища Керкин, Вачуев, Нечюев, Мелгуев. В последующей 1583 г. – Чюрак, Онтуев, Мустар, Нахкин, Кокоев, Ироев, Коячов, Толкуев, Пекуев. Единичные упоминания фиксируют проживание в деревнях Шунгского погоста по книге 1496 г. Сенки Корелянина и Якуша Новгородца, в 1583 г. Левки Корелянина.

В Толвуйском погосте можно найти такие названия деревень, как Таруевская, Тароева, Чаруево, Вашуево, Пичюево, Пада-пелда, в Толвуе на каре, а также прозвища Чюглов, Гемячов, Горзин, Нерзин, Пекуев, Мултуев, Тимуев, Куйва, Герзин (ПКОП, с. 1–9, 124–155).

Меньше подобных названий встречается в центре Кижского погоста на Заонежском полуострове. Они зафиксированы на территории, пограничной с Шуйским погостом (Лижемская и Уницкая губа), там же отмечены и отдельные двойные переводные названия: «д. на Мелой губе на Лембитове острову».

Позднее «Список населенных мест 1783 г.» (с. 23–32) укажет на этой территории карельское население (у оз. Сандал, Лижмозеро, Вегорукса, Ламбасручей, Пегрема), а также обрусевших карел Кузаранды. Незначительное количество «финнов» проживало также на о. Большой Клименецкий в деревнях Гарницы, Лонгасы и Клементьевской.

Как уже упоминалось, погосты Заонежского полуострова ко времени переписи 1563 г. были наиболее плотно заселены. В Кижском насчитывалось 163 поселения, 367 дворов, в Толвуйском – 188 деревень, 362 двора и несколько меньше в Шунгском – 140 деревень, 232 двора (Витов, 1962, с. 104–105).

Шведская интервенция конца XVI в., разорившая весь западный берег Онежского озера, затронула лишь пограничные селения Кижского погоста, часть Толвуйского, но разруха и запустение наблюдаются и здесь. Они вызваны последствиями войны, эпидемией и голодом. Так, писцами часто отмечается, что крестьяне «от морового поветрия и паду умерли» или «сошли безвестно», иногда указывается, что ушли в Каргополь. «Моровое поветрие» 70–80-х гг. затронуло Лижмозеро, Сандал, Типиницы, Великую Губу, Яндомозеро, о. Кижы, Киркостров, Волкостров. На Большом Клименецком острове запустел весь «Паханицкий» берег. «Смутное время» начала XVII в. принесло новые разорения, что не могло не отразиться на составе населения. Наиболее внимательна ко всем передвижениям жителей погостов переписная книга 1678 г. Хотя в большинстве случаев писцы указывают, что крестьяне «сошли безвестно», но иногда точно фиксируется место, откуда и куда перешли. Так, из Кижского погоста отмечены выходы населения в Андомский и Остречинский погосты, а также в Ошту, Каргополь и Олонец. В то же время в Сенную губу население приходит из Остречинского и Важинского погостов, на Леликов остров – из Шуйского, в Конду (о. Б. Клименецкий) – из Шальского погоста (Переписная книга 1678 г., ч. 2, л. 331–386).

Из Шунгского погоста зафиксированы выходы в южные Оштинский и Вытегорский погосты, а также в города Великий Новгород, Москва, Тихвин, Олонец, где часть крестьян записывается в стрельцы. В Шунгском погосте отмечается население из Шальского и Лопских погостов, Беломорья.

В Толвуйский погост приходит крестьянство из западного Острчинского и восточных Андомского, Пудожского, Вытегорского погостов, а также из Каргополя. Зафиксированы выходы крестьян в Водлозерский и Андомский погосты, в города Москва и Великий Новгород. Кроме того, отмечаются переходы в пределах одного погоста из деревни в деревню или в соседние Заонежские погосты. Зачастую население уходит в Климецкий, Палеостровский, Соловецкий монастыри (Переписная книга 1678 г., ч. 2, л. 54–101, 306–329).

Из пришлого населения в Заонежье переписные книги отмечают в Кижском и Шунгском погостах двух представителей «родом из-за литовского рубежа» и столько же выходцев «из Свейской земли» в центре Толвуйского погоста. Как они попали в Заонежье, писцы не указывают. Возможно, одним из объяснений проживания «иностранцев» в Заонежских погостах может служить грамота «новокрещена» Андрея Лукина. Попав в плен во время военных действий на Литовской территории, он был крещен, а потом продан ладожским стрельцом солдату Шуйского погоста. Прожив у последнего около семи лет, в очередной призыв он был отправлен служить службу вместо шуйского солдата, что, и явилось причиной «челобитья» (Карелия в XVII в., 1948, с. 153). Переход жителей из «Свейской земли» или финнов, сопровождавшийся обязательным обращением в православие, как отмечает А. С. Жербин (1956, с. 42), шел в общем потоке переселения карел из Корельского уезда.

Как и Заонежье, восточный берег Онежского озера – это территория проживания русскоязычного населения. В отношении сохранности древних слоев топонимии, дающих представление об этническом составе населения в далеком прошлом, исследователи считают эту территорию заповедным краем.

Хорошая сохранность древних субстратных слоев свидетельствует, как считают исследователи, о малой населенности этой

территории в древности, а также о постепенном характере заселения (Муллонен, 2001, с. 344). Наиболее ранние топонимы прибалтийско-финского пласта соотносятся с вепским населением. Д. В. Бубрих (1947, с.10) на основе анализа фонетических особенностей отмечал их на восточном побережье Онежского озера, вблизи озер Муромское и Водлозеро (Канзанаволок, Варишпелда). И. И. Муллонен (1995, с. 195–197) указывает на древнюю ойконимию с –l-оловым формантом в названиях водлозерских деревень (Рахкойла, Чуяла и более затемненных Курдилово, Вачелово, Онгилова Гора), а также на сохранившееся двуязычие, отразившееся в писцовых книгах, и вепские лексемы, распространенные в бассейне р. Водлы. В целом, по топонимическим данным, прибалтийско-финские следы отмечаются на всей территории восточного берега. Они были перекрыты мощной волной русской колонизации, устремившейся по р. Водле в Заволочье. Сохранение островков прибалтийско-финского населения могло быть возможно лишь вдали от колонизационных потоков. О контактах древнего саамского и вепского населения говорят отдельные заимствования, выявленные в вепском языке на лексическом и фонетическом уровнях. Саамские следы в лексике северных говоров дают исследователям возможность предполагать и наличие прямых русско-саамских контактов (Муллонен, 2001, с. 338–339, 343–344).

Раннесредневековые археологические памятники охотничье-рыболовецких культур отмечаются скоплениями у оз. Муромское и Водлозера. Известны также отдельные поселения со скудным инвентарем, условно разделяемые на комплексы с лепной керамикой и бескерамические, объясняемые как кратковременные стоянки (АК, 1996, с. 274–275). Этническая интерпретация их затруднена. Они могли быть оставлены как пришлыми воинами, торговцами, так и местным населением, специализировавшимся на добыче пушнины. О продвижении отдельных групп населения, знакомых с производящим хозяйством, из юго-восточного Приладожья на северный, северо-восточный берег Онежского озера свидетельствуют курганная группа и селище в Челмужах, а также курганы в Уницкой губе – Кокорино (Спиридонов, 2001).

Ранние письменные источники и берестяные грамоты, относящиеся ко второй половине XIV – первой четверти XV в., дают скудные данные о заселении этой территории в новгородское время. Они упоминают о водном пути по Водле в Заволочье, поездке сборщика даней (или приказчика) в Пудож, «записи о мехах», собираемых с жителей района Водлозера (Зализняк, 2004, с. 619–621, 644–645). Последняя грамота фиксирует смешанный состав населения, называя как православные имена (Фома, Филипп), так и славянские (Гостило, Намест, Жидило) и прибалтийско-финские (Вельют, Вельяказ, Вихтимас) (Мещерский, 1964, с. 195–197). Видимо, к новгородскому времени относятся городища Пудожское и Саминское. Память о них еще сохраняется в писцовых описаниях, но, к сожалению, археологически они недостаточно изучены.

Как уже отмечалось, писцовые книги косвенно свидетельствуют о смешанном составе населения, сохраняя, например, как уже отмечалось, двойные, переводные названия деревень на Водлозере. Возможно, здесь еще в XVI в. сохранились остатки субстратного населения. Книга 1563 г. в Шальском и Пудожском погостах фиксирует сплошь русские названия деревень и имена поселенцев. В 1580-х гг. в Шальском, Пудожском и Андомском погостах наблюдается большой приток населения из разоренных военными действиями погостов Онежско-Ладожского перешейка (Аграрная история... 1974, с. 243–248). Часть переселенческого потока осела, другая, видимо, продвинулась дальше в Заволочье. В начале XVII в. погосты восточного берега были разорены польско-литовскими отрядами и русскими казаками, действовавшими в отдельных районах вплоть до 1618–1619 гг. Многие селения сожжены, крестьяне убиты или скитаются по погостам. В это время в переписных книгах в единичных случаях упоминаются карельские выходцы, большая часть которых появилась в погостах восточного берега Онежского озера лишь в XVII в. и продвинулась в почти полностью обезлюдевший Андомский погост (Витов, 1962, с. 64; Чернякова, 1998, с. 245–256). Переписная книга 1678 г. отмечает передвижения населения из Шальского и Пудожского погостов в Андомский, Вытегорский, Шунгский, Кижский погосты. Многие крестьяне вышли за пределы Заонежских погостов в Новгородский,

Белозерский, Каргопольский уезды, некоторые записались в стрельцы в Олонце и Новгороде. В водлозерских деревнях зафиксированы выходцы из Великих Лук, Каргопольщины и соседнего Кижского погоста (Переписная книга 1678 г., л. 237–243).

Общепризнанно, что антропологические материалы четко фиксируют различия в физическом типе населения, соотнося его с тем или иным этносом. Исследования, проведенные М. В. Витовым в 1950-е гг. по определению физического облика современного населения Севера, способствовали выделению на территории Карелии онежского и ильменьско-беломорского типов. Сопоставление их с письменными, лингвистическими, этнографическими и фольклорными данными позволило соотнести первый с финно-угорским населением, а второй, как считает исследователь, отразил преобладание в этих местах физических потомков древних новгородцев (Витов, 1997, с. 14–29). Рассматриваемая в данной работе территория Онежско-Ладожского водораздела вошла в область распространения онежского типа, а Заонежье и восточный берег Онежского озера – ильменьско-беломорского. Последующие соматологические исследования ввели более дробную терминологическую классификацию, согласно которой карелы и вепсы вошли в состав прионежского локального варианта восточнобалтийского комплекса антропологических черт, а русские – в беломорский комплекс. В целом, как отмечают исследователи, межэтническое разнообразие прибалтийско-финских этносов, включенных в прионежский вариант невелико, хотя наблюдаются некоторые различия (Аксянова, 2004, с. 306). Так, указывается на большее разнообразие физических черт карел по сравнению с вепсами, обусловленное широким их расселением. Карелы, в отличие от вепсов, выше ростом, менее брахикефальны, имеют более узкое и профилированное лицо, более светлые волосы, среди них встречается реже выпуклая спинка носа. В этом отмечается влияние на антропологический облик карел соседнего беломорского типа (ильменьского-беломорского, по М. В. Витову), к которым относятся русские. К последним близки карелы Олонца и Пряжи. В отличие от русских, они характеризуются более округлой головой, коротким и расширенным в крыльях носом, светлыми волосами и слабым развитием бороды,

что сближает их с вепсами. Южные группы карел (Ведлозеро и Колатсельга) по антропологическим данным ближе к вепсам. На физический облик вепсов, проживающих в Бокситогорском районе Ленинградской области, определенное влияние оказал беломорский тип. В отличие от карел, антропологическая характеристика вепсов безусловно смещена в сторону лапоноидного типа, характерного для саамов (Аксянова, 2004, с. 304–313).

Археологические памятники

Этнографические материалы XIX–XX вв. южных карел, вепсов и русских фиксируют как общие явления, возникшие в результате исторического развития, многообразные культурные взаимовлияния, так и самобытные черты, отличающие культуру каждого из народов (Никольская, 1976, с. 149–167; Винокурова, 2001, Логинов, 2001а, б). Они больше проявляются в духовной сфере, но могут оказать влияние или выразиться в определенных формах материальной культуры (поселения, жилища, одежда, пища и т.д.).

Насколько археологические позднесредневековые материалы отражают этническое, традиционное своеобразие этносов в материальной культуре, быте и занятиях населения Карелии? Какие специфические или общие культурные явления можно проследить на археологических комплексах позднего Средневековья? Известно, что элементы материальной культуры в той или иной степени обусловлены главным образом развитием производительных сил и особенностями природной среды, а также особенностями исторического развития и прочно не привязаны к этносу (Чистов, 1972, с. 79), поэтому и отражение ее в археологических источниках, в силу их фрагментарности и односторонности, далеко не полное.

Поселения XIV–XVII вв. расположены в иных топографических условиях, чем памятники X–XIII вв. В большинстве своем это селища – остатки сельских поселений, фиксируемых писцовыми и переписными книгами. Многие из них расположены в пределах современных деревень и разрушены многовековой распашкой. Лишь на немногочисленных памятниках этого времени удалось проследить остатки строений. Поэтому трудно что-либо сказать о внутренней планировке, в которой, как считается, проявляются этнические

особенности, а также планировке усадеб, поселений, декоративных украшениях жилища. Традиционно изучаемые консервативные этнографические категории материальной культуры, например, одежда, средства передвижения, пища, на археологических памятниках сохраняются в единичных случаях и фрагментарно. Ощущается недостаточная и неравномерная изученность позднесредневековых памятников Карелии в территориальном и хронологическом отношении.

Наиболее археологически обследованным на территории карел-ливвиков является административный, военный, торгово-ремесленный центр того времени – Олонец, где выявлены слои XVII–XIX вв. (Древний Олонец, 1994, с. 42–55). Деревянная крепость с башнями была построена в 1649 г. по распоряжению московского правительства для защиты пограничных рубежей. Археологически обследованы деревянные укрепления города и рва, остатки башни, мостовые. Обнаруженные на территории Олонецкой крепости погребения характеризуют сохранение у населения некоторых черт языческих верований. При отсутствии каких-либо оснований для этнических различий четко прослеживается на археологическом материале социальный статус поздних городских поселений. Некоторые находки можно назвать социально-знаковыми, т. е. отражающими принадлежность к определенным слоям городского населения. К таковым можно отнести, например, обломки голландских курительных трубок, получивших распространение среди высших слоев общества, военных и купечества в XVII–XVIII вв. Аналогичные находки выявлены при раскопках Петровской слободы (Жульников, Спиридонов, 2003, с. 102–104) и шведского г. Кронборга, основанного в 1668 г. в Корельском уезде. Определенную социальную дифференциацию отражает часть мелких бытовых вещей, посуды, элементов интерьера жилищ (печные изразцы). О внутренней и внешней торговле говорит большая коллекция монет XVII–XIX вв., среди которых есть и шведские номиналы.

Менее изучены сельские поселения в округе Олонца, лишь незначительное их количество обнаружено в ходе разведок в районе оз. Новземское, населенных пунктов Еройлы и Обжи. Находки представлены фрагментами гончарной керамики XV–XVII вв. и мелкими железными предметами. Связи с памятниками X–XIII вв.

не прослеживается. В Пряжинском районе небольшим раскопкам подверглось селище, которое по топографическим особенностям и характеру находок может быть отнесено к промысловым рыбачьим станам (Кочкуркина, Спиридонов, 1988, с. 137–138).

Более изученными можно считать территории вокруг Онежского озера, но и здесь археологический материал пока не стал основой для этнических интерпретаций. Исследования А.М. Спиридонова затронули сельские поселения центров погостов северо-западного Прионежья, Заонежья и северо-восточного берега Онежского озера: Шуйского, Толвуйского, Кижского, Шунгского, а также Челмужского погостов (Спиридонов, 1995, 2004). Проведено историко-археологическое исследование сельских поселений и монастыря на о. Большой Клименецкий в Заонежье (Дмитриева, Кочкуркина, 2000). Работы на усадьбах Палеостровского, Муромского, Климецкого, Брусненского монастырей, представляющих особый тип поселений, позволили в ряде случаев уточнить расположение строений и их характер, а также составить представление о материальной культуре и монастырском быте. На восточном берегу Онежского озера известны отдельные позднесредневековые памятники на р. Водле, в районе оз. Муромское, Нигижмы и Бесова Носа (Кочкуркина, Спиридонов, 1988).

Практически не изучено западное Прионежье. Можно назвать лишь единичные селища, выявленные путем сбора материала с распаханых участков, и небольшие разведочные раскопки на территории Николаевского Брусненского монастыря.

Характерной чертой позднесредневековых исследований стало комплексное применение источников: письменных, этнографических, картографических. Например, историко-археологическое исследование сельских поселений Челмужского погоста позволило сделать выводы о характере расположения их на местности. В результате сопоставления археологических памятников с информацией писцовых и переписных книг о поселениях получены данные, подвергнувшие сомнению тезис о господстве в этот период на Севере малодворных деревень, так как локализованные на местности они явно представляли собой единую агломерацию (Спиридонов, Чернякова, 1991, с. 32–49).

На основе археологического материала с привлечением исторических источников возможно выделение и владельческой принадлежности поселений. Так, среди девяти позднесредневековых поселений Толвуйского погоста примечательны два. Одно из них XV–XVI вв., где обнаружены не характерные для обычного сельского поселения находки, такие как серебряные монеты и шахматная фигурка, было идентифицировано с монастырским двором «на приезд» Вяжицкого монастыря. Второе более позднего времени XVIII–XIX вв. – с остатками разнообразного хозяйственного инвентаря, монет, фрагментов гончарной, стеклянной, фарфоровой посуды, штофов, канцелярскими принадлежностями – было соотнесено с известной по документам Толвуйской земской избой (Спиридонов, 1995, с. 152–174). Сопоставление с историческими источниками позволило уточнить датировку памятников, составив типохронологическую шкалу для наиболее массовой категории находок: керамического материала (Спиридонов, 2004, с. 281–303).

Различия в археологическом материале фиксируют дифференциацию поселений и по функциональному принципу. По топографическому расположению и характеру находок выделяются сезонные промысловые поселения. У основания мыса Бесов Нос восточного берега Онежского озера известны остатки двух промысловых станов XVI–XVII вв., связанных с сезонным ловом рыбы (Амелина, 2003, с. 146–148). Небольшие разведочные работы на одном из них выявили остатки постройки с отопительным сооружением, рыболовный и хозяйственный инвентарь, свидетельствующие о занятии населения домашними промыслами (плетение из бересты). Выявленные остатки берестяной обуви относятся к широко распространенному на севере новгородскому типу «верзня».

В целом наиболее массовый археологический материал XIV–XVII вв. Приладожья и Прионежья фиксирует сильное влияние русского ремесла, выразившееся в бытовании однотипных изделий и орудий труда, а также широком распространении новгородских форм керамики. Как характерная черта исследователями отмечается «архаичность» провинции, длительное сохранение традиций (Кирпичников, 1980, с. 48–49). Утрата старых технологий в изготовлении глиняной посуды в Прионежье и появление новых приемов связываются с военными разорениями XVI – XVII вв. (Спиридонов, 2004, с. 281–303).

Вероятно, в будущем по мере изучения позднесредневековых памятников можно будет выявить какие-то локальные особенности на археологическом материале, но и в этом случае их этническая интерпретация станет возможной лишь при полном сочетании с данными других наук (истории, этнографии и т. д.).

Таким образом, имеющиеся в настоящее время археологические источники фиксируют социальные и производственные отличия, которые более отчетливо проявляются в материальной культуре. Массовые археологические материалы отражают общие, характерные для Русского Севера культурные черты.

* * *

Подводя итоги, подчеркнем, что изучение археологических памятников позднего Средневековья тесно связано с необходимостью привлечения результатов других наук, что позволяет создать более полную картину исторического прошлого.

По этническому составу населения Карелии в XV–XVII вв. наиболее информативными являются письменные и лингвотопонимические источники. Письменные свидетельства не всегда дают прямые указания на этнический состав населения. Многочисленные топонимические данные, к сожалению, не могут быть точно датированы. Археологические источники, в силу своей специфики, не подтверждают и не отрицают этнических различий. Они лишь фиксируют общие тенденции в материальной культуре, отмечая сходные черты на территориях расселения разных этносов, свидетельствующие о складывании северорусской культуры в период XV–XVII вв.

**ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО
ПРОГРАММЕ «ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
В ЕВРАЗИИ: АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГЕНЕЗ
И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ». 2003–2055 гг.**

Сектор археологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН получил финансовую поддержку Президиума РАН, предложив проект «Проблемы древней этнокультурной истории населения Карелии». Предполагалась разработка региональной этноисторической тематики преимущественно на основе анализа археологических данных по трем основным проблемам: происхождение и древнейшие этапы истории финноязычного населения Карелии; формирование культур прибалтийских финнов и саамов; взаимодействие культур и этносов прибалтийских финнов, саамов и славяно-русского населения эпохи Средневековья. Результатом работы сотрудников сектора археологии по предлагаемому проекту должно было стать обобщающее накопленный опыт коллективное исследование «Проблемы древней этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – Средневековье)». Большие надежды сектор возлагал на проведение полевых работ, которые с начала 1990-х гг. по существу прекратились. Между тем территория Карелии в археологическом отношении изучена далеко не равномерно. Наименее исследованы западная часть бассейна Белого моря, принципиально важная при установлении связей с населением северо-восточной части бассейна Балтики, Кольского полуострова и Скандинавии, а также северная часть бассейна Ладожского озера, где есть археологические памятники для изучения этнокультурной истории древних карел, но недостаточно материалов для освещения ранних этапов древнейшей истории. В связи со слабым представлением о состоянии археологических объектов в средней Карелии и их сохранности необходимы были новые полевые изыскания в этом районе. К обязанностям

археологов добавились еще и экспертные функции – проведение экспертизы для вынесения заключения о наличии или отсутствии археологических памятников на участках, вводимых в хозяйственный оборот.

Исходя из этого были сформулированы три направления полевых работ: поиски новых памятников в слабо изученных районах; инвентаризация археологических объектов для уточнения их сохранности; спасательные раскопки разрушающихся поселений.

Инвентаризация, разведки, раскопки

Активная полевая деятельность сотрудников сектора археологии на протяжении трех полевых сезонов (2003–2005 гг.) смогла осуществиться в первую очередь благодаря финансированию по программе фундаментальных исследований Президиума РАН. Привлекались также средства по грантам РГНФ, Совета Министров Северных стран, Водлозерского национального парка. Для проведения раскопок Олонецкой крепости, исследования зон охраны п. Куркиёки, городища Соскуа Лахденпохского района была оказана спонсорская помощь. В инвентаризационных работах на городище Паасо активную роль сыграли отдел культуры мэрии г. Сортавалы и сотрудники Регионального музея Северного Приладожья. В полевых исследованиях принимали участие коллеги из Финляндии, Норвегии, Швеции, Англии, сотрудники и студенты вузов г. Петрозаводска, специалисты различных институтов Карельского научного центра РАН, школьники и студенты археологического клуба под руководством к.п.н. В. Г. Пежемского из Санкт-Петербурга, члены клуба «Люди моря».

Работы проводились по всей территории Республики Карелия, а также в Онежском районе Архангельской области. Материальное обеспечение полевых работ осуществлялось за счет резервов сектора археологии, транспортные средства (машины, суда) арендовались.

В 2003 г. большое внимание уделялось инвентаризации памятников, поскольку сектор археологии был занят созданием электронной базы данных археологических памятников Карелии. О ряде объектов информация либо отсутствовала, либо была неточной и

требовала проверки. Имелись пробелы, свидетельствующие о недоработках археологов в прошлом из-за невысокого уровня методики работ, технического оснащения, недостатка личного опыта. Такой проверке подвергся 161 памятник в основном на густо заселенном в прошлом побережье озера Сямозеро и в Повенецком районе: уточнены местоположение, топографические и географические показатели с помощью Garmin GPS 12 Personal Navigator. Для 42 из них сделаны топографические планы. Спасательные раскопки произведены на площади 170 м². Открыты 50 памятников (стоянки, могильники, каменные сложения предположительно саамского происхождения). Проверена сохранность около 2000 изображений беломорских петроглифов. В 2004 г. благодаря финансовой поддержке Совета Министров Северных стран, рассчитанной на три года, археологи сектора приступили к исследованию побережья Белого моря. Прежде этот район археологами практически не посещался, хотя представляет собой уникальное историко-культурное явление, требующее комплексного изучения не только археологами, но и этнологами, топонимистами, архитекторами и т.д. В целом в 2004 г. проведены раскопки на 6 памятниках от эпохи камня до позднего Средневековья включительно (вскрыты 310 м² и 3 погребения под каменными кучами), открыты и документально зафиксированы 16 памятников и 10 местонахождений каменного века, 3 селища и городище с каменными стенами, так называемые саамские памятники: 3 «каменных ящика», могила под каменной кучей, 4 менгира*, 2 комплекса каменных сооружений и мегалитическое, 3 каменных очага и кольцевидные сложения. Открыты четыре новых петроглифа. Кроме того, в том же полевом сезоне сотрудниками сектора, помимо традиционных разведок и раскопок, разработан проект зоны охраны памятников историко-культурного наследия в границах п. Куркиёки; сфотографированы и скопированы некоторые петроглифы Бесова Носа и Кочковнаволока; нанесены на землеустроительные карты ареалы 6 селищ-деревень, упомянутых в писцовых и переписных книгах; осуществлены эксперименты и изготовлено около 30 эталонов каменных

* Менгир – вертикально поставленные продолговатые каменные плиты.

орудий для трасологического анализа. В полевом сезоне 2005 г. найдены 3 стоянки, каменная могила с одиночным погребением, полуземляночное прямоугольное жилище, каменное сооружение непонятного назначения, обследован лабиринт на о. Красный в Чупинском заливе (составлен детальный план, проведена фотофиксация), открыто более 200 петроглифов на Старой Залавруге и около 10 – на безымянных островах р. Выг. На поселениях каменного века – эпохи средневековья вскрыто 380 м². Раскопаны два жилища неолита – эпохи раннего металла, несколько кострищ; собраны интересные коллекции археологического инвентаря от каменного века до эпохи Средневековья включительно. Кроме того, обследованы участки, вводимые в хозяйственный оборот в Калевальском и Кондопожском районах, а также комплекс памятников возле Шелтозера в Прионежском районе.

Бассейн Ладожского озера

Лахденпохский район Республики Карелия

В самом западном районе республики после активного археологического исследования на рубеже XIX–XX вв. и в 70–80-х гг. XX в. был длительный перерыв, и только изменившиеся в лучшую сторону обстоятельства дали возможность вернуться к изучению этого района. В окрестностях п. Куркиеки известны многочисленные археологические памятники, как каменного века, так и эпохи Средневековья, оставленные древними карелами. Они выявлены благодаря усилиям нескольких поколений финляндских и отечественных археологов.

В 2003 г. сотрудники сектора археологии Т. П. Амелина, Ю. Н. Гукова, С. И. Кочкуркина, В. Ф. Филатова провели инвентаризацию археологических древностей в окрестностях п. Куркиёки. Уточнены топографические данные с помощью Garmin GPS 12 Personal Navigator по ряду отдельных местонахождений, стоянок древних людей и городищ эпохи Средневековья. Удалось открыть и новые поселения древних людей. Обнаружены 8 памятников первобытной эпохи, на которых произведена инструментальная съемка: Вятиккя (I–V), Терву (I–II), Ихоярви (I), уточнена привязка 5 средневековых городищ (Ямяки, Хямеенлахти, Ранталиннамяки,

Риуттамяки, Линнамьяки в Соскуа) и православного монастыря на о. Каннансаари (всего 14 объектов).

Раскопки поселений каменного века – эпохи раннего металла проводились под руководством И.Ф. Витенковой. На Вятиккя I (2003 г.) вскрыто 150 м². В материалах поселения представлены разновременные типы керамики, охватывающие период от раннего неолита до энеолита, но при преобладании гребенчато-ямочной посуды. Каменный инвентарь сравнительно беден. Вскрыто три очага с каменными кладками. Один из них связан с комплексом гребенчато-ямочной керамики, второй – с керамикой сперрингс, к какому периоду относится третий очаг, не выяснено.

В 2004 г. на поселении Ихоярви I вскрыто 156 м². Поселение позднего неолита почти полностью разрушено дорогой, сохранившаяся часть памятника относится либо к раннему неолиту, либо к мезолиту. В 2005 г. исследовались поселения Вятиккя III и V. На поселении Вятиккя III раскоп площадью 128 м² заложен на месте одной из предполагаемых жилищных впадин. Хотя явных признаков жилища в раскопе не выявлено, однако находки (кварцевые отщепы) концентрировались в пределах впадины. Может быть, жилище существовало очень короткое время и по неизвестным причинам было покинуто людьми. На поселении Вятиккя V раскопано 72 м². Собраны несколько фрагментов керамики с органической примесью, скребки из кварца, обломок шлифованного сланцевого орудия, кремневая пластинка с ретушью, точильный брусок. Преобладают отщепы кварца.

По договору с Государственным центром по охране и использованию памятников истории и культуры Министерства культуры РК Т. П. Амелиной и С. И. Кочкуркиной проведено археологическое обследование территории исторического поселения п. Куркиёки и разработан проект зоны охраны объектов культурного наследия. Кроме того, осуществлены инвентаризация уже известных памятников и поиски новых. В п. Куркиёки осмотрены места случайных средневековых находок, собранных в конце XIX в.: Андерсинмяки, Сяккимьяки, Коймьяки. На мысе Нярениеми в 2002 г. при строительстве причала был обнаружен наконечник копья (передан в музей сектора археологии). При

обследовании мыса в полевой сезон 2004 г. собраны кусочки кальцинированных костей. Все вышеупомянутые места находок ныне застроены или введены в хозяйственный оборот. При осмотре огородов и полей в границах поселка найдены два памятника: поселение Кроноборг и селище.

Кроноборг расположен на мысу, образованном реками Рахоланъеки и Куркиеки (Хейнъеки), недалеко от впадения в залив Ладожского озера. Т. Швиндт называл это место Ниеменпелто (Мысовое поле) и считал его предшественником Кроноборга. Статус города поселение получило 20 мая 1668 г. В настоящее время вся территория также занята картофельными полями. Собрано большое количество обломков курительных трубок, две медные шведские монеты (1668, 1671 гг.). По предварительным данным, поселение можно датировать 60-ми гг. XVII – началом XVIII в.

Селище XV–XVI вв. обнаружено на левом берегу р. Рахоланъеки напротив городища Лопотти. Оно идентифицировано с известным по писцовым книгам поселением «под городищем». Находки обломков курительных трубок и толстого зеленого бутылочного стекла позволяют датировать поселение и более поздним временем, примерно XVII–XVIII вв.

Открыто новое городище Соскуа с остатками каменных стен. В заложенном шурфе обнаружен фрагмент костяного орнаментированного изделия, датирующегося XII–XIII вв., кусочки обгорелого дерева, бересты. При исследовании этого городища в 2005 г. (С. И. Кочуркина, Т. П. Амелина) вскрыт раскоп I площадью 32 м² и на самой вершине раскоп II (8 м²; в нем следов средневековой материальной культуры не выявлено). В раскопе I собраны предметы из цветного металла, железные топорик и наконечники стрел, бытовой инвентарь, фрагменты керамики, кальцинированные косточки и т.д. Сделана геодезическая съемка городища и прилегающей местности.

Территория Сортавальского горсовета

На северном побережье Ладожского озера инвентаризационные работы проводились в 2005 г. на городище Паасо XII–XIII вв. Городище (общая площадь 1000 м²) исследовалось С. И. Кочуркиной

в 1978–1980 гг. Вскрыто 730 м². Неисследованной оставалась северная часть памятника (более 200 м²). Она защищена мощными елями, надежно оберегавшими памятник от естественного разрушения. В последние годы городище подверглось набегам «черных копателей». При поддержке отдела культуры мэрии г. Сортавалы и Регионального музея Северного Приладожья состоялась проверка (С. И. Кочкуркина, Т. П. Амелина) технического состояния памятника. Действительно, на территории городища обнаружены многочисленные ямки от работы с металлоискателем, но, к счастью, на ранее вскрытой территории. Северная часть памятника кладоискателями не затронута. На незащищенной восточной половине городища, где в ложине между двумя скальными выступами скопился культурный слой, заложен раскоп IX (нумерация с первого года раскопок) площадью 8 м². Собраны обломки железных изделий (ледоходный шип, ножи, кресало), шиферное пряслице, фрагменты гончарной керамики. Проведена геодезическая съемка памятника. Северную часть городища следует вскрыть, иначе она будет уничтожена.

Олонецкий район

В 2004 г. на территории Олонецкой крепости, на участке, отведенном под строительство магазина продовольственных товаров (заказчик ОАО «Олонецкий хлебозавод»), согласно закону об охране памятников, проведено археологическое обследование, на площади 68 м², максимальная глубина около 1,5 м (С. И. Кочкуркина, Т. П. Амелина). Заказчиком была предоставлена рабочая сила, инструменты для ведения землекопных работ, техника для освобождения территории от мусора, оставшегося после сгоревшего, а затем разобранного деревянного здания.

В результате раскопок впервые удалось проследить участок главной Московской Пробойной улицы, которая шла от центральной Московской воротной башни на запад в глубь города (ее ширина по документам достигала 12 м, максимальная ширина вскрытой в раскопе – 2,8 м). Она сооружена из мощных бревен, в отличие от мостовой, ведущей к Никольской башне и исследованной в 1990 г., сделанной из плах. Найдены две медные монеты XVIII в.

Бассейн Онежского озера

Прионежский район

При инвентаризации памятников в районе Шелтозера в 2005 г. (Т. П. Амелина, В.Ф. Филатова) осмотрен комплекс поселений, насчитывающий 28 стоянок и 3 могильника. Установлено, что в настоящее время они активно разрушаются в результате хозяйственной несанкционированной деятельности (строительство предприятий, рыболовных избушек, дач), поэтому необходимо предпринять меры по их спасению.

Пудожский район

В районе Бесова Носа (Н. В. Лобанова, В. Ф. Филатова) определены географические координаты для 33 памятников: на мысе Кладовец Нос – 14 памятников (13 стоянок и могильник); на Бесовом Носу – 10 (стоянки и местонахождения, включая разрушенные); в устье р. Черной (правый берег) – 4, левый берег – 1 памятник; Гажий Нос – 1 стоянка; Пери Нос – 2; Карецкий Нос – местонахождение. Кроме того, зафиксированы координаты 13 наскальных групп: Бесов Нос (центральное и северное скопление петроглифов), Пери I–IV, VI–VII, Гажий, Карецкий, Кладовец, Корюшкин Нос (островок в устье р. Черной), о. Модуж. В 2004 г. при выяснении сохранности стоянок Первомайские I–III и Усть-Водла I–V (Н. В. Лобанова) установлено, что Первомайские стоянки практически разрушены, в удовлетворительном состоянии находятся лишь Усть-Водла II–III.

Детально обследован п-ов Кочковнаволок с пятью группами петроглифов (более 200 изображений). Сфотографированы 32 петроглифа и скопированы ранее не зафиксированные 10 фигур на Лебедином Носе. Найдено новое изображение лося. На мысе Пери Нос VI отмечены контурное изображение лося и фрагмент неопределенной фигуры.

В 2003 г. в районе д. Каршево на Мурмозере сбор археологических предметов на огородах и полях (в основном фрагменты тонкостенной белоглиняной керамики XVII–XVIII вв.), опрос местного населения, уточнение микропонимии (Т. П. Амелина, С. И. Кочкуркина) позволили локализовать на местности шесть

сельских поселений-деревень, упомянутых в писцовых книгах XVI–XVII вв.

В 2004 г. проводились спасательные раскопки разрушающегося поселения Бесов Нос VIII (Т. П. Амелина, В. Ф. Филатова). Вскрыто около 20 м². Удалось выявить частично сохранившийся деревянный настил с остатками печи-каменки от постройки, возможно, рыболовецкого стана XVI–XVII вв. Собраны железные крючки, рыба чешуя, фрагменты жабр. Встречены обрезки и обрывки бересты, фрагменты плетеных берестяных изделий.

Медвежьегорский район

Археологические работы в районе п. Повенец организованы в 2003 г. сотрудниками сектора археологии (М. Г. Косменко, Н. В. Лобановой, И. Ф. Витенковой, В. Ф. Филатовой, Ю. Н. Гуковой) с целью проведения инструментальной топографической съемки памятников, определения их границ, уточнения старых планов, а также поисков новых поселений. Сделаны топографические планы 32 памятников у п. Пиндуши, 7 поселений Сандермоха и могильника. Для 50 памятников определены географические координаты. Обнаружены и зафиксированы 3 памятника в районе Пиндуши. На одном из них (Пиндуши XXVII) вскрыто 16 м².

Бассейн Белого моря

Муезерский район

А. Ю. Тарасовым в ходе разведки обследованы берега озер Новинка, Момсезеро, Калмозеро и Суккозеро. Обнаружены и зафиксированы памятники: пять – на Новинке, один – на Момсезере, три – на южном берегу Калмозера и столько же – на Суккозере. Памятники в разной степени разрушены. Большинство датируются эпохой мезолита.

Беломорский район

На беломорских петроглифах вместе с археологами работала группа из Кембриджского университета (Англия). Целью исследования являлась реконструкция древней природной среды. С помощью норвежских приемов поиска наскальных изображений

выявлено более 200 отдельных фигур на Старой Залавруге и не менее 10 – на безымянных островах р. Выг.

На базе всероссийского образовательного лагеря для школьников «Школа первобытных ремесел» на Сумозере, организованного и финансируемого Карельским государственным краеведческим музеем, А. Ю. Тарасовым проведены эксперименты и изготовлены 30 эталонов для трасологического анализа. На 13 эталонах из кремня и лидита получены следы от работы по камню (сланцу), на 3 – следы от работы по сухому дереву, на 6 – по сухому рогу и кости, на 5 – следы от работы по сырой рыбе, включая резание (потрошение) и скобление (снятие чешуи) и пр.

Калевальский район

В ходе разведки (А. Ю. Тарасов) на Юлярви и Алаярви, входящих в крупную озерно-речную систему с озерами Нижнее, Среднее и Верхнее Куйто, обнаружены три стоянки: Юлярви II–III (полностью разрушена), датирующиеся эпохой мезолита, и Энонсу VI.

Карельский берег Белого моря Кемский, Лоухский районы

Карельский берег Беломорья от Кеми и вдоль побережья примерно на 200 км до сих пор не был обследован археологами, поэтому археологическая разведка (Н. В. Лобанова) охватила не только прибрежные участки и острова, но и наиболее перспективные места озерно-речных систем, связанных с Белым морем. Выявлены поселения и местонахождения отдельных вещей каменного века (14): Гридино (одно местонахождение), оз. Рыбное (поселение и два местонахождения), Соностров I (поселение с 20 жилищными впадинами), Соностров I, II (два поселения и местонахождение), Сонозеро I (поселение и два местонахождения), Кумозеро I–III. Два саамских могильника обнаружены на о. Бережные Лехлуды и у Сонреки. Каменные сооружения в виде овалов (жилища?), сейдов, ям общим числом около 12 зафиксированы на островах Тапаруха, Сыроватка, Большой Робьяк.

В 17 км к западу от с. Гридино на р. Мурашева найдено древнее поселение Мурашева I. В шурфах (8 м²) собраны косточки и

кварцевые предметы. Датировка памятника затруднена. Местонахождение кварцевых предметов отмечено в устье р. Мурашева при ее впадении в оз. Позенское, а также в устье р. Гридинка, на берегу морского фьорда. На оз. В. Кумозеро обнаружены восемь местонахождений каменного века.

Раскопано одно из 20 жилищ на стоянке Соностров I (вскрыто 58 м²), расположенной в 2 км к северо-западу от бывшей д. Соностров, у правого берега безымянного ручья. Раскопанное жилище относится к эпохе позднего энеолита с уникальными для Карелии каменными конструкциями очагового характера. Собрана асбестовая керамика с плоскими днищами и редуцированным орнаментом, орудия из кварца и кальцинированные косточки.

В окрестностях бывшей д. Соностров проведены дополнительные разведки, которые привели к открытию еще трех доисторических стоянок с жилищами. На одной из них четыре жилища расположены в один ряд, на второй – семь жилищ в один ряд, на третьей выявлена одна впадина. Здесь в шурфе найдена неолитическая ямочно-гребенчатая керамика. В целом комплекс древних поселений с жилищами в Сонострове представляет собой редкий случай для северной Карелии.

В процессе разведки по морскому побережью Карельского берега, к востоку от о. Олений (Калгалакшская губа Белого моря, в 14 км восточнее д. Калгалакша) разбирались погребения под каменными насыпями. Вскрыты два безы Inventарных погребения: сохранились черепа и фрагменты скелетов. Один из захороненных, видимо, обернут в бересту. Датируются, вероятно, эпохой Средневековья, не позднее XV в. На северном побережье о. Бережные Лехлуды обнаружены еще три каменных сооружения наподобие каменных ящиков и мегалитическое сооружение кольцевидной формы непонятного назначения. На маленьком островке Лоушко (к северу от Лехлуд) выявлен менгир, на северо-восточной оконечности о. Олений – каменный очаг.

Проведена разведка на ряде островов, расположенных к северу от о. Олений. На о. Могильный (другое название Ятко-луда, в 4 км южнее Гридино) открыт комплекс каменных сооружений, аналогичный известным на архипелаге Кузова, в частности на

о. Олешин. Они представляют собой отдельные каменные кучи различного диаметра и высоты, каменную стенку длиной 22 м и небольшие менгиры (3) высотой около 1 м, вкопанные в почву и обложенные камнями по кругу диаметром 6 м.

На мысе Кирбей в 4 км к северу от с. Гридино исследована еще одна полуразрушенная безынвентарная могила под каменной кучей с небольшими фрагментами костей. Здесь же обнаружены два менгира. Еще севернее, у мыса Пурнаволок, расположенного в 8 км севернее Гридино, найдены могила под каменной кучей и небольшой менгир. Неподалеку выявлены каменные кучи, аналогичные кузовским и соловецким (не менее 10, часть их разрушена) и необычное сооружение, представляющее собой конструкцию из плоских каменных плит длиной 4 м в виде лаза с крышей (камни на крыше хорошо подобраны и плотно уложены). Это сооружение соединено с большой и глубокой ямой диаметром более 3,5 м и глубиной более 1 м. Аналоги пока неизвестны. На мысе Шоломбродский (примерно в 13 км севернее Гридино) зафиксированы два каменных очага и кольцевидные сложения.

Археологическая разведка на побережье Чупинского залива Белого моря и приустьевой части впадающей в Белое море р. Кереть проведена А. Ю. Тарасовым. Обнаружены пять поселений: селище Мельничная и стоянки Кереть XVI–XXI. Стоянки датируются в основном эпохой мезолита – неолита, селище – Средневековьем.

На поселении Кереть XIX в 2005 г. вскрыто 32 м². Найдено около 50 индивидуальных предметов, преимущественно нуклеусов и скребков из кварца, и сотни отщепов из кварца, халцедона и сланца. Расчищены четыре кострища. Памятник имеет довольно мощный культурный слой, что позволяет считать его долговременным поселением, датирующимся, предположительно, эпохой мезолита.

В 2005 г. М.Г. Косменко продолжил поиски археологических памятников на западном берегу Белого моря от оз. Кивиканда до южного берега Чупинского фьорда, включая Пежостров. На северном берегу бухты Глубокая вскрыта одиночная могила в виде каменного ящика, прислоненного к крупному валуну. Погребенный, ориентированный в направлении северо-запад – юго-восток, лежал на спине со скрещенными на животе руками. В могиле

найден венчик позднесредневекового гончарного сосуда и кусочек слюды. Обнаружено также одиночное полуземляночное жилище прямоугольной формы размерами 10 x 6 м глубиной до 0,6 м, которое названо Соностров VI. Точная датировка и принадлежность полуземлянки не установлены (в шурфе найден кварцевый отщеп), однако, судя по высоте расположения, это одно из самых ранних жилищ в районе Сонострова.

На поселении Соностров IV Н. В. Лобановой раскопано 36 м². Выявлено небольшое жилище подпрямоугольной формы, вытянутое в направлении север – юг, площадью 12 м² с двухкамерным каменным очагом в центре и выходом в южную сторону. Еще один овальный каменный очаг расчищен в 2 м к северу от впадины. В жилищной впадине собраны орудия и отщепы из кварца и фрагмент асбестовой керамики с гребенчатыми оттисками, датирующиеся эпохой раннего металла, рубежом III–II тыс. до н.э.

На поселении Соностров V вскрыто 64 м². В раскоп вошла впадина от древнего жилища и межжилищное пространство. Жилище подпрямоугольной формы площадью около 22–24 м² вытянуто по линии северо-запад – юго-восток. В торцовых стенах оно имело два выхода, в которых находились сложенные из небольших камней кострища. Третье кострище обнаружено в центре жилой постройки. Собраны обломки фрагментов ямочно-гребенчатого сосуда, изделия из кремня (наконечник стрелы, обломок ножевидной пластинки, отщепы), кварцевые отщепы и кальцинированные кости животных. Памятник можно датировать эпохой развитого неолита, второй половиной IV тыс. до н.э.

Архангельской область

Онежский район

По приглашению руководства национального парка «Водлозерский» М. Г. Косменко осуществил археологическую разведку на Нюхчозере и Керажозере в северной части парка. Ранее эти озера археологами не обследовались, но представляют определенный интерес. Они занимают особое географическое положение, находясь на водоразделе бассейнов Белого моря (Нюхчозеро) и Водлозера – Онежского озера (Керажозеро). Это крайние верхние

озера в озерно-речных системах рек Нюхчи и Илексы, которые в древности были почти смыкающимися водными путями. Вопрос о том, насколько плотно и в какие периоды древнейшей истории были заселены эти водораздельные озера, оставался открытым.

Несмотря на явный недостаток времени, удалось осмотреть значительную часть незаболоченных участков побережья Нюхчезера и Керажозера. В результате на Нюхчезере обнаружены три древних поселения: однослойное с керамикой сперрингс раннего неолита, два зимних поселения эпохи мезолита с остатками жилищ-полуземлянок; и на Керажозере – два поселения позднего неолита – раннего энеолита. Собраны фрагменты керамики, каменные изделия, кремневые, сланцевые и кварцевые отщепы, кости животных.

Семинар, выступления на конференции

На научной конференции «Евразия. Этнокультурное взаимодействие и судьбы» (Москва, 2004 г.) были прочитаны и опубликованы следующие доклады: Т. П. Амелина «Археологические памятники Поморского берега Белого моря в эпоху Средневековья»; И. Ф. Витенкова «Археологические культуры позднего неолита на территории Карелии: проблемы происхождения, взаимодействия и этнической принадлежности»; М. Г. Косменко «Проблемы этнической истории и смены археологических культур бронзового века – раннего средневековья в Карелии»; С. И. Кочкуркина «Историко-культурное наследие народов Карелии эпохи Средневековья»; Н. В. Лобанова «К вопросу о культовых местах древних саамов на территории Карелии (по материалам археологических разведок 2000–2003 гг.)»; А. И. Тарасов «Индустрия каменных макроорудий в энеолите Карелии: к вопросу о становлении специализации в производстве»; В. Ф. Филатова «К вопросу о характере взаимодействия культур мезолита и неолита в Карелии».

В процессе выполнения проекта весьма важным этапом было проведение теоретического семинара, на котором обсуждались актуальные вопросы этноисторической тематики и пути их решения. В итоге появился сборник статей «Проблемы древней этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – Средневековье)».

Руководитель проекта **С. И. Кочкуркина**

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д. А.*, 1967. Археология СССР. М.
Аграрная история северо-запада России XVI в., 1974. Л.
- Аксянова Г. А.*, 2003. Финноязычные народы Северо-Западной России по данным физической антропологии. Соматология // Прибалтийско-финские народы России. М.
- Аксянова Г. А.*, 2004. Итоги расовосоматологического изучения финноязычных народов северо-запада России // Расы и народы. М.
- Алексеев В. П.*, 1969. Происхождение народов Восточной Европы. М.
- Алексеев В. П.*, 1974а. Антропологические аспекты исследования этногенеза финно-угорских народов // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.
- Алексеев В. П.*, 1974б. Близкий к современности краниологический материал по финно-угорским народам, их расовая дифференциация и этногенез // Там же.
- Алексеев В. П.*, 1977. Этногенетические предания, лингвистические данные, антропологический материал // Этническая история и фольклор. М.
- Алексеев В. П.*, 1984. Физические особенности мезолитического и раннеолитического населения Восточной Европы в связи с проблемой древнего заселения этой территории // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л.
- Алексеев В. П.*, 1986. Этногенез. М.
- Алексеев В. П., Гохман И. И.*, 1984. Результаты экспертизы надежности краниометрических показателей антропологических материалов из могильника на Южном Оленьем острове (в связи с их сохранностью и особенностями реставрации) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Северной Евразии. Л.
- Алексеева Т. И.*, 1997. Неолитическое население лесной полосы Восточной Европы // Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок). М.
- Алексеева Т. И., Круц С. И.*, 2002. Древнейшее население Восточной Европы // Восточные славяне: антропология и этническая история. М.
- Амброз А. К.*, 1965. Раннеземледельческий культовый символ «ромб с крючками» // СА. № 3.

Амелина Т. П., 2003. Средневековые поселения в районе Бесова Носа (по археологическим и письменным источникам) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск.

Амирханов Х. А., 2002. Восточнограветтские технологические элементы в материалах поздней поры верхнего палеолита Поочья // Верхний палеолит – верхний плейстоцен. СПб.

Аникович М. В., 1998. Днепр-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпитаграветту» // Восточный граветт. М.

Анфертьев А. Н., 1993. Прологомены к изучению этнической истории // Этнос и этнические процессы. М.

Аристэ П. А., 1956. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // ВЭИЭН.

Арутюнов С. А., 1982. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.

Арутюнов С. А., 1989. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.

Арутюнов С. А., Хазанов А. М., 1979. Проблема археологических критериев этнической специфики // СЭ. № 6.

Архипов Г. А., 1967. Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н.э.) // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Афанасьев А. П., 1985. Западные и юго-западные границы гидронимов пермского типа // Тр. ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 36. Сыктывкар.

Бадер О. Н., 1972. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. М.

Баранцев А. П., 1976. К вопросу о происхождении южнокарельских диалектов // Происхождение Карелии. Йоэнсуу.

Бахта В. М., Сеньюта Т. В., 1972. Локальная группа, семья и узлы родства в обществе аборигенов Австралии // Охотники, собиратели, рыболовы: Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л.

Башенькин А. Н., 1986. Юго-Западное Белозерье во второй половине I – начале II тысячелетия н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Белков П. Л., 1993. О методе построения теории этноса // Этнос и этнические процессы. М.

Белорыбкин Г. Н., 2002. Основные итоги археологического изучения средневековой истории сурско-окского междуречья // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск.

Беневоленская Ю. Д., 1984. К вопросу о морфологической неоднородности краниологической серии из могильника на Южном Оленьем острове // Проблемы антропологии современного населения Севера Евразии. Л.

Беневоленская Ю. Д., 1990а. Краниологическая структура саамов Кольского полуострова и факторы ее формирования // Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов. Ижевск.

Беневоленская Ю. Д., 1990б. Расовый и микроэволюционный аспекты краниологии древнего населения Северо-Восточной Европы // Балты, славяне, прибалтийские финны: этногенетические процессы. Рига.

Богомолов Д. В., Томилов Н. А., 1981. Теоретические и методические аспекты археолого-этнографических исследований // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.

Боряз В. Н., 1976. Методологические предпосылки и принципы определения объекта археологической науки // Материалистическая диалектика и частные науки. Л.

Бромлей Ю. В., 1972. Еще раз о соотношении этнической и экономической общностей // СЭ. № 3.

Бромлей Ю. В., 1983. Очерки теории этноса. М.

Бромлей Ю. В., 1984. Теоретическая этнография. М.

Бромлей Ю. В., 1987. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.

Бромлей Ю. В., 1991. Этнические функции культуры и этнография // Этнознаковые функции культуры. М.

Брюсов А. Я., 1947. Белевская неолитическая культура // КСИА. № XVI. М.-Л.

Брюсов А. Я., 1952. Очерки истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.

Брюсов А. Я., 1956. Археологические культуры и этнические общности // СА. Т. XXVI.

Бубрих Д. В., 1947. Происхождение карельского народа. Петрозаводск.

Бубрих Д. В., 1971. Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 5. Л.

Бубрих Д. В., 1995. Из этнонимии Карелии // Ономастика Карелии: проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. Петрозаводск.

Бунак В. В., 1956. Человеческие расы и пути их образования // СЭ. № 1.

Бунак В. В., 1958. Об очередных задачах в изучении расообразования у человека // СЭ. № 3.

Бунак В. В., 1974. Балтийская антропологическая зона и вопросы финно-угорского этногенеза // Вопросы советского финноугроведения. Петрозаводск.

Верхний палеолит – верхний плейстоцен, 2002. СПб.

Винкурова И. Ю., 2001. Прионежье: этническая история ареала // Очерки исторической географии. СПб.

Витов М. В., 1962. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М.

Витов М. В., Власова И. В., 1974. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М.

Витенкова И. Ф., 1996а. Неолит. Культура сперрингс // АК.

Витенкова И. Ф., 1996б. Культура ромбоямочной керамики // АК.

Витенкова И. Ф., 1996в. Памятники позднего неолита с керамикой с письмью органики и асбеста // АК. Петрозаводск.

Витенкова И. Ф., 1996г. Культура гребенчато-ямочной керамики // АК.

Витенкова И. Ф., 2000. Древнейшая металлообработка эпохи раннего металла в Карелии // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск.

Витенкова И. Ф., 2002а. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск.

Витенкова И. Ф., 2002б. Изображения людей и птиц в неолите и энеолите Карелии // ТАС. Вып. 5.

Витов М. В., 1997. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. М.

Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н., 1959. Этническая антропология восточной Прибалтики // Тр. Прибалтийской экспедиции. Т. 2. М.

Волокитин А. В., 1997. Мезолит // Археология Республики Коми. М.

Воронин К. В., 1998. К вопросу о происхождении и развитии культуры сетчатой керамики бронзового века // ТАС. Вып. 3.

Восточный граветт, 1998. М.

Галимова М. Ш., 2001. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. Москва – Казань.

Гарден Ж.-К., 1983. Теоретическая археология. М.

Герасимов М. М., 1955. Восстановление лица по черепу // ТИЭ. Т. 28.

Герд А. С., 1979. К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л.

Герд А. С., 2001. Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии. СПб.

Герман К. Э., 1996. Культура сперрингс на территории Карелии // ТАС. Вып. 2.

Герман К. Э., 2001. Памятники с керамикой сперрингс в бассейне Онежского озера. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Герман К. Э., 2004. Проблемы хронологии начального этапа раннего неолита северо-восточной Фенноскандии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.

Гиппинг А.И., 1909. Нева и Ниеншанц. Ч. 1. СПб.

Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94.

Гохман И. И., 1984. Новые палеоантропологические находки мезолита в Каргополье // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л.

Гохман И. И., 1986. Антропологические особенности древнего населения Севера Европейской части СССР и пути их формирования // Антропология древнего и современного населения Европейской части СССР. Л.

Гохман И. И., 1994. Оленеостровский могильник на Онежском озере как источник расогенеза населения Северо-Запада России и Фенноскандии // Междунар. конференция, посвящен. 100-летию со дня рождения проф. В. И. Равдоникаса (тезисы). СПб.

Гумилев Л. Н., 1979. Этногенез и биосфера Земли. Вып. 1–3. Л.

Гумилев Л. Н., 2002. Этногенез и биосфера Земли. М.

Гурина Н. Н., 1956. Оленеостровский могильник // МИА. № 47.

Гурина Н. Н., 1961. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР // Там же. № 87.

Гурина Н. Н., 1970. Неолит лесной и лесостепной зон европейской части СССР // Там же. № 166.

Гурина Н. Н., 1973. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР // Там же. № 172.

Гурина Н. Н., 1974. К вопросу об обмене в неолитическую эпоху. Торговля и обмен в древности // КСИА. Вып. 138.

Гурина Н. Н., 1989. Мезолит Карелии // Мезолит СССР. М.

Гурина Н. Н., 1996. Культура гребенчато-ямочной керамики (прибалтийская) // Неолит северной Евразии. М.

Гусенцова Т. М., 2003. Керамика раннего неолита северо-востока Ленинградской области // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб.

Давыдова Г. М., 1979. Об участии древнеуральского населения в формировании западных финнов (по материалам антропологии) // Вопросы финноугроведения. Сыктывкар.

Давыдова Г. М., 1997. Древние антропологические типы в составе современного населения лесной зоны Восточной Европы // Единство и многообразие человеческого рода. М.

Дебец Г. Ф., 1961. О путях заселения северной полосы Русской равнины и восточной Прибалтики // СЭ. № 6.

Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А., 1952. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // Там же. № 1.

Деятова Э. И., 1976. Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в юго-западном Беломоре. Л.

Деятова Э. И., 1984. Палеогеография стоянок Шелтозера // Археологические памятники бассейна Онежского озера. Петрозаводск.

Деятова Э. И., 1986. Природная среда и ее изменения в голоцене (по побережью севера и центра Онежского озера). Петрозаводск.

Деятова Э. И., Лобанова Н. В., Филатова В. Ф., 1987. Палеогеография археологических памятников группы Пиндуши и Муромское. Петрозаводск.

Демидов И. Н., 2002. История развития ландшафтного заказника «Кузов» в Белом море в поздне- и послеледниковье // Культурное и природное наследие островов Белого моря. Петрозаводск.

Демидов И. Н., Лаврова Н. Б., Колканен А. М. и др., 2001. Палеоэкологические условия голоцена и освоение древним человеком побережья залива Вожмариха на юге Заонежского полуострова // Кижский вестник. № 6. Петрозаводск.

Денисова Р. Я., 1975. Антропология древних балтов. Рига.

Денисова Р. Я., 1997. Проблема наличия монголоидного компонента в составе древнего населения Восточной Европы // Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок). М.

Джарылгасинова Р. Ш., 1987. Теория этнического самосознания в советской этнографической науке (основные аспекты и проблемы) // СЭ. № 4.

Диалектологический атлас карельского языка. 1997. Хельсинки.

Дмитриева Т. П., Кочуркина С. И., 2000. Остров Большой Клименецкий: историко-культурный очерк // Кижский вестник. № 5. Петрозаводск.

Добролюбская Ю. А., 2003. Становление культурно-антропологической парадигмы в современной археологии // Credo New теоретический журнал. № 3.

Долуханов П. М., 2000. Истоки этноса. СПб.

Долуханов П. М., 2003. Неолитизация Европы: хронология и модели // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб.

Древний Олонец, 1994. Петрозаводск.

Древние охотники и рыболовы Подмосковья, 1997. По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное 1. М.

Дубынин А. Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.

Дьячок М. П., Шаповал В. В., 1986. Генеалогическая классификация языков. Новые исследования. Новосибирск.

Егоров В., 1930. Русская летопись о карелах // Карелия. Ежегодник КГМ за 1928 г. Петрозаводск.

Елина Г. А., Лукашов А. Д., Юрковская Т. К., 2000. Послеледниковье и голоцен Восточной Фенноскандии (палеораствительность и палеогеография). Петрозаводск.

Жербин А. С., 1956. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск.

Желтова М. Н., 1994. Некоторые технолого-морфологические характеристики наконечников свидерского облика // Экспериментально-трассологические исследования в археологии. СПб.

Желтова М. Н., 2000. Некоторые технико-морфологические особенности свидерской индустрии // ТАС. Вып. 4. Т. I.

Жербин А. С. 1990. Из истории знакомства с Карелией в Финляндии. Путешествия А. Альквиста (50-е гг. XX в.) // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск.

Жилин М. Г. 1993. Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. М.

Жилин М. Г., 1996. Наконечники стрел «шигирского» типа в мезолите и раннем неолите Восточной Европы // ТАС. Вып. 2.

Жилин М. Г., 2002а. К вопросу о пионерном заселении Южной Карелии и Финляндии в раннем голоцене // ВКГКМ. Вып. 2. Петрозаводск.

Жилин М. Г., 2002б. Охота и рыболовство в Волго-Окском междуречье в эпоху мезолита: По материалам торфяниковых поселений // Северный археологический конгресс (доклады). Екатеринбург – Ханты-Мансийск.

Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энговатова А. В., 2002. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. М.

Жиров Е. В., 1940. Заметки о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова // КСИИМК. Вып. С1.

Жульников А. М., 1999. Энеолит Карелии: Памятники с пористой и асбестовой керамикой. Петрозаводск.

Жульников А. М., 2003. Древние жилища Карелии. Петрозаводск.

Жульников А. М., Спиридонов А. М., 2003. Древности Петрозаводска. Петрозаводск.

Журавлев А. П., 1983. Мезолитическое поселение Пегрема VIII // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.

Журавлев А. П., 1986. Поселение с керамикой льяловского типа в Занежье // СА. № 1.

Журавлев А. П., 1991. Пегрема: Поселения эпохи энеолита. Петрозаводск.

Зайков П. М., 2001. Языковые особенности паданского диалекта карельского языка // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск.

Зайцева Г. И., Тимофеев В. И., Загорская И., Ковалюх Н. Н., 1997. Радиоуглеродные даты памятников мезолита Восточной Европы // Радиоуглерод и археология С¹⁴. Вып. 2. СПб.

Зализняк А. А., 2004. Древненовгородский диалект. М.

Заринов И. Ю., 2000. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // ЭО. № 2.

Заринов И. Ю., 1997. Исторические рамки феномена этничности (по поводу статьи С.В. Чешко «Человек и этничность») // ЭО. № 3.

Здравосмыслов А. Г., 1998. «Священность» этноса или релятивизм национальной конструкции? // Социологический журнал. № 3/4.

Зеленин Д. К., 1929. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности // Сб. ЛОИКФУН. Вып. 1.

Земляков Б. Ф., 1935. Работы на строительстве Беломорско-Балтийского канала // ИГАИМК. Вып.109.

Зимица М. П., 1996. Мстинская культура // Неолит северной Евразии. М.

Зубов А. А., 1982. Географическая изменчивость одонтологических комплексов финно-угорских народов // Финно-угорский сборник. М.

Иванищев А. М., Иванищева М. В., 2000. Тудозеро V – поселение позднего мезолита – раннего неолита в Южном Прионежье // ТАС. Вып. 4. Т. I.

Иванищева М. В., Иванищев А. М., 2004. Хронология памятников раннего неолита Южного Прионежья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.

Иванов С. В., 1963. Орнамент народов Сибири как исторический источник // ТИЭ. Т. 81.

Иностранцев А. А., 1882. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. 2001. Петрозаводск.

Ишмуратова Г. Р., 1975. Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии // СА. № 1.

Казанцев Д. Е., 1979. Истоки финно-угорского родства. Йошкар-Ола.

Карелия в XVII веке: Сб. документов, 1948. Петрозаводск.

- Карпелан К.*, 1979. Финские саамы в железном веке // Финно-угры и славяне. Л.
- Карпелан К.*, 1982. Ранняя этническая история саамов // Финно-угорский сборник. М.
- Кирпичников А. Н.*, 1980. Древний Орешек. Л.
- Кларк Дж. Г. Д.*, 1953. Доисторическая Европа: Экономический очерк. М.
- Клейн Л. С.*, 1970. Проблема определения археологической культуры // СА. № 2.
- Клейн Л. С.*, 1978. Археология и этногенез (новый подход) // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван.
- Клейн Л. С.*, 1988. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу // СЭ. № 4.
- Клейн Л. С.*, 1991. Археологическая типология. Л.
- Клейн Л. С., Микляев С. С., Пиотровский Ю. Ю., Хейфиц О. И.*, 1970. Дискуссия о понятии «археологическая культура» в проблемном археологическом семинаре Ленинградского ун-та // СА. № 2.
- Козлов В. И.*, 1979. Этнос и культура (к проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры) // СЭ. № 3.
- Козлов В. И.*, 1992. Между этнографией, этнологией и жизнью // ЭО. № 3.
- Козлов В. И.*, 1995. Проблематика «этничности» // ЭО. № 4.
- Козловская М. В.*, 1998. Древнейшее население лесов Восточной Европы: палеоэкологические аспекты исследования // ТАС. Вып. 3.
- Кошаров Н. В.*, 2002. Этничность. Этнос. Нация. Национализм // Credo New теоретический журнал. № 4.
- Кольцов Л. В.*, 1989а. Введение // Мезолит СССР. М.
- Кольцов Л. В.*, 1989б. Мезолит Волго-Окского междуречья // Там же.
- Кольцов Л. В.*, 2000. Варианты развития культурных общностей мезолита Северной Европы // ТАС. Вып. 4. Т. I.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г.*, 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья. М.
- Корчагин П. А.*, 2002. Интеграция в рамках исторических дисциплин: горизонты и ограничения // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск.
- Косарев М. Ф., Кузьминых С. В.*, 2000. К проблеме поисков уральской прародины // ТАС. Вып. 4. Т. I.
- Косменко А. П.*, 2002. Традиционный орнамент финноязычных народов северо-западной России. Петрозаводск.
- Косменко М. Г.*, 1977. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. Вып. 149.

Косменко М. Г., 1978. Стоянки мезолитической эпохи на Кенто-Костомукшской озерной системе // Мезолитические памятники Карелии. Петрозаводск.

Косменко М. Г., 1992. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск.

Косменко М. Г., 1993. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб.

Косменко М. Г., 1996а. Основные проблемы и задачи теории и методики изучения древностей Карелии // АК.

Косменко М. Г., 1996б. Культура лууконсаари // АК.

Косменко М. Г., 1996в. Культура с керамикой «арктического» типа // Там же.

Косменко М. Г., 1996г. Культура сетчатой керамики // Там же.

Косменко М. Г., 1996д. Позднебеломорская культура // Там же.

Косменко М. Г., 1996е. Бронзовый век // Там же.

Косменко М. Г., 1996ж. Поселения охотничье-рыболовецких культур // Там же.

Косменко М. Г., 1999. Смена культур и проблемы этнической истории бронзового века – раннего средневековья в Карелии // Важнейшие результаты научных исследований КарНЦ РАН. Петрозаводск.

Косменко М. Г., 2003. Проблемы датирования и хронология памятников Карелии (каменный, бронзовый, железный века) // РА. № 4.

Косменко М. Г., Витенкова И. Ф., 1980. Мезолитический слой поселения Муромское VII // СА. № 4.

Косменко М. Г., Кочкуркина С. И., 1996. Вопросы истории населения древней Карелии // АК.

Косменко М. Г., Манюхин И. С., 2000. Древняя металлургия и металлообработка в охотничье-рыболовецких культурах эпохи железа и раннего средневековья в Карелии // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск.

Косорукова Н. В., 1998. Памятники типа Андозеро М в бассейне Шексны // ТАС. Вып. 3.

Косорукова Н. В., 2000. Мезолитические памятники в бассейне р. Шексны // Там же. Вып. 4. Т. I.

Кочкуркина С. И., 1975. Рец. на кн.: Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. // СА. № 2.

Кочкуркина С. И., 1982. Древняя корела. Л.

Кочкуркина С. И., 2000. Железообрабатывающее ремесло у древних карелов и вепсов в эпоху средневековья // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск.

Кочкуркина С. И., 2001. Сельские поселения и монастыри XV–XVII вв. (Онежско-Ладожский водораздел) // Музей и краеведение на Европейском Севере. Петрозаводск.

Кочкуркина С. И., 2004. Народы Карелии: история и культура. Петрозаводск.

Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., 1988. Поселения эпохи средневековья // Поселения древней Карелии. Петрозаводск.

Кравцов А. Е., 1998. К вопросу о генезисе иеневской культуры // ТАС. Вып. 3.

Кравцов А. Е., Спиридонова Е. А., 1996. О возрасте и природном окружении стоянок иеневской культуры в Тверском Поволжье // Там же. Вып. 2.

Крайнов Д. А., 1981. К вопросу о происхождении волосовской культуры // СА. № 2.

Крайнов Д. А., 1987. Волосовская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Крайнов Д. А., 1991. К вопросу о происхождении культур с ямочно-гребенчатой керамикой // Археология Верхнего Поволжья. Н. Новгород.

Крайнов Д. А., Лозе И. А., 1987. Культуры раннего бронзового века Прибалтики и лесной полосы Европейской части СССР // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., 1977. Верхневолжская неолитическая культура // СА. № 3.

Крижевская Л. Я. 1996. Балахнинская культура // Неолит Северной Евразии. М.

Кузьминых С. В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.

Кузьминых С. В., 2001а. Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск.

Кузьминых С. В., 2001б. К проблеме поисков финно-угорской прародины // Там же.

Кузьминых С. В., Напольских В. В., 1994. Рец. на кн.: Патрушев В.С. Финно-угры России. 1992 // Финноугроведение. Йошкар-Ола. № 1.

Куклин А. И., 1997. Палеотопонимия Волго-Камья и Карелии // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Петрозаводск.

Кюришунова И. А., 1995. Названия лиц по местности в деловой письменности Карелии XV–XVII вв. // Ономастика Карелии. Петрозаводск.

Лаврова М. А., Демидов И. Н., Спиридонов и др., 2005. Первые данные геолого-палинологических исследований // 10 лет экологическому

мониторингу музея-заповедника «Кижы». Итоги, проблемы, перспективы. Петрозаводск.

Лаушкин К. Д., 1968. Северный фольклор и наскальные изображения // Тез. докл. IV Всесоюз. конфер. по ист., экон., языку и лит. Скандинавских стран и Финляндии. Ч. 1. Петрозаводск.

Лебедев Г. С. 1979. Археологический тип как система признаков // Типы в культуре. Л.

Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н., 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса) // СЭ. № 4.

Лескинен Х., 1976. Карелы и Саво с точки зрения исследователя языка // Происхождение Карелии. Йёнсуу.

Линтури Э., 1984. Зооморфные овально-выпуклые фибулы Финляндии и Приладожской Карелии эпохи крестовых походов // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.

Лобанова Н. В., 1993. К вопросу о датировке наскальных изображений побережья Онежского озера (по материалам ближайших археологических памятников) // ВКГКМ. Петрозаводск.

Лобанова Н. В., 1996а. Культура ямочно-гребенчатой керамики // АК.

Лобанова Н. В., 1996б. Карельская культура ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита (некоторые итоги изучения) // ТАС. Вып. 2.

Лобанова Н. В., 1997. Каргопольская керамика на поселениях Карелии // Археология Севера. Петрозаводск.

Лобанова Н. В., 2004. Хронология и периодизация памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Карелии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.

Логинов К. К., 2001а. Основные и «малые» этнографические зоны Заонежья XIX – начала XX в. // Очерки исторической географии. СПб.

Логинов К. К., 2001б. Этническая история восточного Обонежья и «этнографического» Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск.

Лозе И. А., 1985. Об основных центрах обработки и путях распространения восточнобалтийского янтаря в период среднего неолита // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин.

Лозовский В. М., 2003. Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Неолит и энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб.

Ляпунова Р. Г., 1972. К вопросу об общественном строе алеутов середины XVIII в. // Охотники, собиратели, рыболовы: Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л.

- Мамонова Н. Н.*, 1995. Палеоантропологические материалы мезолита северных регионов России (предварительное сообщение) // ВА. Вып. 88.
- Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д.*, 1989. Опыт датирования по C^{14} погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. № 1.
- Мамонтова Н. Н., Кочуркина С. И.*, 1982. О топонимии Северо-Западного Приладожья и сопредельных районов // Древняя корела. Л.
- Манюхин И. С.*, 1996. Позднекаргопольская культура // АК.
- Манюхин И. С.*, 2002. Происхождение саамов (опыт комплексного изучения). Петрозаводск.
- Марк К. Ю.*, 1956. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.
- Марк К. Ю.*, 1970. Этногенез финно-угорских народов в свете данных антропологии // ВФУ. Вып. V.
- Марк К. Ю.*, 1974. Соматологические материалы к проблеме этногенеза финно-угорских народов // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.
- Матвеев А. К.*, 1964. Субстратная топонимика русского Севера // ВЯ. № 2.
- Матвеев А. К.*, 1969. Происхождение основных пластов субстратной топонимики русского Севера // Там же. № 5.
- Матвеев А. К.*, 1970. Угорская гипотеза и некоторые проблемы изучения субстратной топонимики русского Севера // ВФУ. Вып. 5.
- Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX – начала XX в., 1981. Л.
- Мейнандер К. Ф.*, 1974. Проблема происхождения финно-угров по данным археологии // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.
- Мейнандер К.*, 1982. Финны – часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник. М.
- Мельничук А. Ф., Павлов П. Ю.*, 1987. Стоянка Горная Талица в низовьях р. Чусовой и проблема раннего мезолита верхнего Прикамья // Памятники древней истории Удмуртии. Ижевск.
- Мещерский Н. А.*, 1962. К изучению русских народных говоров на территории Карельской АССР // Уч. зап. Карельского пед. института. Т. XIII. Петрозаводск.
- Мещерский Н. А.*, 1964. Новгородские грамоты на бересте как источник исторического изучения прибалтийско-финских языков // Вопросы финно-угорского языкознания. М.-Л.
- Моора Х. А.*, 1950. Вопросы этногенеза народов советской Прибалтики по данным археологии // КСИЭ. Т. XII. М.

Моора Х. А., 1956. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // ВЭИЭН.

Мошинская В. И., 1976. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.

Муллонен И. И., 1991. Этноисторические мотивы топонимии Межозерья // Белозерская весь. Петрозаводск.

Муллонен И. И., 1994. Очерки вепсской топонимии. СПб.

Муллонен И. И., 1995. Заметки о топонимии Водлозерья // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск.

Муллонен И. И., 2001. Этнолингвистическая история Обонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск.

Муллонен И. И., 2002. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск.

Муллонен И. И., Мамонтова Н. Н., 1997. Следы времен минувших // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск.

Мюллер Р. Б., 1947. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск.

Напольских В. В., 1990. Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилеммы финно-угорской предистории) // Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов. Ижевск.

Напольских В. В., 1997а. Как Вукузе стал создателем суши. М.

Напольских В. В., 1997б. Введение в историческую уралистику. Ижевск.

Напольских В. В., 2004. Пять тысяч лет индоевропейско-уральских контактов: история изучения и проблемы // Евразия: Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы (тезисы). М.

Напольских В. В., Наговицин Л. А., 1990. Заметки о «кризисе жанра» в финноугроведении: к методологии этногенетических исследований // Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов. Ижевск.

Недомолкина Н. Г., 2004. Неолитические комплексы поселений Векса и Векса III бассейна Верхней Сухоны и их хронология // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.

Никитин В. В., 2002. Основные итоги изучения волосовской культуры в XX веке // ТАС. Вып. 5.

Никольская Р. Ф., 1976. Материальная культура карел как один из источников решения вопроса об этногенезе // Происхождение Карелии. Йёнссу.

- Ошибкина С. В.*, 1978. Неолит Восточного Прионежья. М.
- Ошибкина С. В.*, 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.
- Ошибкина С. В.*, 1996. Поздний неолит Карелии // Неолит северной Евразии. М.
- Ошибкина С. В.*, 1997. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.
- Ошибкина С. В.*, 1998. Археологическая характеристика мезолитических могильников Европейского Севера России // ВА. № 5.
- Очерки истории Карелии. 1957. Т. 1. Петрозаводск.
- Павлов П. Ю.*, 1997. Палеолит // Археология Республики Коми. М.
- Панкрушев Г. А.*, 1975. Турбинская керамика на древних поселениях Карелии // СА. № 3.
- Панкрушев Г. А.*, 1978. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1, 2. Л.
- Панкрушев Г. А., Журавлев А. П.*, 1966. Стоянка Вигаинаволок I // Новые памятники истории древней Карелии. М.; – Л.
- Патрушев В. С.*, 1987. К вопросу об этнической принадлежности Старшего Ахмыловского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Йошкар-Ола.
- Переписная книга 1646–1647 гг. Заонежских погостов И. Писемского, Л. Сумина и подъячего Я. Еуфимьева // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 980.
- Переписная книга 1678 г. Заонежских погостов Н. А. Аничкова, И. А. Аничкова и подъячего И. Венякова // Там же. Кн. 1137. Ч. 1 (церковные земли и монастырские). Ч. 2 (черные земли).
- Песонен П. Э.*, 1978. Мезолитические стоянки Кандалакшского берега // Мезолитические памятники Карелии. Петрозаводск.
- Песонен П. Э.*, 1982. Мезолитическое поселение Суна XIII // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск.
- Песонен П. Э.*, 1984. Стоянка-мастерская в низовье р. Суны // Археологические памятники бассейна Онежского озера. Петрозаводск.
- Песонен П. Э.*, 1986. Стоянки в низовье р. Кереть // Новые данные об археологических памятниках Карелии. Петрозаводск.
- Петров К.*, 1886. Муромский монастырь // Олонецкий сборник. Вып. 2. Петрозаводск.
- Пименов В. В.*, 1965. Вепсы. М.-Л.
- Писцовая книга 1616–1619 гг. П. Воейкова и дьяка И. Льговского // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 8551.
- Покровская И. П.*, 1974. Население дореволюционной Карелии по материалам переписи 1897 г. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск.

- Полесских М. Р.*, 1970. Вопросы этногенеза мордвы в свете новых археологических открытий // ВФУ. Вып. 5.
- Попов А. И.*, 1949. Материалы по топонимии Карелии // Советское финноугроведение. Вып. 5. Петрозаводск.
- Пустай Я.*, 1994. Лингвистическая модель определения прародин уральских народов // Финноугроведение. Йошкар-Ола. № 1.
- Равдоникас В. И.*, 1930а. Проблемы изучения культур эпохи металла в Карелии // Карелия. Ежегодник КГМ за 1928. Петрозаводск.
- Равдоникас В. И.*, 1930б. За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. Т. 7. Вып. 3–4.
- Равдоникас В. И.*, 1934. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и в Юго-Восточном Приладожье // Там же. № 94.
- Равдоникас В. И.*, 1938. Наскальные изображения Белого моря. М.
- Равдоникас В. И.*, 1940. Археологические памятники западной части КФССР // КСИИМК. Вып. 7.
- Розенфельдт И. Г.*, 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.
- Рыбаков Б. А.*, 1979. Космогоническая символика «чудских» шаманских бляшек и русских вышивок // Финно-угры и славяне. Л.
- Рыбаков С. Е.*, 2000. О методологии исследования этнических феноменов // ЭО. № 5.
- Рыбаков С. Е.*, 2003. Этничность и этнос // Там же. № 3.
- Рычков Ю. Г., Балановская Е. В., Нурбаев С. Д., Шнейдер Ю. В.*, 2002. Историческая геногеография Восточной Европы // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.
- Савватеев Ю. А.*, 1977. Залавруга. Стоянки. Ч. 2. Л.
- Савватеев Ю. А.*, 1983. Наскальные изображения Карелии. Петрозаводск.
- Седов В. В.*, 1990. Прибалтийские финны // Финны в Европе VI–XV вв. Вып. 2. М.
- Седов В. В.*, 1997. Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация // Финноугроведение. № 2. Йошкар-Ола.
- Серебрянников Б. А.*, 1955. Волго-окская топонимика на территории европейской части СССР // ВЯ. № 4.
- Серебрянников Б. А.*, 1966. О гидронимических формантах -нъга, -юга, -уга, -юг // СФУ. 1.
- Серебрянников Б. А.*, 1967. Происхождение марийского народа по данным языка // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.
- Серебрянников Б. А.*, 1977. Общеязыковедческие аспекты теории волн И. Шмидта // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л.

Сидоров В. В., 1987. Отношение льяловской и волосовской культур // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция (тезисы). Т. II. Устинов.

Сидоров В. В., 1996. Мезолит бассейна р. Съежи // ТАС. Вып. 2.

Сидоров В. В., 1990. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варас Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. 1990. М.

Сидоров В. В., 1997. Взгляд на мезолит и неолит Карелии из Волго-Окского междуречья // Археология Севера. Петрозаводск.

Сидоров В. В., 2000. Этногенез финнов по данным лингвистики и археологии // ТАС. Вып. 4. Т. 1.

Синицина Г. В., 2000. Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // Там же. Вып. 4. Т. 1.

Синицина Г. В., Синицин А. А., 2002. Локальные варианты технокомплекса бrome // Верхний палеолит – верхний плейстоцен. СПб.

Смирнов А. С., 1991. Неолит верхней и средней Десны. М.

Соколовский С. В., 2003. Российская этнография в конце XX в. // ЭО. № 1.

Сорокин А. Н., 1990. Бутовская мезолитическая культура. М.

Сорокин А. Н., 1991. Поздние памятники бутовской культуры и проблема генезиса раннего неолита Волго-Окского междуречья // Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М.

Сорокин А. Н., 2002. Мезолит Жиздринского Полесья. М.

Сорокин П. А., 1992. Человек, цивилизация, общество. М.

Соколовский С. В., 2003. Российская этнография в конце XX в. // ЭО. № 1.

Спиридонов А. М., 1990. Заселение центра Челмужского Петровского погоста (по археологическим материалам X–XVI вв.) // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск.

Спиридонов А. М., 1995. Толвуйская земская изба XVIII – середины XIX вв. // Там же. Вып. 3.

Спиридонов А. М., 2001. Археологические культуры Прионежья от эпохи неолита до средневековья // Очерки исторической географии. СПб.

Спиридонов А. М., 2004. Средневековые поселения центра Толвуйского погоста // Кижский вестник. № 9. Петрозаводск.

Спиридонов А. М., Чернякова И. А., 1991. К проблеме топографии и размеров сельских поселений на северо-западе России в XV–XVII вв. (по письменным и археологическим материалам Заонежья) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера. Петрозаводск.

Спиридонова Е. А., Энгватова А. В., 1997. Палеоэкологические события атлантического периода и их связь с культурами неолита и энеолита по материалам поселения Воймежное 1 // *Древние охотники и рыболовы Подмосковья*. М.

Список населенных мест по сведениям 1873 г. Олонецкая губерния XXVII, 1879. СПб.

Стицын А. А., 1903. Последний период каменного века в Верхнем Поволжье // *ЗОРСА*. Т. 5. Вып. 1.

Ставицкий В. В., 1999. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза.

Суворов А. В., 1998. Могильник Минино на Кубенском озере (по результатам работ 1993 и 1996 г.) // *ТАС*. Вып. 3.

Суворов А. В., 2000. Ярусное погребение № 19 мезолитического могильника на памятнике Минино 1 // Там же. Вып. 4. Т. 1.

Тарасов А. Ю., 2003. Центр изготовления каменных макроорудий энеолитического времени на территории Карелии // *Археологические вести*. Вып. 10. СПб.

Тарасов А. Ю., 2004. Изменения сырьевой базы индустрии макроорудий в неолите – раннем железном веке на территории Карелии // *РА*. № 1.

Татаурова Л. В., 2002. Археология русских: проблемы и перспективы // *Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.* Ижевск.

Тимофеев В. И., 2004. К проблеме распространения древнейшей керамики на севере лесной полосы Восточной Европы // *Невский археолого-историографический сб.* СПб.

Титов Ю. В., 1972. О культуре сперрингс // *Археологические исследования в Карелии*. Л.

Тишков В. А., 1992. Советская этнография: преодоление кризиса // *ЭО*. № 1.

Тишков В. А., 1997. О феномене этничности // Там же. № 3.

Тишков В. А., 2003. Реквием по этносу. М.

Толстов С. П., 1930. К проблеме аккультурации // *Этнография*. № 1–2.

Томилов Н. А., 1987. Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск.

Томилов Н. А., 2004. К проблемам методологии некоторых частных исторических и смежных с ними наук // *ЭО*. № 1.

Третьяков В. П., 1967. Об уральских элементах на ямочно-гребенчатой керамике «геометрического стиля» // *КСИА*. № 111.

Третьяков В. П., 1972. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л.

Третьяков П. Н., 1961. У истоков этнической истории финно-угорских племен // СЭ. № 2.

Третьяков П. Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.

Филатова В. Ф., 1986. Жилые и хозяйственные постройки мезолитического поселения Оровнаволок IX // Новые данные об археологических памятниках Карелии. Петрозаводск.

Филатова В. Ф., 1988а. Мезолитические памятники Карелии // Поселения древней Карелии. Петрозаводск.

Филатова В. Ф., 1988б. Мезолитическое поселение Оровнаволок XII // СА. № 4.

Филатова В. Ф., 1991. Хронология и периодизация мезолита Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск.

Филатова В. Ф., 1996. Мезолит // АК.

Филатова В. Ф., 2002. Оленеостровский могильник в системе мезолитических поселений Карелии // Кижский вестник. № 7. Петрозаводск.

Филатова В. Ф., 2003. Мезолитические памятники Карельского побережья Белого моря // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. Петрозаводск.

Филатова В. Ф., 2004а. К вопросу о характере взаимодействий культур мезолита и неолита в Карелии // Евразия: Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы (тезисы). М.

Филатова В. Ф., 2004б. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск.

Формозов А. А., 1959. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М.

Формозов А. А., 1977а. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.

Формозов А. А., 1977б. О критике источников в археологии // СА. № 1.

Фосс М. Е., 1952. Древнейшая история Севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху // МИА. № 29.

Фриче В. М., 1929. Социология искусства. М.; Л.

Фукидид, 1993. История. М.

Хайду П., 1985. Уральские языки и народы. М.

Халиков А. Х., 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.

Халиков А. Х., 1970. Этническая принадлежность племен ананьинской культуры // ВФУ. Вып. 5.

Халиков А. Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.

Халиков А. Х., 1991. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Происхождение финно-язычных народов. Казань. Ч. 1.

Хартанович В. И., 2003. Прибалтийско-финские народы Северо-Западной России по данным физической антропологии. Краниология // Прибалтийско-финские народы. М.

Хить Г. Л., Долинова Н. А., 2000. Дерматоглифика и расогенез финно-угров Евразии // Антропология современных финно-угорских народов. М.

Чернецов В. Н., 1963. К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности // CSIFU. Budapest.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В., 1987. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Чернякова И. А., 1998. Карелия на переломе эпох. Петрозаводск.

Чешико С. В., 1994. Человек и этничность // ЭО. № 6.

Чистов К. В., 1972. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // СЭ. № 3.

Шахнович М. М., 1998. Памятники эпохи мезолита в Северной Фенноскандии (провинция Кайну) // ТАС. Вып. 3.

Шахнович М. М., 2000. Древнейший этап освоения человеком территории Карелии и Финляндии в период позднее и послеледниковья (к постановке проблемы) // Там же. Вып. 4. Т. 1.

Шипов А. Л., 1997. К происхождению гидроформанта –ен(ь)га в субстратной топонимии русского Севера // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Петрозаводск.

Шнирельман В. А., 1980. P. J. Watson. Archaeological Ethnography in Westen Iran // СА. № 4.

Шумкин В. Я., 1990. Истоки формирования народности саами // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л.

Шумкин В. Я., 1993. Ранний каменный век западной части Европейской Арктики (мезолит северной Скандинавии) // Древности северо-запада России. СПб.

Энговатова А. В., 1998. Хронология неолита Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 3.

Энговатова А. В., 2000. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Хронология неолита Восточной Европы: Тез. Докл. Международной конференции, посвящ. Н. Н. Гуриной 27 ноября – 2 декабря 2000 г. СПб.

Юшкова М. А. 2004. Памятники эпохи раннего металла в Нижнем Поволжье // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 18. Великий Новгород.

Якимов В. П., 1956. Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики // Балтийский этнографический сб. Тр. ИЭ. Т. XXXII.

Якимов В. П., 1958. О древней «монголоидности» в Европе // КСИЭ. Вып. XXVIII.

Якимов В. П., 1960а. Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове // Сб. МАЭ. Т. XIX.

Якимов В. П., 1960б. Горизонтальная профилированность лицевого отдела черепа у современных и древних людей // ВА. Вып. 4.

Якимов В. П., 1961. Население Европейской части СССР в позднем неолите и мезолите // Там же. Вып. 7.

Янитс Л. Ю., 1956. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР // ВЭИЭН.

Янитс Л. Ю., 1959. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин.

Ailio J., 1922. Fragen der russischen Steinzeit // SMYA. N 39.

Albert de la Chapelle, 1999. Geenimutaatit Suomen väestön juurten tutkimuksissa // Pohjan poluilla. Suomaelaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Helsinki.

Ames K. M., 1985. Hierarchies, stress, and logistical strategies among hunter-gatherers in Northwestern North America // Prehistoric hunter-gatherers: The Emergence of cultural complexity. Orlando, San Diego, New York, London.

Andrefsky W. Jr., 1998. Lithics: Macroscopic Approaches to Analysis. Cambridge.

Apel J., 2001. Daggers knowledge and power: The social aspects of flint dagger technology in Scandinavia (2350–1500 cal BC). Uppsala.

Arnold J. E., 1993. Labor and rise of complex hunter-gatherers // Journal of Anthropological Archaeology. N 12.

Aspelin J. R., 1885. Suomen asukkaat pakanuuden aikana. Helsinki.

Bar-Yosef O., Vandermeersch B., Arensburg B. et al., 1992. The excavations in Kebara Cave, Mt Carmel // Current anthropology. Vol. 33. N 5.

Barth F., 1969. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organisation of Culture Differences. Bergen, Oslo, London.

Baumann T., 2004. Defining Ethnicity // SAA Archaeological Record. Vol. 4. N 4.

Binford L. R., 1965. Archaeological Systematics and the Study of Cultural Process // AA. N 31.

- Bourdieu P.*, 1977. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge.
- Boydston R. A.*, 1989. *A cost-benefit study of functionally similar tools // Time, energy and stone tools*. Cambridge.
- Brown J. A.*, 1985. *Long-term trends to sedentism and emergence of complexity in the American Midwest // Prehistoric hunter-gatherers: The Emergence of cultural complexity*. Orlando, San Diego, New York, London.
- Brown J. A., Price T. D.*, 1985. *Complex hunter-gatherers: Retrospect and prospect // Ibid*.
- Bulkin V. A., Klein L. S. and Lebedev G.S.*, 1982. *Attainments and problems of Soviet archaeology // WA. Vol. 13. N 3*.
- Carpelan C.*, 1994. *Katsaus saamelaistumisen vaiheisiin – tutkimusongelmia kartoittava essee // Tietolipas. N 131*.
- Carpelan C.*, 1998. *Arkeologinen näkökulma Fennoskandian varhaisasutuksen ja uralilaisten juuriin // Kaitio. N 1*.
- Carpelan C.*, 2000. *Essay on archaeology and languages in the western end of the Uralic zone // CSIFU. Vol. I. Tartu*.
- Carpelan C.*, 2001a. *Late Palaeolithic and Mesolithic Settlement of the European North – Possible Linguistic Implications // MSFOu. N 242*.
- Carpelan C.*, 2001b. *Zur zeitgenössischen archäologischen Forschung in Finnland // FUF. Vol. 56*.
- Carpelan C. and Parpola A.*, 2001. *Emergence, Contacts and Dispersal of Proto-Indo-European, Proto-Uralic and Proto-Aryan in Archaeological Perspective // MSFOu. N 242*.
- Cohen A.*, 1974. *Introduction: The Lesson of Ethnicity // Urban Ethnicity*. London.
- Cresswell R.*, 1990. *«A new technology» revisited // Archaeological review from Cambridge. Vol. 9. N 1. Technology in the humanitis*.
- Dobres M.-A.*, 2000. *Technology and Social Agency: Outlining a Practice Framework for Archaeology*. Oxford.
- Dolukhanov P. M.*, 1998. *The Most Ancient North-Europeans: Consensus in sight? // RPNE. Vol. I*.
- Edmonds M.*, 1990. *Description, understanding and the «chaîne opératoire» // Archaeological review from Canbrige. Vol. 9. N 1. Technology*.
- Emberling G.*, 1997. *Ethnicity in Complex Societies: Archaeological Perspectives // Journal of Archaeological Research. Vol. 5. N 4*.
- Fewster D.*, 1999. *The Invention of the Finnish Stone Age. Nationalism, Politics and Archaeology // Dig it all. Helsinki*.
- Geertz C.*, 1963. *The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States // Old Societies and New States*. New York.

Graves P., 1994. Flakes and ladders: what the archaeological record cannot tell us about the origins of language // *WA*. Vol. 26. N 2.

Guglielmino C. R., Piazza, A., Menozzi P., Cavalli-Sforza L. L., 1990. Uralic genes in Europe // *American Journal of Physical Anthropology*. N 83.

Grönlund E., Simola H., Alenius T. et al., 1997. Paleoecological studies of three small lakes in western Lake Ladoga region. University of Joensuu, Publication of Karelian Institute. N 117.

Hackman A., 1905. Die altere Eisenzeit in Finnland. Helsingfors. Vol. I.

Hampton O. W., 1999. Culture of stone: sacred and profane uses of stone among the Dani. Austin.

Hayden B., 1998. Practical and prestige technologies: The evolution of material systems // *Journal of archaeological method and theory*. Vol. 5. N 1.

Hayden B., Eldridge M., Eldridge A., Cannon A., 1985. Complex hunter-gatherers in interior British Columbia // *Prehistoric hunter-gatherers: The Emergence of cultural complexity*. Orlando, San Diego, New York, London.

Hayden B., Franco N., Spafford J., 1996. Evaluating Lithic strategies and design criteria // *Stone tools: theoretical insights into human prehistory*. New York, London.

Helskog K., 1980. The Chronology of the Younger Stone Age in Varanger, North Norway // *Norwegian Archaeological Review*. Vol. 7. N 2.

Hodder I., 1982. *Symbols in Action*. Cambridge.

Hodder I., 1991. *Reading the Past*. Current approaches to interpretation in archaeology. Cambridge.

Hurre M., 2003. Kampakeramikan jaksof Suomessa // *Karjalan synti*. Jyväskylä.

Isaacs H., 1974. Basic Group Identity: Idols of the Tribe // *Ethnicity*. Vol. 1.

Itkonen E., 1953–1954. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen // *FUF*. Bd. 31.

Itkonen E., 1960. Die Vorgeschichte der Finnen aus der Perspektive eines Linguisten // *UAJb*. Bd. XXXII. Heft 1–2.

Itkonen T., 1984. Suomessa puhutaan suomen kantasuomalaiset juuret // *Suomen väestön esihistorialliset juuret*. Helsinki.

Janhunen J., 2001. On the paradigms of Uralic comparative studies // *FUF*. Vol. 56. N 1–3.

Johnson J., 1996. Lithic analysis and question of social complexity: The Maya // *Stone tools: theoretical insights into human prehistory*. New York, London.

Joki A., 1973. Uralier und Indogermanen // *JSFOu*. N 151.

- Jones S.*, 1997. The archaeology of Ethnicity. Constructing identities in the past and present. London, New York.
- Jørgensen R.*, 1986. The Early Metal Age in Nordland and Troms // *Acta Borealia*. 2. Tromsø. Vol. 3.
- Jørgensen R.*, 1988. Spannforma leirkar. Opphavsproblemene sett fra en Nordskandinavisisk synsvinkel // *Viking*. Vol. 13. N LI.
- Jørgensen R. and Olsen B.*, 1988. Asbestkeramiske grupper i Nord-Norge 2100 f.Kr. – 100 e.Kr. // *Tromsø*. N 13.
- Julku K.*, 1968. Korela Semidesjatskaja. Kaltio. N 2.
- Julku K.*, 1997. Europe – arena for Finno-Ugric and Indoeuropean interaction. (Summary) // *IEM*.
- Karjalan synty*, 2003. Jyväskylä.
- Kirkinen H.*, 1963. Karjala idän kulttuuripiirissa. Bysantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan. Helsinki, Rauma.
- Kivikoski E.*, 1961. Suomen esihistoria // *Suomen historia*. Porvoo – Helsinki. Vol. I.
- Koivulehto J.*, 1991. Uralische Evidenz für die Laringaltheorie. Wien.
- Koivulehto J.*, 2001. Etymologie und Lehnwortforschung // *FUF*. Vol. 56. N 1–3.
- Korhonen M.*, 1996. History of the Uralic languages and the principle of lateral areas // *Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia*. Helsinki. N 223.
- Kosintsev A. G.*, 1991. Craniology of Finns, Lapps and other Uralic peoples // *Физическая антропология и традиционная культура финно-угорских народов*. М.
- Kosmenko A. P.*, 1996. The ornamentation of eastern Balto-Finnic peoples – a historical source // *Historia Fenno-Ugrica*. Oulu. Vol. I:1.
- Kosmenko M. G.*, 1996. The culture of Bronze Age Net Ware in Karelia // *FA*. XIII.
- Kosmenko M. G. and Manjuhin I. S.*, 1999. Ancient iron production in Karelia // *Ibid*. XVI.
- Kossinna G.*, 1909. Der Ursprung der Urfinnen und der Indogermanen und ihre Ausbreitung nach dem Osten. Vortrag gehalten am 18 Juli 1908 // *Mannus*. Bd I. Leipzig.
- Kossinna G.*, 1928. Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. 2 Teil. // *Mannus*. Leipzig. Bd. 6.
- Künnap A.*, 1997. The field of western connections for the Uralic languages. (Summary) // *IEM*.
- Laakso V.*, 2004a. Karjalan ensimmäiset vuosituhannet // *Muinaistutkija*. N 1.

Laakso V., 2004b. Coins, radiocarbon, and stratigraphy – dating methods and their problems in connection with inhumation graves of Kappelinmaki in Lappeenranta and other Karelian cemeteries // *Fenno-ugri et slavi* 2002. Museoviraston arkeologian osaston julkaisuja. N 10.

Larsson T. B., 1999. Symbols, divinities and the reproduction of social inequality // Marxistiska perspektiv inom skandinavisk arkeologi. Umeå.

Laszlo Jy., 1963. Die ältesten Epochen der uralischen Vorgeschichte // CSIFU. Budapest.

Lavento M., 2001. Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus // SMYA. N 100.

Lehtinen L., 1994. Mikkelin seudun kalmistot osana Savon varhaishistoriaa // Kolmistojen kerfomaa. Rautakauti nen Mikkelin soufuu idän ja lännen välises. Mikkeli.

Lehtosalo-Hilander P.-L., 1966. Rapukoristeisten solkien ajoituksesta // SM. N 73.

Lehtosalo-Hilander P.-L., 1973. Punahame-sinihuntu-monien mahdollisuuksien muinaispuvut // Väkanen. Vammala. N 2.

Lehtosalo-Hilander P.-L., 1980. Common characteristic features of dress-expressions of kinship or cultural contacts // *Fenno-ugri et slavi* 1978. Helsinki.

Lehtosalo-Hilander P.-L., 1988. Esihistorian vuosituhanet Savon alueella // Savon historia. Kuopio. Vol. I.

Lehtosalo-Hilander P.-L., 1994. Rautakautinen Mikkelin seudulla // Kalmistojen kertomaa. Rautakautinen Mikkelin seutu idän ja lannen välissä. Mikkeli.

Leskinen H., 1987. Pohjois-Karjalan murteet – silkkaa Savoaa vai katoavaa Karjala? // *Carelia rediviva*. Joensuu.

Leskinen H., 1989. Milton G. Nuñez's model from a linguistic perspective // FA. VI.

Leskinen J., 1999. Suomen murteiden synty // Pohjan poluilla. Suomalaisen juuret nykytutkimuksen mukaan. Helsinki.

Leskinen J., 2003. Karjalaisten kielimuotojen alkuperän arvoitus // Karjalan synty. Jyväskylä.

Ligi P., 1994. «Active slavs» and «passive finns»: a reply // FA. XI.

Luhov V., 1967. Die Suomusjärvi-kultur. Die Mittel- und Spätmesolithische zeit in Finland // SMYA. N 66.

Makkay J., 1990. New Aspects of the PIE and PU/PFU Homelands // CSIFU. Vol. 1/A.

Makkay J., 1997. A Hungarian amateur's idea of the origins of the Finno-Ugric peoples (Summary) // IEM.

Matiskainen H., 1987. Die mesolithische Steinzeit und die Chronologie im Binnenseengebiet Finnland // FA. IV.

Matiskainen H., 1989. Studies on the Chronology, Material Culture and Subsistence Economy of the Finnish Mesolithic (10000–6000 BP) // *Iskos*. Helsinki. N 8.

Matiskainen H., 1998. Early contacts and relations between the Indo-European and Fenno-Ugrian Peoples – Nationalism, Politics and Archaeology // *RPNE*. Vol. I.

McBryde I., 1979. Petrology and prehistory: Lithic evidence for exploitation of stone resources and exchange systems in Australia // *CBA Research Report*. N 23.

Meinander C.F., 1969. Dåvits // *FM*. N 76.

Meinander C.F., 1973. The problem of the Finno-Ugrian peoples' origin on the base of archaeological data // *Helsingin Yliopiston Arkeologian Laitos*. Moniste № 7.

Miettinen J., Grönlund E., Simola H., Huttunen P., 2002. Paleolimnology of Lake Pieni Kuuppalanlampi // *Journal of Paleolimnology*. N 27.

Moora H., 1958. Zur ethnischen Geschichte der ostseefinnischen Stämme // *SMYA*. N 59:3.

Muinaistutkija. Suomen arkeologinen seura ry. Helsinki. 1996/3,4; 2000/3, 4; 2001/1; 2003/2

Nash S., 1996. Is curation a useful heuristic? // *Stone tools: theoretical insights into human prehistory*. New York, London.

Nassaney M., 1996. The role of chipped stone in the political economy of social ranking // *Stone tools: theoretical insights into human prehistory*. New York – London.

Nevanlinna H.R., 1991. Population genetics of the Baltic-Finns // *Физическая антропология и традиционная культура финно-угорских народов*. М.

Niskanen M., 1997. The origin of Baltic-Finns from the physical anthropological viewpoint. (Summary) // *IEM*.

Niskanen M., 1998. The genetic relationships of Northern and Central Europeans in light of craniometric measurements and gene frequencies // *RPNE*. Vol. I.

Nissilä V., 1975. Suomen karjalan nimistö. Helsinki.

Nordquist P., 2001. Hierarkiseringsprocesser: Om Konstruktionen av social ojämlighet i Skane, 5500–1100 f. Kr. // *Studia Archaeologica Universitatis Umensis*. Umeå.

Nordman C. A., 1924. Karelska järnåldersstudier // *SMYA*. N 34.

Norio R., 1999. Mitä geenitutkimus voi kertoa suomalaisista? // *Pohjan poiluilla*. Suomaklaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Helsinki.

- Nuñez M.*, 1987. A model for the early settlement of Finland // FA. IV.
- Nuñez M.*, 1998. Old and new ideas about the origins of the Finns and Saami // RPNE. Vol. I.
- Odell G.*, 1996. Economizing behavior and the concept of «curation» // Stone tools: theoretical insights into human prehistory. New York, London.
- Odner K.*, 1985. Saamis (Lapps), Finns and Scandinavians in History and Prehistory. Ethnic Origins and Ethnic Processes in Fenno-Skandinavia // Norwegian Archaeological Review. Vol. 18. N 1–2.
- Olaussen D.*, 1983. Lithic technological analysis of the thin-butted flint axe // Acta Archaeologica. Vol. 53.
- Olaussen D.*, 2000. Talking axes, social daggers // Form, function & context: Material culture studies in Scandinavian archaeology. Lund: Almqvist & Wiksel International.
- Olsen B.*, 1985. Arkeology og etnicitet. Et teoretisk og empirisk bidrag // AmS-Varia 15. Arkeologi og etnisitet. Stavanger.
- Olsen B.*, 1991. Excavating the 1970s 10 years after // FA. VIII.
- Olsen B.*, 1994. Bosetning og Samfunn i Finnmarks Fornhistorie. Oslo.
- Olsen B., Kobylinski Z.*, 1991. Ethnicity in anthropological and archaeological research: a Norwegian-Polish perspective // Archaeologia Polona. Vol. 29.
- Parpola A.*, 1999. Formation of the Aryan branch of Indo-European // Language and Archaeology. London. Vol. 3.
- Pelegrin J.*, 1990. Prehistoric lithic technology: Some aspects of research // Archaeological review from Cambridge. Vol. 9. N 1.
- Philips P.*, 1979. Stone axes in ethnographic situations: some examples from New Guinea and the Solomon Islands // CBA Research Report. N 23.
- Pigeot N.*, 1990. Technical and social actors: Flintknapping specialists and apprentices at Magdalenian etiolles // Archaeological review from Cambridge. Vol. 9. N 1.
- Pirinen K.*, 1988. Savon keskiaika // Savon historia. Kuopio. Vol. I.
- Price T.D., Jacobs K.*, 1990. Olenii Ostrov: first radiocarbon dates from a major Mesolithic cemetery in Karelia. USSR // Antiquity. N 64/245.
- Pusztay J.*, 1997. A chain model for the origins of the Uralic peoples (Summary) // IEM.
- Pusztay J.*, 1998. Zur Entstehung des sprachlichen Bildes Nord-Eurasiens // RPNE. Vol. I.
- Pälsi S.*, 1938. Om gravfer med obrända lik // FM. N 45.
- Redei K.*, 1983. Die ältesten indogermanischen Lehnwörter der uralischen Sprachen // MSFou. N 85.

Rice P.M., 1996. Recent Ceramic Analysis. 1. Function, Style, and Origins // JAR. Vol. 4. N 2.

Roux N., 1990. The psychological analysis of technical activities: A combination to the study of craft specialization // Archaeological review from Cambridge. Vol. 9. N 1.

Sackett J.R., 1990. Style and ethnicity in archaeology: the case for isochrestism // The uses of style in archaeology. New directions in archaeology. Cambridge.

Saksa A., 1998. Rautakautinen Karjala. Joensuu.

Salminen T., 1998. Pohjoisten itämerensuomalaisten kielten ongelmia // MSFOu. N 228.

Salomaa R., Matiskainen H., 1985. New date on shoreline displacement and archaeological chronology in southern Ostrobothnia and northern Satakunta // Iskos. Helsinki. N 5.

Sammallahti P., 1977. Suomalaisten esihistorian kysymyksiä // Virittäjä. N 2.

Sammallahti P., 1989. A Linguist Looks at Saami Prehistory // Acta Borealia. N 2.

Scriven M., 1959. Truisms as the grounds for historical explanations // Theories of History. New York.

Schulz H.P., 1998. Suomen varhaismesoliittisen alkuperästä // Muinaistutkija. N 4.

Shanks M. and Tilley C., 1987. Social Theory and Archaeology. Cambridge.

Shanks M. and Tilley C., 1994. Re-Constructing Archaeology. London, New York.

O'Shea V., Zvelebil M., 1984. Oleneostrovski mogilnik: Reconstruction of the social and economic organization of prehistoric of ragers in Northern Russia // Antropol. Archaeology. Vol. 3.

Sheets D., 1975. Behavioral analysis and the structure of a prehistoric industry // Current anthropology. Vol. 16. N 3.

Shils E. A., 1957. Center and Periphery. Essays in Macrosociology // Selected Papers of E. Shils. Vol. VII. Chicago.

Shlandes N., 1990. Technigues as human actiontwo pershektives // Archaeological reviw from Cambudge. Vol. 9. N 1. Technology in the humanities.

Shnirelman V. A., 1996. The faces of nationalist archaeology in Russia // Nationalism and archaeology in Europe. Chapter 11. London.

Siiriäinen A., 1989. Archaeological Shore Displacement Chronology in Northern Finland // Iskos. Helsinki. N 2.

Simola H., 2003. Karjalan luonto ja ihminen // Karjalan synty. Jyväskylä.

Smith A. D., 1986. The Ethnic Origins of Nations. Oxford.

- Steinitz W.*, 1944. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus. Stockholm.
- Storli I.*, 1986. A review of archaeological research on sami prehistory // *Acta Borealia*. Vol. 1.
- Stout D.*, 2002. Skill and cognition in stone tool production: an ethnographic case study from Irian Jaya // *Current Anthropology*. Vol. 43. N 5.
- Strade N.*, 1995. Uralic, Germanic, Proto-European – the question of the earliest language border in north-western Eurasia // *CSIFU*. Jyväskylä.
- Strade N.*, 1998. An Interdisciplinary Approach to the Role of Uralic Hunters and Gatherers in the History of the Early Germanic Area // *RPNE*. Vol. I.
- Suhonen M.*, 2004. Karjala-romantiikkaa nykyarkeologian termein // *Muinaistutkija*. N 2.
- Taavitsainen J.-P.*, 1990. Ancient Hillforts of Finland // *SMYA*. N 94.
- Taavitsainen J.-P.*, *Ikonen L.*, *Saksa A.*, 1994. On early agriculture in the archipelago of Lake Ladoga // *FA*. XI.
- Taavitsainen J.-P.*, 1999. Etnisiteetin maarittelyn ongelmat ja savolainen kaskikulttuuri // Pohjan poluilla. Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Helsinki.
- Tallgren A. M.*, 1931. Suomen muinaisuus // *Suomen historia*. Porvoo. Vol. I.
- Tallgren A. M.*, 1937. The Arctic Bronze Age in Europe // *ESA*. Vol. 11.
- Tilley C.*, 1991. Comments on Klejn: Teoretical archaeology in the making // *FA*. VIII.
- Tomanterä L.*, 1994. Mikkelin pronssit // *Kalmistojen kertomaa*. Mikkeli.
- Torrence R.*, 1986. Production and exchange of stone tools: Prehistoric obsidian in the Aegean. Cambridge.
- Torrence R.*, 1989. Re-tooling: towards a behavioral theory of stone tools // *Time, energy and stone tools*. Cambridge.
- Torvinen M.*, 2004. The chronological position of Sär 1 Ware in the Neolithic Mileu // *Fenno-ugri et Slavi 2002. Dating and Chronology*. Helsinki.
- Trigger B. G.*, 1968. Beyond history: the method of prehistory. New York.
- Trigger B. G.*, 1986. Prospects for a world archaeology // *WA*. Vol. 18. N 1.
- Trigger B. G.*, 1989. A history of archaeological thought. Cambridge.
- Trigger B. G.*, 1994. Ethnicity: An appropriate concept for archaeology? // *FA*. XI.
- Uino P.*, 1997. Ansient Karelia. Helsinki.
- Vahtola J.*, 1980. Tornionjoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty // *Studia Historica Septentrionalia*. Vol. 3.
- Vahtola J.*, 1999. Saamelaisten esiintyminen Suomessa varhaishistoriallisten lahteiden ja paikannimien valossa // Pohjalan poluilla. Suomakaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Helsinki.

Valonen N., 1974. Suomen itäraja perinnerajana // Kalevalaseuran Vuosikirja. Porvoo, Helsinki. N 54.

Vilkuna J., 1998. Neljä vastausta kysymyksen «keitä me olemme» // Muinaistutkija. N 2.

Voionmaa V., 1915. Suomen karjalaisten heimon historia. Helsinki.

Vuorela I., Saarnisto M., 1997. Introduction of Agriculture in Valamo, Russian Karelia: paleoecology of Lake Niikkanlampi // Iskos. Helsinki. N 11.

Vuorela I., Lempiäinen T., Saarnisto M., 2001. Land use pollen record from the Island of Valamo, Russian Karelia // Annales Botanici Fennici. Vol. 38.

Westerholm M., 1930. Esihistoriallinen kalmisto Sairilanseudulla Mikkelin pitäjässä // SM. N 36.

Wiessner P., 1990. Is there a unity to style // The uses of style in archaeology. New directions in archaeology. Cambridge.

Wiik K., 1997. Uralic/Finno-Ugric fonetic substratum in Germanic. (Summary) // IEM.

Wiik K., 1998. Foreword // The roots of peoples and languages of Northern Eurasia. Tartu. Vol. 1.

Willems R., Adojaan M., Kivisild Tet al., 1998. Reconstruction of maternal lineages of Finno-Ugric speaking people and some remarks on their Paternal inheritance // RPNE. Vol. I.

Whittaker J. C., 1984. Flintknapping: Making and understanding stone tools. Austin.

Winkler M., 1996. Arkeologi och etnicitet. Tvarvetenskaplig forskning eller fruktlöst hypotesbyggande? Lund.

Wobst M., 1977. Stylistic Behaviour and Information Exchange // University of Michigan, Museum of Anthropology. Anthropological Paper. N 61.

Zagorskis F., 1987. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga.

Zerjal T., Dashnyam B., Pandya A. et al., 1997. Genetic relationships of Asians and Northern Europeans, revealed by Y-Chromosomal DNA analysis // American Journal of Human Genetics. N 60.

Zolotareva I. M., 1991. «Eastern» and «western» trends in formation of the principal type of the Fenno-Ugric peoples // Физическая антропология и традиционная культура финно-угорских народов. М.

Ylönen A., 1957. Jääsken kihlakunnan historia. Forssa. Vol. 1.

Äyräpää A., 1939. Katsaus Savon muinaisuuteen. Viidennet museopäivät Kuopiossa 1938. Helsinki.

Äyräpää A., 1955. Den yngre stenålderns kronologi i Finland och Sverige // FM. N 62.

СОКРАЩЕНИЯ

- АК** – Археология Карелии. Петрозаводск.
ВА – Вопросы антропологии. М.
ВКГКМ – Вестник Карельского государственного краеведческого музея.
ВФУ – Вопросы финноугроведения. Йошкар-Ола.
ВЭИЭН – Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.
ВЯ – Вопросы языкознания. М.
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. М. – Л.
ИЭ – Институт этнографии АН СССР. М.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М. – Л.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М. – Л.
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии. М.
ЛОИКФУН – Ленинградское отделение Института культуры по изучению финно-угорских народов. Л.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. СПб.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М. – Л.
ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 г. Л., 1930.
ОФУЯЗ – Основы финно-угорского языкознания. М.
РА – Российская археология. М.
СА – Советская археология. М. – Л.
СЭ – Советская этнография. М. – Л.
СФУ – Советское финноугроведение. Таллин.
ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь.
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР. М.
ЭО – Этнографическое обозрение. М.
АА – American Antiquity.
CSIFU – Congressus septimus internationalis Fenno-Ugristarum. Debrecen.
СВА – Council for British Archaeology.
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
FA – Fennoscandia Archaeologica. Helsinki.

FM – Finskt Museum. Helsingfors.
FUF – Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki.
IEM – Itämerensuomi – europalainen maa. *Studia Historica Fenno-Ugrica*. 2. Oulu.
JAR – Journal of Archaeological Research.
JSFOu – Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsinki.
MSFOu – Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. Helsinki.
RPNE – The Roots of Peoples and languages of Northern Eurasia. Turku.
SAA – Society for American Archaeology. New York.
SM – Suomen Museo. Helsinki.
SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki.
Tromura – Tromsø Museums Rapports. Tromsø.
UAJb – Ural-Altische Jahrbücher. Wiesbaden.
WA – World Archaeology. London.

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ
НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ
(мезолит – Средневековье)**

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

Редактор *Л. С. Баранцева*
Оригинал-макет *Т. Н. Люрина*

Серия ИД. Изд. лиц. № 00041 от 30.08.99 г. Сдано в печать. Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура Times. Печать офсетная. Уч.-изд. л. Усл. печ. л. 29,3. Тираж 500. Изд. № Заказ

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
Петрозаводск, пр. А. Невского, 50